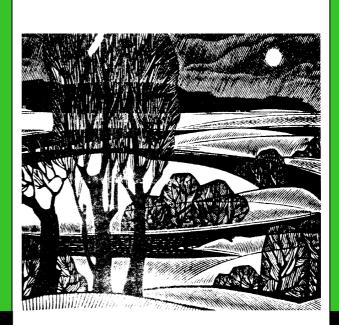

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

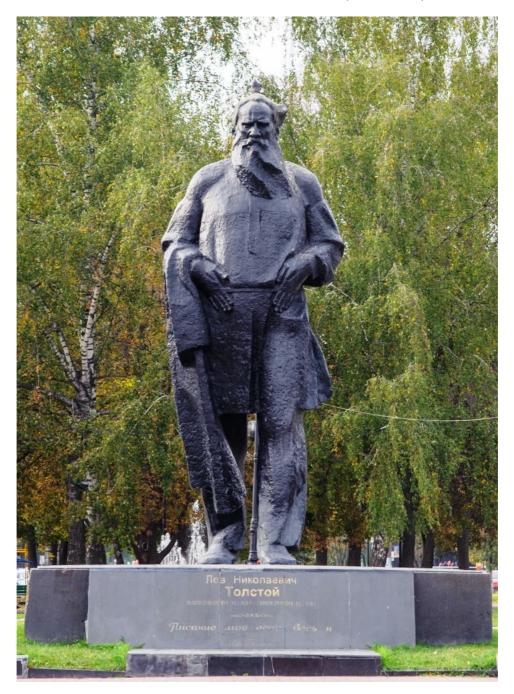
ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

4

2023

К 195-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ И МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОГО МЫСЛИТЕЛЯ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО (1828—1910)

Памятник Л. Н. Толстому в Туле (Толстовский сквер, проспект Ленина). Открыт 9 сентября 1973 года к 145-летию великого писателя. Авторы памятника: скульптор В. И. Буякин, архитектор А. И. Колчин. От Союза писателей СССР памятник открывал Владимир Солоухин.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» ЗА 2023 ГОД

Валерий Федорович Неудахин в номинации художественной прозы. Удостоен звания лауреата за публикации рассказов в №№ 1, 3, 4 2023 «ПЗ» и за активное участие во всероссийском литературном процессе. Лауреат родом из города Бийска Алтайского края. Почти тридцать лет прослужил в Советской и Российской армиях, по выходу в отставку работал в кадетской школе. В настоящее время редактор литературно-художественного, научного и историко-просветительского журнала «Бийский Вестник», издающегося под эгидой Союза писателей России. Литературной деятельностью занимается с армейских лет. Автор восьми книг прозы и одного поэтического сборника, публиковал свои рассказы во многих российских

журналах. Лауреат Православной литературной премии имени святителя Макария, митрополита Алтайского за 2022 год; дипломант ряда региональных, российских и международных литературных конкурсов.

Эдуард Георгиевич Побужанский в номинации поэзии. Удостоен звания лауреата за публикацию подборки стихотворений в № 2, 2023 «ПЗ» и «Personalia» в № 4, 2023 «ПЗ», а также за активное участие во всероссийском литературном процессе. Лауреат родом из Молдавии. По окончании с золотой медалью школы служил в Советской армии, далее окончил с отличием факультет журналистики Молдавского государственного университета и Высшие литературные курсы Литературного института им. А. М. Горького (семинар поэта Юрия Кузнецова). С 1993 года живет и работает в Москве. Основатель и главный редактор всероссийского поэтического издательства «Образ» (Москва). Автор пяти книг стихов, начиная с

первой: «Святосплетенья» (Кишинев, 1992). Стихотворения публикуются во многих журналах: «Москва», «Юность», «Приокские зори», «Север» и др. Член Союза писателей России, лауреат и дипломант ряда литературных премий. Награжден культурно-просветительскими медалями.

IPHOKSKUS 30PH

ПЕЧАТНЫЙ ОРГАН ТУЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД ИЗДАЕТСЯ В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЖУРНАЛ КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ 2023 — 4(71)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ЛИТЕРАТУРНОГО ШЕФ-РЕДАКТОРА	
Ветер истории: Понятные ассоциации к некоторым литературным юбилеям	3
КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ОЧЕРК, ПОВЕСТЬ	
Олеся Янгол, Виталий Ковалев. Дурак на холме (Записки плюшевого медвежонка)	19
Валерий Неудахин. Уход (главы из повести)	
Борис Григорьев. Шпицберген, блин! Арктическая фантасмагория	
Яков Шафран. Доморощенные чужеземцы (очерк)	
Алексей Яшин. Военная цивилизация (главы из повести)	
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ	
Илья Чесноков. Картошка в сметане	117
Ирина Резник. Везучая кошка	123
Николай Макаров. Полинкины рассказы о медицине	126
Николай Полотнянко. Значкист	131
Петр Любестовский. Мать солдата	138
Дмитрий Афенчук. Глупый воробушек (притча)	141
Сергей Калинин. Коварная Бурла	143
Сергей Салтыков. Удивительная благодарность	148
Юрий Жекотов. Два дубля с медведем в главной роли	152
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ	
Владимир Сорокожердьев. Форточка	157
Елизавета Баранова (Весина). Белым-бело	
Эдуард Побужанский. Personalia	172
Олег Пантюхин. Огонек души	176
Николай Тимохин. Из цикла «Поэзия семьи Бронте»	177
Анна Барсова. Из книг «Уральская роза», «Песни Мироздания»	
Евгений Трещев. Такова жизнь	188
Светлана Войтко. «Надежда на грани безнадежности»	193
Марина Полякова. Колокольно-молчальное	196

Ирина Никитина. Новые стихи	201
Вячеслав ДевятковИ под звездой пленительно счастливой	
Галина Таланова. «Здесь третий день стеной вода»	208
Виктор Медведев. В храме	
Аркадий Польшин. Два деда	
Андрей Овсянников. «На круги своя все вернется»	
Анфиса Третьякова. Детство	
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
Международный проект «Территория успеха: «Пегас» в журнале «Приокские зори»	
(материал подготовлен Геннадием Маркиным)	221
Игорь Карлов. Русский Стамбул. Столетие (очерк-реферат)	231
Валентин Огнев. Где же захоронен Ю. П. Лермонтов?	252
Вадимир Трусов. Однажды видел я во сне (о романе А. А. Яшина «Жизнь как сон»)	256
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЮБИЛЕИ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»	259
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ	260

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Ответственность за опубликованные материалы несут авторы. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — astashkin 55@mail.ru; поэзия — timohin63@yandex.kz; заказ журнала — elisafine@yandex.ru

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 922; e-mail и телефон: priok.zori@mail.ru; (4872)25-47-42

Литературный шеф-редактор Алексей ЯШИН, член Правления АРЛ Ответственный редактор-секретарь Яков ШАФРАН Ответственный оргредактор Николай ЖУКОВ, председатель ТО СПР Руководитель творческого совета журнала Геннадий МАРКИН

Релколлегия: Анатолий АВРУТИН (Минск, Белоруссия) Евгений АСТАШКИН (Омск) зав. отделом прозы Виктор БУЛАНИЧЕВ (Бийск, Алтай) Людмила ВОРОБЬЕВА (Минск, Белоруссия) Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) председатель Беллитсоюза «Полоцкая ветвь» Игорь КАРЛОВ (Стамбул, Турция) зав. отделом международных связей Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула) Вячеслав ЛЮТЫЙ (Воронеж) Николай МАКАРОВ (Тула) Олег ПАНТЮХИН (Щекино) Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) зав. отделом литературы Сибири Валерий САВОСТЬЯНОВ (Тула) Владимир САПОЖНИКОВ (Тула) Сергей СЕНИН (Тула) Евгений СКОБЛОВ (Москва) председатель Правления АРЛ Валентин СОРОКИН (Москва) Николай ТИМОХИН (Семипалатинск, Казахстан) — зав. отделом поэзии Вадимир ТРУСОВ (Санкт-Петербург) зав. отделом критики и литературоведения Александр ХАДАРЦЕВ (Тула) Леонид ХАНБЕКОВ (Москва) -Почетный президент АРЛ Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула) Художник Олеся ЯНГОЛ (Юрмала, Латвия) Редактор Валерий ДЕМИДОВ (Тула) WEB-мастер Виктор ХРОМУШИН (Тула) Секретарь Елизавета БАРАНОВА (Тула)

Информационная поддержка:

- журнал «Северо-Муйские огни» (Бурятия)
- журнал «Истоки» (Красноярский край)
- журнал «Бийский вестник» (Бийск, Алтай)
- журнал «Новая Немига литературная»
 - (Минск, Белоруссия)
- журнал «Западная Двина» (Минск, Белоруссия)
- альманах «Московский Парнас»
- газета «День литературы» (Москва)
- поэтическое издательство «Образ» (Москва)

Журнал издается Тульским отделением Союза писателей России при содействии Союза писателей России и при организационной поддержке Академии российской литературы (АРЛ) и Тульского госуниверситета.

Полные тексты журнала и его альманаха «Ковчег» публикуются на сайтах Интернета (в PDFформате):

http://www.pz.tula.ru

http://www.tro-spr.ru Портал «Журнальный зал»:

https://magazines.gorky.media/page/portal-zhz

Согласно постановлению Правления СПР, публикации в «Приокских зорях» засчитываются при приеме в СПР.

© «Приокские зори», 2023

КОЛОНКА ЛИТЕРАТУРНОГО ШЕФ-РЕДАКТОРА

ВЕТЕР ИСТОРИИ

Понятные ассоциации к некоторым литературным юбилеям

Ясно только одно, что порядок зарождения людей, всех этих разрядов и подразделений, должно быть, весьма верно и точно определен каким-нибудь законом природы. Закон этот, разумеется, теперь неизвестен, но я верю, что он существует и впоследствии может стать и известным.

Ф. М. Достоевский «Преступление и наказание»

◆ Понятно, речь пойдет о Сталине. О ком же еще сейчас говорить? Мигом вспомнился мой давний коллега по инженерной работе в «лихие девяностые», когда имя Генералиссимуса тоже с языков не сходило... хотя бы в противоположной нынешней, негативной оценке. Вот входит почтенный Иван Иванович Гражданников (ФИО ему, сироте, дали в детдоме во время Отечественной войны), умудренный опытом нелегкой и разнообразной в нашем отечестве жизни матерый инженер-оружейник в курилку поутру, засмаливает «Приму», усмехается. Мы, инженерная молодь, с вопросами: дескать, что так или не так по второму году первой капиталистической пятилетки? Он же отвечает: «Вчера прихожу с работы домой, а в почтовом ящике свежая «Литературка» — дочь, учительница, выписывает. Поужинал со стопкой «столичной», прилег на диванчик, развернул многостраничную газету посредине, а там, на весь разворот, заголовок: «Кто убил Лермонтова?» Сплюнул, читать не стал: кто убил? Разумеется, Сталин убил!»

А чему тут удивляться? Иногда ненароком взглянешь на телеэкран, а там актеры, играющие выдающихся политологов, вдумчивых историков-аналитиков, потомственных литературоведов (эти с бородками), запиаренных писателей, руководителей и президентов околонаучных фондов и центров... так вот все они хором, в унисон, а то и на два, три и более голосов, поют осанну Иосифу Виссарионовичу. Присмотришься к их вдохновенным лицам (по высшей ставке гонораров трудятся, ибо остепененные!) — ба! да это все те же, только обликом на три десятка лет помоложе, в девяностые годы на тех же телеэкранах, только без нынешних китайских цап*-причандалов, до хрипоты, до плескания друг другу в морду лица воды из стаканов, спорили: сколько десятков миллионов людей зарезал (именно зарезал!) Ленин и расстрелял Сталин — значит, гуманист: не резал, а просто стрелял... Что здесь сказать? На то и профессия актерская: платят за исполняемые роли, но не за пресловутые личные убежления.

Но как по-детски, взахлеб радовалась любому антисталинизму, вообще антисоветизму, сплошь либеральная столичная «антиллигенция»! Про которую намного заго-

^{*} От ЦАП — цифро-аналоговый преобразователь (термин радиоэлектроники).— Прим. авт.

дя, более чем за сто лет, сказал не в бровь, но в глаз Достоевский, что русский либерал потому ему и неприятен, ибо является не русским либералом.

Опять же припомнилась телетрансляция встречи эпатажного Эдуарда Лимонова с этой самой «антиллигенцией». Обмолвился он, что мечта его жизни — стать последним лауреатом Сталинской премии по литературе. Получив в ответ ледяную тишину зала, сам загрустил: понимаю, мол, не понравились вам мои слова...

Шутки шутками, но вот ваш покорный слуга имел серьезные шансы стать именно таким лауреатом. Когда к 130-летию со дня рождения Вождя была издана моя книга о нем*, то был приятно удивлен звонком от видного нашего литератора из правления Союза писателей России, известного организатора всероссийского литературного процесса (упоминать ФИО современников сейчас полагается некомильфо...), который сообщил, что рекомендует мою книгу — с хорошими шансами главное — на возобновляемую Сталинскую премию по литературе, оргкомитет которой сейчас формируется. Председателем его планируется Евгений Яковлевич Джугашвили, внук Сталина. Опять же нашелся долларовый миллионер-коммунист, обещающий взять на себя финансовую «нагрузку» под девизом: раньше на Сталинскую премию можно было жить!

Увы, восторг мой недолго длился: Евгений Яковлевич тяжело заболел, инсульт — наследственный недуг в роду Сталина, а миллионера-коммуниста поприжали с подачи «либеральной общественности». Чтобы «заиграть обиду», мой рекомендатель из руководства Союза писателей посодействовал отметить издание «Катехизиса идеалиста» менее экзотическим знаком внимания...

♦ А по части миллионеров-коммунистов ничего из ряда вон выходящего: в девяностых годах их, таких миллионщиков (не миллиардеров-олигархеров, те иной породы и природы...) имелось достаточно. Даже парочка хороших знакомых, бывших коллег по инженерному труду в тульской оборонке, в ряды таких вошли. Пригласив же менее удачливого в практической жизни приятеля, так и прозябающего конструктором, отобедать в братковской ресторации «Папа Бендер», раскрывали добрую русскую душу: «Я почему, Афанасьич, пошел в буржуины, так их разэтак? Надо же чемто заниматься по молодой еще энергии, раз промышленность в стране полностью загнобили! Опять же секретарша нашей районной комячейки, старушка почтенная, в полный восторг приходит, когда я «котлету бабла» партвзносов приношу в конце месяца...».

Так начиналась наша гибридная жизнь — опять же в унисон мировой глобализации, куда затащили-таки нас империалисты, разрушив советскую державу. В очередной раз в истории, не поняв «загадочную русскую душу», империалисты-глобалисты сменили долларовый пряник на военно-экономический кнут, ту же плетку-десятих-востку (по числу «пакетов экономических санкций»), не говоря уже о войне чужими руками — но своей англосаксонской головой, на пакости гораздой! История повторяется по диалектической спирали Гегеля — Энгельса (Маркс более на политэкономию напирал...): снова, как и при Иосифе Виссарионовиче, на Западе железный, огнедышащий занавес, на Востоке в ясную погоду с мыса Дежнева Аляска видна, а с самого южного острова Курильской гряды — остров Хоккайдо, который присоединить к СССР помешали Генералиссимусу америкосы. В протяженном же на семь часовых поясов южном подбрюшье затаилась сама себе на уме Азия: кто верх возьмет? Как тут не вспомнить Сталина? Деваться-то некуда.

...Впрочем чего агитировать «за советскую власть» — включите заполночь телеящик на канале, где самый популярный политкомментатор ведет свою «вечернюю» передачу. Он вам все дозволенное по полочкам разложит и разъяснит. Мы же о дру-

^{*} Яшин А. А. Катехизис идеалиста: Роман-размышление: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2010.— 373 с. (Библиотека журнала «Приокские зори») (В электронной форме на сайте www.pz.tula.ru).— Прим. авт.

гом: о понятных ассоциациях в связи с двумя негромкими литературными юбилеями этого года, так или иначе связанными с фигурой Сталина: явно или опосредовано. Это, соответственно, 150-летие со дня рождения видного французского писателя Анри Барбюса и 510-летие книги «Государь» Никколо Макиавелли. Ни много, ни мало, но вовсе не за уши притянуто.

Опять же немного отвлечемся на сегодняшние реалии, то есть на огорчительную всеобщую литературную малограмотность... равно как и на любую иную. Ныне напрочь забытый на родине и у нас Анри Барбюс, автор ряда романов — самый известный «Огонь» (1916), коммунист, организатор антифашистских конгрессов в защиту мира и культуры, в первую половину тридцатых годов был частым гостем в СССР, тем более, что еще Ленин высоко оценил его романы «Огонь» и «Ясность» (1919) о формировании революционного сознания масс во Франции в Империалистическую войну. Он и скончался в Москве в тридцать пятом году. Книги его издавались в СССР большими тиражами, причем независимо от «текущего курса нашей партии». Их и Владимир Ильич читал в советском издании и в составе двухсоттомной Библиотеки всемирной литературы, роскошного издания, предпринятого в 60—70-х годах издательством «Художественная литература», Барбюсу отвели полный том под номером 136 с романами «Огонь», «Ясность» и «Правдивыми повестями». Это высочайшее признание! Понятно, что с конца восьмидесятых годов романы Барбюса уже не издавались. Но последней его книге «Сталин» с подзаголовком «Человек, через которого раскрывается новый мир» (М.: «Художественная литература», 1936.— 355 с.; на моем экз. стоит штамп парткабинета Тульского горкома ВКП(б) Московской области — тогда Тульской области не существовало), понятно дело, повезло еще меньше. Названное издание вроде как и осталось единственным. Как и на родине Барбюса.

И исторические сочинения Никколо Макиавелли (1469—1527), занимавшего высокую должность секретаря Совета десяти Флорентийской республики, но с приходом к власти клана Медичи отстраненного и высланного в свое имение Сан-Кашано, а именно «История Флоренции» и «Рассуждения на первую декаду Тита Ливия», мало беспокоили в России, как говорится, царей, генсеков и иные власти. Лишь знаковому сочинению Макиавелли «Государь» (1513, опубл. в 1532 — в некоторых дореволюционных изданиях именовалось как «Князь») временами не везло: в некоторых католических странах вплоть до восемнадцатого века и в СССР его не издавали. Впрочем, причина одна: посягательство на христианскую, она же социалистическая («Моральный кодекс строителя коммунизма»), мораль. ...Поскольку сейчас просвещение широких масс, в том числе и историческое, ведется исключительно через телеэкран, то напомним эпизод из турецкого сериала «Великолепный век», которым канал «Домашний» отвлекал народ от тягостных раздумий в начале и в окончании известной (рукотворной) пандемии, когда султан Сулейман Первый Кануни (то есть Законник) изъявил желание ознакомиться с «Государем». Веницианские купцы книжку эту привезли в Стамбул, но на стол султана положили ее, стараясь не прикасаться голыми руками — от отвращения к содержанию.

По бытующему мнению — родом из времен первой, хрущевской, и второй, либеральной девяностых годов, волн антисталинизма — Отец народов постоянно держал «Государя» дореволюционного издания на своем рабочем столе в качестве ежедневного справочника — руководства к действию. Кстати говоря, во вторую волну к числу настольных книг наиболее ретивые обличители добавляли «Майн Кампф». Таковой был действительно издан в тридцатые годы в СССР крохотным тиражом (это как сейчас) с грифом «Для служебного пользования» — для ознакомления руководства ВКП(б) с понятной целью: чтобы успешнее противостоять врагу, надо знать его оружие (см. «Поднятую целину» М. А. Шолохова — слова есаула Половцева).

Дай волю, эти же обличители на взрыве волны антисоветизма-антисталинизма (то есть между чубайсовской прихватизацией и обвалом только что деноминирован-

ного рубля) запросто, ничтоже сумняшеся, могли бы положить на стол Генералиссимуса и «Лолиту» Набокова с «Эдичкой» того же Лимонова, будь они изданы до 1953 года...

Разумеется, «Государь» числится в списке пяти с лишком тысяч книг со сталинскими пометами, а с Анри Барбюсом Вождь встречался и пространно беседовал.

Итак, два негромких юбилея этого года в соотнесении с выдающейся личностью Иосифа Виссарионовича.

◆ «Сталин» Анри Барбюса в советском читательском обиходе продержался менее десяти лет. С середины пятидесятых годов был напрочь директивно изъят. Впрочем, уже через год-другой после издания в 1936 году «Сталин» Барбюса как-то ушел в тень, ибо многие имена, названные автором в позитиве, усилиями Ежова были «нивелированы»... С тех пор и поныне этой книги как бы не существовало; ни в каких справочных, энциклопедических изданиях, в предисловиях к изданию других книг Барбюса эта его работа даже намеками не упоминается... впрочем, нет! Как-то все в тех же девяностых годах разгула либерализма-антисоветизма встретил одно упоминание: лихой журналюга сравнил «Сталина» с «Кратким курсом истории ВКП(б)», а еще более со скандально известной книгой Лаврентия Берии*.

Ладно советские послесталинские и последующие, уже не советские времена; здесь все же сугубая идеология была и есть причиной замалчивания «Сталина» Барбюса. Но Европа-то с ее претенциозной демократией и священной свободой слова? — Почему же, словно сговорясь, такие гиганты, весь цвет европейской литературы, как Герберт Уэллс, Ромен Роллан, Бернард Шоу, Андре Жид с Лионом Фейхтвангером**, Эмиль Людвиг, в середине тех же тридцатых годов посетивших СССР, встречавшихся с Иосифом Виссарионовичем, другими крупными советскими руководителями, нескрываемо и убежденно признававшими себя (кроме Андре Жида, под маской объективизма мелочного критикана) сторонниками советского социализма и решающей роли Сталина в укреплении и дальнейшем движении страны... словом, ни один из них не упомянул знаковую книгу Барбюса. И вообще о его пребывании в Советском Союзе!

Вот такая интрига с несколькими неизвестными, причем из различных политических, идеологических и иных сфер, уже под девяносто лет как закрутилась, так и не имеет тенденции проясниться.

У всех названных выше европейских писателей, побывавших в СССР в тридцатые годы и оставивших свои впечатления в виде очерков, мемуаров, журнальных публикаций, а то и вовсе посвятивших этому пребыванию книги, как Барбюс, Жид и Фейхтвангер, доминируют — и коррелируют, конечно! — две темы: об общем положение дел в стране, ее несомненных успехах, невиданных достижениях, феномене воспитания нового, социалистического человека и политических процессах тридцать пятого — тридцать седьмого годов с их нарочитой показательностью. В основном акцент ставился на первой теме, а что касается «образцово-показательных» процессов, то здесь мнения разделялись: те же Барбюс и Фейхтвангер приводили аргументы о неизбежности, вроде как и необходимости такой чистки в руководстве советской страны; Андре Жид считал их чрезмерно строгими, не совсем логически объяснимыми, вредящими авторитету первой социалистической страны. Наконец, другие из названных писателей совсем не акцентировали внимание своих читателей на внутриполитической борьбе в СССР. Возможно, они просто опасались повредить столь понра-

^{*} Самое роскошное — это третье издание: Берия Л. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье (Доклад на собрании Тбилисского партактива 21—22 июля 1935 г.). 3-е изд.— М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1938.— 183 с.

^{**} Два взгляда из-за рубежа: Андре Жид. Возращение из СССР: Пер. с фр.; Лион Фейхтвангер. Москва 1937: Пер. с нем. / Предисл. А. У. Плутник; послеслов. Н. Я. Эйдельман.— М.: Политиздат, 1990.— 272 с.. ил.

вившейся им стране. Может и иные мотивы ими руководствовали... Но вернемся конкретно к «Сталину» Барбюса, последней книге крупнейшего французского писателя первой половины XX века.

◆ Эта книга вовсе не панегирик Вождю, хотя бы из-под пера автора и выходили строки навроде: «После смерти человек живет только на земле (по всей видимости, переводчик не совсем аутентично передал здесь образность французского языка? — А.Я.). Ленин живет всюду, где есть революционеры. Но можно сказать: ни в ком так не воплощены мысль и слово Ленина, как в Сталине. Сталин — это Ленин сегодня».

Барбюс — писатель яростный, один из лучших представителей европейских революционных писателей первой трети XX века, а от окончания века предыдущего за ним стоит выверенный реализм великой французской литературы. И его искреннее восклицание Сталиным — не столько персонификации, но признание заслуг его, взвалившего на свои плечи непосильный груз ответственности за огромную страну, совершающую невиданный доселе целенаправленный переход от одной общественно-экономической формации к другой, еще не апробированной Историей.

А упреки, прямое злословие относительно «переписывания» «Краткого курса ВКП(б)»? Их причина скорее в самих злопыхателях: своего рода социальный заказ... заказчики же слишком хорошо известны. Если и выискиваются на первый, неискушенный, взгляд определенные параллели, то только у тех, кто не понял ту сверхзадачу, которую Барбюс поставил себя, создавая «Сталина»: осознав грандиозность советского свершения, фактологически донести эту правду до европейцев, прежде всего соотечественников-французов. Ибо именно во Франции, цитадели буржуазного либерализма, в перерыве между Первой и Второй мировых войнах наблюдалось стойкое неприятие советского социализма. В особенности в среде мелких и средних буржуа-рантьеров, потерявших свои акции французского займа царю Николаю Второму, не признанного Советской Россией. В отличии, например, от догитлеровской, веймарской Германии, хорошо помнившей свое бурное революционное прошлое 1918—1920-х годов с ее стотысячными шествиями ротфронтовцев-коммунистов Тельмана и Советской Баварской республикой. Как и мадьяры помнили Советскую Венгрию, а итальянцы те же бурные годы и социалистическую программу Антонио Грамши, присвоенную потом Муссолини.

Самое существенное, что Барбюс со своим «Сталиным», другие прогрессивные французские писатели двадцатых-тридцатых годов во многом подготовили приход к власти во Франции социалистического правительства... увы, ненадолго и «смятого» началом Второй мировой войны.

...Это скорее советский читатель, знакомясь с только что вышедшей в 1936 году книгой Барбюса, мог в чем-то ассоциировать ее содержание с — условно говоря — «Кратким курсом». Но автор «Сталина», еще раз повторимся, писал преимущественно для зарубежного читателя. А ведь тогда все зарубежное, исключая Монголию и Тувинскую народную республику, было сплошь капиталистическим ареалом... или колониальным, для которого понятие осознанного чтения являлось, мягко говоря, абстрактным.

То есть Барбюс творчески изучил огромный материал по истории Советского Союза, Октябрьской революции, истории становления ВКП(б), документы социалистического строительства, все написанное (на европейских и русском языках) о Сталине. И, составив свое мнение, изложил свой взгляд на короткую еще историю СССР и роль Сталина в ее становлении. Для него Вождь не бронзовый бюст, но... лучше дадим слово самому Барбюсу в его книге: «Грандиозна задача воссоздать облик человека, так неразрывно слитого с работой мирового значения, образ политического бойца, сквозь который видны миры и эпохи. Следуя за ним по путям его жизни, мы вступаем на почву истории, мы бродим по нехоженным дорогам, мы соприкасаемся

с еще не опубликованными главами библии человечества. Документы стекаются, нагромождаются со всех сторон. Их слишком много, и слишком многое открывается перед нами в этих обновленных горизонтах. Приходится прорубаться сквозь факты и документы, приходится расчищать просеки в этой еще горячей, еще взволнованной и живой энциклопедии».

Только литературный классик мог столь образно сказать небольшим числом слов о долгом и многосложном пути крупнейшего политического деятеля XX века!

Книга написана с большей любовью к советской стране, к ее людям, к ее признанному Вождю, которому посвящены главы с характерными названиями: «Революционер царского времени», «Гигант», «Железная рука», «Человек у руля».

При чтении книги Барбюса, а она читается именно в один присест! и не только людьми с «направленным» историческим интересом, облик Сталина и его образ — это различные понятия — воспринимаются не сусальным «богом, царем и героем», но именно в контексте руководителя, организатора величайшего хода Истории — построения бесклассового государства, социума без атавизма частнособственничества, человека, пришедшего «в нужное время в нужном месте». Образ Сталина — его характер. «История его жизни — это непрерывный ряд побед над непрерывным рядом чудовищных трудностей. Не было такого года, начиная с 1917, когда он не совершал бы таких деяний, которые любого прославили бы навсегда. Это — железный человек. Фамилия дает нам его образ: Сталин — сталь*. Он несгибаем и гибок, как сталь. Его сила — это его несравненный здравый смысл, широта его познаний, изумительная внутренняя собранность, страсть к ясности, неумолимая последовательность, быстрота, твердость и сила решений, постоянная забота о подборе людей».

...Среди тысяч книг, рассказов, поэм и стихотворений о Сталине, от «километров» стихов Джамбула до восторженных строк и строф юного еще, начинающего поэта с сибирской станции Зима Евгения Евтушенко, «Сталин» Барбюса стоит совершенно особняком. Это не восторг и искреннее восхищение литературно-политического неофита, не отечественная «датская» поэзия и заказная (не Сталиным, конечно!) суконно-цинковая, одновременно сусально-слюнявая, проза, не апофеоз победителей в послевоенных кинофильмах. Тем более это не «Ленин у прямого провода» живописца Грабаря, в начале «хрущевской оттепели» переписавшего эту свою картину, заменив Сталина на управделами Совнаркома Бонч-Бруевича... Нет в «Сталине» и той нарочитой «серьезности по пустякам», как, например, Мариэтта Шагинян, писательница серьезная (это не тавтология!), советский классик, в своих «Четырех уроках у Ленина» многостранично повествует, как она постранично перелистывает книги из кремлевской библиотеки Владимира Ильича, фиксирует вроде как выцветшие карандашные точки и «галочки», возможно начертанные рукой Ленина, и размышляет: а что тот хотел сказать такими отметками? Объективизм и факты, личная позиция — вот движители «Сталина» Анри Барбюса.

◆ Главным объектом либеральной шизофрении «лихих» (во всех отношениях) девяностых годов, в частности, в отношении книг Барбюса, Андре Жида и Лиона Фейхтвангера об СССР тридцатых годов, конечно же было их отношение советской власти к оппозиции. Мы намеренно аппелируем к советской власти, вообще к руководству страны, а не используем пущенную мстительным Хрущевым формулировку «сталинские репрессии» и ее варианты: «сталинские лагеря», «сталинский террор», а

^{*} Как это ни странно, но нигде не встречал даже намеков на происхождение фамилии-псевдонима... а ларчик просто открывается: фамилия отца Сталина — осетинская (помните у Мандельштама: «Для него что ни казнь, то малина, и широкая грудь осетина». Издевательство, конечно, но хоть национальность верно указана...) — Джугоев, а по-осетински джуга — железо, сталь. Так что Сталин только перевел родовую фамилию на русский... Джугашвили же у его отца-сапожника — это огрузиненный вариант Джугоева, после переселения в Грузию.

также другие вариации, «воспетые» выдающимся сочинителем — пресловутым «вермонтским отшельником». Не слишком ли много персонифицируется в отношении Вождя и Генералиссимуса? Он и за «великий перелом», то есть создание индустриально-аграрной великой державы, ответственен, и за Отечественную войну с ее победой, и за борьбу с оппозицией, грозившей стать пятой колонной?

С другой стороны, все взвалив на Сталина, либеральная тусовка тем самым... возвела его на высочайший пьедестал личного величия! То есть заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибет. Сам бы Отец народов по этому поводу, набив знаменитую трубку табаком из переломленных папирос «Герцеговина флор» (сам курить в старших классах начинал с таких, в глянцевых черно-зеленых пачках...), усмехнувшись, переиначил бы ранее сказанные свои слова, дескать, не надо гнушаться брать у наших врагов то полезное, что пойдет на пользу Страны Советов... в том числе и в части пропаганды.

...И хотя, говоря словами Твардовского, «города сдают солдаты, генералы их берут», но вот Генералиссимус-то своей страны не сдал и еще треть мира от капитализма-империализма отлучил! Что-то и до сих пор в такой отлучке пребывает. Однако — к самой щекотливой теме: борьба ВКП(б) во главе со Сталиным с оппозицией.

Сам Иосиф Виссарионович (в беседе с Коллонтай) провидчески сказал, что после его смерти много мусора на его могилу (которую он обрел после выноса из мавзолея...) нанесут, но *ветер истории* его развеет. Понятно, он прежде всего имел в виду жестокую, беспощадную, но неизбежно-необходимую борьбу с внутренними врагами: генеральную чистку перед смертельной схваткой с врагом внешним. И Барбюс правильно, без интеллигентских слюнявых экивоков на «жестокость тирана» тогдашней либеральной Европы, которая уже через немногие годы будет лизать пятки Гитлеру и работать на фатерлянд и его вермахт, гестапо и СС тож, пишет о борьбе с оппозицией и роли Сталина в ней — о борьбе под его руководством.

Для слабо помнящих «Краткий курс», что под названием «История КПСС» преподавали в советских вузах, напомним: имели место схватки Сталина и ВКП(б) с оппозицией «в два приема», во второй половине двадцатых годов и в той же половине тридцатых... История! — как ты близка и далека одновременно? Вот недавно, по какому-то поводу, с мистическим восторгом сосчитал по годам и предкам своим и вышло, что я всего лишь в третьем поколении не родившийся крепостным! Хотя мать из архангельских поморов, где крепостного права никогда не было, но вот калужский дед отца хотя и не задолго до манифеста царя Александра Второго Освободителя (двойного: русских крестьян и балканских славян), но все же в крепости на свет появился. А вот я сам («с усам» и с бородой) и вовсе в первом поколении (!), родившийся не под царским скипетром: мать появилась на свет в разгар Империалистической, а отец, «разогревшись» парой стопок, обычно молчаливый, как истинный потомок старообрядцев, повеселев, с юмором называл себя царско-подданным... хотя бы всего четыре дня; на пятые сутки его младенчества царь Николай отрекся от престола.

...Это историко-лирическое отступление к тому, что отец мой — после тех же двух стопок,— вспоминал свое калужское детство второй половины двадцатых годов. Оставшись сиротой, жил в семье своей старшей сестры Полины, что уже была замужем за бравым старшиной-артиллеристом, значит моим (неродным) дядькой Лазарем Федоровичем, тоже из калужских староверов. А вспоминал отец за праздничным семейным столом, уже в тульское наше проживание, как он, третьеклассником, то есть в двадцать седьмом году, сидел со своими калужскими родичами перед домашней «радиоточкой», слушая выступление по местной радиотрансляции выступление Лазаря Федоровича, как раз только что переведенного по службе из артиллеристов в хозяйственное подразделение областного управления НКВД: там приглянулся по-крестьянски основательный, деловитый, сообразительный и мастеровитый старшина. А выступал он, член партии, по радио в обычной тогда ежедневной рубри-

ке... что-то навроде «Публичная чистка партийных рядов», а проще это называли «разоружением перед партией». Вот и дядька Лазарь, по воспоминаниям отца, рассказывал о своем тяжелом деревенском детстве, раннем начале трудового пути, службе в Рабоче-крестьянской красной армии, вступлении в ВКП(б), верным ленинцем (тогда имя Сталина еще не присовокупляли) которой он был, есть и будет...

Сидящий за тем же столом Лазарь Федорович (в Туле жили в одном доме), уже в запенсионном возрасте, охотно поддакивал: «Да-а, были, Афанасий, времена, чистили нас, партийцев, в кабинетах и перед всем народом!» И за тем же столом, может и в другой раз накрытым, дядька Лазарь, обычно осторожный в словах — двадцать лет службы в самых бдительных «органах» давали себе знать, — рассказывал, как в тридцать седьмом году ему, уже старшему лейтенанту хозяйственного управления ленинградского НКВД, довелось сопровождать эшелон этапируемых в Воркуту заключенных, в основном уголовников, заметил он,— на воркутинские шахты. А «выдернули» его, сугубого хозяйственника, на этот эшелон только потому, что в Ленинграде в ту зиму свирепствовал грипп, людей не хватало: перед летучей заразой особо болезненного штамма даже обладатели фуражек с малиновыми околышками «разоружены»... Много чего «из первых уст» узнавал я в студенческие годы от дядьки Лазаря в минуты его откровенности. А тому было о чем поведать, всю войну прослужившему в фронтовых частях НКВД главноуполномоченным по снабжению двадцати полков конницы этого ведомства, дослужившемуся до полковника и назначенного Берией в конце войны начальником лагеря для высших чинов немецких военнопленных, откуда «убыл» на одиннадцать лет отсидки по статье «за превышение власти»... Так и в интернете о нем обозначено.

Но именно от него я узнал о реалиях чисток в двадцатых и тридцатых годах, как от очевидца, а только им и следует доверять в части исторических событий, впоследствии неоднозначно, а порой и противоположно, трактуемых. «История — смейся и плачь», как метко сказал кто-то из выдающихся мыслителей.

◆ Вот и Барбюс главу «Война с паразитической оппозицией» начинает с борьбы руководства ВКП(б) с оппозиционерами в 1927 году... да собственно этим периодам и ограничивается, поскольку «Сталин» создавался Барбюсом в 1935 году, еще до начала троцкистско-зиновьевских процессов, которые, ввиду их санкционированной публичности, и вызвали столь широкий резонанс, негативный для авторитета советского государства.

«В 1927 году,— пишет Барбюс,— оппозиционеры повели по всему фронту широкое наступление против руководства ВКП(б) и Коммунистического Интернационала. Оппозиция не раз выступала и прежде, активизируясь в различных обстоятельствах... но теперь она развертывалась методически и агрессивно, по определенному боевому плану. Огонь сосредоточился на Сталине, и именно в Сталине с потрясающей силой воплотилась защита линии большинства партии».

Именно с борьбы с оппозицией двадцатых годов и начинается рост авторитета Сталина как главного, системного, говоря современным языком, организатора строительства СССР и борьбы с его врагами на многих фронтах: от идеологического до хозяйственного. Отметим, что этот этап борьбы с оппозицией можно, во-первых, назвать условно «мирным»; во-вторых, он шел и в глубь и вширь — по всей стране. Сразу вспоминается Лазарь Федорович с его личным «разоружением перед партией»... хотя бы никаких грехов за ним, простым воинским старшиной, не числилось.

Барбюс в своей книге прозорливо увидел в оппозиции второй половины двадцатых годов достаточно сильную, организованную структуру, достаточно неожиданную: «Мы узнаем, что крупные революционеры, ответственные партийные работники вдруг начинают выступать против собственной партии, как враги, и партия обходится с ними, как с врагами».

И дает свое понимание такого необычного явления: «Личные соображения (on-

позиционеров то есть.— А.Я.) играют в этом процессе гораздо менее значительную роль, чем может казаться... Это и придавало оппозиции большое значение, опасный размах: глубокие расхождения в понимании коммунистической теории вызываются расхождением... тенденцией. Уклон в практическом толковании теории, т.е. маркизма, неправильное понимание «своеобразия текущего момента» — может иметь неисчислимые последствия, может изменить направление всей политики. Ошибку в единичном факте можно исправить, как ошибку в вычислении. Но когда ошибочной является тенденция, то это уже глубокое искажение, начинающееся с самой основы, разрастающееся в геометрической прогрессии, влекущее за собой бесчисленные отклонения в деталях и способное не только привести к потрясениям, но и исказить историческую судьбу народа. Это — отклонение от линии великой, движущей партии. По своему происхождению оппозиция есть болезнь тенденций».

Далее идет всеобъемлющее объяснение роли Троцкого, как организатора и движителя оппозиции в СССР, даже из своего зарубежного далека.

Таким образом, «параллельно» читая «Сталина» и шестисотстраничный сборник трудов Иосифа Виссарионовича «Об оппозиции», дополняя это чтение собственным здравым умом и общем знанием советской и мировой истории, приходишь к выводу, достаточно близкому к объективной истине. А таковая непреложно гласит: «первая оппозиция» второй половины двадцатых годов полностью вписывается в формулу: классовая борьба обостряется по мере развития новой общественной формации, принадлежащую Гегелю (у нас — в смысловом пересказе), отвечающую его же, Гегеля, диалектическому закону единства и борьбы противоположностей. Заметим, что в периоды санкционированного антисталинизма (см. выше) эту гегелевскую формулу приписывали самому Сталину, с заменой слов «новая общественная формация» на «социализм». Понятно, поясняя, что «кровожадный отец всех народов» этим, якобы им сочиненным, высказыванием всего лишь хотел оправдать «свои преступления перед народом и человечностью». Ни много, ни мало.

И советская социалистическая формация с ее предтечей — Великой Октябрьской социалистической революцией, не является каким-либо исключением в историческом рассмотрении. Возьмите любой «революционный эпизод» в переходе от рабовладения к феодализму, а тем более от феодализма к буржуазному строю в Европе. Особенно хорошо документированный для Франции, всесторонне исследованный целым сонмом выдающихся историков: Мишле, Карлейль и с более громкими именами, в том числе и русскими: Грановский, Кропоткин, С. М. Соловьев и др. От Великой французской революции 1789-го года до наполеоновских войн и даже далее с всплесками реставрации на всю первую половину XIX века.

А в советской «зарубежной историографии», отнесенной к довоенным годам, когда собственно и состоялся Советский Союз с грядущим статусом мировой сверхдержавы, во многом, если не в основном, обязанный этим руководству Сталина, книга Барбюса является наиболее объективной в понимании сущности опережающего эволюционного хода Истории и роли ее руководителя, по сравнению с «Москвой 1937» Лиона Фейхтвангера и «Возвращением из СССР» Андре Жида, хотя бы тройка названных, на момент их пребывания в Советском Союзе, авторов книг о своих впечатлениях от поездки в страну победившего социализма, в те годы относилась к числу выдающихся европейских писателей. А Андре Жид в послевоенные годы и вовсе стал нобелевским лауреатом по литературе. Тогда эту премию присуждали истинно по творческим заслугам... не как сейчас ее дают гитаристам и политически, естественно антисоветски, ангажированным журналистам.

Как и «Сталин» Барбюса, книги Андре Жида и Лиона Фейхтвангера даже оголтелые наши «либералы головного мозга» девяностых годов не рискнули отнести по разряду социального заказа, тем более какой-либо коммерческой или идеологической выгоды: у всех троих и без того достаточно было литературно-общественных пьеде-

сталов. И рукой с пером не водили «агенты Кремля», что видно по полной свободе изложения. Как у Фейхтвангера: «Д е м о к р а т и ч е с к и й д и к т а т о р (это у автора подзаголовок к высказыванию.— A.Я.). «Чего вы, собственно, хотите? — спросил меня шутливо один советский филолог, когда мы говорили с ним на эту же тему.— Демократия — это господство народа, диктатура — господство одного человека. Но если этот человек является таким идеальным выразителем народа, как у нас, разве тогда демократия и диктатура не одно и то же?»

В книгах Жида и Фейхтвангера, в отличии от «Сталина» Барбюса, четко прочитывается, во-первых, традиции их национальных культур-характеров; во-вторых, их собственная литературная и социальная доминанта. Если Андре Жид с его преемственностью от французской литературы второй половины девятнадцатого века, написал свою книгу сугубо художественно-очерково, то у Фейхтвангера в полной мере сказалась методичность, как принадлежность к традициям немецкой творческой культуры... хотя бы сам он и не был немцем по происхождению, отчасти и воспитанию.

Но здесь существеннее «во-вторых». Если Фейхтвангер как прибыл в СССР горячим апологетом восхищения первым в мире опытом строительства социалистического государства в советской его форме, так и уехал, отобразив это в своей книге, с тем же настроением. А беседы со Сталиным еще более убедили его, человека проницательного! в исключительности роли Сталина, как руководителя великой страны в великом ее мировом прорыве.

...А вот будущий нобелевский лауреат на поверку оказался типичным европейским либералом, для которого волки должны быть сыты при целых же овцах. И вся его книга, в общем-то, свелась к мелочному критикантсту. Обидно за выдающегося писателя, автора великолепных, изысканных по форме романов: «Изабелла», «Подземелье Ватикана», «Имморалист», «Пасторальная симфония» — и особенно «Фальшивомонетчики» (читал в свое время по четырехтомнику, как раз изданному в Ленинграде накануне приезда Жида в СССР). Как истинный европейский либерал, он отказывался держать в голове простую истину: великие дела, социальнореволюционные в первую очередь, в белых перчатках не делаются. Жаль, учитывая его родную, французскую историю, за полтора века (до 1930-х годов) долженствующую приучить к неуместности таких перчаток... «У них мундиры синие и сабли на боку. Огонь по линии! Ку-ка-ре-ку», — распевал Гаврош на баррикаде.

◆ «Sives pakem, para bellum»,— сказал выдающийся стратег древности Кай (Гай) Юлий Цезарь,— «хочешь мира, готовься к войне». Весь предвоенный период, начиная с середины двадцатых годов, наша страна первоочередно жила и строилась в ощущении, нет скорее осознанном понимании, неизбежности большой войны с империалистическим окружением. Этого-то и не понял Андре Жид, но вот Барбюс и Фейхтвангер остро это почувствовали в своем пребывании в Советском Союзе, в беседах со Сталиным. Либерал он и есть либерал, французский ли, наш отечественный: покричать, пока это разрешено, а когда тучи над головами сгущаются, то уподобиться страусу с его «крылатой защитой». Словом, главная черта характера некоторого обобщенного либерала — отсутствие системного мышления, а в критических ситуациях — калейдоскопичность его. Так им, начиная с западного обывателя, Андре Жида тож, до наших либералов девяностых годов, впрочем, и поныне здравствующим с тем же умственным кругозором, тот известный факт, что Сталин держал, если не на рабочем столе, то на полке своей обширной библиотеки «Государя» Макиавелли, представляется, что руководитель советской страны поминутно справлялся с этой «справочной книгой». Допустим, как запросто могли в девяностые годы «тиснуть в желтухе», принимая очередное, любимое свое решение (см. выше строки Мандельштама),— а ну-ка, брат Поскребышев, подай мне на подпись расстрельную папку номер девятьсот девяносто девять (это как нынешние цены в магазинах: традюксьон инс амэриканиш...) — обязательно при этом полистает томик «Государя». Фазиль же Искандер в своих сухумских новеллах еще добавит бутылку «хванчкары», а Сталина

изобразит как «беспрестанно поправляющего ремень винтовки, сползающий с крутого плеча». Но — от фантазий либералов к предмету наших рассуждений.

Эпоха цивилизации и культуры — в устоявшийся ее письменный период — оставила нам немало памятников выдающейся социальной мысли, в том числе об устройстве государства, государственной власти, соотнесении этой власти со своими подданными, о войнах, как неизбежных спутниках государственного существования, роли выдающихся личностей в мирной и военной жизни. Начиная с «Государства» Платона, «Записок о Галльской войне» уже упомянутого Цезаря, трудов китайского Конфуция (Кун Фу Цзы) и его философских учеников и далее до военно-политических европейских стратегов: те же мемуары Наполеона, что он писал в ссылке на острове Св. Елены, трактаты «1799», «О войне» и другие работы выдающегося прусского военного теоретика Клаузевица. Список имен можно продолжать долго и основательно: как исторически ретроспективно, так и (особенно) просматривая анналы Нового и Новейшего времени.

Но на фоне этой многотомной, блестящей плеяды заметно выделяется два имени, волею случая, точнее — Истории, сведенные в одно время и место: во Флоренцию первой половины XVI века*. И оба автора капитальных сочинений по истории: «История Флоренции» и «История Италии». Это Никколо Макиавелли и Франческо Гвиччардини. Но в Историю (извиняемся за тавтологию) мысли они вошли другими своими сочинениями: «Государь» Макиавелли и «Рассуждения» (принято называть итальянским оригиналом: «*Ricordi*»).

Это не удивительно. Флоренция в конце XV — первой половины XVI веков, а расширенно во все XV—XVI века, являлась в правление династии Медичи центром итальянского просвещения, исторической и социально-политической науки (...и практики — при дворе Медичи). Это как Венеция и Генуя в те же времена развивали итальянскую торговлю, мореплавание и строительство: веницианцы держали в своих руках все торговые пути Средиземного моря, ловко «политэкономически» лавируя между европейскими державами и Турецкой империей в зените ее могущества, а бригады генуэзцев** возводили по всей Европе, включая Московское царство и хиреющую Золотую Орду, крепости-кремли.

...Впрочем, «*Ricordi*» Гвиччардини со временем оказались в исторической тени. Единственное издание, которое довелось держать в руках (и читать), относится к 1930-м годам: роскошно оформленный тисненный томик издательства «*Academia*» (Москва — Ленинград). Иная, более счастливая судьба у «Государя», издающегося и поныне. А это уже категория *вечных книг*.

◆ «Государь», посвященный Лоренцо деи Медичи, как уже отмечалось выше, не одно столетие в Европе относили к образцам оправдания аморализма власти. Понятно, с позиции христианской морали. Отсюда и устойчивый эвфемизм: макиавеллизм, которым определяли всякое действие, противоречащее нормам этой морали. Хотя бы сам автор книги пишет в посвящении Лоренцо деи Медичи: «Как художнику, когда он рисует пейзаж, надо спуститься в долину, чтобы охватить взглядом холмы и горы, и подняться на гору, чтобы охватить взглядом долину, так и здесь: чтобы постигнуть сущность народа, надо быть государем, а чтобы постигнуть природу государей, надо принадлежать к народу».

Ведь совершенно ясная, понятная, исследовательская цель написания трактата? С точки зрения любого самодостаточно (это который сейчас не сел еще на «иглу теле-

^{*} В то же время во Флоренции жили и творили Донато Джанотти и Паоло Парута, не менее выдающиеся мыслители и писатели.

^{**} Это как в «золотые» советские 60—70-е годы разъездные армянские строительные артели со своим материалом — вулканическим туфом темно-розового цвета — разъезжали по всей стране, возводя аккордно клубы и дома культуры в райцентрах и колхозно-совхозных селах (такой можно увидеть на тульском курорте «Краинка» в бывшем совхозе им. 8-го Марта, где директором был брат члена ГКЧП, а затем тульского губернатора В. А. Стародубцева).

визора»...) мыслящего человека в такой цели нет никакого противоречия традиционной, новозаветной морали. Но... зная из истории, что более всего трактат Макиавелли вызывал возражение со стороны церковников, отгадку не составляет труда отыскать: отрицание божественности власти: «чтобы постигнуть природу государей, надо принадлежать к народу». Ларчик просто открывается: не якобы отвержение моральноэтических норм, которое инкриминировалось церковью автору «Государя», но «приземление» власти светской: «надо спуститься в долину». А коль скоро порицание трактату Макиавелли шло, в основном, от церкви Св. Петра, то сразу возникала аналогия с властью ватиканской. Бог шельму метит. И тотчас вспоминается Великий инквизитор Ф. М. Достоевского из «Братьев Карамазовых». Все встало на свои места.

Тот момент, что Сосо Джугашвили вышел из самых общественных низов тогдашней жизни, не есть «пролетаризация политической биографии», чем, кстати, говоря, грешили некоторые сподвижники Сталина из «старой гвардии». Даже самые отъявленные либералы-обличители девяностых годов не упражнялись в подобной дезинформации. Опять же, будучи приверженцем сугубой фактологии в делах не слишком далекой истории, мне самому довелось не раз беседовать с коллегой по университетской работе, бывшим замминистра УВД Абхазской АССР (беженцу из Сухуми после начала абхазо-грузинского конфликта девяностых годов), о детских годах Сталина. Отставной замминистра много чего знал в этом вопросе, поскольку слышал из первых уст: от своей бабушки-армянки, соседки семьи Джугашвили и вроде как доверительной подруги матери Сосо — Иосифа Екатерины.

Таким образом, Сталин, поднявшись из самой низкой «долины» (по Макиавелли) на самую высокую «гору» — в руководители государства-сверхдержавия (им же и созданного, что немаловажно для исторических реминисценций), в полной мере постиг сущность народа и природу государей. Став же... даже не государем, нет, Вождем, что гораздо выше и значимее, Сталин «не последовал» совету Макиавелли: «...Я желаю Вашей светлости достичь того величия, которое сулит вам судьба и ваши достоинства». Ему по характеру своему претила эта мишура «величия» — просто скучна и невостребована. В отличии от (позднейшего) добрейшего Леонида Ильича (хотя бы Сталин «свергнул» Троцкого, а Брежнев Хрущева) с двумя рядами геройских звезд, Иосиф Виссарионович всю жизнь носил на кителе только звезду Героя социалистического труда, полученную в 1939 году к своему 60-летию.

А на вопросы Анри Барбюса и Лиона Фейхтвангера о «ста тысячах его портретов» Сталин отвечал без обиняков и уверток, что он является политическим деятелем, а не частным лицом для советского народа, а «сто тысяч портретов человека с усами» простительны наивным еще рабочим и крестьянам, так выражающим благодарность советской власти, но, с другой стороны, это и досадный подхалимаж «людей, которые довольно поздно признали существующий режим и теперь стараются доказать свою преданность с удвоенным усердием» («Москва 1937»). Возможен и умысел вредителей, пытающихся таким образом дискредитировать его: «Подхалимствующий дурак,—сердито сказал Сталин,— приносит больше вреда, чем сотня врагов» (Сit.op.).

Опять же из личного жизненного опыта, из начального школьного возраста в Полярном — колыбели Северного флота СССР. В героическом городе подводников в мое детство имелось два памятника: в подплаве (он и сейчас стоит там) памятник подводникам военных лет работы Веры Мухиной, а до хрущевского вандализма перед Циркульным домом — визитной карточкой Полярного — на площадке с баллюстрадой, а внизу Екатерининская гавань с пирсами, обставленными в два-три номера* подлодками, высился величественный гранитный памятник Сталину (тоже известного скульптора), словно парящий над гаванью, забитой кораблями 4-й эскадры подводных лодок, торпедными кораблями, минными тральщиками, малыми противо-

^{*} То есть первый номер причален к пирсу, второй — к первой подлодке, третий — ко второй, и через их палубы перекинуты деревянные мостики для схода на пирс.

лодочными кораблями «охотниками» и многими другими. И все понимали, что памятник «на месте» стоит, о чем гласила и огромная, в шесть человеческих ростов, стела справа, на вершине горы Энгельгардта (это в честь архангельского губернатора начала XX века), с надписью: «Здесь был 22 июля 1933 г. основатель и создатель Северного флота великий Сталин».

...Это уже не «сто тысяч портретов человека с усами», но законное признание заслуг. Сталин мог с полным правом подчеркнуть цитированные выше слова Макиавелли.

◆ «Государства приобретаются либо своим, либо чужим оружием, либо милостью судьбы, либо доблестью». Это высказывание Макиавелли, с поправкой, что современная геополитика заметно отличается от пестроты перекраивания границ в средневековой Италии, вряд ли можно рассматривать по части аморализма. Тем более в отношении к Сталину, который оружием и доблестью своего народа в Отечественной войне восстановил исторические границы России — СССР. Даже царские владения — Польшу и Финляндию де-факто взял под державную руку: первую включил в соцлагерь, а вторую, по договору с Маннергеймом, привязал экономически и статусом нейтральной страны. Собственно говоря, Суоми и под скипетром царей, от Александра I до Николая II имела точно такое же статус кво, даже свою валюту имела, но только с вензелем «текущего» русского императора...

И вовсе Вождь, читая «Государя», мог равнодушно пропустить главу «О наследственном единовластии»: сам он не являлся наследником (только идейным — от Ленина) и сына Василия в преемники не готовил.

Касается Макиавелли и многонациональных государств — он называет их смешанными. Но здесь у Сталина вопросов не возникало: опыт собственно России, почти всю свою тысячелетнюю историю бывшую многонациональной, и личный в качестве наркома по делам национальностей. Это особо подчеркивает Барбюс в своей книге. А как яростно Сталин отстаивал при обсуждениях проекта создания единого советского государства на базе де-юре самостоятельных РСФСР, Украины, Белоруссии, ЗСФСР лишь культурную автономию республик будущего государства, но никак не их союзность! То есть моногосударственное устройство Российской империи, проверенное веками, стояло за такой решимостью. Увы, тогда Сталин являлся всего лишь одним из ряда равных, поэтому Троцкий с подпавшим под его влияние больным Лениным и подспудными националистами из руководства Украины и закавказских республик преломили его сопротивление и доводы, подведя под вновь созданный СССР мощнейшую мину замедленного действия, сработавшую через семьдесят лет... Сторонники конспирологии имеют основание утверждать (см. наш «Катехизис идеалиста»), что фактическая изоляция Сталина в последние его годы и более чем странный уход из жизни есть следствие вынашиваемых им планов: во-первых, остранить партию от хозяйственно-административных дел; во-вторых, как сверхзадача, свести союзный статус республик СССР к той самой культурной автономии. Конечно, процесс зашел слишком далеко, вряд ли это удалось бы сделать стареющему Вождю, но... ведь перепугалась же партократия и ждущие своего часа националисты!? Кстати, Мао Цзэдун и его преемники в руководстве Китая последовали-таки этому «во-первых» Сталина; результат в наши дни не замедлил сказаться: Китай стал новой сверхдержавой и с Америкой говорит на равных, как ранее СССР. Что-то еще дальше будет?

Так что в национальном вопросе впору Макиавелли у Сталина учиться.

Несомненно, с интересом Сталин читал следующие строки: «...Примеры разного образа правления являют в наше время турецкий султан и французский король. Турецкая монархия повинуется одному властелину; все прочие в государстве — его слуги; страна поделена на округи — санджаки, куда султан назначает наместников, которых меняет и переставляет, как ему вздумается. Король Франции, напротив,

окружен многочисленной родовой знатью, признанной и любимой своими подданными и, сверх того, наделенной привилегиями, на которые король не может безнаказанно посягнуть».

Если султана назвать царем (императором), а санджаки губерниями, то получим Российскую империю, лучшую «подругу» Турции: всего-то полтора десятка войн за два с небольшим столетия... не считая полутысячи лет регулярных набегов на Русь — Россию крымских татар, султанских вассалов. Но это к слову.

Сталин, получив в управление страну с такой устоявшейся, выработанной и закрепленной многими веками традицией правления (малые годы революционного лихолетья не в счет), ничего, кроме названий, менять благоразумно не стал: лошадей на переправе не меняют. И вся его руководящая жизнь прошла в этой переправе: с буржуазного берега, низменного и заливного с топями частнособственничества, на высокий (сложно такой штурмовать!) берег социализма с русской советской спецификой, с полным отрицанием артефакта этой самой частной собственности. Причем переправа под огнем противника, перманентным, а затем и «блицкриговским». По необходимости все мысли об ином образе правления оставлялись «на потом», которого Генералиссимусу не суждено было дождаться.

Но он крепко держал в руках свои «санджаки», а о перестановке и замене своих наместников, когда этого требовали государственные интересы, сложены тома былей и небылиц... И такой разгон был дан Сталиным в централизованном госустройстве страны, что еще почти сорок лет после него СССР на равных противостоял империалистическому миру... даже при не очень компетентных, мягко говоря, единоличных руководителях. Пока очередь не дошла до добровольной капитуляции. Великий *опережающий* ход социальной эволюции завершился.

◆ Причина нетленности «Государя» прежде всего в том состоит, что в сравнительно небольшого объема трактате (полторы сотни страниц книги «карманного» формата) Макиавелли обстоятельно коснулся всех вопросов социально-политической практики, которые неизменны в государственном обиходе и спустя полтысячи лет после его написания. И останутся таковыми, пока государственное устройство не исчезнет, что и может явиться результатом «победившего глобализма». Но ведь и тогда аналоги «санджаков» останутся?

Действительно, раскроем книгу наугад, например, на главе с названием «Как управлять городами или государствами, которые, до того как были завоеваны, жили по своим законам».— Тема почти всех времен и государств. И Сталин остановился бы на ней, когда его страна, наша страна пополнялась территориями, в той или иной степени жившими если не своими, но и не советскими законами: Прибалтика, Западные Украина (особенно никогда не входившие в состав России Закарпатье и Львов с его «окрестностями») и Белоруссия, молдавская Буковина... в меньшей степени, конечно, вошедшая в состав СССР в 1944 году Тува. Калининград здесь не в счет: немцы вывезены в Германию, а на их месте поселились русские из мест Центральной России, дотла разоренных в войну. Резонный совет Макиавелли: «Есть три способа его (завоеванное государство.— А.Я.) удержать. Первый — разрушить; второй — переселиться туда на жительство; третий — предоставить гражданам право жить по своим законам».

Как выше уже заметили, второй способ и был использован Сталиным, в смысле постановлением ЦК ВКП(б) и советского правительства, в отношении бывшей немецкой Восточной Пруссии. В названной и двух последующих главах, развивающихся и детализирующих главную тему, можно найти наметки тех решений, что были в послевоенные годы применены Сталиным (уточнение то же, что и выше...) к новоприобретенным территориям в развитии второго способа (от Макиавелли). «Заселение своими» и «расселение не своих» на своей исторической территории, как бы это противоречиво не звучало, но достигаемый эффект один и тот же! Сталин здесь и вовсе мог бы не аппелировать к доводам Макиавелли, ибо имел прецедент из русской

истории, которую Вождь прекрасно знал и, главное, *чувствовал* в национальногосударственной традиции.

Речь идет о мудрой политике московских государей, тогда еще не царей, но великих князей, в последние век-полтора существования Золотой Орды и слабеющей зависимости от нее Великого княжества Московского. Орда была классическим «санджаковым» государственным устроением. И в Москве, кое-что, но перенявшей вместе с православием от Византии элементы греческой «тонкой политики», понимали: проще добивать ордынцев не только на поле боя, но разреживать состав их правителей того же среднего ранга. Так и началось заманивание татарских князьков в Московское княжество, где им давались равнозначные боярские звания и деревни для прокормления. Отсюда и обилие в будущей русской аристократии имен с тюркской корневой основой...

Что же касается «третьего способа» Макиавелли, то это с достаточным положительным результатом было использовано Сталиным в отношении Прибалтики. Опять же опыт Российской империи, успешный в отношении Финляндии (см. выше) и малоуспешный в Польше: шляхетский гонор и прошлое Речи Посполитой, игравшей достаточно самостоятельную роль в среде европейских государств, был причиной превращения Царства Польского со своим сеймом и широкой автономией в десяток губерний, приравненных к остальным российским.

◆ Содержание всех двадцати шести глав «Государя» без всяких натяжек можно соотнести со сталинским курсом, об итогах которого ярый антисоветчик Уинстон Черчилль совершенно искренне сказал: «Он принял страну с сохой, а оставил ее с атомной бомбой». Добавим: и с водородной тоже, сделав СССР сверхдержавой. Чточто, а лесть не в характере «отца» холодной войны...

Глава «О гражданском единовластии» начинается словами: «Перейду теперь к тем случаям, когда человек делается государем своего отечества не путем злодеяний и беззаконий, но в силу благоволения сограждан, для чего требуется не собственно доблесть или удача, но скорее удачливая хитрость».

Заметив, что доблести Сталину было не занимать, а понятие хитрости интерпретировав политической прозорливостью, с полным на то основанием отнесем Макиавеллиево определение гражданского единовластия к сложившейся в СССР системе власти (см. выше о «демократическом диктаторе» из книги Лиона Фейхтвангера).

Особое внимание Макиавелли (жил в такое время!) уделяет военному делу: «Таким образом, государь не должен иметь ни других помыслов, ни других забот, ни другого дела, кроме войны, военных установлений и военной науки, ибо война есть единственная обязанность, которую n p a b u m e n b m e m o ж e m b o m o ж e m o х e m o ж e m o х e

И хотя Генералиссимус «не послушался» многомудрого флорентийца, ибо кроме военного строительства страны как раз возложил на себя все другие помыслы, заботы и дела, но «война, военные установления и военная наука» — основное внешнеполимическое содержание жизни Сталина — руководителя (а в Гражданскую войну и внутриполитическое — та же оборона Царицына и Польская кампания). Именно такое качество характера и линии действий Сталина, как выдающегося военнополитического стратега, позволило сделать СССР мировой державой и создать социалистический мир в четырех частях света, условно включая и африканские страны советской ориентации.

Главы о восхвалении и порицании государей, о щедрости их и бережливости (Сталин — хозяин СССР!), как государи должны держать слово, как им избегать ненависти и презрения, как следует поступать государю, чтобы его уважали, о советниках государя (!), как избежать льстецов...— все, словно убрав из истории четыре с лишком столетия, сближает эпоху Сталина с обликом государя в трактате Макиавелли; см. также выше подтверждающие эти тезисы высказывания Анри Барбюса и Лиона Фейхтвангера.

У Макиавелли найдем и ответ на тот «щекотливый» вопрос в книгах европейских писателей, а именно в главе «О жестокости и милосердии и о том, что лучше: внушать любовь или страх». Автор «Государя» цитирует Вергилия:

Res dura, et regni novitas me talia cogunt

Moliri, et late fines custode tueri.

То есть «Молодо царство у нас, велика опасность; лишь это бдительно так рубежи охранять меня заставляет» (лат.). Это уже Вергилий устами Дидоны за две тысячи лет до создания Советского Союза во главе со Сталиным говорит о них: стране и ее Вожде. Особо комментировать и сопоставлять здесь излишне. Как раз Андре Жид в «Возвращении из СССР» не мог понять, осознать эту проверенную историей истину.

«...Новый государь не должен быть легковерен, мнителен и скор на расправу, во всех своих действиях он должен быть сдержан, осмотрителен и милостив, так чтобы излишняя доверчивость не обернулась неосторожностью, а излишняя недоверчивость не озлобила подданных».

Не удержимся еще от одного довода Макиавелли: «Однако государь должен внушать страх таким образом, чтобы если не приобрести любви, то хотя бы избежать ненависти, ибо вполне возможно внушать страх без ненависти».

Что ни фраза в «Государе», то и непреложная истина; ведь про Макиавелли не скажешь: гладко на бумаге... и так далее.

◆ Самое несправедливое в истории по отношению к памятникам письменной мысли — это устоявшиеся идеологические, моральные и пр. штампы, пресловутое «сложившееся общественное мнение». Все это, при том в высшей степени неблагодарности потомков, относится к «Государю» Макиавелли, вся «вина» которого только в том, что он обобщил в своем трактате сложившийся к тому времени опыт руководства государством, «блочной» части мирового социума: от Платона, как уже было сказано выше, до Европы XVI века. Истинно сказано, что правда глаза колет. И упрекать Сталина — устами либералов различного толка — в том, что все свои дела, судьбоносные для страны, он пунктуально сверял с «настольной книгой», все одно, что всерьез принимать слова выдающегося военачальника, генерала Ермолова, назначенного «на покой» царем комендантом Петропавловской крепости, который, входя для утреннего купания в холодную воду Невы, морщился и брюзгливо ворчал: «Проклятые немцы!»*

Если же пробовать анализировать нынешние, времен яростно наступающего глобализма, гибридные геополитику и войны, то «Государь» Макиавелли и вовсе сравняется разве что со школьной азбукой, невзначай попавшей в руки филолога с университетским образованием. Желательно советских лет обучения, не нынешних «онлайкиных с кешбэком», с перманентной таксой за диплом... Но — это к слову, о надоевшем до чертиков.

Ветер истории кружит над поверхностью Земли, над сушей и океанскими просторами, не имея остановки, то замирая в местах и временах ровного, примиряющего ее, истории, течение, то завывая в очагах напряженности, а затем вовсе переходя в ураган (на море — шторм) войн, а затем и девятый вал войн мировых. Проносясь же над могилами исторических личностей, с одних сдувает накопившийся мусор людской неблагодарносьти, иные же равнодушно обегает стороной. Опять же: «Самое же главное для государя — вести себя с подданными так, чтобы никакое событие — ни дурное, ни хорошее — не заставляло его изменить своего обращения с ними, так как случись тяжелое время, зло делать поздно, а добро бесполезно, ибо его сочтут вынужденным и не воздадут за него благодарностью».

... Понятно, что в нашем очерке о Сталине понятие зла — иносказательно, как в гегелевском определении свободы: осознанная необходимость.

(B)

^{*} В начале XVI века, когда был написан «Государь», на Руси знали только три «укрупненные национальности»: русские, татары и немцы (цыгане из Индии еще не дошли). Это и имел в виду Ермолов...
18

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ОЧЕРК, ПОВЕСТЬ

Олеся Янгол, Виталий Ковалев

(г. Юрмала, Латвия)

ДУРАК НА ХОЛМЕ (Записки плюшевого медвежонка) (Для читателей от 8 до 80 лет)

Наши постоянные авторы.

Посвящается всем тем, у кого открытое сердце

Пролог

Я — Пузик. Я жил всегда и не жил никогда. Я жил везде и нигде. Тьфу ты!.. Я запутался. Ну, ладно. Я начинаю.

Я пишу невидимую книгу о жизни, которая всегда. Чтобы ее прочитать, вы должны стать моей родственной душой. И это моя первая книга во всей моей мире, которую я намерен писать, пока есть небо.

Это мои личные переживавывания, и все это правда, что вы прочитаете. И все персонажи настоящиваные. Поэтому читайте, не сомневайтесь. Возможно, вы прочитаете и о себе, даже если мы не встречались в жизни.

Нас, Пузиков, может есть, а может, нет. Я пока не разобрался с этим вопросом. Но тех, кто понимает Пузиков — есть. И даже, среди людей. И это моя первая книга во всей мире для понимателей. А непонимателям читать ее не стоит, иначе их мир пошатнется. А то, что шатается, может упасть. А я всех люблю и не хочу, чтобы вам было больно.

Начало моей книги

Я живу у моря. Мои два родных и любимых человека — Олеся и Виталий. Они писателевые и художниковые. Это звучит громко, а на деле — тихо. Потому что труд писателевых и художниковых не заметен. Это как облака, которые невозможно затолкнуть в карман.

Мы живем втроем у моря, и наш дом окружен джунглями. Это когда лето. А когда зима, вокруг сосны и дюны. Но зимой я еще из дома не выходил, потому что был маленький. А вырос к лету, и Олеся с Виталиком взяли меня на море. И я увидел первый мир во всей моей мире.

А еще у меня есть мой любимый дедушка Кияото. Он живет в Японии на острове Хоккайдо. Он пишет картины, играет на саксофоне, и у него три кошки — Тораджиро, Умеко и Мацуносуке.

У него есть жена, но она удаленная, потому что живет в другой префектуре. Она приезжает на Хоккайдо к Кияото несколько раз в году, чтобы обнять своих любимых кошек и навести порядок на кухне. Ее зовут — Канна. Канна и Кияото очень любят друг друга и, когда у Канны закончится работа, они будут жить вместе всегда. А пока она работает в очень важном месте — она медсестра в раковом корпусе, и это очень трудная и ответственная работа. Ее работу тоже нельзя положить в авоську, потому что в этой работе нужно иметь много сердца, так говорит мой дедушка.

Все в этой мире происходит неожиданно. И непонятно, как и откуда берется. Еще полчаса назад я спал и не знал, что начну писать книгу. А сейчас пять утра, и я написал первую главу. А Олеся и Виталик спят. И я тоже немножко посплю с ними рядышком.

О себе

Я дал почитать начало своей книги Виталику. Он внимательно почитал и сказал, что я должен описать себя, иначе читателевый не сможет понять, кто это такой — Пузик. Тогда я задумался. С одной стороны, я плюшевый мишка, а с другой, я тот, кто всегда. Я такой — специальный. И больше я не знаю, что о себе сказать. Пусть читателевый сам представит себе меня, когда будет читать эту книгу.

Втроемыши

Чтобы начать писать, мне надо зацепиться за слово и потом уже, как клубок ниток, разматывать его потихонечку и выстраивать миры. Сейчас я зацепился за слово *втроемыши*. Его я придумал. Вернее, я слова не придумываю, они просто во мне есть, и я передаю их миру.

Втроемыши — это мы: Олесичка, Виталик и я. В этом слове есть одна печальная нотка. Вы чувствуете ее? Если вы понимаете, о чем я говорю, значит, нам с вами по пути.

Страна Асария

Мы живем в стране Асарии, на Глухариной улице. Нас знают все, мы тоже знаем многих, но не всех. Люди с нами здоровываются и улыбаются, когда мы идем, а особенно когда мы едем на велосипедах. Потому что Олесичка едет на трехколесе, а я сижу в багажнике, на ее руле. И все знают, что мы художниковые и писателевые. Наверное, мы очень популярные в Асарии. Но мы этого точно не знаем, потому что нам это неинтересно.

Наше утро

Я проснулся утром, и начал будить Олесю и Виталика. Сначала я пощекотал Олесю, потом забрался Виталику на голову и немножко попрыгал. И они начали просыпаться. Вообще-то, они рано просыпаются, но сегодня дождь, а под дождь всегда уютно спится.

Сейчас по нашей крыше бегает ворона, вчера мы под дождем купались в море, а сейчас будем есть сосиски с зеленым горошком...

Почтальон

У меня есть друг. Он почтальон и он тоже художниковый. Когда он едет на велосипеде, прохожие спрашивают его: «Нет ли нам писем?» На что он отвечает: «А у вас что, нет воображения? Вы что, не можете себе сами написать письмо? Напишите себе письмо, и вы его получите. Вот я сам себе пишу, и у меня всегда есть письма».

Но прохожие почему-то злятся и не понимавывают его, потому что он тоже Дурак на холме. Он говорит, что никогда не отдыхает, потому что отдых — это смерть. И еще у него борода.

Планета

Сегодня мы гуляли в лесу. Олеся увидела красивые цветы, похожие на колокольчики. А потом подул сильный ветер, и деревья стали гнуться. Налетел дождь, мы все трое шли под зонтиком, и это было веселое приключенивание. И тут мы нашли на дороге камушек, очень похожий на земной шар. И я подумал: интересно, где мы сейчас на этом камушке? Но он был такой маленький, что я не смог нас рассмотреть. Но мы там точно есть, я знаю.

Олеся за работой

«Дорогой мой дедушка Кияото, вчера Олеся билась. Ты, как художниковый, меня поймешь. Она начала новую картину, истратила много краски, но никак не могла нарисовать небо. Мы с Виталиком ей помогавывали, советовали, но она почему-то пришла к выводову, что она совсем не художниковый. Дедушка Кияото, напиши Олесе что-нибудь бодрильное, чтобы она снова поверила в себя. А то у нее каша невкусная получается. Мы с Виталиком ей, конечно, ничего не сказали и, даже не морщась, съели. Но так продолжаться не может. Мой пузик требует бережного отношенивания».

Японка

«Дорогой мой, люби-и-и-и-мый дедушка Кияото, сегодня ты написал, что пришлешь картину, на которой нарисовал меня. Я жду с нетерпением. Это мой настоящий первый портрет во всей мире. Виталик говорит, что ты в нем показал мое сердце и душу. И Олеся на твоей картине сидит в кимоно, как настоящая японка. Ты часто ей пишешь, что она больше японка, чем сами японцы».

Ветер

Мы сейчас были на море. Там ветер развевавывается на всех волосах. Поэтому Олеся надела специальный небесный платочек, чтобы ее волосы не улетели в небо. Потому что если бы ее волосы улетели в небо, ей бы тоже пришлось лететь вместе с ними. Но тогда мы с Виталиком остались бы одни, без Олесички. Наверное, Олеся представила, как она летит в небе и видит нас, одиноко сидящих на лавочке у моря. Мы выглядели очень печальными. Ей стало жалко нас, и она надела небесный платочек, чтобы ее не украл ветер.

Туча

Над нашим домом пролетает туча. Но иногда она почему-то останавливается и зависает над самой крышей, и становится темно. И бывает, что Олесичка и Виталичка перестают смеяться. А мне становится грустно, и я подхожу к окну и жду ветра, чтобы он поскорее сдул эту тучу, чтобы снова в доме начал раздаваться смех. Ведь лучше смеяться, чем не смеяться. Правда?

Вот и сейчас нависла туча. Виталик пошел пилить дрова, а Олеся на кухне приготавливывает обед. А я уже вижу, как верхушки деревьев ожили от ветра. Может, мне первым начать смеяться? Я слышал, что смех заразительновый. Ну, все. Пока! Я иду заражать смехом моих двух.

Просыпайтесь!

В этой мире люди спят всегда. Когда они спят, они спят. И когда они просыпаются утром, они продолжают спать. Хотя им кажется, что они бодрствуют. Таких людей мне жалко. Они идут на работу и спят. Они работают и спят. Они сидят в Интернете и спят.

Пробудиться очень просто. Но очень сложно. Ведь для того, чтобы пробудиться, нужно полюбить.

Свобода

«Дедушка Кияото, вчера Виталика вызвали на работу и сказали, что он там уже больше не работывает. Потому что какой-то кризис пришел. Я не знаю, кто такой кризис. И все были грустные, печальные, и даже хозяин фирмы. И только Виталик был счастлив. Но Олеся по телефону ему сказала, чтобы он там поменьше улыбался, чтобы они все тоже думали, что он грустный. Мне, например, тоже не грустно и я не понимаю, почему все должны грустить, когда Виталик теперь все время будет дома, со мной и с Олесей.

А!!!!.. Дедушка Кияото, я понял!!!!.. Они загрустили потому, что больше теперь никогда не увидят Виталика».

Радость

Вчера мы были на море. Потом мы приехали домой, стали пить чай и смотреть кино, лежа в постельке. Это наше самое любимое занятивание вечером. Обычно, Виталик готовит чай, раскладывает печенье и шоколад в вазочку и приносит на второй этаж нам на подносике. А мы с Олесичкой уже сидим и ждем. Потом мы пьем чай, смотрим кино, а потом засыпаем. Так проходит наш вечер.

А утром мы просыпавываемся и идем завтракать. И когда мы сегодня позавтракали и решили открыть дверь во двор, то увидели, что на улице стоят наши велосипеды. Оказывается, вчера мы забыли их убрать, чтобы ночью их не украли. И то, что их не украли, было для нас радостным событиванием.

Это просто

Я умею мириться быстрее всех во всей мире. Это просто. Есть люди, которые долго не могут помириться, и могут молчать целый день. А некоторые могут молчать даже неделю. А есть и такие, которые молчат всю жизнь. Но я так не умею. Я очень люблю любить и дружить, и очень не люблю молчать и грустить. Поэтому я сразу хочу мириться, как только поссорился. Вот, прямо сразу. Поссорился и тут же помирился. Для этого нужно сначала хмыкнуть, потом посмотреть глазками и тут же начать обниматься. И даже если тот, кто поссорился, не захочет мириться, нужно обнимать его до тех пор, пока он сам не начнет обниматься. Это такой мой способ мирения.

Эклер

А вы заметили, что деньги бывают разные? Одни деньги те, которых никогда в жизни не хватавывает. Это которые очень большие деньги. А есть другие деньги — маленькие. Их всегда хватавывает на все. Это денежки, которые на каждый день нужны. Виталик говорит, что это и есть — «хлеб насущный».

Вчера мы пошли гулять в парк. Там растут сосны, и есть детская площадка и баскетбольная. И дорожки выложенные плиткой и скамейки. И еще мусорка для собачь-

их какашек. Мусорка мне очень нравится, потому что она не похожа на мусорку, и на ней нарисована собака овчарка.

По дороге в парк мы купили эклер. Один на троих. У нас как раз было столько денег. Мы шли по дорожке и по очереди откусывали. Эклер был очень вкусный, с кремом внутри и облитый шоколадом. Когда кушаешь один эклер на троих, становишься втрое счастливее. Это я вчера понял.

Любовь

Наша Олесичка — Лесная Фея. А еще Контроллер Вселенной. Так ее прозвал дедушка Кияото. Наверное, поэтому я у Олесички и у Виталички объявился. Потому что Олесичка — Лесная Фея, а я, наверное, раньше жил в лесу, только этого не помню. Мне хорошо здесь и сейчас, с моими Виталичкой и Олесичкой. Некоторые очень умные и серьезные люди пишут, что нехорошо сюкать именами. Но для меня это не усюсюканье. Просто во мне так много любви, что в короткие имена она не вмещавывается. А вот в Олеси-чку и Витали-чку моя любовь вмещавывается. Правда, ноги и руки любви при этом торчат во все стороны, как из-под одеяла, когда спишь.

Моя мира

Я много писал о моей мире. И, наверное, вы хотите спросить, а как втуда попасть? А попадать втуда не нужно. Вы сейчас удивитесь, но до моей миры нет ни расстояниваний, ни времени. Моя мира везде. Прямо сейчас. Видите? Она вокруг и она всегда. Просто вы не всегда. А когда вы будете всегда, то и моя мира вам увидится.

Про стороны

В январе стали морозы. И Олесичка переселилась с левой стороны кровати на правую, потому что с ее стороны стена, а за стеной мороз.

Теперь ее мир перевернулся, и мы с Виталиком оказались слева. И она говорит, что ничего не понимает, потому что ее левосторонний мозг не привык. И у нее такое чувство, как будто она в другую страну переехала.

Мы с Виталичкой задумались, как спасти Олесичку.

— Действительно,— сказал Виталик.— И за столом ты всегда слева, и в кровати, вот тебе и непривычно. А вот, например, когда мы на велосипедах едем, ты всегда справа, как и сейчас. Представь, что мы на велосипедах.

И тогда Олесичка успокоилась. Но потом все равно ворочалась полночи, наверное, по привычке искала мою пятку.

Рахат-лукум

Виталичка из Олесички решил рахат-лукум сделать, поэтому часто покупает халву. Олесичка всякий раз сердится, потому что у нее «фигура». Но Виталичка говорит, что это еще не фигура, и подкладывает халвы. Я думаю, что к лету мы увидим рахатлукумную Олесичку.

Про страх, который боится

В моей мире можно все, что любовь. Там нет страха. Он втуда не может попасть, потому что боится, что перестанет быть. Он сидит в темноте, смотрит на мою миру и грустит. А еще страху страшно. От этого он становится еще страшнее, потому что не

хочет перестать быть. Он боится, что я его полюблю и позову в свою миру. Но в моей мире он же перестанет быть страхом!

Самая обнимательная

На самом деле она Марфенька, но когда я ее вижу, я радостно кричу: — Марфининькааа!

Я в нее влюбился и ждал, что и она влюбится в меня. Но у нее оказался Макс. Это меня огорчило и озадачило. Но потом я понял, что смотрел на это не из моей миры. Тогда я вернулся в мою миру и увидел, что огорченивание и озадаченность остались позади. В мою миру они проникнуть не могут.

Путешественник Джеф и Михасик

Мой друг Джеф — огромный великан, который всех спасет. Олеся познакомилась с Джефом, когда он хотел кушать. Он сидел на набережной в Гонконге и грустно смотрел на лапшу, которую купил. А Олеся знала рецепт специальных лепешек. С тех пор они уже забыли, как познакомились, но не забывают дружиться. Джеф путешественник, потому что побывал почти во всей этой мире. Он всюду берет с собой Михасика, который тоже мой друг. Он тоже мишка, только маленький, и он не Пузик. И у него есть серьга в ухе. Михасик летал на самолетах, путешествовал на поездах, плавал на паруснике вокруг острова в Гонконге, ездил на эскалаторе, спал в чемодане, катался на велосипеде и даже жил на балконе. А еще Джеф и Михасик мечтателевые и спасатели этой миры. В этой мире много темного. А Джеф знает, как включить свет.

О немытой посуде

Будние дни — это сеть. Сквозь нее не просачиваются лучи моей миры. Если вы хотите написать книгу или картину, вам надо забыть о немытой посуде.

Про названивания

Мы пили чай с имбирем и грелись после мороза, который на прогулке. Виталик задумался.

— Не могу придумать название для рассказа, который сейчас пишу.

Олесичка говорит ему:

— А о чем твой рассказ? Может, я придумаю.

Но Виталичка, пока не напишет, не любит рассказывать. Поэтому он сказал:

- Ну... Там такое... Море, лето...
- Ага! сказала Олесичка. Вот так и назови.

И мы заулыбались, допили чай и съели халву в шоколаде.

Про сумку

У нас есть сумка. Она специальная. Походная. В ней много отделениев и карманов. В нее вмещаются наши термосы с чаем, бутерброды, конфеты и яблоки. А еще книги для Виталички, карандаши и альбом для Олесички, моя кепка с козырьком, а еще цветные стеклышки от витража, чтобы смотреть на миру.

Наша сумка всю зиму висит в прихожей и ждет лета. А Олесичка и Виталичка каждый раз ссыпают в ее карман мелочь от сдачи. И когда настает лето, мы собираем сумку в поход. Садимся на велосипеды и едем на море. А на море мы можем

посидеть в кафе и выпить кофе и даже съесть чебурек. Потому что у нас целая сумка денег.

Как я пишу книгу

Чтобы мне написать главу, нужно, чтобы Виталичка воскликнул: «У меня идея!» — Олесичка побежала искать листок бумаги и карандаш, а я сел за свой стол красного дерева.

Чтобы у Виталички родилась идея, ему нужно постоянно что-нибудь забывать. Например, забыть выключить свет на кухне, подняться на второй этаж, вспомнить, что он забыл принести чай, спуститься на кухню, увидеть, что он не выключил свет, выключить свет, подняться на второй этаж и снова вспомнить, что он забыл на кухне чай.

Только тогда начинают рождаться идеи в его голове.

Чтобы Олесичке начать писать, нужно разыскать прячущиеся по всему дому листки с мыслями, потому что мысли рождаются в самых неожиданных местах и листки тоже находятся в разных местах. Они лежат везде. Надо только вспомнить, где они. А для этого нужно заглянуть в тумбочки, в комодики, на столы, в шкафы, под подушки, под тарелки, на подоконники.

Но самое искательное место — это Олесичкина мастерская. Здесь очень много всего: краски и кисти, холсты, тряпочки, драпировки, вазочки, апельсин, скальпель, этюдники, баночки из-под витаминов, пакетики, клочочки, странная свечка, камушки... Так много всего. Сами видите. Труд писателевых не прост.

Про край света

Есть такие путешественниковые, которые мечтают отправиться на край света. А я сегодня понял!.. На край света ходить не нужно. Потому что край света прямо под ногами. Посмотрите себе под ноги, и вы увидите его. Вот он! Видите? Нет? И правильно. Под ногами всегда скучно. А если смотреть по сторонам, то не скучно. Но можно много интересного разглядеть в тысячуразвиденном. Только нужно смотреть с края света. Тогда тысячуразвиденное увидится в новом свете.

Человек эпохи Возрожденивания

Только в той мире, где вы, есть две руки и одна голова, а в моей мире я вижу у людей сразу все руки и головы. У моего друга много рук и много голов. Потому что он Человек эпохи Возрожденивания. Он пишет картины, потому что художниковый. Пишет стихи, песни, рассказы, музыку, письма, труды, книги, рецепты... Уф!.. Сами видите, он много пишет. Конечно же, он мой пониматель.

Самое большое признание он получил на море, куда приехал на своем трехколесном велосипеде. Он нарисовал на песке портрет любимой девушки и почувствовал, как Небо и Солнце улыбнулись. А Морская Волна, обрадовавшись, забрала рисунок в море. И только тогда мой друг понял, что он настоящий художниковый.

Про разгоняние облаков

У меня есть бабГаля — Олесина мама. Она любимая. Она живет в другом городе. Не там, где Кияото, а немножко ближе. Она летала на самолетах, потому что была стюардессная. А сейчас она наблюдатель за небой.

Сегодня она мне сказала, что скоро весна, но солнышка почему-то нет. Тогда я предложил ей верный способ, чтобы было солнышко. Нужно выйти на балкон и на-

чать махать руками. Тогда произойдет разгоняние облаков и солнышко выглянет. БабГаля обещала сделать это завтра. Я, наверное, тоже завтра проснусь пораньше. Помашу для разгоняния. А когда Олесичка и Виталичка проснутся, то увидят солнечный день. Это мы с бабГалей занимавывались разгонянием облаков.

Первозданность

- Пей чай, пей, говорит Олесичка, протягивая Виталичке чашку чая.
- Ты знаешь китайский? спрашивает он.

А я подумал: если много разов произносить слова, они начинают отшелушиваться от смыслов и открываются в свой первозданованости.

Пей чай, пей, пейчай пей, пейчайпей...

Домик с глазками

В нашей Асарии есть дома и... домики. Маленькие тихие домики. У маленьких тихих домиков есть глазки. И двускатная крыша с трубой. Глазки у этих домиков разные. Одни старенькие, другие веселые, третьи с подмаргиванием, четвертые — хохотальные. Но всех этих глазков объединяет одно: они добрые. Смотришь на такие домики и видишь, как там живут добрые люди, кошки, собаки, куры, гуси, кролики, козы и даже иногда встречавываются лошади.

Чей сон, чей?..

Мы спали втроем, ужавшись калачиком. А мимо нас проносились сны. И мы не могли понять — чей сон, чей... Я мог видеть сон Виталика, потом сон Олеси, а они видели мои сны. Потом, проснувшись, мы немного поспорили, чей сон, чей... Но потом решили, что это неважно. Главное, что сны у всех были интересные и полезные художниковым и писателевым. Хорошо спать втроем, ужавшись калачиком!

Ловитель облаков

Когда Олеся не может рисовать, она мается, злится, ходит из угла в угол и думает, что уже никогда не сможет ничего нарисовать. Я хожу с ней рядом и стягиваю с неба все облака, которые вдохновение. Потому что я знаю — вдохновение живет в облаках. Не во всех, но в некоторых живет. Моя задача — отыскать то самое облако, в котором прячется вдохновение. Это очень напряженная работа. Но для Олесички я на все готов.

Каша

Я проснутый. Вчера долго работал над новой главой. У меня много мыслев, которые я раскладываю по полочкам. Когда в голове много мыслев, с ними сложно разобраться. Их нужно решительно разделять. Но они упрямятся, смешиваются, и может получиться каша. Кашу из мыслев я не люблю. Я люблю кашу из геркулеса и сосиску. Поэтому я иду завтракать и желаю всем приятной аппетиты.

Два приключения

Сейчас было два приключенивания. Потому что их два. Первое — наша моря вышла из берегов. Я в первый раз в моей мире увидел, как она выходит. Много волн накатилось на пляж и почти скрыло все лавочки. Олеся и Виталик испугались и убе-

жали в пляжное кафе пить пиву. А я не испугался. Я взял камераву и побежал снимать вышедшее море. Это было страшно, но я старался не бояться. Я отважно держал камераву в лапках и вел свой опасный репонтаж. А когда я вернулся к велосипедам, там уже произошло второе приключенивание. Вороны украли из багажника нашу шоколадку, которую мы купили к чаю, чтобы пить на море. Один веселый итальянец спас нашу вторую шоколадку и термосы от ворон. Теперь мы сидим на лавочке, прячем ноги от волн, пьем горячий чай и кушаем шоколадку.

Дождь

Собирался дождь. Самое время начать собиравываться на пляж. Вы ведь знаете, когда кто-то начинает собиравываться, это заражает и заряжает. В общем, дождь зарядил. Это зарядило Олесю, и она принялась собирать пикник. Она резала колбасу, я надевал свою путешественную шапочку, а Виталик пошел в сарай попилить коекакие дровишки.

Собирание дождя и пикника проходило одновременно. И когда дождь закончился, мы уже были готовы к путешествию. Впереди нас ждет приключение. Потому что сейчас мы играем с дождем в наперегонки.

Цветущий сад

«Дедушка Кияото, я знаю, как сделать, чтобы во всей мире был цветущий сад. Надо, чтобы каждый человек на Земле любил всех на свете. Когда любишь всех во всей мире, то все делаешь с любовью. И нет никого кругом, кого не любишь. Это очень просто. Гораздо сложнее любить в отдельности. Это же всегда нужно помнить, что кого-то ты любишь, а кого-то нет. А у меня плохая память. У меня в голове не удерживается этот список. Поэтому я всех люблю и делаю все с любовью. Это же гораздо проще, когда одно и большое, чем много и маленьких. Лучше один земной шар обнять, чем много камушков удержать в лапках».

Муравьи

Вчера я спасал муравьев. Они забрались на белый стол в саду, а ночью их застал дождь. Утром они не могли двигаться, потому что лапки промокли. Я сорвал лист одуванчика и соорудил для них постельку. На постельке они лежали валетиком, крепко обнявшись. Они шевелили усиками и подбадривали друг друга. Я долго ждал, когда они начнут выздоравливовать, они все меньше и меньше шевелили усиками. Наверное, они решили умирать. Но я этого не хотел. Их мокрые лапки нужно было сушить на солнце. Тогда я сорвал длинную травинку и поднес к лапкам. Они ее обхватили и стали делать упражнения. И с каждым разом их усики шевелились все живее. Наконец, их лапки высохли окончательно, и они, здоровые и счастливые, побежали со стола на землю. Вдогонку я им сказал, чтобы они не залезали на стол перед сном. Но муравьи махнули мне усиками и ничего не ответили. Наверное, они торопились.

С зажмуренными глазами

«Олеся прилегла, потому что у нее голова. Виталик на работе, потому что ему еще два дня осталось работать, а потом он всегда будет с нами. И мы всегда будем втроем.

Наверное, Олеся задумывается наперед, поэтому у нее голова и она прилегла. А я задумываться наперед не люблю. Когда мне страшно, я зажмуриваю глаза и иду в

темноте. И всегда выхожу куда-нибудь, раскрываю глаза, и сразу становится светло. А если задумываться и бояться, то можно испугаться. А чтобы не испугаться, надо не думая зажмурить глаза и идти. Этому меня ты научил, дедушка Кияото, а еще сегодня ты мне написал японскую пословицу про смех. Я ее правильно не помню. А если неправильно, то она такая: «Кто смеется, того ждет удача в пути». Поэтому я сейчас пойду к Олесичке и буду ее смешить, чтобы она перестала задумываться, встала, рассмешилась, зажмурила глаза и мы все вместе (потому что и Виталик тоже) пошли вперед. Потому что впереди всегда солнце».

Холодное море

Мы сейчас на море. Оно лежит. Вчера море волнилось и мы весело волнились вместе с ним. А сегодня оно, наверное, устало и решило отдохнуть. Морю иногда тоже нужно отдыхать. В нашей морской Асарии все необычно. Наверное, вы думаете, что если сейчас жара, то море жаркое. Но это не так. Сегодня море ледяное, и мы смогли только помочить наши пятки. Мы с Виталичкой любим всякое море. А Олесичка всегда визжит, когда холодно.

Вчера была жара

Сегодня мы приехали на ветреное море. Ветреное море шумливо и заливательно. Чтобы меня не сдуло, я иду посерединке между Виталичкой и Олесичкой.

Олесичка впереди, потом я, потом Виталик, а потом ветер. Если мы пойдем наоборот, тогда Олеся улетит. Поэтому Виталик нас защищавывает от ветра широкой спиной.

Письмо про письмо

«Дедушка Кияото, вчера Виталику пришло письмо из журнала. Его повесть взяли в публикациванию. Это радостное событие, потому что он уже не ходит на ту работу, на которой был целыми днями, а мы с Олесичкой скучавывали. Теперь он с нами всегда и будет только художниковым и писателевым.

Когда-то ты тоже решил оставить работу, на которой надо быть целыми днями и нельзя быть художниковым. И когда ты ушел, то по-настоящему стал счастливым. Быть счастливым — это самое главное в жизни».

Про сегодняшнее море

Сегодня уносительное море. Потому что сильный ветер несет волны на берег. Я первый раз в моей мире вижу такое море. Олеся сидит на лавочке, крепко держится за меня, чтобы ее не унесло. А Виталику держаться не нужно. Он бегает по берегу и фотографирует уносительные волны.

Не знаю, про что писать

Сейчас я вижу море. Олеся и я сидим на лавочке. Виталик гуляет по берегу. На раздевалке сидит ворона. Наверное, это та самая, которая всегда хочет с нами познакомиться, а мы не знакомимся. Потому что Виталик говорит, что ворона любит воровать все блестящее. Однажды она стащила у нас шоколадку.

Все эти дни шел дождь, и мы сидели дома. А сейчас погода наладилась, и мы тут же отправились на прогулку. И сейчас хорошо сидеть на лавочке, слушать плеск волн и греться на солнце. И вороне тоже сейчас хорошо. Она щурится, чистит перышки и

не хочет никуда улетать, потому что видела у меня шоколадку. Поэтому я ее быстренько съел.

Рыбальное место

Вдоль нашей реки стоит много домов. И все, кто в них живет, ходят ловить рыбу. А мы уже не можем ловить, потому что те, кто там живет, говорят, что это их рыбальные места. Поэтому, чтобы найти рыбальное место, нужно очень постараться. И мы решили отыскать такое место.

Мы отправились вдоль реки на велосипедах, но, куда ни посмотришь, все было занято. А в одном месте нам понравилось. И никто не сказал, что это его место. А Олеся нашла там рыбальный крючок. Виталик сказал, что это крючок, на который можно поймать даже сома. А я думаю, что это был специальный знак для нас. Теперь мы нашли хорошее место. И будем ловить сома.

Настраиватель

Я настраиватель. Я умею настраивать людей. Много людей во всей мире ходят расстроенные. Из-за этого они грустят, плачут и даже злятся. Грусти и злобы выплескиваются из них и собираются тучами вокруг. И тогда пропадает солнце. И расстраивание расстраивается. То есть расстраивание становится в три раза больше. Тогда эти люди идут к другим людям, которые их убеждают, что знают, как стать счастливыми. Те, другие, тоже такие же расстроенные, но они это скрывают и прячутся за улыбку. И первым расстроенным кажется, что вторые — счастливые. Вторые сначала задают первым много вопросов, потом дают много рекомендаций. И первые их выполняют, и им кажется, что становится светлее. Но на самом деле это не свет, а туман, который выплескивается из вторых. Получается, что расстроенные все. И мне их грустно. Я же всех люблю. Те, кто со мной начинает дружиться, выходят из тумана, начинают махать во все стороны руками, тучи разлетаются, и дождь уходит.

Про красный Олесин самолетик

«Дедушка Кияото, я расскажу тебе, откуда появился Олесин красный самолетик. Ей приснился сон. А ее папа — летчик. Только он сейчас в другой мире, не в этой. Он там тоже летчик. Оказывается, в той другой мире тоже есть самолеты.

Однажды у Олесички в этой мире выключили свет. Это не тот, что в лампочках, а тот, что внутри. И ей стало темно. Она долго блуждала в той темноте, и ей было страшно и одиноко. И тогда ее папа из той миры прилетел в этот через сон. Он прилетел на необычном самолете. Таких в этой мире не умеют еще делать. Он прилетел к ней и помахал рукой. Он не мог ничего сказать, потому что между наиими мирами сильные помехи и Олесичка все равно ничего бы не услышала. Поэтому он помахал ей рукой и превратил свой самолет из той миры в красный самолетик для миры этой. И написал на небе: НЕ ПЛАЧЬ!

И включился свет. Тот, который у Олесички внутри. И с тех пор она рисует свои красные самолетики».

Письмо про забывных людей

«Дедушка Кияото, я узнал одну грустную вещь. Однажды друзья спросили у Олеси и Виталика: «У вас есть дети?» Они ответили: «У нас есть Пузик». И эти друзья стали странные. Сначала они забыли звонить и говорить о том о сем, потом они забыли наш адрес и стали проходить мимо дома, а потом при встрече не поздо-

ровались и совсем стали странными. И мне стало грустно за них. Наверное, на них напала такая болезнь — забывание. Я теперь переживавываю, как они там. Если они продолжат все забывать, то однажды они забудут позавтракать, потом забудут свое имя, а потом... Они же могут забыть проснуться! Дедушка Кияото, как же их спасти?!»

Письмо про чемодан

«Дедушка, у меня нет настоящего чемодана! У Олеси и Виталика есть целых два. Но они такие огромные, что в один чемодан помещается второй, а во второй помещаюсь я, овечка Чичи, и много-много всяких вещей-предметов. Мне столько не нужно. Поэтому я сам придумал свой чемодан. Это маленький этюдник. Краски я выложил. Теперь осталось вложить в него мою одежду. Главное, не забыть подарки для тебя, твоих котов, джаз-мамочки и Хирояо. Вы мои друзья во всей Японии».

Письмо про меня

Дедушка, я вытягиватель. Я это понял. Я такой — специальный. Все, кто со мной начинает дружить, вытягиваются вверх. Сначала они внизу и им думается, что внизу — это и есть жизнь. И когда они встречают меня, то говорят: «Ах, какой миленький Медведик! Мы хотим тебя пообнимать!»

И мы дружимся. И они начинают вытягиваться вверх, потому что я знаю многое из того, что есть *наверху*.

Про опасное приключение

Мы часто хотим купить шоколадку и поехать на море. Вчера мы так и сделали. По дороге Виталик рассказывал, что мы *специальные*. Что в этой мире нам нужно много рассказать, чтобы люди увидели, как в небе летают облака.

Мы подъехали к дороге, через которую едет много машин и есть светофоры. Там был ремонт дороги: много тяжелой техники, которая громко шумела и пугала Олесичку. Мы с Виталиком не трусы. Мы всегда защищаем Олесичку. Мы перевезли ее на трехколесе через дорогу и грохотающую технику. И даже нам стало страшно, когда за спиной раздался удар. Мы обернулись и увидели девушку, которую сбила машина. Она тут же вскочила и пошла дальше, но водитель не отпустил ее. Он уговаривал ее поехать в больницу, но девушка не понимала, что произошло. Виталик сказал, что это шок. Олесичка сказала, что не поедет обратно через эту дорогу.

В магазине мы купили шоколадку. Но Олеся не хотела выходить из магазина в громыхающую улицу. И я не хотел, и даже Виталичка. Но все равно пришлось идти.

Потом мы с Олесей сели на велосипед и приблизились к пешеходному переходу. Было страшно, потому что кругом машины и все гудит, пыхтит, грохочет... и еще та девушка... Но тут к нам подошел рабочий и сказал: «Не бойтесь! Я помогу вам».

И тогда Олесичка перестала бояться. Потому что все машины слушались рабочего и пропустили наши велосипеды. И мы, обрадованные, поехали на море есть шоколадку.

Как хорошо, что мы живем в лесу у моря! Но шоколадки продаются в магазинах.

О песне

Вчера на море Олеся сказала Виталику, что к ней пристала песня, она со вчерашнего дня сидит в ее голове и уже нет сил ее петь. Тогда Виталик сказал:

— Я помогу тебе вытащить ее из головы. Посмотри на волны. Видишь, как они выкатывают на берег? Рассматривай их, и навязчивая песня уйдет из твоей головы.

Олеся внимательно рассматривала волны, но призналась, что песня еще громче запела в ее голове.

— Хорошо,— сказал Виталик,— тогда, рассматривая волны, послушай, как они шумят.

Олеся принялась прилежно рассматривать волны и слушать их шум, но песня попрежнему звучала в ее голове. Тогда Виталик сказал, что этот случай «не поддается».

Мы сели на велосипеды и поехали вдоль берега. В голове Олеси пелась ненавистная песня. И вдруг она воскликнула:

— Я знаю! Знаю, как выпроводить навязчивую песню! Я начну петь другую.

И запела! Олеся пела, мы ехали вдоль моря, чайки и бакланы слушали песню. Когда мы вернулись домой, Виталик не стал спрашивать, сидит ли в Олесиной голове навязчивая песня. Он просто видел по ее счастливой улыбке, что прогулка у моря получилась чудесной.

Улавливатель

Я понял! Я — улавливатель звуков. Когда Олесичка и Виталичка уходят делать всякие дела и я остаюсь один, я начинаю слушать.

Я слышу, как тикают часы. Как жужжит на окне муха. Я слышу, как за окном проезжает машина. Она шуршит гравием, сначала громко, потом тише и тише. И когда совсем стихает, я начинаю слышать, как за окном поют птицы и летит самолет. И ветер шелестит листьями на деревьях.

Сначала я поймал тиканье часов. Я ухватился за хвост звука, и он потянул меня за собой по комнате к мухе. Муха потянула к окну, а окно вытянуло наружу, и я услышал, как проехала машина.

Мне нравится быть улавливателем звуков. В следующий раз я половлю звуки на море.

Письмо про сегодняшние сны

«Привет, дедушка Кияото!

Вчера мы жарили на костре сосиски. Это был первый в моей мире настоящий костер! Виталичка наколол березовых поленцев. Сложил из них пирамидку и поджег. И я увидел, как поленца вспыхнули яркими языками пламени. Огонь мне понравился, он веселый.

Потом Олесичка насажала сосисок на шампуры и мы жарили их на огне. А потом ели, любовались костром и вдыхали березовый дым.

А когда стемнело, и костер начал угасать, и я долго-долго смотрел на красные угли, я вдруг увидел космос. Настоящее скопление звезд. Я едва не улетел в этот космос. Но Виталичка взял меня на руки и отнес спать. И мне снились настоящие космические сны. Во сне я понял много важных вещей. Но, когда проснулся, почти все забыл. Я только помню, как во сне мне кто-то сказал, что нам подарили прекрасную планету, которую мы назвали Земля. Такая планета одна во всей Вселенной и больше таких нет нигде. И только здесь могут жить люди и наслаждаться солнцем, вдыхать чистый воздух, любоваться цветами и травами. И только когда мы живем на нашей Земле, мы можем все это видеть и радоваться. Только когда живем здесь. И еще я понял, что день за днем уходят в прошлое. И из прошлого эти дни никогда не возвращаются. И если день прожит впустую, то это грустно, ведь мы не сможем вернуться в него, чтобы пережить по-новому. Поэтому я думаю, что было бы здорово, если бы люди поняли, как драгоценен каждый прожитый день. Потому что, когда нас здесь уже не будет, нам останется только вспоминать, как это чудесно — жить!»

Натюрвита

«Сейчас я хочу поделиться очень важным открытиванием в моей мире. Я долго размышлял над тем, почему люди придумали такое странное слово — натюрморт.

Когда я узнал, что это слово означает — оно означает «мертвая природа» — мне стало печально. Слово «мертвая» меня совсем не радует. А тут еще мертвая природа. Это означает, что написанная художниковым картина, какой бы ни была она прекрасной, сразу же становится мертвой. Интересно было бы узнать имя того шутника, который придумал это неживое слово.

Дедушка, однажды ты мне писал, что в незавершенном есть жизнь. Поэтому зарисовки художниковых выглядят порою более живыми, чем законченная картина. Поэтому я за незавершенность! Я за несовершенство и незавершенность всего! Только тогда, когда есть незавершенность, есть и пространство для устремленности вперед, а значит — жизнь.

Я придумал новое слово. Дедушка Кияото, с этого дня история человечества направляется мною в новый путь. Я направляю человечество в жизнь— в натюрвиту. Только НАТЮРВИТА!»

Про гнездо

Вчера в лесу у моря мы набрели на что-то загадочновое. Сначала мы собирали грибы, а потом Виталичка увидел!..

— Олеся, Пузик! — позвал он. — Смотрите, что я нашел!

Среди сосен, на пригорке, мы увидели огромную корзину. Это сначала нам так показалось. Но когда мы вскарабкались наверх, то увидели, что это гнездо. Только это очень-очень большое гнездо. Оно сплетено из веток, и веточек, и бревнышек. И оно еще не совсем достроено. Словно огромная подкова. Когда я зашел в середину, мне сразу захотелось посмотреть наверх. И я увидел сквозь сосновые ветки небо и облака. И тогда я подумал, что ночью тут хорошо наблюдать за звездами. Теперь я планироваю прийти сюда ночью, войти в середину и посмотреть на небо. И я уверен, что тогда раскрою загадку гнезда.

Вообще, у меня уже есть версия. Я думаю, что это гнездо сплела специальная инопланетная птица. Она прилетает из космоса ночью и высиживает космических птенцов. Только мы их никогда не видим, потому что они вырастают за одну ночь и на рассвете отправляются в космос.

Сегодня ночью я буду первооткрыватель космических птиц.

Как мы живем

Олесичка собирала в лесу грибы и упала. Теперь у нее колено. Она сидит в кровати, а мы с Виталичкой ухаживаем за ней. Я каждый день делаю ей компрессы из водки. За месяц мы уже использовали четыре бутылки. И когда Виталичка идет в наш магазин за новой водкой, он всегда говорит продавцу, что это для медицинских целей. Но продавец, наверное, не совсем ему верит. Но мы не обращаем вниманивания. Мы усердно лечим колено Олесички.

А она тем временем рисует мангу. Она рисует каждый день, Виталичка готовит завтраки, обеды и ужины, а я делаю Олесичке компрессы.

Про поетов

Я понял, кто такие — поеты! Во-первых, поеты — это не только те, кто сочиняет стихи, но и те, кто рисует стихи, пишет стихи, лепит стихи и вырубает их из мрамора. Они все — поеты. То есть это и художниковые, и писателевые, и композиторовые.

А во-вторых, все поеты дадены землянам, чтобы земляне получили возможность приобрести бесплатный билет для полета втуда. Есть два вида билетов: с первыми взлетаешь вверх, а вторые утягивают вниз. Хотя я не уверен. Я думаю, что, утягиваясь вниз и дойдя до самого низа, можно отыскать дверцу, ведущую наверх.

Про наш дом

В нашей доме живут много всех. Особенно на втором этаже. И все они разные. И маленькие, и средние, и большие. А про огромных я уже и не говорю. Только огромные, они в дом не помещавываются, поэтому немножко живут во дворе.

С одними я люблю поболтать о том, о сем. С другими помолчать, с третьими помечтать. Олеся с Виталичкой часто приносят домой всякого интересного, кто им встретится по дороге, в лесу или на море. А однажды Виталичка разбирал ветки поваленного дерева и нашел Коряжку. Мы с ним сразу подружились. Он всегда кряхтит, приговаривая, что он старый и простуженный. Забрался на книжный шкаф, на самый верх, говорит, что там теплее и он всю жизнь мечтал пожить наверху, а то всю жизнь в земле да в сырости проводил. А теперь греется и говорит, что стал ученовым, потому что заведывает книгами.

А еще у нас живет много круглых камешков. Они повсюду: в вазочках, тарелочках, бутылочках. Они веселые и любят похохотать.

А есть — пыль. Она... т-с-с-с!.. Она древняя и всегда. Даже когда Олесичка протирает ее, она потом снова тихо и вежливо садится обратно. Потому что без нее все прервется. Она мне так и сказала: мир прервется. Я люблю смотреть на нее, особенно в солнечный день. Тогда она становится торжественно-мерцательной.

Про корабль

Наш дом — это корабль. Он несется по волнам через осень, зиму и весну в лето. За иллюминаторовыми бушует шторм, и я слышу гул и дребезжание. Виталичка говорит, что это дребезжит железная крыша, которую пора чинить, но на самом деле это шум паруса. Он надувается ветром и помогает нашему кораблю преодолевать осень, зиму и даже весну. Осталось совсем немножко.

Раз-два — и мы снова будем купаться в море и гулять по лесу.

Лицо

У Олесички много лиц. Когда она любит Виталичку, у нее самое прекрасное лицо во всей мире. Но Олесичка любит Виталичку всегда, просто иногда ей нужно быть в другом месте. Поэтому у нее есть еще несколько лиц — на выход. Она не любит их надевать, но приходится. Она считает, что не может постоянно ходить с тем прекрасным лицом, потому что ее неправильно поймут. Но я ее переубеждовываю. Я точно знаю, если Олесичка выйдет на улицу со своим прекрасным лицом, то прохожие начнут вспоминать о том, что у них тоже есть свои прекрасные лица. Потому что точно знаю, что у каждого человека на свете есть свое прекрасное лицо.

Как быстро проснуться

Когда я просыпаюсь, я сразу быстро проснутый. Олесичка и Виталичка долго просыпаются, зевают, потягиваются и никак не проснутся. А я сразу же вспоминаю о том, что сейчас будет завтрак. О своей любимой геркулесовой кашке и, главное, о сосиске. Если вы долго не можете проснуться, вспомните о сосиске, и тогда вы научитесь просыпаться быстро.

Как мы пишем книги

Когда Олесичка и Виталичка писателевые, я всегда им помогаю. Особенно, когда они приходят в сюжетный тупик. Я просто лечу *втуда*. *Втам* находится Вселенская Библиотека, в которой все книги уже написаны. Я всего лишь нахожу ту книгу, которую они пишут, читаю нужную страницу, возвращаюсь обратно и вывожу их из сюжетного тупика.

Я такой

Олесичка говорит, что «мы такого и хотели Пузика — доброго, любящего, нежного, задумчивого, немножко наивного, умного, мечтательного, размышлятельного, заботливого, воображительного, топающего по ступенькам лестницы, заглядывающего в нижние ящики комода, сидящего, когда смотрим кино, впереди всех, говорящего невпопад, выдумывающего свой язык, будящего по утрам, смотрящего снизу, а как будто сверху. Делающего так, чтобы в глазах были лучики».

Да, я такой. И я есть!..

Заключительная глава этой книги

Я закончился неожиданно. Я даже не поверил. Читался, читался и закончился. Я выбежал вперед, посмотрел и не увидел себя. Но это только в книге. Вы не грустите. В жизни я продолжавываюсь всегда. И, может быть, однажды, выбежав вперед, я снова увижу новые страницы моих новых приключениваний.

യായാ

Валерий Неудахин (г. Бийск)

УХОД*

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Среди болот

Им, поселенцам, еще предстояло узнать местность и понять, что их поместили в болото, раскинувшееся без конца и без края. Топи уходили за горизонт, в зоне видимости — ни одного дымка, видимо, жилья рядом нет. Перед народом, сбившимся в отдельные кучки, спокойной мутной от половодья водой блестела река в лучах заходящего солнца. Закат запутался в облысевших от болотной жизни ельниках. Ни горки, ни бугорка — надо же Господу создать такое плоское место. В прохладе вечера, не обращая внимания на низкую температуру, скапливался гнус. Знакомство с ним у поселенцев продолжалось, первую таежную песню он уже исполнял. Детки прятали лица в подолы к матерям, те привычно подвязали платки на лоб, под самые глаза и перехватив внизу узлом рот и нос. Мужики смачно хлопали себя по лысинам, по шеям и в промежутках между ударами прятали руки в рукава.

Недобро приняла земля новых жителей. Сильная половина собралась в одном месте, доверяя занятие ночлегом женщинам. Те затеяли костер, насобирав топляка и хвороста вдоль берега. Вскоре запахло дымом, началось приготовление пищи. А мужская половина принялись судачить и рядить, кому на себя обузу брать, старшим становиться. Выборы надолго не затянулись, единогласно порешили доверить свои жизни в этом гиблом краю основательному мужику из старообрядцев — Сафрону. Тот распорядился первую ночь на берегу провести, вглубь болота не ходить — не лезь, не зная местности. Отдавал распоряжения по-хозяйски, скупо на слова. Первонаперво определили, в какую сторону в туалет мужикам и бабам ходить, а то после пройти негде будет. Далее сказал: «Ночь буду думать, утром решим, кому, чем заниматься. Все! Ужинать, да продукты беречь у меня!».

Поели теплой похлебки, приготовленной на скорую руку,— лучше чем сухая горбушка да пустой кипяток на барже. В наступившей темноте начали укладываться, где место нашли.

Утро началось туманом, густым и тягучим как парное молоко. Руку вытянешь — пальцев не видно, только по слуху ориентировались. В полной тишине слышно лишь шуршание большой воды о берега, да всплески рыбы в спокойном течении. Удивительно, рыбина крупная и играет в белом мареве, да так сильно, что волна до берега доходит. Новоселы спали беспокойно: места необжитые, кто ведает, какой зверь бродит. Да и лихих людей по Сибири много появилось с высылками. Из высаженной на

^{*} Начало в № 3, 2023.

берег партии от первоначального состава почитай вполовину осталось. Здорово выкосила дорога людей на поселение посланных. Не готовы многие оказались к таким дорожным условиям, а что готовит жизнь посреди болот и подавно секретом для многих является.

Заняться нечем, на костре только принялись готовить подобие завтрака. Отойти от общей массы людей страшновато. Потеряться можно. Сидели мужики, коротали время. Нашлись сердобольные, знающие обстановку не понаслышке. Они и повели разговоры. Принялись вспоминать местечко посреди Васюганского болота,— Назино кличут деревню. Там так же на голый берег поселенцев выкинули, практически на пустой земле. Компания подобралась неприспособленная, не сумевшая выжить в таких условиях. Продукты выданные разворовали, началась борьба за жизнь. Грабежи закончились тем, что люди друг друга кушать начали. Называется это по-научному — каннибализм. Дело страшное и распоследнее: себе подобных поедать. Средь местных жителей паника началась, отпор давать принялись всем, кто подозрение вызывал. А за деревней этой название закрепилось — «Остров людоедов».

От таких рассказов окружающая местность еще страшнее показалась. Природа этого края сама за себя кричит: непроходимые болота и топи, большие и малые притоки Оби, выбраться из которых было невозможно. Здесь для поселений не строили заборов с колючей проволокой, побег был сравним с самоубийством. Кто в болота сунется, не зная дороги, и попробуй, разузнай да запомни этот путь, которому прямиком шестьсот километров до цивилизации намерено.

Наслушавшись подобных разговоров, люди совсем загрустили. Получается, на погибель их высадили на берегу. Сафрон не выдержал и окриком указал, чтобы прекратили балагурить. Нечего пугать и попусту языки чесать. Но разговоров прекратить не удалось, нет занятия, туман мешает, вот и ползут эти липкие слухи. Пристают к неразумным и испуганным головам, панику сеют.

Тем временем светало, туман редел, и от ветерка, протягивающего по течению реки, сваливал ватные белесые слои воздуха на север. Открывалась заповедная картина окружающей природы. Напуганная появлением новых соседей живность старательно упряталась в ближайших перелесках. Кругом под ногами вода, просматриваемая на глубину. Сотни лет здесь не ступала нога человека. Перемутить болотную жижу было некому. Редкий зверь, птица выбирали для передвижения множество островков и кочковатые места. Весной практически все залито водой и движение прекращается до спада воды. Эти водно-болотистые угодья — убежище для редкого зверя, он выбирает здесь места обитания, чтобы уйти подальше от главного врага — человека. Редкий гость этих болот — представители малых народностей ханты и манси находили убежище и основали уклад жизненный в соответствии с условиями проживания в природе.

Приезжие расположились на возвышении, берег полуостровом вклинивался в болото своей песчаной почвой. Длинная коса углублялась в водное пространство, справа и слева от нее парили два водоема, скорее озера с непроточной водой. Туман медленно отрывался от поверхности и поднимался в насыщенные влагой небеса, верная примета продолжения дождя. Воздух тяжелый от влаги непроницаем и глух, эхо практически не расходится.

От земли открывались худые разлапистые дерева, скорее лиственница. Без иголок мрачно черные от дождя. Кряжистые пни, искореженные природой, суровыми погодными условиями, как сказочные чудовища утопали в воде среди кочек, кустарника и прошлогодней травы. Чем выше открывалась картина от рассеивания тумана, тем больше поводов возникало для подъема настроения. На вид попали большие острова с деревьями, худыми острыми пиками устремившимися вверх, словно готовились убежать от своей участи. Черные стволы пересекали вертикалями болотистую местность, простираемую сколько глаз видеть мог. Радостными островками зелени рос кедр, не такой высокий, как на Алтае, но привлекательный и оживляющей природу и настроение людей, совсем заскучавших от увиденного. Завидев человека, хоркнул и наметом пошел в сторону северный олень по тропам, одному ему известным. Порхнула в сторону с дороги большая птица, видно, тетерев. Значит, есть ходы в царстве воды. Не все так страшно! Открылись для обозрения, наконец, озера. На поверхности играла рыба, значит необходимо заняться снастями. Сорвались от воды и в повороте набрали высоту две утки. Будет пропитание, жаль, ружьишка нет. Да кто в этих местах особо даст баловаться с огнестрельным оружием?

Сафрон сноровист оказался в делах. Подобрал мужиков поопытнее и разослал в разные стороны, смотр учинить. Велел к вечеру вернуться. По одному наказал не ходить, топко, всякое может случиться. Мужики спорить вначале взялись: чего ходить, только ноги бить.

- Вона, лесу недалече хватит на постройки, место здеся ровное,— причитал плюгавенький.— Опять же река рядом и открытое место, зверя видать далеко, не подкрадется. Чего время тратить?
- А жрать ты чего собрался? Бабам огороды нужны, а на песке много ли нарастет. Место-то оно открытое, да как зимой задует, выхолостит жилище. Лес на жилье оно, конечно, есть, только дрова потом готовить и за три версты к печи доставлять, очень выгодно? Да и с глаз нам убраться подальше нужно, а то торчим как бельмо.

И пошли посыльные искать удобнее место. Вернулись засветло, не разбежишься — одна водная хмарь кругом. Но отыскали удобный остров для проживания. Удачный во всех отношениях: возвышенность небольшая, лес из хвойников и лиственные деревья имеются. Родник чистой воды стекает в озеро. Опять же хорошие подходы к воде. Каменные останцы вырастали из земли, что редкость в этих краях, на печку будет материал. Одним словом подходящее местечко. Да и от берега недалече.

Собрали скарб, да какой особо-то? Взяли всех почитай с постели, в одних портках, половина населения и того хуже — босиком. Вот и начинай новую жизнь. Выспросили у общества, с чего начинать, и взялись за жилье. На первое время шалашей наставили, переночевать и от непогоды укрыться. А там принялись за крепкое жилье. Месяц лес пилили, обрабатывали, доставляли. Инструмента мало и за короткое лето поспешать следовало. Срубили три барака, наполовину в землю вкопаны. С печками. Глина обнаружилась удачно, рядом. Внутри нары обустроили, иначе нельзя. Всем укрываться надобно.

Только дед Аржан отдельно для себя жилье устроил. Поднял чадыр — аилом в их понимании назывался. Три большие жерди поднял, помельче — кругом расставил, обустроил корой, что от заготовки леса оставались. Иван и Амыр помогали ему вечерами. Небольшое вышло жилье, но по всем канонам правильное. Внутри очаг для огня с открытым дымовым отверстием, нары невысокие над полом поднял. Щели мхом обложил, низ глиной обмазал. Молодые смотрели на эту причуду старика снисходительно, активно помощь оказывали. За игрушку принимали. Если бы они предвидели, как дальше сложится. Насколько выгоднее землянок оказалось такое жилье.

Пока шло строительство, женщины занимались огородом. Раскопали землю, побросали в нее семена, какие под рукой оказались, что припрятали. Мешок картошки, сгруженный вместе с мукой, берегли. Глазки повырезали и в землю. Только взошла плохо, кто же доброй, годной на семена, оставит. Наполовину подгнившая и порченая оказалась. Амыр с ребятами занимались промыслом: рыбалкой, охотой, заготовками разных трав и ягод. Только на новом месте не все получалось. Первое время дичь прямиком на остров выходила, а спустя время обходить стала стороной. В болото не сунешься, морозов ждать нужно. Рыбачили на реке, когда удачно получалось, а были дни и пустые возвращались.

Вспоминая поучения матери и бабки, мальчишка собирал травы. Помогал ему Аржан, тоже знавший много: какая и от чего помогает, когда собирать и как сушить.

Пришло время бить орех, кедры здесь не сравнить с алтайскими: те в небеса кроной уходят, а эти маленькие, недоросли — шишек по несколько штук. Вот и бродили от одного дерева к другому. Умаешься, пока набъешь. С переноской беда, мешков нет, что только не приспосабливали. Но худо ли бедно, однако наготовили.

Катастрофически быстро приближались осенние холода. Пищи, добываемой с огорода и от охоты с рыбалкой, явно не хватало на большую массу людей и ораву детишек. После брусники пошла клюква, запасы создавали большие, да хранить особо негде. Здесь пригодился опыт деда Аржана. Надрали ему бересты с чахлых березок, он плел короба. Урожай в них на хранение ссыпали. Опять же грибов невидимо, только знай, какой брать нужно. Солить не во что и с солью проблема, но вокруг бараков на ветках деревьев сушили. От пищи мужики справнее вес набрали, от изматывающей летней худобы, нажитой на заготовке леса и строительстве землянок. Повеселее жизнь показалась, не такой страшной, как по-первости.

Дела налаживались. Не совсем сытно, но терпимо переносить тяготы. Заканчивалась мука, и это немедленно отразилось на настроении поселенцев. Первые недоразумения появились при расселении в землянках. По 40—50 человек планировали, и детей в привесок в каждое жилье, да только кому не хватило места, кто-то сетовал — далеко от печки. Нары, опять же, как делить, коли первый и второй этажи имеются. Вскоре начались вспышки агрессии, выражаемые пока в ругани, но негатив накапливался, и выплеснуться ему некуда. Ругаются две бабы: мусор одна подмела на половину второй,— страдает весь барак, а с ним и по поселку бежит недоброе. Каждый к своим правилам привык, а тут общежитие. У нас и без того каждый суслик в своем поле агроном, а тут поле маленькое, а народу много. Попробуй, загаси, коли не знаешь, что зима покажет.

Про них как будто забыли, за лето к берегу не причалил ни один захудалый пароходишко. Из начальства никто не поинтересовался, что сталось с людьми. Попытки с просьбой остановки любого судна ни к чему не приводили. Получается — бросили поселенцев и выживай как знаешь. Вскоре появились первые дымы, изморозь высыпала на пожухшие болотные травы. Забереги взялись коркой льда. Печи затопили. Кочковатая болотистая местность укрылась первозданной белизной и только ягоды клюквы, как капельки крови, пестрели на чистом пространстве. Зажировавшая утка давно поднялась на крыло и отправилась на юг. Туда, откуда прибыли переселенные государством люди. Еще когда в небе журавли закурлыкали, дед Аржан по приметам, одному ему известным, вывод сделал: голодный год предстоит пережить этой не до конца организованной массе людей. Появились невидимые тропки зверей, заметные на снежной пороше. Подмерзли блюдца болотной воды и в некоторых местах держали вес взрослого человека. Зима. Страшное для поселенцев время.

В один день услышали на реке протяжный гудок, кто-то с молодых взобрался на останец и оттуда прокричал, что пароход грузовой пристал к берегу. Сорвались с места, побросав работу, мужики и бабы. Побежали в сторону реки, узнать по какой надобности прибыли. С парохода сгрузили несколько мешков муки, какой-то инструмент. Капитан указал, что скоро будет возложено государственное задание на заготовку леса: пусть мужики настраиваются на работу. С весной к ним явится уполномоченный, жилье для него и контору надобно построить. С тем и уплыл корабль в верховья Оби, спасаясь от приближающегося ледостава.

Вот с этих мешков и началась свара. В любой деревне осень воспитала у крестьянина тягу к накоплению, чтобы зиму выжить и к весне выбраться всей семьей. А семьи большие в России. У каждой хозяйки в закромах запасы должны прикапливаться, и любая баба, даже не вздорная, плешь мужику проест, чтобы припасы имелись. Ночами эти кукушки мужикам напевали, что ли? Только поутру хмурые люди выходят на работу, общественное не привлекает, свое тянет. Принялись ругаться по пустякам, за топоры хвататься.

После крупной разборки одна семья попросилась съехать в другую землянку. Никакие уговоры не помогали, а кто ж им место освободит, вроде прижились на сво-их нарах. Сафрон инструмент прятал, чтобы ненароком не возникло желание им помахать. Ор с утра и до вечера, не прекращался и на ночь. Ощущение опасности от приближающейся зимы и ощущения нехватки продуктов на зимовку будоражили и тревожили. Началось мелкое воровство. Прятали наворованное в схронах, в сухих местах нарытых. Кто послабее, поняли, что зиму пережить не удастся и обреченно готовились принять удар судьбы. Никакие увещевания со стороны здравомыслящих результата не давали. Нервная лихорадка овладела большинством. За одну ночь опустел огород, выдрали и унесли с ботвой все, что народилось. Успели семена отстоять, Сафрон под особую защиту их взял, спрятал так, что не найти. В Назино только за первый день после того, как прекратили силовым методом подобную панику, похоронили за день до трехсот человек, потом устали, неубранных оставили на второй день. Ужель подобное повториться может?

Заставили разделить привезенную муку. Долго судили и рядили, каким образом поделить: по едокам или на работающего. Аржан с Иваном в споры не лезли и не настаивали на своей пайке, не стремился к этому и Амыр. Он давно понял, что ему, мальчишке, вряд ли что от дележки достанется. Рассчитывала троица на другое. Припасы ягод, грибов и трав, ореха, а остальное охотой добудут. Иван приноровился петли ладить, ловушки копать на тропах. Научил этому и Амыра. Дед оказался мастеровитым, вспомнил старые промыслы. Из шкур, добытых летом, сшил и одежду, и обувку. Как умудрился жилами сшивать отдельные лоскуты? Так или иначе, к зиме готовились. Жить продолжали в общих землянках.

Зима пришла сразу! В одно прекрасное утро поселенцы на нижних нарах проснулись не по времени, а от холода. Резко ударили морозы. Почва, пропитанная влагой, враз оледенела. Моментально остывшие камень и грунт набирали в себя холод. Отдали в окружающее пространство тепло печи. Натопленного на ночь оказалось недостаточно, куржаком покрылись двери и потолок. Амыр и Иван проснулись рано, прижались друг к другу спинами, затем начали одевать все, что было под рукой. Туалет внутри подготовить не успели и жители выбегали по нужде на улицу. Происходило это чаще, чем обычно. Виноват холод. Утром площадка у входа превратилась в желтый каток,— кому нужда бегать далеко, авось никто не увидит. Так думали многие, от того и желто от мочи вокруг.

Амыр подтягивал ноги все выше к животу, но от низкой температуры спрятаться невозможно. Пальцы на ногах пощипывало, а вскоре начало колоть иголками. Мышцы стягивало судорогой. Попытки нагреть помещение растопкой печей не помогали. Не догадались соорудить печи у входа, отсекая холодный воздух от двери. Холодно! Видно, что большинство уже не спали, но оттягивали время и не вылезали из кучи тряпок, которых и без того был минимум.

Нижние нары накалились, волна холодного воздуха поднималась все выше. Вскоре поселенцы покинули нижние настилы: кто-то работал, большинство оставшихся сгрудились возле печи. Теплый воздух от огня не циркулировал, так как сидящие рядом перекрывали движение. Но отогнать их от живительного тепла никому не по силам. За дровами ходили лишь добровольцы, которые и шли за топливом ради того, чтобы согреться в работе. А мороз крепчал, люди к исходу пятого дня совсем перестали двигаться, обреченно готовясь к худшему. Благодаря тому, что все перебрались поближе к печи, Иван и Амыр забрались на второй ярус. Но и здесь преодолеть холод казалось невозможно.

Добрая половина жильцов простыла в виду нехватки одежды и отсутствия теплых вещей. Укрыться не представлялось возможным. Кашель, чих. Сопение и стоны заполняли ночь, готовить пищу оказалось неудобно, не хватало посуды, а от общего котла все отказались. Нахождение в землянке больше напоминало каторгу, и вскоре

дед Аржан переманил к себе в аил детей, как он окрестил молодых соратников по поселению. Здесь ребята почувствовали преимущества такого жилья: не жарко, но удобнее и надежнее, чем в землянке. Втроем сподручнее таежную зиму пережить.

Переход оказался своевременным. Начались случаи смерти среди поселенцев. Высокая температура и сухой кашель валили люд на нары, вводили в бессилие. А поскольку врача не предусматривалось, помощь оказывал только дед Аржан. Ему вначале не верили и гнали с травками и чаями в аил — какая, мол, от этого польза? Как старый не просил, чтобы при малейшем недомогании люди ставили в известность, пересиливало русское «авось». И оттягивали момент до последнего. Со временем пришло осмысление, что с сибирскими болотами шутки плохи. Оказалось поздно и время принятия превентивных мер прошло. Количество мертвых перевалило за полсотни.

Сафрон заставил складировать трупы в небольшом приямке в ста мерах от жилья. Их складывали штабелями, так как похоронить, долбить в мерзлом грунте могилы в таком количестве не хватало сил. От потравы зверем делали навес над штабелем. Решили ждать весны. Холод по-прежнему донимал, не хватало тепла, вещей и качественной пищи. На охоту ходили Иван и Амыр, они и стали основными поставщиками мяса для голодающего населения поселка.

Холода крепчали. Окружающая местность изменилась до неузнаваемого. За короткое время насыпало снега, намело сугробы, наморозило инея. Из всего обилия цвета, существующего в мире, остался черный, белый и голубой. Перелески присыпало с вершинами, хвойники ушли под сугробы с головой и нагнулись, соединившись вверху макушками, создавая трубы-тоннели, по которым передвигаться можно в полный рост. Где хорошо намело, оказалось просто непроходимо, снега выше человеческого роста заполонили свободное пространство. Болотистые, открытые места превратились в белую перину, по внешнему виду ни за что не подумаешь, что под этой ровной массой встречаются кочки, местами и блюдца открытой воды.

Засыпало и землянки, только трубы выдавали местоположение жилья, да тропинки-переходы между бараками. Люди прекратили обращать на себя внимание. Ходили в лохмотьях, передвигаясь в тряпках и шкурах. От обморожений коростами покрывались руки, лицо. Многие стали неузнаваемы. Работы приостановлены, только заготовка дров, запасы которых таяли на глазах. А сибирские морозы все давили и давили, вскоре ощутили недостаток леса, заготовленного для печей. Новых работ по пилке и колке дров не вели. Вокруг поселка обломали большие и малые ветки на высоту человеческого роста. Холод косил людей, собирая свою страшную дань из жизней людских. Вскоре выгнать поселенцев из землянок на улицу превратилось в непосильный труд для Сафрона. Люди уже не считались с авторитетом старшего, просто игнорировали его распоряжения. Пришел и голод.

Голодные истощенные люди, под страхом быть застигнутыми в преступлениях перед товарищами по несчастью, забывали о трудовых навыках, тем более о борьбе с возникшими проблемами. Плыли по течению жизни, не обращая внимания на все препятствия, что строила им река жизни. Все это приводило к отчаянному положению, превращавшемуся со временем в безвыходное. Обледеневшие, замерзшие, они не способны уже жечь костры, готовы только сидеть, лежать, спать у огня, бродить по острову и есть гнилушки, кору и особенно мох. Заживо угорали у печей во время сна, умирали от истощения и холода, от ожогов и сырости, которая окружала. Так трудно переносился холод, что один из поселенцев залез в горящее дупло и погиб на глазах людей, которые не могли помочь ему, сами еле шевелились.

Инстинкт сохранения жизни у человека присутствует и выше чем у животных. Попытки выжить в столь экстремальных условиях заставляют мыслить и поправлять положение. Мозг судорожно придумывает выход из сложившейся ситуации. Но наступает момент — переступается черта, за которой только полное равнодушие к ок-

ружающему миру. Животное умирает в одиночестве, уходит подальше от сородичей. Человек — на глазах представителей своего рода и смертью своей вносит сумятицу в головы живших с ним людей. Они, не сознавая, отмечают факт смерти и невольно думают о ней, о своем состоянии. Потеря веры в лучший исход, безразличие, эмоциональное выгорание приводит к бездействию, и влекут куда более страшные испытания, чем голод и холод. Паника и хаос перечеркивают все стремления и старания выжить. Одним словом — безнадежность!

Умирали от болот!

Кто жил целью — карабкались по жизни и выбирались, потерявшие цель — умирали. Тяжелые условия пробуждали низменные инстинкты в обыденности. Чтобы выживать, нельзя было оставаться человеком. Или наоборот — оставаться им! Ради пищи шли на воровство, отбирали у слабых. Похлебки превращались в жидкую баланду, порой состоящую просто из кипятка. Матери завязывали детям глаза и заставляли ложками хлебать варево, теплое попадало в желудок. А там кому что пригрезится в мыслях. Выручала порой охота, но животные, почуяв угрозу от человека, убирались дальше в болота. Добыть дичь становилось труднее.

Иван с Амыром как и прежде уходили добывать зверя, оставляя деда в поселении. Они изучили окрестности, знали звериные тропы и безошибочно ориентировались в белом безмолвии царственных болот. В один день, вернувшись с неудачной охоты, обнаружили потраву. Еще на подходе отметили, что над аилом не струился дымок, ужель дед проспал или занемог. Вокруг жилища все истоптано, припасы, находящиеся в аиле, растащила голодная толпа. Дед Аржан лежал на полу, не в состоянии пошевелиться, так сильно избит. Да много ль старому надобно, с одного удара на землю свалили, пнули несколько раз и, воспользовавшись беспомощностью старика, растащили съестные припасы. Спасло троицу то, что предусмотрительный дед создал запас и спрятал его недалеко, но надежно.

Отходили дедушку травами и чаями, лучший кусок подсовывали незаметно ему за обедом. Но из осторожности не стали приносить добычу в аил, а оборудовали недалече от поселка лабазы, где и прятали добытое, до поры до времени. Старый обиды на соседей не держал. Что возьмешь с людей, потерявших разум от голода, их принять нужно такими, какие есть. Только добром и терпением лечить эту напасть можно. Все так же подкармливал детвору мясом и бульонами, носил ягоды и травы в землянки. Скоро происшествие с нападением забылось, да и потеплело на улице. Народ добрее стал, бабы уж и каяться приходили. Ну да кто старое помянет, тому глаз вон.

За всеми событиями не заметили, что начался новый год. С февральскими метелями плавно перешли в март. А вскоре к весеннему солнцу потянулись растения, травы — поселенцы варили похлебки из свежей травы, подпитывая организм витаминами. С теплом налаживалась жизнь. Жильцы, как звери, зализывали раны. Похоронили умерших в течение зимы. Сначала думалось — каждого отдельно, но прикинув объем работ, выкопали единую яму, снесли в нее покойников и засыпали, придавив сверху камнями. Начали раскапывать огороды, принялись за возведение избы для начальства — страх перед властью оставался и требовал хоть как-то обозначить работы. Вскоре с реки донесся гудок парохода...

Амыр шевельнулся, вспоминая какие надежды возлагались поселенцами на прибытие руководства. Увидит начальство, что жизнь невыносима и невозможна на этом берегу, и изменит им место поселения. Как ошибались люди. Не понимали, что на крушении цивилизации можно заработать больше, чем на ее создании. С этими мыслями неподвижно сидевший старик пошевелился. Перевернет ли судьба последнюю страницу его жизни? Пора! Он безмерно устал! И все же услышал, как осыпается иней с кустарника под тяжестью птицы, севшей на ветку. Она, приняв его за сугроб и не почувствовав жизни в снежной куче, запела восставшему из тьмы солнцу.

Способен ли еще Амыр спеть песню, ожить и вдохнуть движение в свое замер-

шее от ожидания тело. За время, которое он провел на горе, нельзя изменить жизнь, но за эти часы можно изменить мысли, определившие новое существование. Только не хочется дальше жить и искать для этого пути и возможности. От таких умных мыслей пошевелился, напугав птицу, и покряхтел с досады на себя. Та вспорхнула, вновь осыпала колючие иголки инея на мягкий снег. Нужно умереть полностью, впервую голову перестать мыслить. Только это плохо удавалось, хотелось еще раз пройтись по вехам жизни...

Оставшиеся в живых люди побрели с надеждой на берег.

Маленький пароход стоял под парами, баржа причалена к урезу воды. По сходням спускались люди, состояние которых позволяло сделать умозаключение: привезли еще партию поселенцев. По установленным правилам сгрузили инструмент и пару десятков мешков с мукой. Пока в неразберихе толкались, пихались, задавали друг другу вопросы, катер поднял волну и отвалил от берега. Следом пошла по волне баржа вниз по течению, видимо, не всех горемык выгрузили из трюма и следующая партия направлялась еще дальше на север. Обреченные люди, прожившие год на безлюдном месте и прибывшие, не успевшие отдышаться на свежем воздухе, смотрели с любопытством друг на друга.

Одни свыклись с положением вещей и окончательно поняли, что обратной дороги нет. Погибель ждет их на берегу великой сибирской реки. Прибывшие вглядывались с надеждой — жива же первая партия, значит все не настолько плохо. Но чем дольше рассматривали состояние встречавших, тем отчетливее понимали угрозу для своей жизни. Пережившие год в болотах понимали самое главное. Их обрекли и ничего не исправить. И прежних, и вновь прибывших.

Вскоре послышались команды, исходящие от огромного роста мужика, внешним видом напоминающего Стеньку Разина. Подал голос прибывший распорядитель работ. Он живо интересовался у Сафрона, где поселение и куда вести людей. Добрались до жилья. Новая партия с раскрытыми от ужаса глазами смотрела, как разместились их предшественники. Если до этого на лицах бродили улыбки от знакомств, от расспросов, то теперь их сменила унылая физиономия. Когда поняли, что расположено под холмом свеженасыпанной земли, развеялись всяческие иллюзии на благополучный исход.

Официальное теперь уже лицо с возмущением выговаривал, что поселение разместили не в том месте, не построили жилье для прибывающих, не заготовили лес! Постоянно тыкал толстым пальцем в какую-то бумагу и махал рукой в сторону болота. От этого крика становилось страшно и безнадежно. Как не пытался Сафрон объясниться, что им-то никто и ничего не растолковал: где встать, сколько построить и что заготавливать. От такой несправедливости старые поселенцы потеряли дар речи и молча, сбившись в кучу, смотрели на распорядителя.

Наконец решили ночевать, а поутру следующего дня двигаться на новое место. С большим трудом разместили прибывших на освободившиеся места, уплотнились и утрамбовались. Провалились в тяжелый сон, полный впечатлений и огорчений от дневных событий. Утро встретило старых и новых жителей тревожным туманом, видимо, нет в природе другой погоды для знакомства с прибывшими, словно природа пыталась закрыть от людей страшное будущее. Влажная трава, набрякшие листья на деревьях, а вместе с тем промокшая сразу до безнадежного состояния одежда угнетающе действовали на поселенцев. Вновь их ждали трудности обустройства, тяжелая работа и постоянные попутчики: холод и голод.

Радовало одно — появилось руководящее лицо, способное взять на себя ответственность за происходящее. Распорядитель оказался не большого ума и, несмотря на увещевания Сафрона, приказал трогаться в путь. Как ни объясняли ему, что в таком тумане это опасно,— первыми пошли мужики, ступили в болотную жижу, и чавкающая грязь принялась засасывать людей. Распорядитель молчал и упорно подталкивал

на тропу, пока не провалился один мужик по самую шею, еле успели выдернуть из трясины. Начало не обещало хорошего, и не оставляло надежд. Остановили движение, присели на берегу и смотрели, как туман отрывается от кочковатой местности. Появилась болотная трава с крупными каплями на стеблях и листьях, в лужах сплошным слоем плавала ряска. Казалось, кроме зеленого и серого цветов в этом мире ничего нет, даже лица людей просматривались пятнами землистого цвета на белом кружеве водяного марева, устроившего такой праздник для встречи.

Появились пики редких лиственниц, которые худыми изможденными стволами сцепляли мокрую согру с низким небом. Как водится, забутил дождь, мелкий и нудный. Без того убитое настроение безнадежно тяжелым бременем улеглось на плечи людей. Но шли дальше под чавканье засасывающей в глубину грязи. Отдельные бросали взгляд назад, там, где вода восстанавливала картинку нетронутости и заполняла пространство между кочек. Все меньше надежд оставляя на элементарную веру выйти на берег. Не скоро, но под ногами почувствовалась, наконец, твердая почва и начался небольшой подъем.

Иван и Амыр знали эти места, попадали не раз в походах на охоту. Здесь начинался хороший лесостой, так что карта у распорядителя оказалась верной. Хвойники уходили макушками высоко в небо и в хорошую погоду подпирали облака. С обратной стороны этого большого острова пробегала средней ширины река, метров пятьдесят. По ней, видимо, и планировался сплав леса до Оби. Но до заготовительных работ казалось много пройдет времени, мужчин среди поселенцев осталось в живых мало, на кого рассчитывало государство? Для мужика голод — главная опасность. Организм требует еды и при ее недостаче быстро теряет работоспособность, а там и выживаемость. Теряется мышечная масса, а с ней уходят силы. Женщины и дети более приспособлены, и выживают. А вот здоровые с виду представители сильного пола умирали в первую очередь.

Чувствовался опыт в организации дел у распорядителя Митрофаныча, так он велел себя называть. До осени успели срубить новые землянки, заготовить лес, создать запасы пищи, пусть не столь великие, но позволяющие с надеждой смотреть в будущее. Все крутилось вокруг здания «конторы», которое построили первым, затем жилье. До этого ночевали под открытым небом. Работали все без разбора: мужики, бабы, дети. Больным нашлось занятие — огород. Иван с Амыром, отряженные на добычу мяса охотой, на лесоповале появлялись лишь в дни аврала. Скопится работы невпроворот, о них вспомнят.

Печальный опыт первой зимовки помог обустроиться и приготовиться к холодам. Умер дед Аржан. Ведь обрадовался новому месту, здесь деревья, как людская надежда, к солнышку тянулись. В хорошую погоду давали тень, в дождь стряхивали капли на землю и прибивали пыль. Большой кедр недалеко от землянок — любимое место старика, он под ним любил сиживать в редкие минуты затишья. Молился и просил помощи для всех работающих. Дерево полезное по его разумению, даже в дождь под ним сухо. Иголки по пять в пучок растут с почки. А запахи хвои и коры с ума сводили, напоминая о доме. Аржан говорил, что надышится — и словно на свободу вышел и на родине побывал.

Ближе к полудню попросился на открытое место, сам не смог идти, поглядеть как журавли улетают. Птиц давно уж не видно, да, наверное, в воспаленном мозгу деда они все тянули клин на юг, в сторону Родины. Так и отлетела душа за журавлиным криком, поднявшись в высоту недосягаемую. Светлая и святая душа покинула мир. За день до этого позвал вечером на улицу, отвел в сторону и напутствовал:

— Бегите домой, ребятки. Как бы трудно не пришлось. Здесь не выживете, я бы давно ушел, но силы не те. Иван, ты Амыра не бросай, жаль парнишку, он один в этом мире остался. Держитесь друг друга и выйдите к людям. Там в глаза не бросайтесь, негоже на виду беглому быть. Эх, кабы хоть какой документ...

Не утерпел и приоткрыл глаза Амыр. Давно такой красоты не видывал. Засыпанные снегом от макушки до подошвы горы на фоне голубого неба белыми гребнями подпирали облака. Тишина звенела первозданностью и оглушала глубиной. Не слышно движения, зверь спрятался, птица не летит. Ужель найдется живое существо, способное нарушить эту природную девственность? Травинка перед глазами замерзла от инея, который собрался ее укрыть, да перестарался и осыпал белыми иголочками, как в шубу укутал. Дунь ветер — и зазвенит белое очарование снега.

Мысль дурную до себя не допускаешь, кажется, все услышит твое неуважение к природе и отзовется, накажет за нетерпение к погоде. В таком Благовесте со снятой шапкой на коленях стоять и слушать до боли в ушах, надеясь воспринять хоть какойто звук живой мелодии. Только часто ничего не учуешь, да невольно сам нарушишь и каешься после, что не сумел утерпеть, оплошку допустил. В такое время самое лучшее молчать и созерцать, природа всю себя наизнанку выворачивает. Редко такое откровение выпадает человеку, суетится он. Терпения не хватает, а от нетерпения этого все ошибки в жизни случаются...

Побег

Время не ждало, а подгоняло поселенцев с планом по лесозаготовкам, с приближающимися холодами. Спешка ломала людей на заготовках леса, так и не было доктора, а лекарь Аржан подался в мир иной. Многое знал Амыр, да кто его слушал? Не проходило недели, чтобы кто-то не изувечился на лесосеке. Здоровый народ убывал, трудности одолевали, но старший гнал план, не считаясь с обстоятельствами. Вскоре в поселении на день оставались изувеченные и больные, остальные шли на работы. Остановилась заготовка продуктов на зиму, Иван с напарником вынуждены взять в руки топоры. А зима торопила желтой мягкой листвой, пожухлой травой, уменьшающимся днем и бесконечными больными ночами.

Свежий снег, как водится на Руси, упал на подмерзшее болото и сковал ледяной коркой деревья, землю, а с ними и инструмент. В первый день снегопада от неосторожного обращения при транспортировке бревен к лесоскладу на реке придавило насмерть двух женщин и подростка, изувечило мужика, бросившегося на помощь. Вскоре пошли простудные заболевания. Люди неправильно обувались, да и особой обуви ни у кого не припасено. Амыр по осени нарвал охапку травы, ее называли «обувальная». Эту траву клали на портянку, укутывали ногу, потом надевали бахилы из шкуры зверя. Любую работу делали с Иваном в зимнее время без боязни. Ни вода, ни снег не страшны, при любом шевелении ноги начинали гореть огнем, как в печке.

Холода валили народ. Главный же гнал на работы, словно не замечал, людей становилось меньше. Из разговоров уяснили — распорядитель тоже на поселение направлен за прегрешения перед властью. Семью не тронули и ему задачу поставили: выполнить план по валке леса. От того и лютовал горемычный. Понимая, и его семью может коснуться такая жизнь. А может уже давно в другом месте на берегу реки план гонят. Река Обь длинная и болота нескончаемые.

Пришедшая зима принесла те же беды, что первая. Холод, голод, болезни и склоки. Только теперь уже между группировками старых и новых поселенцев. Первых значительно меньше осталось в живых, и они постоянно проигрывали в спорах и драках. Порядок никто не требовал, разве только Сафрон. Митрофаныч к ледоставу понял-таки, что его бессовестно обманули и забирать с этого гиблого места не собираются. Пал духом, перестал выходить из конторы. Гнать на работы голодную и озлобленную толпу толи совести не хватало, а может, боялся гнева людского.

Опять в ход для питания пошли корни, мох, кора. Привычно уже обозначили место, куда стаскивали поутру умерших. Сафрон со своими единоверцами под страхом смерти не давал разграбить семенной фонд. Караулили, но все балансировало на гра-

ни. Иван не сидел сам и не дозволял Амыру, каждый день уходили на охоту. Пережили зиму, помогли многим остаться на белом свете, спасая от голодной смерти.

С приходом весны посчитали и прослезились от поредевших рядов поселенцев.

За зиму пару раз наведывались вооруженные разъезды на лыжах. Спускались вниз по реке и контролировали порядок. Интересовались, нет ли беглых. Долго не задерживались, увидев и поняв, какая катастрофа образовалась на острове. Весной прибыл пароходик и вновь с баржи погнали в болота новую партию поселенцев. С ними прибыл новый распорядитель. Митрофаныч воспрял духом, но ненадолго. Поскольку переведен, как не справившийся, в обыкновенного работника с наделенными полномочиями бригадира. Появились и два вооруженных конвоира, которые оставлены, видимо, для соблюдения порядка. Образовалась комендатура.

Вновь застучали топоры, запели пилы, оживился лес криками людей. Что готовила третья зима? Иван принялся готовить побег. Понимал — дело серьезное, по тайге шестьсот километров. Летом соваться в болота — напрашиваться на погибель, необходимо дождаться зимы. Помня слова деда Аржана про справку, задумались, как раздобыть документ.

Способ вскоре открылся, просто лежал на поверхности. Охотились и приносили дичь в поселение, но был и побочный результат охоты. Нет да попадался соболь, шкурки которого они бережно прятали в надежный схрон. Они не думали, зачем нужны эти трофеи, просто жаль разбрасываться такими подарками судьбы. Видимо пришло время для решительных действий. Ненароком намекнули распорядителю, что могут добыть ценный мех, до конца не признавались, опаску держали. И словно предвидели обман. Испугался начальник, что раскроется подлог, и отказал в последний момент. Шкурки, правда, забрал, забыв об обещании справки оформить. Зато не устоял перед другим соблазном.

В середине лета объявили выходной день. Помыться, одежду и обувь подремонтировать. Иван с Амыром, как водится, отправились проверить ловушки в тайге. С одеждой все в норме, дед научил крепко жилами сшивать шкуры. Потому и решили поохотиться. Погода подсушила местность во многих местах, ушли далеко от поселка. В такие часы открывались все новые уголки необъятного болота, находились потаенные тропы и направления, неразличимые с первого взгляда. Обнаруживались и следы, оставленные человеком. Что в таких местах нужно людям? Насколько далеко они могут оказаться в лесистой местности, и по каким причинам. Жилых сел поблизости не располагалось, охотиться далеко — нет здесь угодий для промысла. Знать другие причины гнали в гиблые места человека.

Вдоволь нагулявшись и добыв двух зайцев, возвращались домой. С маршрута сбились в сторону, хотя направление выдерживали, и двигались ходко, оставалось пройти не более трех километров. Встретился на пути ельник, густой и прилично высокий. Нижние разлапистые ветви опускались над землей, образуя полог, который закрывал от постороннего взгляда, если встать под дерево. Подушка из хвои, наполовину перепревшая, превратилась в мягкую перину. Под ней и гнуса не видно, в стороне держится, сели передохнуть, Амыр повел глаза в сторону и недалеко увидел необычное: что-то белое притянуло взгляд. Страшновато, и он тронул рукой Ивана. Они настолько сработались и приноровились друг к другу, что товарищ без вопросов пригнулся и принялся всматриваться, затем поднялся на носках, ног двинулся в нужном направлении.

Костровище, давно размытое дождями. Тряпки, разбросанные вокруг. Но самое неожиданное — в этом месте в куче тряпья просматривался череп и скелет человека. Кости, отмытые осадками добела, выеденные зверем и частично разбросанные. Нечто, подобное котелку. Истлевшая ткань заплечного мешка, нож, топор со сгнившим топорищем. Остальное давно растащено, даже табак в кисете мыши распотрошили. Какая судьба закинула охотника или беглеца? Давно уж перестали ждать дома, а он вот где упокоился.

Решили похоронить, не лежать же неприбранным. Нашли недалеко приямок, углубили его палками и принялись переносить. Иван поднял с земли кожаный мешочек, упрятанный под тело,— показался тяжелым по весу. Раскрыли и ахнули от неожиданности. Несколько мелких самородков и золотой песок. Амыр раньше не видел благородного металла и с удивлением и любопытством рассматривал. Вот какая недолга загнала сюда искателя приключений. Разобраться, что случилось, невозможно, время ушло. От ран умер, от нападения дикого зверя, или просто замерз зимой. Попробуй, разбери.

Хотели мешочек тот вместе с человеком в могилу положить. Не твое — не трогай, человек под смертью ходил, добывая. Не донес! Но решили оставить, мало какая возникнет надобность. Присыпали землей, обложили камнями от ручья. Поставили крест, пользуясь ножом. Крепка сталь оказалась, почти не тронута ржавчиной.

Это золото и использовали для подкупа распорядителя, добыли документ — справки о снятии со спецучета в комендатуре.

На улице крепчали декабрьские морозы, близились снега и бураны, нередкие для такого времени в этих местах. Все подготовлено к побегу, и товарищи ходили в раздумье. Оставаться далее нельзя, поскольку найдется весомая причина сжить их со света. Долго конвоиру пальнуть и затем объяснить причину. Да и кому будет объяснять? Если уходить, то тем более по следу быстро настигнут, а там — при попытке к бегству. Охране за пресечение попыток премиальные начисляли. Как быть? Эта мысль не давала покоя друзьям. Помог случай.

Погода словно рассердилась на долгое бесснежье. Ветер нагнал тяжелые свинцовые тучи и посыпал густыми хлопьями крупных снежинок. Закрутило, заметелило. Работников отправили в землянки, какая валка в такую погоду? Иван тронул Амыра за плечо и кивнул в сторону двери. Собрались вроде в туалет, а метнулись в нужную сторону — к схрону. Схватили вещи, снегоступы, направился младший в сторону реки, да Иван завернул в противоположную. Запутать надобно охрану, они тоже к реке пойдут, пока разберутся, время будет оторваться от преследования.

Они пробирались знакомыми им одним тропинками. Ветер сбивал с ног, но остановок друзья не делали. Потеряться в этой круговерти, замести след, пропасть с глаз и исчезнуть в этом мире, в необъятном болоте, где и зимой двигаться с опаской нужно. Как Иван ориентировался в кромешной тьме? Непонятно, но шли. След метель укрывала сразу и надежно. Только бы дул пару дней, чтобы конвоиры носа из конторы не показывали.

Ближе к утру, когда организм вымотался до последних сил, они устроились в буреломе. Провалились в яму под снег и поняли — пора встать и спрятаться. Знатно повалил ветер деревья. Те вывороченными корнями и перепутанными стволами создали огромный залом, который сверху привалило сугробом. Внутри тепло для двух путников, привыкших и не к таким холодам. Костер не разводили, боялись угореть. Прижались поплотнее, обняли один другого и провалились в сон. Еще не до конца осознавшие, что свободны. Не понимавшие, как опасна дорога по тайге и болотам. Не ведавшие, что значит — пешком шестьсот километров. Но разгоряченные сделанным и пройденным, дышали, согревая пространство вокруг себя...

Тишина гор. Она оглушительна и безмолвна в своей чистоте. Порой бы крикнул, чтобы разогнать священный ужас перед громадой, поднимающейся перед тобой. Но не в силах нарушить созданное миром. Падают лучи на белые макушки и бликами отражаются в пространство. А горы строго подтянутые до сакрального восприятия, и лишь прожилки снега в черных морщинах камня создают картину вселенского бытия. До ломоты во взгляде Амыр всматривался в картину перед собой. Загадал: увидит живое, поднимется и направится вниз.

Только слабо зрение в его возрасте, не видит далеко. Может и услышал, разглядел, но не судьба ему сегодня. Собрался в дальний путь, а мысли жизни просят. Как

быть? Для того, чтобы куда-то двигаться, нужно понимать в какую сторону идешь. Тогда и мир перед тобой расступается. Путались мысли в голове, он не ощущал времени, лишь понимал — солнце вновь к закату повернуло. Еще один день отвели ему боги прожить в красоте.

Взгляд опускался вместе с белым склоном в долину. Непорочно чисто, только цепочка его следов выдавала присутствие человека. Он тихо запел, чтобы не нарушить тишины, песнь своей жизни. Нужно знать, куда идти...

Они три дня прятались в снежной берлоге, не выходя на открытое место. Опасались, вдруг конвоиры догадаются в какую сторону ушли и догонят. Первые два дня слышали буран, который бешено крутил и передвигал по местности огромные массы снега, заметая их следы и все вокруг. На третий день стихло, они лишь палкой пробивали отверстие в сугробе для доступа свежего воздуха. Не разговаривали, понимали — в белом безмолвии любой звук далеко слышно. Изредка жевали вяленое мясо из захваченных запасов и отсыпались, набирая сил. Впереди долгая дорога. Как надежда, в дневное время пробивался свет через отдушину.

Утром четвертого дня Иван принялся раскапывать лаз, чтобы выбраться на поверхность. Делал это аккуратно, чтобы в случае непредвиденного не обнаружить себя, нырнуть вниз. Сверкнуло солнце, товарищи выбрались на поверхность. Очарование природы достигло совершенства белого цвета, все округ засыпано снегом. Свежим, ни одной проталины не видно, ни одной цепочки следов. Деревья, стоящие вокруг, замерли невесомым воском и подпирали свечками низкое небо. Стволов кустарников и лиственниц не видно, лишь белые изгибы и изломы, с едва заметными полутенями указывали на их присутствие. По кромке горизонта виднелся лес темной полоской. Небо лохматилось черными, тяжелыми, готовыми разродиться снегом, тучами. Лишь в верхней точке купола в рваном проеме черноты лучи врывались в зимнюю Сибирь и освещали землю пятаком в несколько километров. Они стояли и восторженно глядели вокруг с замиранием сердца, на мгновение потеряв бдительность.

Привязали к ногам снегоступы и двинулись в путь. Держались на расстоянии, чтобы суметь оказать помощь, если товарищ провалится в незамерзающее блюдце в болоте. Боязнь преследования гнала людей вперед. Думалось: быстрее, подальше, чтобы не стали искать так далеко. К тому же образовавшаяся цепочка следов издалека указывала на присутствие человека в снежной пустыне. Но вновь природа встала на их сторону. Тучи, сближаясь к центру, закрыли окно, и повалил густой снег. Иван все же умудрялся найти направление в такой обстановке, Амыру не понятно — какие такие знания вели товарища правильным путем.

Шли вновь до полного изнеможения, затем отыскали большую лиственницу. Нижние ветви присыпаны снегом, раскопали лаз и спустились в приствольное пространство, завалили вход. Оказались в уютном укрытии. Здесь нашлись дрова — мелкие, отжившие свое ветки, и чувствовалась безопасность от погони и диких зверей. Из оружия — только нож и топор, способные в умелых руках стать опасными предметами для врага. Разожгли костер и впервые за четыре дня вскипятили в большой консервной банке, предусмотрительно захваченной Амыром, кипяток. Заварили траву и кору, это оберегало от простуды. Впервые уснули спокойным глубоким сном.

Проснулись одновременно от постороннего звука, не сговариваясь, приготовились к отпору и невольно рассмеялись. Голос птицы разбудил в это мирное утро. Потянулись дни и версты пути. Белая целина влекла в путь, сзади оставались лежки из сломанных веток, тщательно присыпанных снегом.

Радовали: свобода и понимание, что с каждым шагом приближаешься к жилью человека. Шли и мечтали о будущем. Вдруг юноша замер — Ивана впереди не видно. Секунду назад шагал, проверяя слегой дорогу, и исчез, словно его не существовало в этом мире. Снег под ногами оседал и намокал от воды, выступающей из образовавшейся ямы. В отчаянии со всей силы толкнул слегу в черную яму, почувствовал, как

попал в твердое, и тут же понял, что товарищ зацепился за спасительный шест. Не дергая, Амыр попятился назад, выбираясь на твердый наст, и потянул свой конец. Одной рукой уцепился за хилую поросль, другой удерживал древесину, связывающую его с товарищем.

Сколько тянул — не сознавал, потемнело в глазах, вытянуло жилы, мышцы затрещали от натуги. Казалось, не осилит, но теряя сознание, услышал громкий вдох. Тысячи мехов развернулись и наполнили легкие Ивана воздухом. Товарищ выбрался и заглянул в глубину черной бездны, страшно! Бездонно! Опрокинулся на спину, чтобы прийти в себя, и увидел в небе голубую бирюзу, пронзенную яркими лучами солнца. Не там бездонность, откуда он вынырнул только что благодаря другу, а в прозрачном светлом небе, где жизнь. Они отползали от образовавшейся полыньи: как не усмотрели? Не спеша, аккуратно, подталкивая друг друга дальше от намокшего края. Затем брели, выбирая крупное дерево. Забились привычно в укрытие: один стягивал с себя одежду, другой разводил огонь. Амыр собрал все шкуры и тряпки, укутал товарища. Сушил над огнем мокрое и наблюдал за Иваном. Того охватил жар, тело горело, бился в ознобе. Про себя в сутолоке забыл, и вдруг почувствовал боль в плече. Потянул мышцу.

Достал из своего мешка травы, с ними он не расставался, и заварил чай. Целебный, с горстью ягод можжевельника, выгоняющий из человека хворь. Напоил друга, не приходящего в себя. Укрыл еще плотнее. Выбрался наружу, наломал хвойных веток, подпихнул под лежащего, укрыл сверху. Занялся своей болячкой. Вспомнил старинный бабушкин рецепт: отсчитал в банку девять красных шишек лиственницы и девять зеленых. Налил воды, поставил на огонь. Понемногу доливал жидкость по мере того, как она выкипала. Через несколько часов получил густую массу, вылил на тряпку и приложил к плечу. Завязал насколько оказалось возможным. Вновь заварил чай, напоил больного. И провалился в сон.

На третьи сутки Иван очнулся, улыбнулся Амыру и молча протянул руку. Для мальчишки это послужило высшей степенью похвалы. Они первый раз поели вяленое мясо, пожевали сушеных грибов, напились отвара брусничника, который юноша откопал в снегу. Еще через три ночи они поднялись, встали на снегоступы и пошли в направлении полуденного солнца.

Через неделю увидели над ельником дымы. Не один, много. Впереди лежала деревня, затерянная в диких просторах. Видимо, жилье близко, рядом и дороги. А скоро и железка с большими городами. Село обошли, ближе к полуночи перешли дорогу, замели ветками след. Охотник, конечно, разгадает, кто прошел, но, авось, пронесет. Шли дальше, не выдавая себя.

Среди вековых елей приметили жилье, темным пятном выделяющееся на белом снегу. Подходили, стараясь соблюсти безопасность. Следов к зимовью и от него нет, видимо давно не посещалось человеком. Охотники-промысловики имеют их по несколько строений в разных уголках участка. Вошли переночевать. С огромным удовольствием согрели воды, помылись, и в райских условиях приготовили ужин. Уже сквозь дрему услышали топот у двери, кто-то отряхивал обувь. Что можно предпринять? И они замерли в ожидании. На пороге в клубах холодного воздуха встал бородатый мужик, с ружьем. За плечами мешок...

Старик качнулся, с плеч осыпался сугроб. Солнце в закате уперлось в седловину между вершинами, упала тень на местность и только родовая гора освещалась солнцем. Старцы говорили, что не нужно бога искать в святых местах — он в нас. Кто сохранил бога в себе, тот и живет его законами. Но родовые вершины почитать нужно. Устраивать дьялома, обряд подвязывания лент и поклоняться памяти предков.

Вновь похолодало. Вот ведь беда: холод кругом, кажется, замерзнешь в часы. Но старое изможденное тело жило и не подчинялось законам природы. Хватало тепла, чтобы продолжать думать, вспоминать. Листать страницы книги жизни. Не принимал

его Эрлик в свое подземное царство. Закрыт Амыру нижний мир. От отчаяния старый потряс головой. С одной стороны неплохо, что еще жив, нужно дописать судьбу здесь, на вершине родовой горы, чтобы боги приняли его душу. Они лучше знают, когда это сделать...

Охотник понял сразу, кто перед ним: качнул головой, словно говоря — не шутите ребята, не принесу вам беды. Затем разговоры затянулись до ночи. Из беглецов, как на исповеди, изливалась история жизни в поселении. Он поведал свою историю — семья репрессирована. Его оставили благодаря заслугам: знатно партизанил в Гражданскую войну. Впервые за два месяца пути нахлебались горячей похлебки, поели настоящий хлеб, ломаный от каравая. Ночевали две ночи: хозяин готовился на охоту, беглецы отсыпались в тепле. Приглашал остаться, объяснял, что сложно устроиться на старом месте. Но на третий день друзья встали на тропу, прощаясь со словами благодарности. В мешке лежал хлеб, грело душу запеченное мясо. Спички. Самым полезным событием оказалось то, что добытчик описал, где находятся друзья и объяснил, куда лучше выходить. По каким дорогам двигаться. Расстались близкими товарищами, как родные.

Через пару недель ночью на горизонте увидели зарево, что раскинулось над лесом огромным светлым облаком. Огни большого города. Скорее туда, чтобы затеряться в массе людей. Оставить, наконец, за спиной гиблое место и сотни верст пути. Вышли на лесную дорогу, заметенную с обочин, только и видно санный след. Услышали звуки топора и решили обойти подозрительное место. Но сквозь мороз долетел детский плач и отчаянные причитания бабы.

Посреди дороги стояли сани, вокруг ходила женщина, укачивая ребенка. Невысокий щуплый мужичок, худоба проглядывалась через полушубок, рубил топором лесину. Увидел посторонних и принял оборонительную позу, отведя инструмент в руке назад. Умолкла женщина, не подавал звуков ребенок. Только фыркнула лошадь, продолжая прясть ушами. Иван с Амыром сразу смекнули, в чем беда — упала огромная лесина на дорогу, как раз на проезжающие сани. На удивление удачно упала, сломала оглоблю, но не принесла вреда людям и животному.

Втроем они разрубили ствол, очистили дорогу и вырубили оглоблю. По приглашению попутчиков сели в сани и через час въехали в деревню. Семья небогатая, но готова последнее отдать. Ведь иначе замерзли бы в тайге. В ночь редко на дороге встретишь ездока.

Родственники мужичка помогли раздобыться одеждой, друзья выбрались из шкур. Оставалось около тридцати верст до областного города.

Железнодорожный вокзал встретил оживленной толпой, снующей на ближайших улицах, на перроне и в самом здании. Множеством попрошаек, готовых за кусок хлеба рассказать обо всем происходящем. Иван смело шел с ними на контакт, но со света в темноту далеко не отходил, держался пассажиров. Быстро узнал, как отправляются поезда, есть ли милиционеры на перроне во время посадки и множество другой, не менее ценной информации. Ближе к утру, когда слипаются глаза у милиции и охраны поездов, а по путям деловито снуют только сцепщики и составители поездов, разузнали какой состав идет в нужном направлении и устроились в грузовом вагоне со щебнем. Чисто, хотя и прохладно. Под утро товарняки гнали без остановок на перегонах, и время в пути пролетело быстро. Сердце рвалось дальше, но Иван не спешил пересаживаться, как ни велик соблазн оказаться ближе к дому. В их положении лучше осмотреться, затем принимать решение.

Они дышали воздухом Алтая. Чтобы не привлекать к себе внимания, вышли с вокзала в город и глазели на прохожих, на дома и магазины. Бесцельно бродили по рынку. Затем старший товарищ затесался в толпу мужиков, приезжих, с разных деревень, которые боялись оставить лошадей без присмотра, и смоливших самокрутки в кругу таких же коноводов. Принялся ненавязчиво расспрашивать, кто, откуда приехал, как в селах: живут богато или бедно? Каков урожай этой осенью и можно ли получить вид на жительство. За этим трепом пролетело время, подводы разъезжались с приближением темноты и друзья вновь оказались на вокзале. Действуя уже известным способом, оказались в грузовом вагоне и через короткое время заснули под стук колес.

Проснулся Амыр от того, что его трясут за плечо. Открыл глаза и успокоился — Иван. Поезд остановился на станции, последней на маршруте перед городом — конечной остановке. Светало, пошли пешком и к обеду оказались на людных улицах. Здесь узнали всю информацию, которая чем-то могла помочь в дальнейшей дороге.

Утром, пока не рассвело, еще иней ночной дрожал на ветвях сосен, сделали первые шаги. Там, впереди, за сосновым лесом открытое место и скоро уже предгорье. Родные места! Шли ходко, скоро их подхватила попутка, на что они мало рассчитывали, и быстро понесла по тракту к затаенной мечте. К мечте, о которой они боялись думать в холодных землянках посреди таежных болот, во время работы и на холоде среди окружавших лесин, на стылых нарах, где ночью верхняя одежда примерзала к телу. С каждым часом, километром сердце колотилось все громче.

Им повезло, доехали почти до места. Расстались скромно, Иван все напутствовал юношу, где лучше устроиться и как избежать лишних расспросов о своем прошлом. Справки написаны на вымышленные фамилии, чтобы избежать ненужных проверок, и это обнадеживало. Нужно жить не в родном селе. Желательно вообще записаться заготовителем или охотником. Промысловиком со справкой, конечно, не возьмут, но на заготовки примут. Договорились, если доведется встретиться — не показывать, что знакомы. У каждого по-разному устроится жизнь, чтобы не выдать ненароком товарища — молчи...

От воспоминаний о встрече с Родиной стало тепло в душе, старик растрогался и уронил слезу. Она покатилась по морщинам, выбирая себе путь среди множества точно таких же бороздок. Как человек. Ориентируясь только ей одной известной дороге, пока не затерялась в бороде. День угасал, появились первые звезды в темноте приходящей ночи. Сколько звезд на небе! Больше чем людей, которых он повстречал за свою жизнь. Одни были добрые и сверкали, согревая душу, другие холодили, как и далекие мерцающие искры над горизонтом. Видишь, какая звездная дорога прокинулась по куполу неба от одной стороны горизонта до другой?

Вечно расположенные над землей, известные предкам и останутся в назидание потомкам. Так же будут падать с неба на землю, и пропадать неизвестно куда. Но на небе не убавится, внимательно бережет свое богатство Кудай, верховный бог. Смотрящий не только за звездами, но и за судьбами народов, людей.

Амыр не обижался на то, как сложилась его судьба. Так решили боги и духи, много грехов, видать, накопили его предки. Он и взял боль, предназначенную его роду на себя. Это хорошо — другим родичам на долю не выпадут такие испытания! Старик тихо пел, благодаря в словах богов. За прожитую длинную жизнь, что посмотрел мир, поработал на земле. Какую-никакую пользу, а все же принес. Жалко не оставил после себя детей и внуков. Всю жизнь боялся, раскроют его обман. Как тогда с родственниками поступят? Отправят по этапу, как и его в далеком детстве. Так и не женился, не продлил род по своей ветке. Пусть не сердятся духи и примут его душу...

Одиночество среди людей

Горная страна славится не только отдельными вершинами, но и хребтами — длинными цепочками вздыбленной поверхности. Некоторые длятся сотни километров, иные всего десятки. Посмотреть сверху — люди живут рядом по меркам расстояний, но между двумя селами поднялась цепь вершин, между ними перемычки перевалов, через которые путь так же невероятно труден и тернист: крутые подъемы и неудобные спуски. Чтобы попасть из села в село, дорога ведет в объезд, далекий и

извилистый, по долинам и ущельям. Кто рискует, конечно, поднимается на седло перевала и затем спускается вниз, но уходит на это занятие времени больше, чем пылить по дороге.

Амыру повезло, встретил по пути людей из заготовительной конторы и нанялся в нее на работу. Никто сильно не интересовался его документами, руки рабочие нужны. Определили на прожитье в общежитие при конторе, но большую часть времени проводили сборщики в избушках, зимовьях, далеко в горах. Это оказалось удобным, кормили, давали рабочую одежду и выплачивали зарплату. Село лежало в долине, а за хребтом располагался его дом, опустевший после ареста семьи. Сердце рвалось увидеть место, где он некогда жил, но позволить себе такой роскоши нельзя. Вдруг властям что-то сообщили об их побеге. Разум подсказывал: не мог распорядитель в таежных болотах упустить утечки такой информации. Скорее всего «похоронил» их с Иваном в общей могиле, провел как умерших от увечий или голода. Сидит гденибудь в теплом доме, попивает чай и греет на груди самородки, за которые продал совесть свою. И душу.

Полюбились дальние командировки, когда уходили в высокие горы подальше от любопытных глаз. Дышалось здесь легко, отступало чувство опасности. Природа лечила душу и сердце своими просторами и первозданной красотой. За надежность его ценили и руководители, и товарищи. Но друзей Амыр не заводил, боялся, что ненароком принесет им несчастье. Обрастал в конторе документами, за добросовестный труд награждался грамотами, получал премии. Наградят телогрейкой — какой от нее толк? А вот отметка о награждении останется. Кроме справок, других документов не велось, паспорта не выдавались. Да и зачем он нужен? Деньги, получаемые в виде зарплаты, не жалел, куда их беречь и для чего. Домом не обзаводился.

Любил по возвращении в поселок собирать и угощать детей. Любимое место у них имелось, располагалось на берегу реки, где небольшая скала врезалась волноломом в реку. Здесь собирались, рыбачили и вели беседы у костра под уху. Придумывал истории, самостоятельно овладел горловым пением и искусством кайчи* — рассказчика. Дети с замиранием сердца слушали забытое искусство, открыто дарили и доверяли свои тайны. Скоро на него заглядывались девушки, но позволить роскошь общения с ними не мог. Так и жил одиночкой, скрывая в себе причины столь странного поведения.

Только по истечении трех лет решился посетить свой дом. Получил отпуск и сказался, что идет на охоту. Бросил за плечи мешок с продуктами, взял ружье и направился от поселка в сторону хребта, разделяющего две долины. Как не сдерживал волнение, сердце гнало его вперед, невольно ускорял шаг. Вскоре, задыхаясь от нагрузки, упал лицом в мох под развесистой лиственницей и отлеживался полчаса. Унял дрожь в руках и ногах, да разве укажешь сердцу в такие минуты? Амыр шагал и шагал, забираясь на высоту, стремился к седлу перевала, а память тревожила воспоминаниями: здесь с матерью собирали травы, через этот бугор ехали с отцом на лошадях, с этого каменного обрыва опускали мешки с орехом, чтобы сократить расстояние в пути.

Ночь провел на перевале. Не до сна. Только закрывал глаза, видел мать, отца, бабушку. Они нарядно одетые, улыбались, поддерживали словами. А в лучах заката вершины, окрашенные в розовый цвет, опоясанные туманами, светились чистотой и вековой тишиной. В долине уже темно, светятся отдельными точками окна в поселке. Только гребень перевала на свету, и ловят последние лучи ласкового солнца макушки могучих и старых деревьев. Да холодно поблескивают каменные останцы, расплескивая по сторонам свет. Да снежники, где снег не тает даже летом. Амыр глядел на пламя костра, вспоминал холодные ночи в болотах. Пала роса, опустился от снегов холод, окутывая деревья, камни, траву и одинокого человека, сидящего у огня.

^{*} Кайчи — рассказчик, сказитель.

Утро озарило восточный склон хребта, западный лежал в тени, и мокрая от росы трава блестела, играя маленькими радугами. Согрел травяной чай, заварил талкан — ячменную кашу и позавтракал. Поставил себе задачу не спешить, скользко. Да где там! В нетерпении собрал вещи, загасил огонь и пошел на спуск, до обеда рассчитывая прибыть на место.

Вот и околица села, они жили когда-то на краю деревни. Шаг — удар молота в груди, второй — вновь до звона в ушах. Казалось, все жители слышат этот грохот сердца. Осторожность заставила подойти от реки, ее он преодолел вброд. Прошел подросшим ельником. Вот она, ограда. И в бессилии опустил руки. Забытость и заброшенность поселились в этом месте. Сельчане видимо не смогли воспользоваться опустевшим домом и без должного ухода он рушился. Крепко стояли стены из лиственницы-вековухи, такая скоро не сгниет. Только провалилась крыша, зарос травой двор. Продираясь через заросли, Амыр добрался до крыльца, переступил порог и в бессилии опустился на приступок. Все осталось на местах, детская память четко запомнила расположение предметов в доме. Только вещи превратились в труху. На кровати лежали истлевшие матрасы и подушки. Сквозняк, проникающий в окна, гонял по полу мелкие куски ткани. Запустение в их доме, которое давно обосновалось в стенах и неумолимо разрушало, рассыпало в прах некогда обитаемое жилье.

Сидя на пороге, разглядывал стены, скудную обстановку. Не мог унять слез, катившихся из глаз. А они бежали по щекам, смывая пыльцу трав, оставшуюся на лице от движения по зарослям к дому. В воспаленном мозгу продолжали крутиться картинки детства. Он видел, как хлопочет у печи бабушка, отец ремонтирует упряжь на лавке в мужской половине. Матушка, грустно напевая, скоблит скребком мездру с обрабатываемой шкуры. Тихо и умиротворенно в доме.

Ушли счастливые минуты детства, канули в вечность. И ничем их уже не вернуть из прошлого. Только воспоминаниями, которые рвут душу и ломают сердце.

Сколько просидел на пороге? Не помнил, наверное, долго. Выходил из дома и почувствовал прохладу от реки, значит, близко к вечеру. Он любил этот момент: все собирались дома и начинались хлопоты: кормили скот, прибирались во дворе, готовили вечерние занятия. Из травы пирамидой проявился аил, крыша местами провалилась. Нет двери. Заглянул и сюда. Тоже полная разруха. Амыр вытер слезы и шагнул за ворота, забывшись, что необходимо прятаться и выходить следовало через задний двор. Тут же столкнулся с бабушкой, в которой признал соседку. Она внимательно смотрела на него, подслеповато приложив руку к глазам. Оно и понятно — чужой появился в селе. Не подав виду, мужчина шагнул с дороги на тропу, ведущую к реке.

Возвращался через родовую гору, там, где души предков соприкасаются с землей и потомками, живущими в настоящем. Подвязал ленточки от отца матери и бабки, зажег можжевеловую палочку. Приник обнаженной головой к камню. Его огонек маленькой звездой светил в бесконечность небосклона, на котором разгорались миры Кудая, расположенные на недоступном для человека расстоянии. Когда-нибудь и душа Амыра окажется наверху в этом огромном скоплении светящихся сущностей, смотрящих за порядком на земле. Именно они отвечают за правильное развитие рода и ответственны за срок. Не сетуют никогда на то, что нет света, просто зажигают свою свечу. И от обилия огней на небе становится светло и ярко.

Посещение родного дома пережил с трудом, вернувшись тогда на работу. Упросил отправить его на заготовку, на дальний кордон, где и остался на зиму, охранять инструмент и оборудование, зимовать. Перенес упавшее еще раз на него несчастье и продолжал жить. Время неуклонно отсчитывало дни и недели, отмеряло год за годом. Пока не пришло очередное несчастье. Не для него одного, для всей страны, для всего народа. Началась война, втянувшая в бойню страны Европы, а вскоре и мира. Амыр оказался призванным в первые дни мобилизации и направлен для прохождения кур-

сов в тот город, куда они с Иваном выходили из болот Приобья. А после окончания в эшелоне убыл на фронт в составе одного из сибирских соединений. Необстрелянный, но уже обученный, уверенный в себе.

Он боялся призыва в армию, опасаясь проверки документов. Всем сердцем рвался на фронт, понимал и чувствовал, что должен встать в строй. Известия о нападении и последующих боевых действий не радовали. Страшно осознавать, что враг упорно рвался к Москве и каждая сводка страшила своей действительностью. Для простых мужиков слова политруков оказывали двойственное впечатление: получали информацию о мощи Красной Армии и подготовке достойного отпора, но реальные события говорили о другом — пока только пятились. Да не только пятились, бежали от опытного и закаленного в боях немца.

Может, положение на фронтах помогло избежать проверки, просто нет времени на то, чтобы копаться в судьбе простого мужика, призванного и поставленного стрелком в строй. А скорее всего, помогли хорошие отзывы с места работы. Амыр в общей массе оказался в бараках, именуемых казармами, в сосновом бору. Условия оказались нелегкими, трудно с ходу организовать массовый призыв и подготовку такого количества людей. Одеть, обучить, накормить и вооружить. Сложно. Оттого и ошибок при формировании много. Но ему, прошедшему страшную школу Нарымского поселения, такие условия не страшны, оказались вполне приемлемые. Он маршировал и стрелял, колол штыком, рыл окопы, ходил в наряды. В голове же — одна мысль: скорее бы на фронт, чтобы не хватились, не раскрыли его прошлое. А там будь что судьба положит. Жизнь на алтарь победы или признание заслуг. Быть бы живу. И не отдавал отчета, как и все окружающие, что бойня эта не на месяцы и не на год, а на долгие четыре года. Бойцы писали письма в теплушках и искали возможность отправить их на станциях, ему писать некуда и некому. Под стук колес отсыпался, совершенно не представляя себе, что пройдет всю войну, до Берлина. Вернется с орденами и медалями, имея несколько ранений. Придет в ту же заготовительную контору и продолжит трудиться...

Тихо и темно. Он вновь приоткрыл глаза и глянул в ночь. Белый снег в отдалении переходил в темень, и черный цвет заполнял пространство. Да, чтобы озарять светом других, нужно носить в себе солнце. С готовностью отдавал себя окружающим, но очень они любопытны. Он же насмотрелся тьмы, и душа желала светлого для тех, кто находился рядом. Все понимал и чувствовал, боялся выставиться напоказ, вдруг заинтересуются его жизнью. Знал, что людям рядом с ним хорошо и надежно, только скромен и скуп казался на похвалы. Холод Васюганских болот навсегда поместился в нем и не желал покидать тело и душу.

Посыпал невесомый легкий снег. Вот почему темно — просто тучи затянули небосклон, чтобы одарить землю очередной порцией чистоты. Амыр не ощущал холода, ему тепло под шубой, где тело отдавало последнюю энергию и согревало изможденные мышцы. Кушать не хотелось, последнее время он питался мало. Сейчас сидит без движения, куда тратить жар? Может, снять шубу? Скорее уйдет туда, куда так стремится. Но что-то удерживало. И он вновь перелистнул страничку воспоминаний, и оказался в болотах Новгородской области...

Завернули немцев под Москвой, но обстановка оставалась тяжелой. Солдатское радио и официальные сводки приносили тяжелые вести. В блокаде Ленинград, немцы вышли к Волге. Но устояли Москва, Сталинград. На всех фронтах бились русские мужики, чтобы оттянуть немецкие дивизии от основных сражений. Падали в захлебнувшихся атаках, утопали в болотах, в снегах, засыпало героев в окопах от артобстрелов и бомбежек. Но каждая жизнь вносила в общую копилку вклад в победу.

Демянский котел. Довелось Амыру воевать именно в этих болотах и лесах. Больше года провел в атаках и оборонительных боях. Красной Армии удалось окружить группировку противника, первую такого размера по численности войск. От Ста-

рой Руссы ударили в штыки и замкнули коридор для отхода немцев. Только никто не подозревал, что целый год противостоять придется на этом участке фронта. Немцы организовали воздушный мост и по нему снабжали боеприпасами, продовольствием. Забрасывались свежие формирования и вывозили раненых. Наша авиация слаба еще в этот период — сбивали наши летчики вражеские самолеты, но малочисленны наши аэродромы. От того враг себя чувствовал уверенно.

Страшная вещь — оппозиционная война. Войска находятся в своих окопах и, кажется, что это удовлетворяет обе стороны. То там, то здесь поднажмут одни, затем другие: отступят, восстановят положение. А люди погибают. Все лето болота наполнены стонами. Немцы пробили брешь к своим основным силам, вольготно почувствовали себя. Построили дорогу в коридоре, организовав надежное снабжение войск. Соединения и подразделения с одной и другой стороны вынуждены вести локальные боевые действия, увязли в вялотекущей обороне. Командование не решается снять батальоны и роты, перебросить в другое место, на другие фронта. Так война и перемалывает живую силу, неумолимо и медленными темпами. Гибнут солдатики каждый день.

Окопались не только немцы, но и наши. Активные действия здесь начались одновременно со Сталинградской битвой. Необходимо уничтожить группировку врага, выровнять линию фронта, не дать направить резервы в грандиозную битву.

Несколько красноармейцев лежали в глубоком снегу. Февраль усыпал местность, завалил тропы и дороги. Но мороз уже отпускал днем и прослаб лед в болотах. Опасен, не держит веса человеческого тела. По ночам морозит, но с восходом солнца падает туман. И неизвестно, что лучше: мороз или влага. Подтаявшая вода каплями покидает ветви деревьев, образует на них корку льда. Внимательный следопыт заприметит, коли тронет кто: зверь или человек, обязательно лед отстанет и упадет. След виден на снегу. Нужен язык, чтобы узнать, что предпринимают немцы. Последние сведения говорят о выходе врага из котла. Проверяют во всех инстанциях: от полковой до армейской разведок.

Они лежат третьи сутки. Пошевелиться и перекусить ржаным черным сухарем возможно только ночью. Днем нельзя, обнаружат и пропало дело. Перестреляют, уж больно близко подобрались они к первой линии обороны врага. Живот и ноги уже не чувствуют холода. Маскхалаты превратились в корку льда, примерзло белье к телу. Каждая клеточка организма замерла и не дышит, чтобы сохранить тепло и в нужный момент отдать для движения. Лежат люди, шевелят пальцами рук и ног, не знают, когда разрешится этот вопрос. Считают количество проезжающей техники, проходящих подразделений. Чувствуется активность немцев. Но для начальства это не показатель, им нужен тот, кто подтвердит документами или языком, что происходит в тылу врага.

Снег, ненавистный снег. Какой от него холод! Забирается в каждую прореху в одежде, добирается до тела и сковывает жизнь во всех членах организма. Сколько еще находиться здесь, среди хилой поросли берез? Погреться бы у костра. Немцы топят печки в блиндажах и дотах, гремят котелками, переговариваются. Правее взяли бы, там не так оживленно. Но приходится терпеть. Пока примечали, как меняются посты, чтобы создать запас времени: не только на захват, но и на отход по белому перелеску, чтобы не скосили пули на открытом месте.

Тогда они успешно ворвались в окоп, взяли молоденького офицера, уничтожили расчет. Амыр внутренним чутьем ощутил присутствие еще одного человека и успел оттолкнуть старшего разведдозора, приняв нож, предназначенный товарищу на себя. Они бежали по снегу и молили, чтобы посыпало с неба, и поднялся ветер. На их просьбы природа откликнулась и задула последней в эту зиму пургой. Когда перекинули тела через бруствер своего окопа, поняли, что гимнастерки, ватники, маскхалаты — мокрые от пота. Его одежда, еще и от крови.

Немцы выбрались из котла, не удалось его закрыть Красной Армии, и линия фронта выровнялась. Амыр даже не пошел в госпиталь и остался в строю. Сохранилось в памяти ощущение мороза и орден за добытого языка. Командир остался в живых, и они вместе дошли до Берлина. Несколько лет спустя после победы приехал в гости на Алтай боевой товарищ и рассказал в школе, как спас их односельчанин командира ценой своей жизни. Тогда же и заставил надеть все ордена и медали. На встречу в клубе с фронтовиками. Вот тогда и ахнули селяне, увидев и поняв, как воевал их земляк. Больше орденов не носил, не любил этого. Он и рассказывать про войну не любил: грязная и тяжелая это работа. Войну болью помнить нужно, и желательно генералам. Чтобы не возникало желания развязывать новые.

Амыр шагал по дорогам войны в полковой разведке. Двигаться часто приходилось ползком, перебежками. Не терпел вражеский тыл открытых передвижений, всякое перемещение примечалось и обстреливалось. А на передовой и вовсе норовили разведку извести не только стрелковым огнем, но минометами и артиллерией, минными полями и заграждениями. Порой становилось страшно, сколько придумано, чтобы убить человека. Лихие разведчики в группе подобрались и по-пластунски пропахали половину пути от Новгородских болот и до булыжных мостовых Берлина. На этом нелегком пути теряли товарищей, приобретали новых: от разведывательного взвода трое остались в живых от первого состава на боевом пути.

А они не стеснялись кланяться каждой кочке, прижиматься к каждому дереву и затем, совершив рывок, взять языка и порой тащить на себе немца до своих окопов по несколько километров. Порой наш передок огрызался, не разглядишь в ночи, кто приближается. Но то не по злобе, всякое на войне бывает. Успешность определялась подготовкой: Амыр прошел Нарымское поселение и побег, пусть мальчишкой и с опытным товарищем. Командир отделения — охотник, промысловик. Другие ребята под стать, из таежных поселений, им с рогатиной на медведя ходить.

Случайная встреча

Так и шли: языка взять не просто, всяк сопротивляется захвату и жизнь бережет. Но им удавалась боевая работа, часто их использовали на ответственных заданиях. И пятили немца с отчаянием и ненавистью в самое сердце Европы. Государственную границу перешагнули и осенью сорок четвертого заняли оборону на Висле, застопорилось продвижение, силен враг. Силы наращивались для окончательного удара. И в работе разведки, в данных добытых ею, большая надобность образовалась. Вернулась группа из рейда, языка важного взяли — отправили двух сопровождающих и пленного в штаб дивизии доставить.

Амыр передал немца в разведывательный отдел, направились к своим. Довелось пройти мимо землянки особого отдела. По ступеням спускался арестованный, без ремня, в ладно подогнанной форме. Что остановило? Встал разведчик, как вкопанный. Знакомое почудилось в фигуре, в походке. Повернул боец голову, припорошенную сединой, глянул в глаза. Иван! Недаром за этой спиной прошагал шестьсот километров, из памяти не сотрешь. Развернулся Амыр к старому товарищу, но тот уголками губ улыбнулся и покачал отрицательно головой. Напомнил уговор: не признавать при встрече друг друга.

Повернули в сторону, остановились портянки перемотать. Заправиться, все же штаб дивизии, и в курилке выведали, чем боец провинился. Ничего не изменилось. Молодое пополнение прислали, в первом бою парнишка молоденький в атаку с опозданием поднялся. Комсорг взвода принялся его изводить, приводить в назидание другим как отрицательный момент в жизни подразделения. Однажды на привале не выдержал издевательств Иван и приложился кулаком. Сердечный с синяком бегом в особый отдел, а там выяснилось: враг народа, с поселения бежал. Фамилию другую

взял, думал, не найдут. Да оказался рядом бывший конвойный из поселения. Тут и вскрылась правда.

У Амыра похолодело внутри, такого состояния за линией фронта не испытывал. Ведь охранник тот явно недалеко находится, как бы не признал второго беглеца.

Вывели арестанта, заложили руки за спину и повели к машине. Гимнастерка на груди в дырках от орденов и медалей, на погонах след от лычек, знатно воевал товарищ, да незадача получилась. Что ждало бывшего поселенца? Как избавление — штрафная рота, только не расстрел! С тяжелыми мыслями возвращался в расположение Амыр. Доберутся и до него, в друге уверен, но коль конвойный жив — подальше от этого места держаться нужно. Да вскоре наступление спутало на местности расположение батальонов и рот, осталась лишь горечь от трудной судьбы Ивана.

Скольких людей сорвала с мест война. Направила в разные точки необъятной страны, по фронтам разбросала. Понесло, как песок по дну реки, перемешало нещадно. И в этом огромном мире пересеклись судьбы нескольких людей. Молодого солдатика, только жизнь увидевшего, как сосунка от матери оторванного. Подлеца, пробивавшего себе путь всеми средствами и методами. Неравнодушного человека, вставшего на защиту. И, Боже мой, какими путями оказался здесь же конвойный из Нарымского болота, чтобы признать убежавшего с поселения человека?

Здоровья тебе, Иван! Терпения и воинской удачи. Пусть сбережет тебя военная судьба, помогут обстоятельства выкарабкаться из затруднительного положения и остаться в живых...

Поднималось солнце следующего дня. Амыр каким-то чутьем понимал, что это последний день его жизни. Хотелось, чтобы он был ярким и красивым. Старик мало просил от жизни для себя, а сегодня обращался к богам с просьбой — порадовать его хорошей погодой. Сознание замутилось, но тело отчетливо улавливало тепло, падающее на землю, на склон родовой горы, на деревья и камни. Свежевыпавший снег отражал свет до боли в глазах. Без того слабое зрение ловило яркие лучи, слезились глаза, становилось равнодушно холодно от окружающего мира. Старое тело не желало двигаться, команды не давал мозг. Когда-то они лежали в вырытой норе в сугробе и прижимались с Иваном телами, сберегая энергию. Сохраняли жар тела и биение сердец на расстоянии броска гранаты от немецких окопов. Кто скажет, зачем ему тепло сейчас?

Всю жизнь он не строил планов, оттого она несла его на гребне волны и била о препятствия жестко и чувствительно. Сбрасывала с гребня, заставляя упираться, чтобы выжить. Но Амыр не очерствел, любил природу, людей. Каждое утро просыпался с молитвой за окружающих. Сейчас другие времена. Забыты боги, люди неуважительно относятся к духам, пренебрегают традициями предков. Когда сельчане принялись продавать земли, он посчитал, что история его рода закончилась. Выход видел только один, потому он на родовой горе.

Амыр пришел к осознанию самого себя, постиг глубину жизни. Вынужденно оставил все и оказался брошенным сам, кануло под землю связанное с жизнью, и впереди показалась одна бесконечность. Миг, связанный с переходом в другое существование. Пора.

Переменчива погода. Набежало небольшое облако, обильный снег посыпал сверху. Старик этого уже не чувствовал. Рядом появились молодые родители и бабушка. Нарядно одетые, веселые. Они улыбались, матушка протягивала руки, отец звал на тропу, бабка привычно склонилась, рассматривая травы. Такие молодые! Как будет выглядеть Амыр?

А снег сыпал и сыпал. Зима положила руку на его голову и забрала в свое безмолвие.

Борис Григорьев

(г. Москва — с. Курапово Лебедянского р-на Липецкой обл.)

ШПИЦБЕРГЕН, БЛИН! Арктическая фантасмагория

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. (В 1991—1992 гг. служил по линии внешней разведки резидентом на Шпицбергене, Норвегия).

* * *

Сложилось мнение, что двигателем прогресса является наука и техника.

Это мнение ошибочно и в корне не правильно. Если смотреть в корень, то можно обнаружить, что техника и наука — это всего лишь вторичные факторы этого самого прогресса. В качестве истинного двигателя всякого развития выступает честолюбие во всех его разновидностях и проявлениях — к примеру, в виде тщеславия. Напрасно кадровики относят это человеческое качество к недостаткам личности. На самом деле, если ему не мешать, то оно, тщеславие, помещенное в нужное тело и проявленное в нужном месте и времени, может творить чудеса. Надо его только удовлетворить.

И наоборот, подавленное, загнанное внутрь это же качество чревато большими неприятностями.

Шпицберген считается чрезвычайно благоприятным полем для удовлетворения тщеславия. Да, да, уважаемый читатель, не просвещенная Европа, не жаркая Африка, и уж отнюдь не помешавшаяся на прогрессе Америка, а именно Шпицберген. Вопервых, потому, что коренного населения на архипелаге никогда не было, и заселяется он испокон веков людьми временными. А общеизвестно, что у временных да посторонних внутри спрятан эдакий неуемный чертик, подталкивающий ко всяким нововведениям, улучшениям и другим благим начинаниям. Со стороны ведь всегда виднее. Вовторых, в этих северных широтах, по сравнению с материком, столько еще не сделано и не наворочено, что даже самый последний лентяй загорается здесь какой-то идеей. Ну и, в-третьих, играет, конечно, свою роль «полярка»— морозная и снежная ночь, длиной в полгода. Времени на то, чтобы «высидеть» какую-нибудь придумку, более чем достаточно, а на воплощение ее хватит и одного дня — тем более что день занимает остальные полгода. Классовая борьба и борьба с культом личности перестали играть какую бы то ни было роль в истории. На авансцену вышла, наконец, сама личность.

Александр Сергеевич Коршунов появился в Баренцбурге в нужное время. Воспитанник шахтерской номенклатуры из Горловки, он прибыл сюда на должность директора Баренцбургского рудника и сразу заявил о себе как об инициативном и энергичном руководителе. Его голова была наполнена всякими идеями, словно улей пчелами, и это обещало многое. В первую очередь, ему самому.

Все свои идеи директор рудника апробировал и обкатывал на консуле Еремкине. Как бывший номенклатурный работник районного масштаба, консул пользовался у директора некоторым авторитетом. Коршунов был прагматик и соображал, что без консула и консульства ему будет трудно приделывать ноги к своим сногсшибатель-

ным идеям — не хватало дипломатического опыта и иностранных языков! Поэтому он приглашал к себе Леонида Марковича, и они на несколько часов запирались в финской бане. В минуты трогательного взаиморасположения оба руководителя обсуждали животрепещущие проблемы заполярного жития. Речь шла о том, как сделать работу рудника рентабельной и как заработать деньги, чтобы выжить без северных дотаций Москвы. Ничто так не объединяет, как совместные мечтанья под треск северного сиянья в прогретой сауне.

- Как, Леонид Маркович вы больше не встречались с сюссельманом? спрашивал Коршунов Еремкина, вылезая из бассейна с холодной морской водой.
 - Погоди о делах, говорил распаренный консул. Иди выпей да закуси.

Коршунов нехотя садился за стол, наливал в рюмки водки и делал себе бутерброд с салом.

- Будем! говорил он, заранее морщась и внутренне содрогаясь от успевшей надоесть однообразной выпивки и закуски.
- Классика! произносил свою либимую присказку консул и крякал от удовольствия, закусывая «московскую» местным баренцбургским шпигом.
- У тебя все классика,— передразнивал директор и снова спрашивал: Ну что там Юнглинг говорит по поводу морских водорослей?
- А ничего нового,— отвечал консул, сооружая себе второй бутерброд.— Костьми, говорит, лягу, но не допущу нарушения экологии.
- Вот гад! возмущался Коршунов и от волнения «освежал» прибор новой порцией водки.
- До него дошли сообщения о том, как наши добыватели морских водорослей немилосердно ободрали все дно Белого моря и на многие годы нарушили в нем экологическое равновесие.
- Стране нужен йод! И это главное! крикнул директор.— А водорослей тут не меряно!
- Какой стране? Твоей или моей? уточнил Леонид Маркович. Даже в минуты трогательного взаиморасположения он не упускал возможности пустить шпильку по поводу украинской незалежности.
- Конечно, твоей! злился Коршунов.— Я хоть и украинец, но верно служу вам, «москалям».
- А куда же ты денешься? Денежки-то наши получаешь! усмехался консул и делал новый «опрокидон». Девяносто процентов шахтеров и обсуживающего персонала в российских поселках были жителями Украины, главным образом Луганской или Донецкой области, и после развала Союза большинство полярников оказались иностранными гражданами. Это плохо укладывалось в сознании людей даже таких эрудированных и образованных, каким, несомненно, считал себя консул Еремкин.
- Что же теперь делать? вопрошал директор.— С водорослями тупик, с минеральной водой глухо, как в танке, потому что инвесторы все разбежались, в горнолыжный туризм тоже нужно вкладывать уйму денег. Вот тебе и диверсификация!
 - Надо искать покупателя на уголь, спокойно предложил Еремкин.
- Кому он нужен, кроме Мурманска и Архангельска? взвизгнул Коршунов.
 В нем слишком много серы и прочих вредных примесей.
- По дешевке все можно продать,— упрямо повторял консул.— А хороший уголь в Груманте не так ли?
 - Так-то так, да только Грумантский рудник весь затоплен.
 - Надо найти на него инвестора, коксующийся уголь сейчас в спросе.

Мысли директора шарахались из стороны в сторону, искали выхода то там, то сям, но без всякой надежды на успех разбивались о ретроградские, прямо-таки издевательские, рекомендации консула, словно волны Гренландского моря о скалистый баренцбургский берег.

— Диверсификация хозяйственной деятельности требует серьезного анализа и тщательнейшей подготовки,— назидательно бубнил дипломат и снова тянулся к бутылке.

Благодушное настроение окончательно покидало директора, и он начинал злиться и хамить. Ему страшно хотелось показать Москве, что можно сделать на Шпицбергене в рыночных условиях, но все упиралось в вульгарные «гроши». А откиля их взять? Возможно, распаренные мозги соображают лучше, и директор с консулом полезли в парную.

- Слушай, Леонид Маркович,— начал опять приставать Коршунов,— тебе известно, что в Баренцбурге и на Пирамиде наши бабы родили детей?
 - Ну и что? Что тут особенного? отмахнулся от него консул.
- А то,— победоносно заблестел глазами директор,— что на материке они были признаны не способными к деторождению!
- Брось бабушку шершавить! отмахнулся от него консул.— Соседа надо было позвать по лестничной клетке.
- Да нет, правда,— оживился директор.— Я специально узнавал. И Каленова на Пирамиде, и Беликова у нас на руднике, оказывается, приехали сюда специально. Несмотря на ограничения по приему членов семьи. Это факт. Им кто-то сказал, что здешний климат способствует... И вот результат налицо.
 - А ты уверен, что эксперимент чистый?
 - То есть?
 - Ну что детородитель у них тот же, что и на материке.
 - Не знаю, я в момент зачатия, извините, не присутствовал.
- Незнание закона божьего не освобождает от кары небесной,— назидательно произнес Еремкин.— Ну, хорошо, хрен с ним, с экспериментом. К чему ты все это вспомнил?
- Как к чему? А что если на базе нашей больницы устроить платное родильное отделение и дать рекламу по женским консультациям по всей СНГ? Представляешь сколько женщин там мечтают о ребенке?
- Угомонись, благодетель бесплодных женщин! Прежде чем заводиться, посчитай, во что это обойдется руднику.
- И посчитаю! Ты представляешь? Мы станем первыми во всем мире, к нам потекут «бабки»... Дамы, я люблю вас! Будьте бдительны! заерничал директор.
 - Размечтался! Спустись на землю! осадил приятеля консул.
 - Какой ты, Леня, циник!
 - Я не циник, я осторожный пессимист.

Когда в парилке стало уже невмоготу, руководители вышли наружу. Консул подошел к бассейну с холодной морской водой, перевалил свое упитанное, словно у тюленя, тело через высокую стенку и плюхнулся вниз.

- О-го-го! Ой-е-ей! закричал он то ли от восторга, то ли от спазмы сосудов.
- Эх, грабют! Полу-у-ндра! заорал директор и тоже нырнул в бассейн.
- Ты вот посоветуй, что нам делать,— миролюбиво предложил Еремкин, вытираясь насухо и усаживаясь опять за стол.— Ты слышал, что у нас под консульством обнаружили?
- Да слышал,— неохотно подтвердил Коршунов. В Баренцбурге любой слух распространяется со скоростью света даже в полярную ночь.— Хорошего мало.
 - У тебя нет специалиста по грунту там, по мерзлоте?
 - У нас на руднике все по этому специалисты,— скромно ответил Коршунов.
- Саш, я тебя серьезно спрашиваю, а ты Петрушку городишь,— обиделся консул.— Речь идет о жизни людей, а ты...
- Ну ладно, ладно! Директор покровительственно потрепал партнера по плечу. Теперь настала его очередь упиваться злорадством по поводу беды соседа, и это

придало ему снисходительности.— Завтра подошлю к тебе опытного мастера-проходчика и инженера-строителя, они посмотрят, что там к чему. Твое здоровье!

— Желаю, чтоб все! — процитировал эрудированный дипломат булгаковского Шарикова. Коршунов сделал вид, что понял цитату и засмеялся.

Коршунов с Еремкиным пока ни сном-ни духом не ведали о том, что изыскательская партия Назарова наткнулась на месторождение нефти. Руководство «Арктикугля» резонно решило до поры до времени не разглашать великую тайну и исподволь готовить правовую и материальную базу под его разработку. Еще неизвестно, как поведут себя норвежские власти, и не сочинят ли они вкупе с американцами какуюнибудь очередную экологическую или политическую «бяку».

Закончив банные процедуры, приятели заказали себе чая и, распаренные и умиротворенные, лениво беседовали о своих начальских проблемах. Мысль опять перескочила на последний визит сюссельмана.

— Слушай, Лень,— сказал Коршунов,— а не послать ли нам Юнглинга куда подальше с его новшествами?

Директор рудника имел в виду намерение сюссельмана установить в Баренцбурге дорожные знаки и поставить почтовый ящик для общения с жителями поселка.

- Никак нельзя,— возразил консул.— Кишка у нас с тобой тонка, чтобы спорить с норвежцами о том, у кого оглобля длинней или дуга потуже.
- Да черт с ними, с правилами дорожного движения,— бубнил свое директор, в конце концов, ограничение скорости до 40 километров никак не скажется на статистике дорожных происшествий на Шпицбергене, а вот почтовый ящик...
 - A что почтовый ящик?
 - Как что? Ты же помнишь его выступление в клубе?
 - Ну, помню.
- Это же фактически агентурное проникновение в нашу епархию. Он же, гад, предложил нашим полярникам через ящик регулярно сигнализировать о своих проблемах. Это... это просто опасно. Всегда найдется какой-нибудь недовольный и подставит нас с тобой за милую душу.
- Да,— почесал затылок консул,— тут он нас обыграл, красноносый. Ну, ничего, я думаю, что ящик этот простоит не долго. Кстати, его смонтировали прямо напротив твоего дома, так что наблюдай повнимательней, кто туда опускает письма.
 - Ага, мне еще не хватало ...
 - Да ты скажи своему «спецназу» из спасательного отряда.
- Ох, чую я, что не кончится это добром,— кряхтел Александр Сергеевич, вытирая пот со лба.
- Это все напоминает нашего царя-сумасброда Павла,— заметил Еремкин.— Когда он взошел на престол, то захотел узнать, чем живут-дышут его подданные. Поскольку придворные представляли все в ложном виде, он распорядился у себя под окном установить почтовый ящик, в который его подданные опускали бы жалобы и письма, и таким образом он узнавал бы об их проблемах из первых рук. Он все время стоял у окна и ждал, когда кто-нибудь подойдет к ящику и бросит туда письмо.
 - Ну и чем все это кончилось?
- Наконец он дождался, когда какой-то житель Петербурга, скрывая свое обличье за плащом, приблизился к ящику и бросил туда записку. Павел приказал немедленно принести ему анонимное послание. Когда он развернул сложенный вчетверо лист бумаги, то выругался и приказал ящик убрать.
 - Что же было написано в послании?
- Там стояли два слова: «Царь дурак». Так первая попытка ввести гласность на Руси кончилась провалом.
- А что если и нам опустить в ящик какую-нибудь «козью морду»? Чтобы отбить у сюссельмана всякую охоту к выпытыванию?

— Надо подумать, — задумчиво произнес Еремкин, — в этом что-то есть.

Банное сидение продолжалось, поскольку были затронуты еще не все актуальные темы полярного бытия.

А за окном стискивал свои могучие объятья мороз; в небе повисли мягкие хлопья северного сияния; наэлектризованная стекающимися к полюсу магнитными частицами одежда людей искрила, потрескивала и мешала целоваться и здороваться. Поселок потонул в кромешном мраке и, как одинокий фрегат в безбрежном океане, отважно плыл навстречу невзгодам и опасностям, беря курс на обетованную и доселе неизвестную Землю Рыночного Благополучия. Капитаны корабля — директор рудника и консул — неуверенными руками держали штурвал, прокладывая маршрут следования по Карте Неосуществимых Мечт.

На борту фрегата плыли разные люди. Кроме немногочисленного племени альтруистов и «государственников», там находились и пламенные приверженцы теории Близости Своей Рубашки к Телу, отпетые и неисправимые апологеты философского течения Крайней Хаты, защитники принципа «Без начальства ни шагу» и его разновидностей «Сверху виднее» и «Вперед батьки не суйся», скрытые сторонники лозунга «Делай меньше, хапай больше». Приплыв к берегу, они станут демократами, олигархами, либералами, центристами, монархистами и искренними переустройщиками страны, другие в качестве идеала выберут умеренный социализм или безбрежную анархию, а третьи перекрасятся в националистов или гомосексуалистов — смотря по настроению. Но пока их время еще не пришло. Пока они, хоть и лениво, но тянут канат, драют палубу, лезут на реи и делают вид, что стараются. И светлое будущее, хоть и не грезится им наяву, но уже все чаще снится.

* * *

Самое интересное для зоолога-революционера Волколупова состояло в том, что еще в Москве, когда он оформлялся в командировку, в кадрах треста кто-то ему рассказал, что на Шпицбергене водятся овцебыки. Сначала он воспринял эту новость с некоторым разочарованием — кто-то уже опередил его в создании новых видов животных. Но поразмыслив, Аполлон Митрофанович пришел к выводу, что из всего этого можно извлечь для своих изысканий несомненную пользу.

Каково же было его разочарование, когда узнал, что овцебыки вымерли с голоду задолго до его прибытия на архипелаг! Это был тяжелый удар по тщеславным планам, но унывал он не долго. Сама жизнь преподнесла ему подарок на тарелке с голубой каемочкой. Пусть себе овцебыки щиплют травку в Канаде или на Гренландии, а он осчастливит человечество куда более значительным достижением.

Полет мысли Волколупова грубо прервал стук в дверь. Ветеринар жил в домике при Скотланд-Ярде, а Скотланд-Ярд располагался на самом отшибе поселка. Кому понадобилось в темную ночь тревожить покой скромного труженика мяса, молока и шерсти? Волколупов затаил дыхание, прислушиваясь к завыванию ветра в трубе. Стук вновь повторился. Путаясь в рукавах, он накинул на себя дубленый полушубок и трясущимися пальцами начал отодвигать засов.

- Кто там? спросил он робким голосом.
- Открывай, Митрофаныч, это я.
- Kто я?
- Ну, я, Роман. Не узнаешь что ли?
- А-а, это ты! Сейчас, сейчас.

Волколупов наконец справился с тугим засовом, дверь распахнулась, и в клубах пара появились покрытые льдом брови, усы и короткая шкиперская бородка.

— Здорово, Аполлоша! Как ты тут? Не замело насовсем? — Кравченя потопал ногами, сбивая налипший на валенки снег, похлопал «зэковкой» по бокам и шагнул в

комнату. Щелкнул выключатель, и яркий электрический свет осветил убогое холостяцкое жилище ветеринара.— Ты тоже не спишь?

- Да уж не спится чтой-то,— пожаловался Волколупов. Он сбросил с себя тулуп и, зябко поежившись худыми плечиками, юркнул под одеяло.
 - А я подумал, что ты с Галинкой свои эксперименты проводишь.

Волколупов покраснел до корней волос. Он не умел ладить с женским полом и втихомолку от этого страдал.

- Уж не к Галинке ли ты сам сюда приперся? буркнул он в ответ.
- Я что, я ничего. Взял вот и пришел посмотреть, что ты делаешь. А ты зря упускаешь случай, Галинка девка горячая. Вот возьму да попрошусь к ней под бочок. Ты не возражаешь?

Ветеринар засмущался еще больше. Ему было неприятно, что кто-то помимо него положил глаз на его помощницу. Успехами у нее он похвастаться не мог, хотя попытки ухаживать за скотницей он уже не раз делал.

- Ладно, не бойся, я ведь так шутки ради. Выпить у тебя не найдется?
- А свою бутылку ты уже выдул?
- Естественно. Какому мужику хватит пол-литра на месяц? Вон я слышал, норвежцам губернатор разрешает по два литра крепких напитков, а пива сколько душе угодно. Да и консульские не страдают от сухого закона. Себя начальство наше слишком-то не ограничивает!
 - Вам хоть пять литров дай все равно не хватит.

Сам Волколупов не пил, поэтому свою бутылку обычно продавал другим, а на вырученные «гнилозубовки» — так прозвали ходившие в советских поселках денежные купоны «Аретикугля», введенные по инициативе Гнилозубова — он покупал в буфете либо пряников, либо конфет.

- Ну, так как есть выпить или нет?
- Опоздал ты, Роман Спиридонович, тут до тебя уже побывали.
- Эх, жаль... У кого бы еще попросить? Может, у Галинки есть? Не сходишь?
- Нет, будить не стоит.
- А ты уже пробовал? хохотнул портовый моряк и лукаво прищурил глаз на ветеринара.
 - Пробовал, признался Волколупов.
 - И как?
 - А никак, схлопотал по физиономии.
- Ха-ха-ха! Ну, молодец Галинка, бой-баба. Люблю таких. А ты надежды не теряй. Тебя в дверь гонят, а ты в окно. Женщины это уважают и рано или поздно сдаются. Эх ты, зоолог, все учить тебя надо. Вот, помню, у меня в Новороссийске дивчина была. Звали ее Фросей...
 - Не надо.
 - Что не надо?
 - Не надо... об этом.
- Ну, ты и фрукт, Аполлоша! Или ханжа. Ты что: разве сам не занимаешься этим по долгу службы, так сказать? Коровы, быки...
 - Это другое. Это... как бы тебе сказать... наука.
 - Наука? Тю, оглашенный! А с Галинкой разве не научно? Что молчишь-то?
 - Не научно.
- Дурень ты эдакий! Не нау-учно! И зачем только я к тебе пришел? Скучно же так жить, Аполлоша! Чем ты сейчас занимаешься? Кравченя презрительным жестом руки показал пространство вокруг себя.
 - Я думаю.
- Думаешь? Скажите, пожалуйста он думает! Начальник порта удивленно поднял густые брови.— И о чем же ты, если не секрет, размышляешь?

- А ты никому не проболтаешься? Волколуповым вдруг овладело желание высказаться. Он привык к тому, что над его идеями люди только смеялись, но каждый раз его распирало изнутри от собственной значимости. Иногда он срывался и под большим секретом посвящал людей в свои сокровенные мысли.
 - Конечно, не скажу. Могила. Кравченя даже глазом не моргнул.
 - Ну, так вот... А ты, правда, никому не скажешь?
 - Аполлоша, блин, ты что тружеников моря не знаешь? Сказал отрезал.
- Хорошо, слушай.— Волколупов вылез из-под одеяла, сел на кровать, свесив худые волосатые ноги на пол, и стал рассказывать.— Ты тут работаешь недавно, потому еще не в курсе, а я человек наблюдательный, имею данные, значит...
- Слушай, хватит, блин, крутить, говори прямо, что у тебя на уме! не выдержал Кравченя.
 - Все дело в размерах.
 - Каких размерах?
 - Ну, у животных.
- У-у-у, нашел, о чем думать. Это давно известно: чем у мужика инструмент больше, тем...
 - Да я о другом.
 - А о чем же?
 - Я о размерах самих животных.

Кравченя подозрительно взглянул на ветеринара: уж не свихнулся ли он тут на своем Скотланд-Ярде?

- Видишь ли,— торопливо начал объяснять Волколупов,— я тут применил щадящий рацион, добавил в сено местной травки и обнаружил, что животные стали расти быстрее. Трехмесячная телка здесь почти в полтора раза крупней и тяжелей, чем такой же теленок на материке. Ты понимаешь, чем это пахнет? таинственно пошептал Аполлон Митрофанович.
 - Дело пахнет керосином,— неуверенно пошутил Кравченя и задумался.
- Тут пахнет большим открытием! убежденно сказал ветеринар.— Я выведу тут новую крупную породу скота. Вот проверю еще эксперимент на свиньях и курах и закидаю вас всех продукцией. Девать будет некуда.
 - А ты уверен, что...
 - Еще как уверен!
- Да-а-а...— промычал пораженный начальник порта. Он с завистью посмотрел на собеседника. Везет же чудакам! Подобного открытия в порту ему в жизнь не сделать.— Ну, ты даешь!

Кравчене стало почему-то не по себе. Он молча напялил на себя шапку и собрался уходить.

- Ты куда торопишься? Посидел бы еще,— умоляюще сказал Волколупов, обиженный тем, что его до конца не выслушали.
 - А что сидеть? Горилки у тебя нема... Пока.

Кравченя вышел и громко хлопнул дверью.

А Волколупов еще долго не мог успокоиться, все ходил по комнате и прикидывал, какой экономический эффект принесет его открытие. Он представлял, как его вызовут в Москву, повезут на ВДНХ и многочисленные академики станут расспрашивать, хвалить, завидовать, превозносить до небес, как сам товарищ Горбачев — или кто там теперь вместо него — вручит в Кремле орден...

А распаленный завистью начальник порта брел по снежной целине и что-то зло бормотал про себя. Перелезая через сугроб, он за что-то зацепился и упал лицом в снег.

— Тьфу, черт тебя побрал! Везет же, блин, всяким ханурикам! Надо рассказать кому-нибудь об этом. Ишь, рационализатор какой выискался!

Роман Кравченя вырос в семье, где «папа пил, а мама била», а потому он с малых

лет был озлоблен на весь мир, в душе страшно завидовал тем, у кого все было или кто был доволен своей судьбой. Он никогда ни с кем не откровенничал и не перед кем не раскрывал свою душу. Еще в школе у него выработался потребительский подход к товарищам, и добра ни от кого не ждал. Когда вырос и поступил в мореходку, он только еще больше утвердился в своем подходе к окружению. Со временем у него выработалась язвительность, хамовитость и грубое, ничем не прикрытое чувство превосходства над другими. Он любил втихомолку посмеяться над недостатками других, а если человек был беззащитен и слаб — то и открыто поиздеваться над ним. Он пришел к выводу, что люди на поверку оказываются на самом деле не такие уж умные. Глупость — главное их качество, а потому по отношению к ним он использовал только злорадство, недоверие, хитрость и подозрительность.

Он, наконец, выбрался на занесенную снегом дорогу. Впереди показались черные контуры портовых складов, стрела крана и огонек в окне его комнаты. Он было уже открыл дверь в свое жилище, как вдруг каким-то боковым зрением понял, что пока он ходил в гости на Скотланд-Ярд, на Грен-фиорде что-то изменилось — чувствовалось присутствие какого-то огромного, огнедышащего существа, подминающего под себя или пожирающего с треском лед и жадно чавкающего соленой водой. Кравченя протер глаза и стал вглядываться в мрак. В сгустившейся полярной мгле он сумел разглядеть еще более плотный сгусток тьмы, находившийся в метрах ста от берега. Таинственный троглодит прокладывал себе путь с помощью луча прожектора. Когда раздался гудок, Рябченя догадался: «Ледокол!»

Несомненно, это был ледокол, хотя за все время службы на южных морях ему ни разу не приходилось сталкиваться с ним. Но кто его послал сюда? Уж не американцы ли выслали военную экспедицию с целью завоевания архипелага? А может, это наши?

Начальник порта замер на месте и следил за тем, как ледокол сделал поворот направо, наконец-то показал ему корму с мерцающими огоньками, а потом стал резко разворачиваться влево и скоро пошел обратным курсом, прижимаясь ближе к берегу. Новый гудок ледокола вывел Кравченю из оцепенения. Не переставая кричать во все горло «Ледокол! Ледокол!», он кинулся наверх и мигом преодолел сто двадцать три ступеньки «потемкинской» лестницы, на которую обычно тратил минут десятьпятнадцать, и уже мчался во весь опор к зданию конторы. Еще через десять минут он колотил кулаками в дверь директорской бани:

— Александр Сергеевич, откройте!

Стучать пришлось долго, но, наконец, дверь открылась и в проеме, в позе римского сенатора, обернутый в простыню, появился недовольный Коршунов.

- Спиридоныч? Ты что не спишь?
- Ледокол! Там, в порту... ледокол! выдохнул Кравченя.
- Ледокол? Откуда? Ты сколько принял сегодня?
- Ни капли в рот не брал, Александр Сергеевич, ей-богу! Точно ледокол!
- Что там произошло? За плечами директора появился в трусах консул.
- Доброго здоровьица, Леонид Маркович! С легким паром,— пролепетал начальник порта.— К нам прибыл ледокол!
 - Ледокол? Отлично! Поедем встречать, предложил Коршунов.

Через несколько минут директорский газик мчался по направлению к порту, рискуя в любую минуту свалиться с крутой извилистой дороги, покрытой коркой льда. А еще через пять минут директор, консул, начальник порта и директорский шофер, по пояс утопая в глубоком снегу, по замерзшему заливу пробирались по направлению к безмолвной металлической громадине, уже успевшей остановить двигатели и сверкавшей огнями иллюминаторов, словно украшенный свечками праздничный торт.

Они остановились в метрах двадцати от судна, потому что из-под корпуса ледокола чернильными фонтанами на лед хлынула вода и чуть не замочила им ноги.

— Эй, кто там на борту? — закричал Коршунов.

- Помощник капитана Бойко,— услышали они над собой сначала голос, а потом на фоне звездного неба различили силуэт в шапке.
- Как называется ваш ледокол? поинтересовался консул, вспоминая положения Консульского устава.
 - «Александр Пархоменко». А кто будете вы?
 - Директор рудника Коршунов.
 - Консул Советского Союза... то есть, Российской Федерации Еремкин.
 - Сейчас доложу капитану, пообещал силуэт и исчез правда, не надолго:
 - Сейчас спустим трап. Капитан приглашает вас на борт.

Послышалась возня, возгласы команды, и с десятиметровой высоты упало нечто вроде веревочной лестницы. Первым полез директор, за ним — консул, потом начальник порта и самым последним — шофер. Помощник капитана помог каждому ощутить под ногами палубу и приказал следовать за ним. После многочисленных поворотов, спусков, подъемов и переходов они оказались, наконец, в просторной кают-компании, где за овальным столом в свете настольной лампы сидел типичный морской волк в довольно уже преклонном возрасте. При виде баренцбургского начальства он привстал из-за стола, вышел на встречу и протянул огромную ручищу:

Капитан Рощупкин. Прошу садиться. Официант, накрывай.

Создавалось впечатление, что ледокол проделал полторы тысячи миль именно для этого застолья. Все уселись за стол, и пока задавались ознакомительные вопросы, проворный буфетчик в одну минуту накрыл стол. Консул плотоядно посмотрел на выпивку и закуску, в то время как лицо директора страдальчески сморщилось.

- Итак, ваш ледокол приписан к мурманскому порту,— констатировал директор.— Есть ли какие проблемы?
 - Практически никаких. Нам нужно только заправиться свежей водой.
 - Это не проблема. Спиридонович, слышал?
 - Так точно, по-военному ответил Кравченя.
- С чем прибыли? продолжал задавать вопросы Коршунов.— Мы почему-то не были оповещены о вашем приходе.
- А мы никого не оповещали. Экипаж взял судно в аренду и решил самостоятельно добывать валюту для Мурманского порта.
- Это хорошо,— одобрил директор.— Вопрос только, где вы рассчитываете заработать.
 - Ну, вам же нужно очистить подходы к порту ото льда? спросил капитан.
 - Нам? Нет. А зачем?
 - Как зачем? Чтобы суда могли свободно швартоваться и...
- А суда к нам в «полярку» не заходят. Для этого есть летняя навигация,— ответил директор.— А до лета все опять замерзнет, даже если вам удастся растопить весь лед в фиорде.
 - Гммм...— Капитан был явно смущен.— Гммм... А как дело у норвежцев?
- Точно не знаю, но примерно так же, как у нас. Все крупные грузы завозят до наступления зимы, а потом, если нужно, используют авиацию,— встрял молчавший до сих пор консул.
 - То есть... вы хотите сказать...
- Мы хотим сказать, что ледокол здесь вряд ли кому потребуется. И прежде чем выходить из Мурманска, вам следовало бы дать нам радиограмму или связаться на худой конец с нашим мурманским же представителем.
- Прошу вас, угощайтесь,— предложил Рощупкин, широким жестом указывая на подносы с едой и красивые бутылки. Если полученная информация и не вызвала у него положительных эмоций, он этого не показывал.
- Это мы с нашим толстым удовольствием,— сказал начальник порта и открыл бутылку «Распутина».

Пил и закусывал один Кравченя, ему помогал в меру своих сил консул. Директор только пригубил из большого хрустального штофа, а шофер почувствовал себя среди начальства не очень уютно и скромно ограничился бутербродом с вареной колбасой.

- А не могли бы вы связаться с Лонгйербюеном и спросить, не нужен ли им ледокол? — поинтересовался капитан.
- Отчего же не можем? Можем. Вот вернемся к утру и запросим,— пообещал Коршунов.— А сколько же топлива жрет ваша посудина?
 - А тысяч на восемьдесят в час.
- Восемьдесят? В час? Это же сколько он сожрал, пока шел до Баренцбурга? ужаснулся шофер.

Капитан не счел нужным отвечать на такой глупый вопрос и продолжал потчевать гостей.

— Ледокол в последний момент удалось «вытащить» с ремонта из бывшей ГДР,— рассказывал он с гордостью.— Теперь он как новенький. Может быть использован при проводке судов по Северному ледовитому пути. Мы его акционировали и ...

Гости еле досидели до семи часов и ушли домой, чтобы хоть немного поспать. Утром капитан со старпомом сошел на берег и нанес визит в консульство. Через пять минут консул через переводчика Топоркова разговаривал с Юнглингом. Юнглинг сообщил, что в услугах ледокола не нуждается и спросил, почему консул его об этом спрашивает.

- Ответь ему, что Баренцбург может в случае надобности вызвать ледокол из Мурманска.
 - Юнглинг подтверждает, что им ледокол не нужен,— сказал вновь Топорков. Разговор закончился, и в воздухе повисла неловкая тишина.
- А давайте я прокачу вас по заливу,— неожиданно предложил Рощупкин консулу.
 - Прокатиться? А сколько это будет стоить? спросил Еремкин.
- Бесплатно,— ответил щедрый капитан.— Вы ведь никогда не катались на ледоходах?
 - Признаться, не приходилось.
 - Вот видите? оживился капитан. Жду вас с женами через полчаса.

Через час все начальство поселка с женами и знакомыми стояли в капитанской рубке, которой мог бы позавидовать танцзал любого районного дома культуры, и с интересом слушали пояснения капитана Рощупкина относительно мощности двигатели «Пархоменко», автономности плавания, имеющегося на борту навигационного оборудования и прочая, и прочая.

Впечатление от всего этого было просто неописуемое. Ледокол без всякого усилия легко продавливал почти метровый слой льда и ходко утюжил залив, словно находился в Маркизовой луже. Жены совершенно ошалели от свалившейся на них экзотики, а дети смотрели на залив с высоты пятиэтажного дома и не могли произнести ни одного слова. Мужчины хмурили брови и изображали на лицах непреклонную суровость и осуждение — им было почему-то стыдно.

С берега за маневрами ледокола наблюдали рядовые жители поселка. Их реакция была несравнима с восторгом тех, кто попал в капитанскую рубку ледокола. Она сводилась к тому, что если на материке установилась такая демократия, то она сулит им мало чего хорошего.

Набег ледокола на Шпицберген был только предвестником новой волны авантюризма, хлынувшей с заболевшего рыночной болезнью материка на мерзлую землю Груманта. Сразу после ледокола в поселке объявилась делегация питерских «Русских самоцветов». Они прибыли самолетом из Осло и, не проконсультировавшись ни с консулом, ни с представителем «Арктикугля», отправились к сюссельману предлагать сотрудничество по обработке полудрагоценных шпицбергенских камней на потребу подданным короля Хокона.

Результат визита оказался таким же плачевным, как у мурманских ледорубов. Норвежцам было совсем не с руки поощрять русское предпринимательство, а «Арктикуголь», обидевшись, что с ним даже не проконсультировались, вообще отказал «Самоцветам» во всякой поддержке. Известное дело, без собственного транспорта и материальной базы питерские бизнесмены были вынуждены возвратиться на берега Невы восвояси. Очередная русская задумка о том, как бы «враз обогатиться», потерпела крах.

Потом прибыла представительная делегация АН России. У них возникла идея взять «неперспективный» поселок Пирамиду в аренду и превратить его в Международный центр исследования Арктики (МЦИА). Идея, несомненно, блестящая, только профессора и академики, пустившиеся в длинный и дорогостоящий вояж, почему-то не учли, что в ста километрах от Пирамиды, в бывшем шахтерском норвежском поселке Ню-Олесунн, уже несколько лет существовал и успешно работал такой центр. Впрочем, это ничуть не смутило ученых мужей, и они уехали с твердым обещанием воплотить свою мечту в действительность.

С тех пор о них, равно как и о МЦИА, никто ничего не слышал. Шпицберген, блин!

В МИРЕ ДИПЛОМАТИИ

Дипломатов и лошадей роднит привычка есть стоя.

Роберт Лембке

Между тем загулявшееся где-то за промерзшим горизонтом солнышко стало сначала робко, а потом все настойчивей посылать свои косые лучи на промерзший ледниками Грумант, пока, наконец, в один прекрасный день они не пробились через верхушку Эльйхорна и на пару минут не осветили затаившиеся в долинах жилища полярников. На всех православных и не православных христиан архипелага эти первые гонцы весны подействовали одинаково: они разбудили в них языческое начало и спровоцировали на активную подготовку праздника Солнца.

На праздник, приуроченный в Баренцбурге к первому воскресенью марта, прибыла многочисленная норвежская делегация: Эйдар Тун, Андерс Андерсен, чиновники угольной компании «Стуре Ношке», священник Бъерн Серенсен, работники больницы, почты и супермаркета и просто жители Лонгйербюена. Улицы поселка наполнились грохотом въезжающих «Ямах», «Ски-Ду» и «Полярисов» и яркими расцветками скутерных костюмов седоков.

Все население Баренцбурга высыпало на площадь Ленина и окружило гостей вниманием, заботой и темными пятнами дубленок и фуфаек. Больше всех суетились «чейнджовщики»: они быстро достали из-под кроватей предметы «чейнджа», сдули с них пыль, выстроились перед столовой в настоящий торговый ряд и наперебой зазывали покупателей. Наряду с местными кустарными изделиями, у некоторых расторопных «бизнесменов» появился товар с материка: офицерские кители, застиранные солдатские гимнастерки, фуражки, пилотки, погоны, значки и прочие символы былого величия вооруженных сил канувшего в Лету Союза, а также самовары, деревянные ложки, хохлома и матрешки с изображениями бывших и действующих вождей. Вопреки, а может быть, наоборот, согласно исторической логике, матрешка Сталина располагалась внутри Хрущева, Хрущев — внутри Брежнева, но всех проглотила матрешка Ельцина, отчего его физиономия имела вид страдающего несварением желудка человека.

Особым спросом у норвежцев пользовались изделия «ЗЭК-ширпотреба» типа цигейковых шапок, рукавиц, фуфаек и валенок. Эти предметы входили в бесплатный набор спецодежды местных полярников, а поскольку ее запасы были на исходе, то торговать этим «стратегическим» товаром Коршунов запретил. Но продавец и поку-

патель, достигнув соглашения, соблюдали свои меры предосторожности и совершали купчую не на глазах у всей публики и представителей администрации рудника, а в общежитии продавца. После праздника продавцы товара, завершившие успешную сделку, будут клянчить в конторе новую смену одежды, потому что им не в чем будет выйти на работу, но это будет уже завтра, а сегодня... Сегодня праздник!

На пригорке, оборудованном под импровизированную сцену, выстроился небольшой самодеятельный ансамбль певцов и плясунов и развлекал гуляющих солеными и перчеными частушками. Работники столовой тоже постарались и выставили на мороз горячие блины, пироги и чай из огромных самоваров. Угощение было сплошь бесплатным, и как гости, так и местные жители «сметали» с подносов нехитрую снедь и с удовольствием поглощали ее под звуки народных русских песен и плясок.

Главным аттракционом, однако, оказалась бутылка «пшеничной» и шмат сала, привязанные к верхушке высоченного и гладко оструганного столба. На драгоценную приманку покушались многие, но она долго никому не давалась в руки, и каждая неудачная попытка сопровождалась громким смехом и поощрительными возгласами. Всем мешала одежда. Наконец со стороны Скотланд-Ярда прибежал молодой разгоряченный скотник. На глазах у всей публики он разделся до трусов, быстро — пообезьяньи — вскарабкался на столб, снял приз и под неистовые крики толпы: «Молодец, Митька! Давай, Мордюжа!» Митька Мордюжа кое-как оделся и побежал опять на работу, прижав драгоценную бутылку подмышкой.

Это был пик праздника. После этого охрипшие певцы с гармонистом куда-то исчезли, прилавки с пирогами опустели, и народ стал разбредаться по домам. Представителей «Стуре Ношке» Трегубенко и Коршунов увели на рюмку чая в столовую, чиновники губернаторской конторы под предводительством консула Еремкина отправились в консульство, пастора Серенсена увел к себе домой бывший секретарь упраздненного парткома, а остальную публику «растащили» по своим комнатам и квартирам метеорологи, гляциологи и прочие представители местной интеллигенции.

Андерс Андерсен привез с собой несколько щитов с изображением знаков дорожного движения. Их необходимо было расставить по всему Баренцбургу, чтобы каждому, особенно пяти водителям рудника и четырем сотрудникам консульства было ясно, что передвигаться по поселку можно только при условии соблюдения ПДД. Контрразведчик дал своим полицейским необходимые ценные указания о том, как и где устанавливать щиты. Полицейские, козырнув шефу, пошли выполнять задание, сопровождаемые местными зеваками.

Старший полицейский напросился в гости к вертолетчикам на мыс Хеер, чтобы в который раз попробовать «расколоть» их на предмет принадлежности к военным структурам. Но прежде чем покинуть площадь, Андерсен подошел к большому видному со всех сторон красно-желтому почтовому ящику, вскрыл его и удовлетворенно крякнул: губернаторская почта начала работать! Проходивший мимо с гостями Коршунов побледнел и схватился за сердце: норвежец положил за пазуху три или четыре конверта. Директор мог с уверенностью сказать только об одном авторе письма. Значит, кто-то из рудничных, минуя его слежку, уже настрочил на него кляузу! Почвы для жалоб было хоть отбавляй: и нарушение правил техники безопасности в шахтах, и замусоривание тундры, и завоз с материка мимо норвежского санэпидемнадзора двух кошек и одной собаки, и мало ли что еще...

Стоявший поодаль Аполлон Волколупов с загадочной улыбкой человека, обладающего великой тайной, не доступной простым смертным, попытался было тоже зазвать к себе на Скотланд-Ярд какого-нибудь норвежского гостя, но потом вспомнил, что спиртного дома «йок», а без спиртного — какой же прием? И поковылял в библиотеку читать научно-популярные журналы. Роман Кравченя игриво подмигнул двум веселым хохотушкам из лонгйербюенской больницы и, взяв их под руки, повел по «потемкинской» лестнице к себе в порт.

Вечером в Доме культуры силами баренцбургских и лонгйербюенских самодеятельных артистов был дан большой концерт. Гвоздем программы было исполнение норвежских песен директрисой Дома и русских — переводчиком Сверре Бустадом. Зал на триста мест был набит битком и вместить всех желающих не смог. Гости, число которых к вечеру увеличилось чуть ли не втрое, сидели на почетных местах, а многие зрители стояли в проходах или сидели прямо на полу.

После концерта консул Еремкин давал в консульстве большой прием. Обычно прием проводился в годовщину Революции, но новый режим в Москве этот праздник отменил и тем самым лишил свои загранпредставительства важного инструмента внешнеполитического воздействия на страны пребывания. Еремкин собственной властью решил придать языческому празднику Дня Солнца статус государственного. Финансовый год, правда, уже закончился, и если принимать в расчет чисто формальные соображения, то средства на прием, считай, уже пропали, но бывший райкомовский инструктор не был формалистом.

Двух мнений насчет даты приема в консульстве не возникло: солнце на всех было одно, но праздник по случаю его появления над головой каждая сторона столбила на свое усмотрение. Праздник должен быть в душе, а состояние засохших за зиму консульских душ было таково, что оно требовало смазки.

После концерта гости дружной толпой устремились по тропинке ввысь к «замку Иф». Ничто так не способствует материальному закреплению восприятия культуры двух народов, как хороший стол. По этому вопросу у русских хозяев и норвежских гостей разногласий не было.

В первом ряду приглашенных шествовали сюссельман и рудничное начальство с супругами. В затылок им дышали представители нескольких министерств из Осло, случайно оказавшихся на Шпицбергене, в том числе посол по особым поручениям МИД Норвегии Ян Арвесен* собственной персоной. С ними вместе шел вице-губернатор Эйдар Тун с женой Анникой и сотрудники конторы губернатора. Потом следовали директора Большой Норвежской угольной компании со своими заместителями и женами. На пятки им наступали представители профкомов и пастор Бъерн Йохан Серенсен с супругой Ингрид, потом шли представители прессы, системы образования и медицины, полицейские и чиновники аэропорта, вертолетчики и ученые, потом просто инженеры и средние начальники, и прочая, и прочая, и прочая...

Слой пролетариев умственного труда, поспешавших на ритуальное пиршество российской дипломатии, казался со стороны таким жирным, а их поступь такой мощной и порывистой, что невольно возникал беспокойный вопрос: «А на кого же оставили осиротевший материк?» Внимая топоту бесчисленных ног, можно было легко представить, как под натиском этого интеллигентного десанта на архипелаге вот-вот должен будет наступить такой прогресс, такой расцвет цивилизации, по сравнению с которой Атлантида там или какой-то Вавилон с Египтом покажутся жалким варварским экспериментом на теле нашей истории.

Консульство призывно светилось огнями своих финских окон и гостеприимно распахнуло двери перед изголодавшейся по материальной пище «белой костью» Шпицбергена. Сюссельман, приветливо улыбаясь во все свое морщинистое широкое лицо, взошел на крыльцо, громко потопал сапогами, отряхивая снег, и торжественно вплыл в вестибюль консульства. Отделанный под мрамор холл пылал и переливался яркими огнями люстр, бра и прочих светильников, развешанных по стенам и потолку, а выстроившиеся для встречи гостей сотрудники консульства представляли собой антураж, достойный церемонии награждения нобелевских лауреатов в Стокгольмской ратуше.

Консул Еремкин успел занять место во главе шеренги встречающих, из-за его плеча скромно выглядывало личико супруги, позы и лица их излучали величавое радушие и гостеприимство хозяев Олимпа, созвавших богов на пир. Еремкин тепло и

-

^{*} Был такой.

мягко обнял Юнглинга и супругу, словно и не виделся с ними полчаса тому назад в Доме культуры, участливо спросил об их самочувствии и здоровье и жестом пригласил их в раздевалку:

Улыбка и теплые чувства консула по цепочке передавались стоявшим за ним сотрудникам консульства, и как только гость поступал в их распоряжение, то чувства эти вспыхивали вновь с той же неподдельной энергией. Согретый, размягченный и убаюканный гость шел в раздевалку, а уже оттуда поднимался по широкой лестнице наверх, где его ждали новые сюрпризы.

Три зала — Голубой, Гобеленный и Каминный, разделенные условными деревянными раздвижными перегородками, являли теперь собой один просторный зал, который стал постепенно заполняться раскрасневшимся с мороза и степенно разминающимся людом. Всю стену центральной части украшал огромный шерстяной гобелен, сотканный какими-то искусными ленинградскими мастерами. Полотно было выдержано в темных и светлых голубых тонах, имитирующих цвета полярной ночи. Поверху в виде рваного полога северного сияния шла надпись на латинском языке «Терра incognita», а из мрака полярной ночи выглядывали умные и мужественные лица полярных исследователей Русанова, Нансена и Амундсена.

Напротив гобелена стоял огромный стол, накрытый всевозможными яствами и выпивкой. Он ничуть не меньше гобелена притягивал внимание гостей и с точки зрения девственной непочатости представлял собой не менее таинственную и неизведанную землю, чем северный полюс для Амундсена. Работники местной столовой постарались на славу и из ограниченного набора продуктов приготовили экзотичные и симпатичные на внешний вид блюда.

Съезд гостей был дружным и бурным, а потому консул Еремкин скоро появился среди гостей и занялся последними приготовлениями к торжественному открытию праздника. По одну сторону стола, у гобелена, он выстроил все местное и норвежское начальство, по другую сторону — остальную публику и попросил всех наполнить бокалы. Раздались оживленные вскрики застоявшихся гостей, звон хрусталя, хлопанье пробок от шампанского и тихое журчание крепких напитков.

Зал замер.

 Уважаемые гости! Дамы, господа и товарищи! — начал звонко и уверенно Ермкин. — Позвольте мне...

Ему позволили говорить банальные вещи, которые принято говорить на таких сборищах, но присутствующие жадно ловили каждое сказанное им слово, внимали ему, словно пророку, которому, наконец, удалось вывести их исстрадавшиеся в Египте души на историческую родину Израиля. Консул пожелал всем крепкого — беломедвежьего — здоровья и выразил надежду на еще более плодотворные контакты между двумя общинами архипелага. Смысл сказанного достигал ушей гостей через уста Топоркова.

- Ура! крикнул сюссельман, не дожидаясь точного перевода на русский. Ура-а-а! подуратил ост и
- Ура-а-а! подхватил зал и дружно сделал первый опрокидон.

С ответным словом позволили выступить сюссельману. Переводил на русский Бустад. И снова зал огласили крики «ура», за которыми последовал второй опрокидон.

И грянул пир!

Был сделан первый набег на стол. Результаты были устрашающими, но стол всетаки выдержал этот массированный удар, и когда волна атакующих схлынула назад, то он все еще гордо развевал флагами водок и коньяков, грозно выглядывавших из-за крепостных стен салатных и винегретных фортов.

Разведка боем укрепила нападающих в правильности выбранного направления осады, поэтому вслед за консулом слово взял директор рудника Коршунов и попросил выпить за шахтерское братство и солидарность. Вторая волна атакующих нанесла по столу тяжелый удар, но он все-таки стоял и не сдавался. Однако волны следовали одна за другой, и поскольку для большевиков (пусть бывших) не существовало

крепостей, которые нельзя было бы в конечном итоге взять приступом, то через полчаса консул Еремкин попросил внести подкрепление. Подкрепление выстроилось в виде новыех оборонительных линий, но они уже ничего не могли противопоставить куражу нападающих. Всем известно, как трудно оборонять крепость, когда неприятелю удалось нашупать слабину в обороне и пробить в крепостной стене бреши, когда отдельные его отряды уже появились внутри крепости, когда деморализованные и усталые защитники, то бишь, хозяева приема, размахивают мечами исключительно по инерции.

В конце-концов стол пал, но он выполнил свою задачу. Наступательный дух осаждающих в схватке с пахучими домашними колбасками, паштетами, заливным, пельменями и украинскими пампушками постепенно угас. Опъяненные победой бойцы в своей основной массе уже не могли больше делать крупных интервенций и демаршей, и если набеги на стол и происходили, то они были ограничены и по масштабу, и по времени и все больше носили неорганизованный характер. Впрочем, боевой дух отдельных бойцов оставался довольно высоким на протяжении всего вечера.

Друг мой, читатель! Приходилось ли тебе когда-нибудь бывать на дипломатических приемах? Нет? Ну и отлично! Уверяю тебя, что ты немного потерял от этого — до того это в общем-то скучное и никчемное занятие. Цель любого дипломатического раута состоит в том, чтобы решить какую-нибудь политическую задачу, собрать заранее известную информацию, подсластить горькую пилюлю, полученную на переговорах, создать благоприятные условия для удовлетворения неудобной просьбы, завязать знакомство и т. п. Все люди, приглашенные на прием, знают об этой подоплеке, но делают вид, что искренне рады представившейся возможности пообщаться. Они плохо скрывают свою скуку и презрение к окружающим, а потому, потолкавшись с полчаса, потихоньку исчезают. Приемы — это гибрид информационной биржи, ярмарки тщеславия и провинциального общепита под сводами Венской конвенции о дипломатическом иммунитете.

Но не таковы, о, читатель, дипломатические приемы на Шпицбергене!

Это не скучные говорильни и переливание из пустого в порожнее одних и тех же новостей. Шпицбергенские приемы — это яркий и искренний праздник, напоминающий по своей открытости и чистосердечию Петровские ассамблеи начала восемнадцатого века. Форма ассамблей как нельзя лучше подходит к специфике жизни на архипелаге и в полной мере отвечает потребностям незатейливых на этикет русских, украинских и норвежских душ. Вот на такие приемы, читатель, я непременно рекомендую тебе время от времени захаживать.

- ...Отвалившись от стола, публика тут же занялась танцами. Тон во всем задавали чиновники консульства. На середину зала вышла тоненькая фигурка консульши и все замерли в ожиданье. Из динамиков раздались зазывные звуки скрипки и аккордеона, по команде консульши дипломаты со своими женами выстроились в пары и весело поскакали по кругу.
- Норвежская полька! заговорили вокруг гости и с интересом стали наблюдать, как тяжеловесные русские кавалеры крутили вокруг себя дам и старательно выделывали все па, записанные каким-то новгородским хореографом. Танец имел колоссальный успех, и тогда консульша попросила повторить музыку еще раз. Теперь в пляс пустились и сами норвежцы, и от их дружных притопов стали содрогаться поэтажные перекрытия, а падавшее тяжелыми складками полотно гобелена стало покачиваться, словно ситцевая занавеска на сквозняке.

— И эх! И ах! Ух!

При каждом повороте танцующих раздавался победный клич викингов, от которого зажигалась кровь и в славянских жилах, и ноги приплясывали само собой:

— Эх! Oх! Их!

Танец кончился, и тут же на середину вышел баянист и заиграл цыганочку. На сцену выскочила жена Коршунова с платочком. Она сделала эффектный выход и

пригласила на танец Юнглинга. Губернатор не заставил себя упрашивать и тяжелой походкой вышел в круг. Зрелище было необычно эклектичное, а потому интересное: порхающая, словно бабочка, резвая «цыганочка» с платочком и еле поспевающий в такт неумело притопывающий своими ножищами норвежский то ли морж, то ли тюлень. Так продолжалось не долго: в круг выскочила консульша и пригласила на танец старшего полицейского Андерсена, за ними последовали другие пары, которые неумение танцевать «цыганочку» компенсировали кто темпераментом, кто изобретательностью, а кто обычным старанием.

И пошла плясать губерния! Заразительная музыка вовлекала в круг все больше танцующих пар и просто одиночек. Все ухали, охали, взмахивали руками, приседали, прихлопывали и притопывали, делали зверские лица, носились по кругу и трясли верхней частью туловища так, что из расшатавшихся грудных клеток было слышно погромыхивание костей. Всех превзошел посол по особым поручениям Ян Арвесен. Весь вечер ухаживавший за женой вице-консула Таратенкова*, он незаметно для мужа подкрался к ней сзади и вытащил на середину круга. Мадам Таратенкова снисходительно притопывала левой ножкой правее, а правой — левее, в то время как толстяк-посол носился вокруг нее метеором. А когда музыка — по его представлениям — достигла апогея, он в экстазе бросился перед дамой на колени, запрокинул голову назад и затрясся всем своим огромным телом как сивуч в брачный период в ритуальном танце.

Танцы и пляски пошли на спад и постепенно уступили место песням — в основном русским и украинским. И тут своим мастерством блеснул переводчик Сверре Бустад. Он оказался обладателем приятного тенора и знатоком русских народных песен, а потому вокруг него и голосистой директрисы Дома культуры скоро образовался импровизированный хор. Певцы с упоением выводили слова о Стеньке Разине, Ермаке и других народных героях. Незнание слов ничуть не снижало степени эмоционального воздействия песен на скандинавские сердца, и на некоторых лицах появились слезы то ли пота, то ли умиления.

Скоро сюссельман стал поглядывать на часы и поручил Андерсу Андерсену потихоньку собирать народ на выход, но разгулявшаяся публика не поддавалась ни на какие уговоры. Выпив на брудершафт, гости и хозяева продолжали веселиться, и когда Еремкин в шутку предложил всем остаться ночевать в консульстве, главврач лонгйербюенской больницы с энтузиазмом воскликнул:

— Прошу у вас политического убежища!

Но время и усталость неумолимо заявляли о своих требованиях, и норвежцы один за другим стали спускаться вниз и облачаться в теплые комбинезоны. Их провожал и напутствовал консул Еремкин. Провожание имело форму братания. Гости лезли целоваться и в порыве благодарности предлагали навестить их тут же в Лонгйербюене.

Наконец норвежцы вышли на улицу и стали разогревать своих стальных коней. Баренцбург был разбужен ревом нескольких десятков мотоциклетных двигателей. А когда они, наконец, отъехали от консульства, то треск моторов еще долго слышался со стороны мыса Хеер, куда постепенно втянулась сначала голова, потом туловище, а за ним и хвост огнедышащего дракона.

По старой традиции консул собрал русских участников приема и поблагодарил всех за его подготовку и успешное проведение. Для хозяев праздник закончился к утру, когда шахтерская смена потянулась на работу.

О приеме еще долго вспоминали в обоих поселках.

Прием на Шпицбергене — это больше чем прием.

Это — праздник души и тела.

(B)

^{*} И такой был.

Яков Шафран (г. Тула)

ДОМОРОЩЕННЫЕ ЧУЖЕЗЕМЦЫ* **

НАЦИСТСКАЯ УКРАИНА— ЗАПАДНЫЙ АНТИРОССИЙСКИЙ ПРОЕКТ

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

«Если ты выстрелишь в прошлое из пистолета, будущее выстрелит в тебя из пушки».

Расул Гамзатович Гамзатов

Соблазняй, обманывай, разделяй, подкупай и властвуй.

Принципы темных сил

«От осинки не родятся апельсинки». (Народная поговорка)

«Кто начал злом, тот и погрязнет в нем». (Пословица)

В своей в течение минувших веков неустанной целенаправленной деятельности против России Западная цивилизация неотвратимо, в силу неоднократных неудачных попыток полного покорения нашей страны, приходила к навязчивой мысли о насущной необходимости создания анти-России как эффективного инструмента для успешного оперативного внедрения всевозможных антирусских смыслов на территории государства, эффективного инструмента планомерного и тотального разрушения Русской цивилизации изнутри. А известно, если хотите *так* победить державу, то необходимо соответствующим образом воспитать ее детей... И Запад стал предпринимать последовательные практические шаги, ориентированные в том числе и на бесповоротный отрыв от России юго-западных русских земель, памятуя, что без них могучей империи не будет, и на фактическое превращение их в передний край на развернутом фронте против нее.

Но давайте, выражаясь языком психологии, «закроем гештальт», то есть до конца, окончательно разберемся и поставим точку в вопросе названия «Украина». Нужно сказать, что данное «гордое» наименование части русского края на определенном

* Выражение принадлежит Митрополиту Павлу, епископу Украинской православной церкви (Московского патриархата), наместнику Свято-Успенской Киево-Печерской лавры, на момент написания этой статьи находящемуся под домашним арестом.

^{**} Предыдущие статьи цикла «Нацизм — инструмент объединенного Запада против Русской цивилизации»: 1. «Западная цивилизация — антипод Русской цивилизации» https://proza.ru/2022/12/10/1769; 2. «Ударный механизм западной цивилизации. Черный интернационал» https://proza.ru/2023/03/17/1558; 3. «Русофобия — это нацизм и расизм» https://proza.ru/2023/06/23/885.

этапе формирования русской государственности еще с XII в. применялось в буквальном значении древнерусского слова *«окраина»*, когда говорилось об отдаленных пограничных районах. При этом «украинцами» (или «окраинцами») назывались тамошние прирубежные жители, служившие добровольными и надежными защитниками от постоянных иноземных опустошительных набегов.

Сегодняшняя Украина ведет свое происхождение далеко не только от Майдана 2014 года, но и от незавершенной денацификации и дебандеризации 40-х — 50-х годов XX века, и в еще бо́льшей степени — от польских целенаправленных практических действий, начавшихся в XVI веке и получивших соответствующее оформление в веке XVIII. За спиной же Польши, Австро-Венгрии, продолжившей антироссийскую деятельность, и далее Германии всегда стоял объединенный Запад во главе с англосаксами и их командными Центрами силы.

Отсюда ясно, почему имевшее место фактически после развала СССР постсоветское развитие «независимости» Украины шло не через справедливое устройство на началах разумной федерации и не через установление русского языка вторым государственным, а напротив, исключительно через последовательное и беспрепятственное имплементирование враждебной Русской цивилизации идеологии украинского неонацизма и русофобии.

 $Ex\ nihĭlo\ nihil\ fit^*.$ Что же совершалось на протяжении долгих столетий, а также более близкого к нам и нового времени на Украине, давшее реальную возможность создать из нее анти-Россию?

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ И РУССКОЕ

Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское — государство на востоке Европы, функционировавшее с середины XIII века на землях нынешних Литвы, Белоруссии, бо́льшей части Украины, до середины XVII века в западных краях Руси — Смоленске, Брянске и Курске, на землях Польши (Подляшье), в некоторой степени Латвии и Молдавии и юга Эстонии; и ставшее в XV—XVI веках ярым противником Московского княжества в непримиримом соперничестве за абсолютное главенство на Руси и вообще в Восточной Европе. Изрядные исконные территории Руси, оказавшиеся под полным владычеством сего княжества, так и именовались Литовской Русью.

Да, было такое государство, в котором жили в большинстве русские люди, и подавляющей долей его правящей элиты были русские князья, господствующей релиний было Православие (меньшая составляющая населения — балты являлись язычниками), официальным и общепринятым в быту языком — русский и алфавитом — кириллица. Однако тогдашние властители, в том числе и дум, как и ныне у нас основная часть власть имущих и интеллигенции, читай «шестая» и «пятая колонны», стремились слиться с Западом, стремились к соединению с Польшей. И вот в 1386 г. состоялась личная уния — добровольное объединение двух самостоятельных монархических образований — княжества с королевством Польским — в якобы равноправный (об этом чуть ниже) союз с одним монархом, который стал, следовательно, главой каждого из них; а с 1569 г.— также Люблинская сеймовая уния — был создан общий сейм в рамках конфедерации — Речи Посполитой.

Польские власть предержащие, управляемые, как мы уже знаем, англосаксами, а те — небезызвестными управителями — Центрами неумолимой силы, упоминаемыми нами ранее, пустились во все тяжкие и поступили очень хитро, избрав в 1386 г. польским королем князя Великого княжества Литовского и Русского Ягайло под новым именем — Владислав II Ягелло. А королем поляков может быть только примерный католик. И он, потомственный язычник, с целью обретения власти крестился в

^{*} Ex nihĭlo nihil fit (лат.) — из ничего ничего не происходит.

римскую веру. Вот с той поры — православный в Речи Посполитой, значит, *русский*, и насаждалось мнение: эта вера — вера холопов. Ввиду страха перед беспощадным, тем или иным способом, уничтожением православных священников некоторые русские епископы создали униатскую, греко-католическую церковь, подчиняющуюся Ватикану. Простые русские люди и князья, порой ради сохранения самой жизни и чтобы в будущем чего-то достичь, также переходили в униатство. И далее начинало происходить элементарное ополячивание.

У несогласных с этим было два единственно приемлемых выхода — спасаться собственно бегством в Россию или активно бороться. На Украине такую последовательную освободительную борьбу возглавил обедневший польский шляхтич, православного вероисповедания — Богдан Хмельницкий. В результате его убедительной победы состоялась Переяславская Рада, и левобережная Малороссия и часть Запорожской Сечи вошли в состав Российской империи.

После третьего, очередного территориального раздела Польши в виде Речи Посполитой в 1795 году Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское «приказало долго жить», а к 1815 году все его земли перешли к России.

СИМВОЛ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

В 1687 г. гетманом земель бывшего Литовского княжества, находящихся на Украине в составе империи, по особой рекомендации князя Василия Голицына — главно-командующего армией, генеральным есаулом был избран Иван Мазепа. Выбор утвердил Петр І. Гетман принес торжественную присягу на верность. Мазепа, уроженец Правобережья, воспитывавшийся при королевском дворе Яна Казимира, не скрывал своей четкой ориентации на Польшу, и оказался в Москве, благодаря пленению на войне. И есть историческое свидетельство самого Мазепы о том, каким образом он за крупную взятку дамскому любимцу царевны Софьи, В. Голицыну, стал гетманом.

Но Петр I почему-то доверял ему, ставшему одним из богатейших вельмож страны. И вот во время Северной войны (это вроде анекдота про пожарных: «...Все хорошо, но как пожар, то хоть увольняйся...») Мазепа, предавшийся алармистским настроениям и решивший, что скорая победа будет за Швецией, ничтоже сумняшеся перешел на вражескую сторону. Однако подавляющее большинство малороссов остались верны империи.

В России данный субъект сделался вечным символом вероломного предательства. Был изготовлен в одном экземпляре Орден Иуды, содержащий значимые слова: «Треклятый сын погибельный Иуда, еже за сребролюбие давится».

Вот такая поучительная история... В заключение скажем: цвета Мазепы — желтый с голубым (цвета государственного флага Швеции) — стали ныне цветами официального флага современной нацистской Украины. Что очень характерно.

ОПОЛЯЧИВАНИЕ — ПРОЦЕСС ПОЛЬСКОГО «ПИЩЕВАРЕНИЯ»

Если мы хотим разобраться, откуда взялась Украина — анти-Россия, то нам надлежит уяснить — она появилась не в 1991-ом году и не 1917-ом. Постепенный процесс ее искусственного создания начался во 2-й половине XVI века. Королям в совокупном результате присоединения галицкой земли после объединения Польши и княжества Литовского и Русского удалось, в сущности, обнулить бесспорное, преобладающее влияние Православия там, где его исповедовало большинство населения. Неизбежным следствием чего явилось ополячивание простых людей — они должны были стать или своими, или подвергнуться всевозможным унижениям и явной дискриминации. Магнаты, вслед за повсеместным введением на сих приобретенных территориях крепостного права (кстати, раньше, чем в России), могли вытворять, по их соб-

ственному выражению, с «пся крэв» все, даже убивать, без какого-либо взыскания за это. А требы на совершение православных ритуалов малороссы обязаны были подавать польскому священнику исключительно через руководителей местной еврейской общины, и после милостивого разрешения они исполнялись за назначенную ксендзом плату. Лишь ценой перехода в униатство люди были в состоянии полноценно участвовать в различных сферах общественной жизнедеятельности и кормить личные семьи. Что и сделала определенная часть не закрепощенных людей. Успех Ватикана и шляхты порушил глубинные духовные скрепы и культурные смыслы русского народа Юго-Запада Руси. Так начала складываться анти-Россия.

В XVIII в. продолжилось окатоличивание и ополячивание. Магнаты, шляхта и ксендзы еще более эскалировали неприкрытую ничем систематическую травлю православных. И виленский иезуит С. Жебровский в авторском «Проекте уничтожения греко-российского вероисповедания в польских владениях» (1717 г.) в архирусофобской и агрессивной манере писал, что «государственные чины, и каждый поляк... должен поставить себе в обязанность, чтобы греческое вероисповедание латинскому противное, всячески выводить, то презрением, то преследованием, то притеснением тех, которые держаться оного, и другими... деятельными средствами». И далее: «...Нужно довести их [русских] до нищеты и невежества, и будучи в нем, они не в состоянии будут знать своих обрядов, <...> запретить детям своих крестьян учиться в церковных школах».

В 1733 г. шляхетским национально-религиозным объединением было принято специальное постановление о крайней нетерпимости к православным и лишении их законных прав, что еще более усугубило и без того тяжелое, бедственное положение русских. Причем младенцы от смешанных браков должны тут же записываться в римскую веру. А все русские образовательные заведения были полностью запрещены, и в 1869 г. как государственный на этих, русских, землях введен польский язык.

Польша, вслед за троекратным территориальным разделом в конце 18-го века между Пруссией, Австро-Венгрией и Российской империей, грезила о полной реставрации. И всячески декларировала, что народы бывших ее малороссийских Восточных кресов, которые оккупировала Россия, и за которыми поляки закрепили наименование Украина, не русские, а истинные потомки древних укров, и более сходны с поляками.

В марте 1921 г. по условиям рижского мирного договора после окончившейся советско-польской войны, Польша добыла западные края Украины и Белоруссии и продолжила ополячивание их коренного населения.

И в настоящее время «вечный проект» Речи Посполитой не завершен и развертывается и далее как устойчивый передовой фронт Западной цивилизации против России.

С ЧЕГО НАЧАЛАСЬ ПОЛЬСКАЯ НЕТЕРПИМОСТЬ

В начале IX в. на территории Чехии, Словакии и Венгрии, частью на землях Польши, Сербии, Хорватии, Словении, Болгарии, Украины, Австрии и даже Германии существовало одно из ранних славянских государств — Великая Моравия.

Князь Ростислав — ее мудрый и просвещенный правитель не желал, чтобы его население окормляла баварская латинская церковь, подвластная безусловной воле католических епископов, ему необходима была собственная, *независимая* церковь. В 862 г. византийский император, по просьбе послов Ростислава даровать им «епископа и учителя», направил в Моравию Кирилла и Мефодия.

Так православное христианство в IX веке появилось в польских краях, в том числе в Малой Польше, у вислян, в бытность второго приезда Мефодия в Моравию, о чем свидетельствуют ценные исторические находки данного религиозного обряда, обнаруженные в Пшемысле, Вислице и Кракове. К тому же в древних Моравии и

Польше использовался старославянский язык и глаголица (впоследствии — кириллица, принесенная Кириллом и Мефодием).

Таким образом, на польских землях изначально боролись две религии — православие и католичество. В итоге в сложном процессе длительного противостояния победило последнее и латинский алфавит. Не отсюда ли идет такая нетерпимость польской «элиты» к Православию и русским?

АВСТРО-ВЕНГЕРСКАЯ ЛЕПТА

Согласно указанному выше разделу Польши, в 1772 г. Закарпатье, Галицкая Русь и Буковина вошли в Австро-Венгерскую империю. И всемерное «развитие» украинского наречия употреблялось австрийцами и немцами для целенаправленного формирования украинского национализма как действенного способа ослабления России. Для этого обещали русским быстрое получение в империи особого, выгодного положения, если те станут понимать себя иным народом со своим самобытным языком. И также, поскольку на Правобережной Украине господствовали поляки, в противовес им, они эскалировали и антипольскость воинствующего украинского национализма.

Из сего ясно видно, что Австро-Венгрия — непосредственная наследница империи Карла Великого и далее Священной Римской империи, — совместно с М. Грушевским, бесспорным идейным лидером и известным теоретиком, придумавшим Украину, так же, как и Польша — «сугроб да выога — два друга»*, — являлась передовым форпостом Западной цивилизации в ее многолетнем непримиримом противостоянии России и одним из фактических создателей анти-России.

СТАНОВЛЕНИЕ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Малороссы всегда имели в Российской империи с русскими равные права. И органичное слияние великороссов и малороссов совершалось по нарастающей. А в западных районах современной Украины в Российской империи превалировала иная, обратная интенция, и там в итоге католической и униатской церквями и польской «элитой» был создан национализм с заведомо заданным антирусским курсом.

Ведущим идеологом укронационализма в XX в., как сказано выше, являлся Грушевский М. С. (1866—1934), родившийся и выросший в России, говоривший и писавший по-русски и, соответственно, думавший на нем, известное десятитомное творение которого стало основанием для бандеровской нацистской идеологии с ее целевыми установками: одна страна, одна нация, один язык. Русские и другие народы, жившие на Украине, и в том числе украинцы, не поддерживающие шовинистические взгляды, по его бредовым идеям должны быть лишены всех прав и открыто дискриминироваться. И в конце 1929 г., благодаря сей «теории», возникла ОУН — Организация националистов (запрещена в РФ), откуда начал вести «кипучую» политическую деятельность Степан Бандера.

В Малороссии же, к крайнему прискорбию лидеров, укронационализм имел мизерное число истинных приверженцев, имел несущественное, третьестепенное значение. Простые люди были совершенно к нему индифферентны. А многие местные интеллигенты понимали его как некую своеобразную моду, как просто некое внешнее подражание сепаратизму малых народов Запада, то есть отрицательно. Но малочисленные, хотя и весьма активные, малороссийские националисты стали истовыми, а с другой стороны, жалкими *имитаторами* националистов Польши (так, в частности, гимн «Ще не вмерла Украина» является прямым перепевом польского: «Jeszcze Polska nie zginęła»). И это, несмотря на сильную древнюю нелюбовь к той стране.

^{* «}Сугроб да вьюга — два друга» — русская пословица.

Таким образом, именно на Западенщине ультранационализм вырос в русофобский шовинизм. И в 1882 г. Бестронный в книге «Przestroga Historii» писал: «Если у нас идет речь об Украине, то мы должны оперировать одним словом — ненависть к ее врагам... Возрождение Украины синоним ненависти к своей жене московке, к своим детям кацапчатам, к своим братьям и сестрам кацапам, к своим отцу и матери кацапам. Любить Украину — значит пожертвовать кацапской родней».

Австро-венгерское правительство боялось, что при попадании Галиции и иных западенских земель под управление России, произойдет неминуемая ассимиляция здешнего населения с русскими (и не зря боялось, ибо история доказала, что переселенные оттуда люди, живя в русской среде, становились обычными русскими — собственно, каковыми они и являлись...). Следствием дерусификации жителей Галиции, всесторонней поддержки полной отчужденности от русских и активной антироссийской пропаганды стал устойчивый рост украинского «национального самосознания» в конце XIX — начале XX вв. И закономерный результат не замедлил проявиться: в Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны укронационалисты, в том числе «сичевые стрельцы», замешаны в крайней этнической нетерпимости, откровенном бандитизме и даже геноциде. То же было отмечено и во время Гражданской войны 1918—1922 гг. Далее, начиная с 1925 г., неусыпную «заботу» о них проявляли спецслужбы Германии.

И они добились желаемого. Потому немалая доля населения Западной Украины симпатизировала гитлеровской Германии и коллаборационистам, во главе со Степаном Бандерой и Романом Шухевичем. Только не следует забывать, что в рядах Красной Армии воевало семьсот тысяч призванных западных украинцев, из которых несколько десятков стали героями Советского Союза (всего героев-украинцев — 2089), а в частях УПА в разные годы числилось от двадцати пяти до четырехсот тысяч. Кроме того, во Львове в течение Великой Отечественной войны действовало сильное антифашистское подполье.

Однако в советское время на землях Западенщины наблюдалось достаточно свободное, конечно, не на официальном уровне, распространение радикально националистических и русофобских умонастроений. Это связано не только с целенаправленной подрывной деятельностью вражеских западных разведок и «голосов из-за бугра», но и по большому счету явилось нехитрым делом рук освобожденных и реабилитированных Никитой Хрущевым активных пособников нацистов, проникших в органы государственной и партийной власти, и не исключительно на Западной Украине. «Тихие воды глубоки»*. В результате и ныне «западенцы» откровенно полагают, что под «мудрым» руководством Степана Бандеры и Романа Шухевича еще тогда сформировалась бы и развилась «Незалежная», но Советский Союз не дал этому произойти.

После 1991 г., на заранее подготовленной почве, на Украине появились националистические политорганизации, открыто требующие: прямую реставрацию «Галичины», полную реабилитацию бывших, и, прежде всего, живых, членов ОУН/УПА, ультимативное запрещение участия во всех образованных Москвой, даже в малых и неформальных, объединениях, запрещение самих соответствующих пророссийских учреждений; отличающиеся болезненной, прямо скажем, ксенофобией и русофобией. Появилась интенция на непосредственное строительство «Украинской империи» на землях, где украинцы являются пусть и незначительным большинством, в том числе на территориях России, Белоруссии и Казахстана. Возникла мнимая, противостоящая христианству, квазирелигия, в которой «Слава Иисусу Христу, вовеки слава!» подменили на «Слава Украине, вовеки слава!» с направленным использованием ритуальной гитлеровской символики. И вслед за переворотом 2014-го года расистское и русофобское мировоззрение и заявления с итерацией в этом плане стали органиче-

^{* «}Тихие воды глубоки» — русская пословица.

ским содержанием внутренней политики Петра Порошенко и далее Владимира Зеленского.

Таким образом, «железобетонный» фундамент национальной «незалежности» нынешней Украины основан на *мифологизированном* мировоззрении западенцев, ставших для теперешних правителей безупречным образцом украинского патриотизма и совершенной тождественности для всех проживающих в стране. И наоборот, сие полностью отличалось от твердых патриотических убеждений жителей юговосточных, южных и восточных районов.

Безоговорочная и щедрая финансовая поддержка данных направлений исходила и исходит, естественно, от владеющих сырьевыми, энергетическими и прочими материальными ресурсами украинских олигархов, всеми явными и неявными силами педалирующих и всемерно распространяющих националистическое мировоззрение, включая сферы культуры и образования, и прежде всего, среди народонаселения русскоязычных и заведомо пророссийских краев, так как они весьма боятся свободного допуска на «свои земли» русских олигархов, не желая иметь с ними сильной конкуренции.

Однако не следует сбрасывать со счетов и собственных, российских «тузов» и чиновников («шестая колонна»), мечтающих о долгожданном либеральном реванше, использующих украинский национализм в качестве управляемого механизма для кардинальной смены власти в России. Сюда же относится и беспрекословная моральная поддержка его во всех аспектах со стороны российской либеральной интеллигенции и деятелей культуры («пятая колонна»).

Если посмотреть на процесс с современного момента, то можно констатировать, что укронационализм закономерно обратился в обычный *нацизм* и имплементируется под знаменами Бандеры и Шухевича, как и во всяком нацизме в сочетании с соответствующей тоталитарной идеологией и заурядной коммерцией.

«НЕЗАВИСИМОСТЬ» УКРАИНЫ НАЧАЛА ХХ ВЕКА

В 1914 г. по Крещатику прошло финансируемое европейскими странами шумное уличное шествие мазеповцев с откровенным призывом «Долой Россию!» и громогласными декларациями, что они не имеют к русскому народу никакого отношения и вообще с русскими чуждые народы. «Крепость не может считаться неприступной, если в нее может войти осел, груженный золотом» (Древняя восточная мудрость).

Это вам, дорогой читатель, ничего не напоминает?

Корни такого враждебного отношения, как мы видим из сказанного ранее, глубоки. И не следует забывать, что на территории Украины, к началу XVIII в. вошедшей в состав России после решения Переяславской рады, Генерального совета ее — знаменитого собрания представителей запорожского казачества во главе с гетманом Богданом Хмельницким, состоявшееся 8 (18) января 1654 года в Переяславе,— о полном подданстве казаков царю Алексею Михайловичу, скрепленное торжественной присягой на нерушимую верность, а также о полном вхождении Войска Запорожского в Русское царство на соответствующих правах автономии, некоторая часть малороссийской элиты начала проводить линию на союз с Польшей, а другая часть — на гражданство в Османской империи. И все это лишь для вступления в господствующий класс сих держав с выгодным приобретением сопутствующих привилегий и собственности.

То есть, суммируя все, до начала XX века никакой государственности на территории Украины *не было*.

Формально непродолжительным временем существования украинского гособразования можно рассматривать две недели 1918 года — с 9 (22) января, когда Центральная рада IV Универсалом объявила о независимости Украинской народной республики (УНР) от России, до 25 января (7 февраля), когда ведущие члены ЦР сбежали из Киева. Вместе с тем невозможно не сказать о *спорной* законности самой Центральной рады, состоявшей только из членов националистических общественных и политических организаций, никем не избиравшихся, и из случайных людей. Отметим также, 27 января (9 февраля) 1918 г., на момент подписания сепаратного договора (с признанием независимости) между правительствами Германии, Австро-Венгрии, Турции, Болгарии и делегацией ЦР, последняя бежала из Киева и никого не представляла...

Однако, что весьма значимо, в час скоропалительного объявления «незалежности» радой на Украине уже была власть. 11—12 (24—25) декабря 1917 г. в Харькове произошел *І Всеукраинский съезд Советов*, в котором приняли участие уполномоченные делегаты восьмидесяти двух советов большей части территории: Екатеринославской, Харьковской, Полтавской, Черниговской, Киевской, Подольской и Херсонской губерний, за исключением Волынской, провозгласивший Советскую Республику и установивший связи с Советской Россией.

Таким образом, советские смыслы Украины первичны.

Невозможно считать независимостью и непродолжительную временную оккупацию в 1918 г. немецкой и австро-венгерской армиями, когда возвратившаяся на их штыках ЦР заменилась ими затем на гетмана Скоропадского. Заслуживает особого внимания его недвусмысленная декларация, когда Германия потерпела поражение в Первой мировой войне, что Украине «первой надлежит выступить в деле образования Всероссийской Федерации, ее конечной целью будет восстановление Великой России».

После поспешного бегства гетмана — это стало «доброй» традицией для «незалежных» руководителей,— может быть, в силу вынужденных обстоятельств, сложившихся вслед за таким смелым заявлением, к власти, опять же формально, пришло возглавляемое укронационалистами правительство Директории, вначале анонсировавшее национальное объединение с Западно-Украинской Народной Республикой*, но затем подписавшее отдельный двухсторонний договор о передаче ЗУНР Польше, которая ее и оккупировала. Далее правители в Киеве не владели сложной ситуацией, потому что часть «суверенной» территории была занята экспедиционными войсками Антанты, а на остальной полностью управляли «полевые командиры». В итоге 6 февраля 1919 г. Киев взят войсками Рабоче-крестьянской Красной армии большевиков.

Несомненно, временный захват Киева деникинцами с их приоритетными целями «единой и неделимой России» невозможно рассматривать как даже в какой-то степени осуществление «незалежности». И уже в декабре 1919 г. была восстановлена власть Советов в Киеве, Харькове и Полтаве с объявлением федерации с Советской Россией. А малороссийские крестьяне не желали становиться украинцами, полагали себя русскими и, в письме в Москву, обращались с настоятельной просьбой присоединить их.

Следовательно, большевики *предотвратили* уход Украины под неограниченное владычество Запада. Ибо националисты хотели оторвать ее от страны. И Западом планировалось, в случае удачи и очевидного поражения Советской России в ходе военной интервенции и Гражданской войны, передать Украину самому скрытному и коварному государству Европы — Франции. Большевики создали УССР в едином СССР в качестве реальной и разумной *альтернативы* национальной республике (УНР), чтобы переломить тот, западный, проект. К слову следует сказать, многие бывшие петлюровские функционеры перешли в РКП(б), в дальнейшем ВКП(б). Не напоминает ли это незаметное, но глубокое проникновение в советские и партийные

80

^{*} Западно-Украинская народная республика или ЗУНР (с 22 января 1919 года Западные области Украинской Народной Республики или ЗОУНР) — существовавшее в период с конца 1918 года до начала 1919 года самопровозглашенное украинское государство в восточной Галиции на территориях бывшей Российской империи и бывшей Австро-Венгрии.

органы освобожденных и реабилитированных бандеровцев при Хрущеве (как оказалось, сыне *польского* помещика). При Горбачеве и Яковлеве — *«беда бедой беду кормит»* — основная опора на Украине была на таковых и их последователях.

Вместе с тем, рассуждая об украинском национализме в плане государственности или вне ее, нужно помнить, что на Западенщине, равно и везде, жили и живут разные люди. И после революции 1917 года там действовали и умеренные социалисты, и убежденные коммунисты, желавшие полного объединения с Советской Россией. Коммунистическая партия Западной Украины действовала до 1938 г. Во второй половине 1940-х активные члены бывшей КПЗУ, оставшиеся во Львове, вели самоотверженную борьбу с националистическим движением.

«НЕЗАВИСИМОСТЬ» В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Независимым бытием Украины нельзя считать и годы ее оккупации немецко-фашистскими захватчиками.

Из сказанного ранее читатель уже хорошо знает, что на протяжении нескольких столетий объединенный Запад, и прежде всего англосаксы, руководимые лондонским Сити и Ватиканом, а затем и округом Колумбия, алчными руками Польши и Австрии, и далее Германии, дабы забрать себе территорию России и ликвидировать древнюю государственность и русских как народ, предпринимали для этого все возможное и невозможное.

Вслед за сокрушительным разгромом вооруженных сил в Гражданской войне правительство Украинской Народной Республики, обретавшееся в вынужденном изгнании в Польше, после ее захвата фашистской Германией активно сотрудничает с немецкими властями. Для немцев укронационалисты всегда были не равноценными и полноценными партнерами, а лишь нужными и послушными орудиями для успешного достижения своих аппетитных целей. Это доказало и время Великой Отечественной войны. Так, глава несуществующей УНР Андрей Ливицкий стал членом Украинского центрального комитета — фашистской организации коллаборационистов, сформированной нацистами. И даже несмотря на объявленное националистами 30 июня 1941 г. в оккупированном образовании самостийной соборной державы с их «Актом восстановления Украинского государства», в котором говорилось: «Восстановленное Украинское государство будет тесно сотрудничать с национал-социалистической Велико-Германией, которая под руководством Адольфа Гитлера создает новый порядок в Европе и мире и помогает украинскому народу освободиться из-под московской оккупации...», не помогло. Так как циничный юмор происходившего заключался в том, что нацистской Германии никакое суверенное, и даже автономное, гособразование совсем не было нужно, они рассматривали данную территорию в качестве своей ближней колонии и не более...

Западноукраинские националисты с самого начала войны всячески содействовали Германии, принимали более чем активное участие в карательных полицейских подразделениях, в СС и в чудовищной кровавой резне евреев и поляков. В наибольшей степени проявила себя в этом плане добровольческая дивизия СС «Галичина», «героические» деяния которой начались в 1939 г. и протянулись вплоть до 1954 г. Могло бы вызвать некоторое, прямо скажем, изрядное недоумение то, что в их штатном составе, кроме украинцев, числились казаки, русские и иные славяне, и даже евреи, если бы не было известно — их всех единила, прежде всего, антисоветская (антирусская) ориентация, уникальная возможность властвовать над бесправными людьми и — «баснями закрома не наполнишь»* — явная материальная заинтересованность.

-

^{* «}Баснями закрома не наполнишь» — русская пословица.

Беспрецедентная агрессия, предпринятая в годы Великой Отечественной войны, когда двунадесяти языковая армия Европы вторглась на земли СССР, под руководством убежденного и ярого антисоветчика и антикоммуниста А. Гитлера, явилась последней, наикрупнейшей и отчаянной попыткой покорить Россию извне, что у них не получилось. Хотя кое-чего им все же удалось добиться: так, безоговорочную капитуляцию подписал не Третий рейх, а лишь его «непобедимая» армия, и практически весь научный и технический потенциал гитлеровской Германии был захвачен Западом, и большое количество нацистов, в том числе и украинских, депортировалось за океан для последующего целенаправленного использования их против СССР. После фактического поражения бандеровских подпольных групп в СССР внимание полностью перенеслось на эмиграцию, и правительство УНР в изгнании плотно взаимодействует с США в борьбе иными методами с Советским Союзом.

«ПРАЗДНИК НЕЗАЛЕЖНОСТИ»

В длительный период холодной войны полноправными хозяевами укронацистов закономерно стали США и Великобритания, продолжившие взращивать украинский национализм. Их спецслужбы, не считаясь ни с какими затратами, активно прибегали к ним в многочисленных видах систематической подрывной работы. Вслед за трагическим распадом СССР, для исполнения ведущей роли управляемых элементов политического и не только влияния в возникшем государстве, в Штатах началась неприкрытая работа с националистической эмиграцией, взращенной и обученной для «благочестивых» занятий разведкой и различными диверсиями в тылу советской армии при стратегическом конфликте с Советским Союзом, для чего отлично организованной, идейно консолидированной и законспирированной.

22 августа 1992 г. «правительство в изгнании» публично передало свои якобы полномочия *«в Беловежье рожденному»* президенту Леониду Кравчуку с вручением «официальной грамоты» о правопреемстве УНР. Таким образом, согласно этому, нынешняя Украина происходит от политической организации, сотрудничавшей с гитлеровской Германией.

Итак, в 1991 г. post factum* разрушения СССР Украина, имевшая на тот момент максимальную территорию, вновь объявила «незалежность». При сем, однако, не спрашивая мнения населения Юга, Юго-Востока и Востока, которое они наименовали «генетическим мусором». Потому-то после пресловутого антиконституционного переворота в феврале 2014-го года, совершенного под непосредственным «чутким» руководством объединенного Запада, когда, не приняв незаконную власть, население и духовенство Донбасса проголосовали на референдуме за независимость и вхождение в состав России, началась братоубийственная гражданская война. Правящая киевская хунта стала проводить геноцид по отношению к жителям вышеуказанного края: артиллерийские и ракетные обстрелы городов, террористические акты, зверские, нечеловеческие пытки и бесчисленные убийства среди мирных людей, убийства убежденных политических противников, в том числе прямое сожжение десятков их в Одессе, тотальный запрет партий и оппозиционных средств массовой информации, жесткие гонения на Русскую православную церковь Московского Патриархата и русский язык, снос советских и связанных с российской историей памятников и гашение Вечных огней. И сейчас происходят пытки над военнопленными, казни ни в чем не повинных людей и изъятие органов.

Режим нацистской Украины является *марионеточным*, абсолютно подчиняющимся Западу, о чем прекрасно свидетельствуют слова на тот момент американского

^{*} Post factum (лат.) — после свершившегося факта.

вице-президента Дж. Байдена: «Я сказал, что вы не получаете миллиарда долларов и я уезжаю через шесть часов, если ваш генпрокурор не будет уволен к тому времени <...> И тот сукин сын был уволен. И на его место поставили того, кому на то время мы доверяли».

И первыми признали независимость Украины США, и это не случайно, ибо она и объявлялась с непосредственной подачи их «послов доброй воли».

ЧТО ПРИВЕЛО К МАЙДАНУ 2014 ГОДА И К НЫНЕШНЕМУ РЕЖИМУ?

«Благотворители» укронацистов — транснациональные корпорации замышляли для планомерного разрушения России и захвата ее природных и энергетических ресурсов устроить с надлежащей помощью Евросоюза и НАТО широкую деятельность против нее. И еще тут был один гешефт — получение из-за якобы российской военной угрозы (все с ног на голову) крупных и постоянных финансовых вливаний в англосаксонские военно-промышленные комплексы.

И следуя понятной логике этих захватнических намерений, на территории сознательно приводились в действие динамичные государственные и общественные процессы под откровенным лозунгом Л. Кучмы «Украина не Россия» и прозападными политологами начал формироваться социум, в результате долженствующий сложиться в качестве сугубо антирусского. Тогда большая доля госпостов оказалась в «натруженных» руках бывших коммунистов-перевертышей и возникших, как грибы после летнего дождя, финансово-промышленных клик, поручивших шовинистам всю идеологию и культуру. В итоге этого тройственного союза, данные идеи сложились в госидеологию.

Олигархи, происходившие, кстати, в основном из Юго-Востока, делали все возможное для быстрого и широкого распространения национализма, и прежде всего, в пророссийских районах страны, считая, что всеобщая и агрессивная русофобия может обеспечить им безраздельное господство, так как очень боялись транспарентного соперничества с российскими «коллегами» при их прямом допуске к ресурсам Украины. Известно, если «имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы» (Томас Джозеф Даннинг. Цитата приведена Карлом Марксом в «Капитале»). И вот мы обладаем атрибуцией того, как гражданская активность украинцев, вышедших на майдан протестовать против чудовищной коррупции и не менее чудовищного воровства чиновников, на борьбу с олигархами, — но не следует забывать, что и ратовать за «кружевные трусики, безвиз и возможность пить каву в Венской onepe», — была «вовремя» переориентирована на свежеиспеченную «причину» трудностей — на «москалей», то есть, на межэтнический конфликт, доведя в итоге до гражданской войны. Кроме этого, что и являлось основной целью, решалась главная задача — разрушение российской экономики и легкое обогащение (по уже проверенной в предыдущих мировых и не только войнах безотказной методике) англосаксонского военно-промышленного комплекса, поскольку наша страна, по их планам, рано или поздно, должна втянуться в военные действия на Украине.

Так ультранационалистические группы, объединения и партии сорганизовались в «Правый сектор» (запрещен в России) во главе с Д. Ярошем, который после постыдного бегства В. Януковича внес немалый вклад в жестокие расправы над пророссийскими деятелями и в карательные акции на Донбассе и активно участвовал в создании добровольческих нацистских батальонов.

«Воцарение» в 2019 г. русскоязычного шоумена Владимира Зеленского остановить

русофобию не могло по определению, ибо И. Коломойский и другие олигархи, являющиеся, что было показано выше и что видно из современной российской действительности, эффективным *инструментом* Запада, и привели его к президентству. Поэтому он не распустил полк «Азов» и прочие неонацистские организации и батальоны. Более того, внутренняя и внешняя антироссийская политика Украины стала еще жестче.

ПРОСТОЙ НАЦИЗМ

И еще важно отметить, для нынешнего украинского неофашизма, у которого антисемитизм занимает известное место в идеологии, евреи не являются экзистенциальным врагом, по причине, что для него главнейший враг — русские. Благодаря сему они имеют возможность пытаться скрывать свое истинное лицо: раз наш президент — еврей и наши основные противники не евреи, значит, мы не нацисты. Таким образом, имеется оксиморон, трагический парадокс теперешней жестокой реальности: евреи, максимально пострадавшие от нацизма, могут поддерживать неонацистов, если их враг — русские. Но евреи евреям рознь, это было всегда, во все времена. Так еврей Владимир Линдерман — талантливый публицист и известный правозащитник, один из самых известных в Латвии активных общественников, отстаивающий гражданские права русских и русскоязычных жителей.

A argumentum ad veritātem* того, что нынешний украинский режим нацистский, является, кроме прочего, одновременное наличие в сумме пяти основных показателей (по работе М. Манна «Фашисты»):

- «Радикальный национализм». Нацисты одержимы маниакальной идеей изначального единства нации, несомненная принадлежность к которой определяется рождением, кровью, и что за сие единство нужно бороться и защищать его. И на современной Украине мы слышим и видим: нет двуязычию, нет федерализму, страна только для украинцев, якобы единодушных в своей полной сплоченности и, с помощью стигматизации, в общем мнении о россиянах как «не вполне уже людях».
- «Этатизм». По воззрению нацистов, охранять единство нации обязан исключительно государственный управленческий аппарат путем прямого насильственного принуждения, в частности, повсеместным внедрением экстремистской, нацистской идеологии на высшем уровне, в том числе в важнейших сферах образования и воспитания.
- «Трансцендентность». Нацисты стремятся создать особое общество, отличное от прежних и совершенное для данной нации, именно с помощью государства. И после переворота 2014 г. происходит теми или иными путями, вплоть до хладнокровного убийства, быстрое избавление от угрожающего единству нации внутреннего врага, беспощадное уничтожение несогласных репрессивными госорганами и помогающими им неонацисткими активистскими и парамилитарными структурами; и война с советским и русским наследием.
- «Парамилитаризм». Это «авангард» нации, важнейшая организационная форма нацистов, когда штурмовые отряды вооруженных боевиков ударная сила нацизма ведут ожесточенную и безжалостную борьбу с «врагами нации», увеличивают численность оперативного состава, призывают в свои образования военных, полицейских и иных силовиков и, с другой стороны, берут в цепкие руки командные должности в силовых структурах.

Итак, на современной Украине мы видим все явные черты нацистского режима.

МИФОЛОГИЯ И ЯЗЫКОТВОРЧЕСТВО

В информационное обеспечение украинского нацизма на протяжении последних веков был сформирован, развивался и ныне активно употребляется соответствующий

^{*} Argumentum ad verit \bar{a} tem (лат.) — объективное доказательство.

ряд мифов, *in abstracto**, абсолютно не связанных с исторической действительностью. Это скла́дные, но лживые *сказки*: об изначальном бытии украинского народа в глубокой древности; о якобы государстве «Русь-Украина», никоим образом не имеющего отношения к России на всех этапах его «изготовленияния»; о пресловутом голодоморе исключительно украинцев; о пантеоне «героев» из платных агентов нацистской Германии; о якобы самом бесчеловечном периоде жизни в Советском Союзе и тому подобное... Однако согласно социологической концепции «Окно Овертона» (окно дискурса), то что вначале предполагается немыслимым, далее воспринимается как радикальное, затем последовательно представляется приемлемым, разумным, а со временем стандартным и, наконец, действующей нормой.

В украинском национализме в лучшем случае явно присутствует оксиморон, а в худшем — прослеживается шизофреническое раздвоение сознания: с одной стороны, отвергается и уничтожается все, связанное с Россией, и утверждается диаметральное отличие — вплоть до генетики — украинского и русского народов, а с другой — указывается государственная преемственность украинцев от Киевской Руси, причем присваивается единственно себе вся историческая заслуга в становлении и эволюции древнерусского хозяйства, социума, культуры, языка и религии. Так сказать, coincidentia oppositōrum**. В воспаленное вышеуказанными мифами сознание внедряется, что «укры» могут стать гордыми ариями, подобно, например, полякам, если они будут за Европу, то есть против России.

Что до «мовы», то здесь, как уже говорилось выше, хорошо поработали и поляки, и австрийцы, формировавшие на основе здешнего малороссийского наречия антирусский язык. В частности последние начали искусственно сочинять новояз из сплошного месива русских, польских, немецких и произвольно придуманных слов и всячески насильно вводили его в среде русинов. Интеллигенция же изъяснялась и писала на литературном русском языке.

КТО ВИНОВАТ, И ЧТО ДЕЛАТЬ?

Связь между Россией и Украиной нарушена, но, несмотря на многовековое и теперешнее происходящее, мы не допустим алармистских настроений, у нас *общее* прошлое и общее будущее, мы *один* большой народ, и никто друг друга лучше не поймет, чем мы сами. Для полного возрождения братского союза обеих частей Русской цивилизации нужна сплошная и окончательная *ликвидация* нынешнего политического строя на Украине с его лживой антироссийской пропагандой и возвращение их к данным Богом *цивилизационным смыслам*.

Однако нельзя сбрасывать со счетов то, что так же, как и ранее, украинский национализм создавался и пестовался пролиберальной «элитой» и либеральной же интеллигенцией, славшей поздравительную телеграмму императору Японии по случаю победы в русско-японской войне 1904 г., и сегодня нацизм поддерживается теми же слоями российского общества. К слову, олигархи России за год СВО увеличили свои состояния на 30—40 процентов и, заметьте, отказались даже разово пожертвовать и малую толику от них в бюджет страны. Роль «пятой и шестой колонн» вполне ясна и в целенаправленном формировании современной нацистской Украины — либеральный социал-дарвинизм является прямым отцом украинскому нацизму, а либеральная власть и либеральная интеллигенция — его родной матерью.

В годы Российской империи финансовый капитал, рвущийся к политическому владычеству и ставший впоследствии одним из основных акторов Февральской революции 1917 г., деньгами подкрепляли силы, противостоящие монархии, в том числе

^{*} In abstracto (лат.) — отвлеченно, вне связи с действительностью.

^{**} Coincidentia oppositōrum (лат.) — совпадение противоречий.

и укронационалистов. Непродолжительная деятельность Временного правительства, среди прочего, также была направлена на поддержку их. И ныне — торговля с противником СВО, поставка ему обходными путями жизненно необходимых ресурсов, тактика ведения действий и *«договорняки»...* «Буржуазия предаст Родину и пойдет на все преступления, лишь бы отстоять свою власть над народом и свои доходы» (В. И. Ленин, ПСС, т. 34, стр. 146).

«Русская цивилизация — это мировая интеллектуально-нравственная цивилизация справедливости и чести» (генерал Л. Г. Ивашов). К сожалению, государство не всегда отвечает данному уровню...

Самая главная анти-Россия — внутри нашей страны: 1) «шестая колонна» — высокопоставленные чиновники всех уровней, вплоть до наивысших, стоящие на либеральной, прозападной платформе, и олигархи; 2) «пятая колонна» — часть видных деятелей российской культуры различных жанров и направлений, работающие на Запад; 3) русские фашисты и другие национал-экстремисты, несмотря на противозападную и противолиберальную риторику, являющиеся, как и всякий фашизм и нацизм, действенным «шанцевым» инструментом Западной цивилизации.

Русская анти-Россия в качестве верного форпоста врага и во времена династии Романовых, и в советские времена, и ныне постоянно взращивала украинский национализм, помогая ему расти всеми возможными средствами, которые только могла применить. Так, в СССР они не дали возобладать Щербицкому, Машерову и Романову — коммунистам-имперцам, а наоборот, таргетировали их антиподы и в итоге привели к власти Горбачева, Яковлева, Кравчука и иже с ними, и далее Ельцина.

Из олигархического капитализма есть лишь *два пути* — либо к фашизму, либо к социализму. К фашизму — это всегда кровопролитная мировая война и это прямая и надежная дорога к погибели, ибо фашизм является конструктом Запада с интенцией на полное превосходство во всем и над всеми. Он — противоположность жизненным смыслам Русской цивилизации. Коллективное народное сознание в России — социалистическое сознание. «У баррикады нет третьей стороны». Скомпрометировавший себя либерализм и цифровой концлагерь не помогут, а напротив, по причине того, что они опять же инструменты врага для постепенного уничтожения Русской цивилизации, неотьемлемой частью которой, несомненно, является и Украина, и украинцы. Хуже фашизма может быть лишь либерал-фашизм. Действенное спасение в справедливом обществе и у нас, и на Украине. Нужен новый духовный социализм!

Мы никогда не забудем, что территория нынешнего гособразования достигла максимального развития только в составе России в ее высшей стадии — в Советском Союзе. А в антироссийской нацистской Украине, которая стала возможной в результате запланированного разрушения Советского государства и в которой беспощадная диктатура олигархии и нацистов, мы видим явное отсутствие социальной справедливости и извращенный, нацистский патриотизм — проявление сущей преисподней на Земле. В грядущем светлом мире — мире духовного социализма — вместо этого будет подлинное народовластие, социальная справедливость и здоровый патриотизм в разумных рамках интернационализма. И такой мир непременно победит, и тем быстрее, чем более неправы его ярые противники!

«Я бы сравнил социализм и "демократию" как мироустройство муравьев и мироустройство тараканов» (Егор Летов — советский и российский музыкант, певец, поэт, основатель и лидер группы «Гражданская оборона»).

യുതൽ

Алексей Яшин (г. Тула)

ВОЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ* Повесть

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: «ОТСЕЛЬ ГРОЗИТЬ МЫ БУДЕМ...»

Однако я слишком распространился и, может быть, отошел от своего предмета. Я хотел ответить вам и доказать, что нельзя опираться ни на какое оружие, кроме своего...

Никколо Макиавелли «О военном искусстве»

- ◆ В первый, не маячный, а значит и не интернатский год жизни, после переезда семьи в Полярный, не только в сентябре, но в первой половине октября порой выдавалась удивительно тихая, бестуманная и относительно теплая для этого заполярного времени погода. Николка (в воспоминаниях нашего доцента-ракетчика переход от Николки к Николаю строго определялся его поступлением на работу в дэкаф) вышел из нового своего дома и увидел отца, стоящего на мостках перед дверью и как-то пристально вглядывающегося в сторону рано заходящего солнца. Близко к зиме уже посерело небо свинцоватым налетом, но в полном безветренном штиле. Без единой морщинки море еще слабо отсвечивало лучи низкого, багряного солнца, которое совсем скоро на полярную ночь скроется за горизонтом от глаз людских. Отметив боковым зрением появление сына, Андреян безлично, словно озвучивая свои мысли, заговорил:
- Тишь-то какая для октября? Ни шторма тебе, ни дождя со снегом, ни промозглости... не к добру все это. На Кубе день ото дня обстановка все хреновее. Слушал сегодня спозаранку, пока вы все дрыхнули, «Голос Америки» по приемнику: американцы что-то на острове этом усмотрели, грозятся. А о чем речь? Разве у нас, да и у них, всю правду скажут? Но у диктора голос иной чем всегда, пожестче, потревожнее. Да-а, вспоминаю последние дни перед войной: стою на мостике СНИС'а на Торосе, такая же тишина, ни ветерка, море гладкое, только по-июньски тепло. А по радио в новостях Левитан успокаивает, но опять же голос пожестче, потревожнее... Неужели в свои сорок пять лет и третью, после Финской и Отечественной, войну придется перелопачивать? Я уже про вас и молчу...
 - А к той войне, пап, готовы были, то есть ожидали?
- Конечно ожидали! Ни для кого она неожиданностью не была. Главное, воевать все мы готовы были... только вот с оружием плоховато, не успели основательно подготовиться. Потому Сталин и оттягивал до последнего. Сейчас вроде все наоборот: оружия вдосталь, кораблей на флотах прорва, бомба атомная в наличии. И водородная тоже. Опять же ракеты не только под Гагарина с Титовым сделаны были.

^{*} Начало в № 2, 2023.

Только воевать особо никого не тянет: постарше народ поуспокоился, привык к мирной жизни, а которые помоложе, так залупонистый Никита своим оплевыванием Сталина заодно и всю советскую историю опохабил — где уж тут боевой дух сызмалу? Тьфу!

...Николай, почему-то перешедший от мыслей о конфузе с пожилой артисткой Ниной Дордой к воспоминанию слов отца о сходстве ласковой и покойной заполярной природы накануне войны и в разгар Карибского кризиса, мотнул головой и снова вернулся к реальности, мысленно извинившись перед Варварой Пантелеевной за свою рассеянную невнимательность.

- ...Дорда-то приезжала тогда в Полярный перед самой Финской, чуть ли не за неделю. А Северный флот являлся действующим в той войне, так что уже находился в оперативной готовности. Так это Зинченко нам на собрании говорил. А темень у нас уже наступила...
- Отец рассказывал: а вот накануне Отечественной очень хорошая погода выдалась.
- Да-да, глаза закроешь будто не за Полярным кругом находишься, а гделибо в Подмосковье или того южнее. А у меня на руках уже путевка туда. В военный санаторий: неделю доработать и в отпуск! При такой погоде быстро время пролетит. Тем более, что уже который день в Полярном, в дэкафе каждый вечер спектакли и не кто-нибудь, а из Москвы прибыл на гастроли музыкальный театр, который имени Станиславского и Немировича-Данченко. Полной труппой! Я с ног сбилась, на постой артистов размещая. Моя это обязанность была. Как и вся хозчасть театра Северного флота; его база тоже дэкаф.

Варвара Пантелеевна, расчувствовавшись от воспоминаний давних лет, закурила папиросу — неизменный «беломор», — долила благородному слушателю стакан чая, продолжила рассказ.

— Вот вспоминаешь: все в жизни смех да грех, одно на другое накладывается. И сейчас, сам знаешь, хотя главная база в Североморске, нас приездами артистов не обижают, а тогда-то и вовсе баловали первостатейными гастролями: на всем Северном флоте одна настоящая театральная площадка в нашем дэкафе. Я завзятой зрительницей стала. И хотя с середины июня обстановка тревожная донельзя, от флотских слышала, что накануне зенитчики обстреляли немецкий самолет совсем рядом, над Ваенгой, но спектакли музыкального театра, разумеется, не пропускала. С последним спектаклем двадцать первого июня, а давали «Периколу», закончились и гастроли москвичей, и вся мирная жизнь. Словно предчувствуя это, а может своим присутствием немного успокоить гражданский и военный народ, все главное начальство флота во главе с командующим Головко пришло на спектакль, в адмиральской ложе до конца представления находились. А через несколько часов после окончания спектакля, ровно в четыре условного утра — солнце в пике полярного дня! — два или три взрыва, спросонья не сообразила, не запомнила. Уже потом узнала: бомбы сбросили на окраины Старого Полярного...

Здесь Николай — действительно смех и грех! — мигом вспомнил слышанную от отца быль, гулявшую по всему Северному флоту с первого дня войны: одна из тех первых бомб угодила прямо в единственную в городе пивную палатку, которую только что затарили бочонками, доставленными баржей с мурманского пивзавода...

— ...Я, как вскочила с постели, первой мыслью поблагодарила бога-судьбу, что дочь на лето в Котлас уехала, а затем рысью в дэкаф: как с артистами московскими быть? Но командование флота оперативно все решило: тотчас их погрузили на небольшой пароходик и катер, что благополучно дошли до Мурманска. А дальше по Кировской железной дороге — Финляндия в войну еще не вступила — артисты выбрались на Большую землю, прибыли в Москву. Только все хозяйство свое громоздкое у нас оставили. Не до него, когда бомбят... Я его заактировала и передала театру

нашему*: кто ж от добра добро ищет? — И не грех опять же воспользоваться, коль так сложилось. Война войной, а обед по расписанию...

◆ Только сейчас, после рассказа Варвары Пантелеевны, Николай сообразил: откуда в его просторной мастерской, в дальние подвальные запыленные углы которой уже три десятка лет с момента постройки дэкафа запасливые завхозы с профессиональным комплексом Плюшкина сносят все, что вроде как ни к чему, но подальше положишь... среди самого разнообразного хлама взялись мелкие деревянные и пресскартонные штуковины. На каждом из этих бутафорских предметов наличествовала квадратная алюминиевая этикетка, пришпиленная парой сапожных гвоздиков. На этикетках было отштамповано: ММТ Инв. №, а сам номер еле читался за давностью лет, нацарапанный инструментом навроде шила, либо же надписанный полуосыпавшейся черной краской.

Отец не мог объяснить появление этих безделушек в своих владениях, а воспитанный во флотской дисциплине и склонный к красоте симметрии Николай расставил на свободных полках, грубо сколоченных из неотесанных дюймовых досок, наиболее приметные фальшивые вещицы: деревянные канделябры, аляповато расписанные анилиновыми красками китайские вазы из папье-маше, того же материала бюстик Вольтера, какие-то рельефные столбики-подставки непонятного назначения...

Андреян такой вернисаж одобрил, но по своему, поколениями въевшемуся старообрядческому скептицизму зачем-то отнесся к народной мудрости: пусти бабу в рай, так она и корову за собой приведет. Послушный сын согласно кивнул головой, но внутренне не согласился: конечно, личная мастерская — это для него земное воплощение рая, но театральные-то цацки вовсе не он сюда притащил?

Однако не разгадка появления в мастерской безделушек из реквизита московского театра держалась в голове Николая после той беседы с живой легендой дэкафа, но другое, хотя и связанное с теми давними гастролями. Слова Варвары Пантелеевны о начале войны, соединившись с не столь далекими по времени сопоставлениями отца на мостках обочь их дома в Старом Полярном в части тихой, спокойной погоды в последние мирные дни июня сорок первого и в разгар Карибского кризиса, подвинули мысли Николая к событиям последнего: как это им самим три с небольшим года назад воспринималось, как отражение жизни Полярного в те октябрьские дни.

Здесь он впервые столкнулся с непоняткой, особенностью представления в своей памяти прошедших лет жизни. Вот сейчас он, начавший учебу в последнем, одиннадцатом классе, уже осознающий себя почти взрослым человеком — по крайней мере такими словами их учителя упрекают завзятых троечников или в чем-то провинившихся, пробует сосредоточиться на мысли: а что он чувствовал почти ровно три года назад, когда Хрущев с Кеннеди так серьезно побили горшки, едва до атомной войны дело не довели? И с сокрушением, для убедительности помотав головой, приходил к выводу: чувствования своего конкретного времени не переживают. Вневременность же существует только для описания событий — что-то похожее вычитал он у Стендаля... или у Ромена Роллана? Нет-нет, вспомнил он отчетливо: это из книги, вернее одной из книг многотомного романа Марселя Пруста «В поисках утраченного времени». Весной этого года Наталья Зосимовна, прочно признав молодого электрика-школьника за серьезного, вдумчивого читателя дэкафовской библиотеки, дала ему очередную книгу из своего, как она называла, запасника старых изданий, не числившихся в библиотечном каталоге. «Рекомендую, Коля, Пруста почитать. Его у нас издавали в тридцатые годы. У меня здесь один том, второй по счету из его эпопеи, сохранился. Кстати, ваша литераторша Валентина Николаевна брала читать, недавно

^{*} Адмирал Головко в своих воспоминаниях (книга «Вместе с флотом», издания 1960, 1979 и 1984 гг.), касаясь этого эпизода, замечает, что в сорок четвертом году театр Станиславского и Немировича-Данченко затребовал-таки оставленные декорации и реквизит от Северного флота, что моряки и выполнили.— Прим. авт.

возвратила. Может, настанет время, когда все семь томов «Утраченного времени» издадут — тогда и остальные прочитаешь!»

Впрочем, уже впитавший объяснительную мудрость русской литературы, рассудительность немецкой и этакую изворотливость французской, Николай, опять же сам для себя, объяснил проходящую со временем память о душевных волнениях и переживаниях: отличался он тогда, только ставший восьмиклассником, не ростом или силенкой, не умением соображать что к чему, но именно неумением осознавать себя неотъемлемой, хотя и мельчайшей, частицей всего огромного мира. И вовсе не отдельно они существуют — он и мир, но оба друг в друге живут: Николай, тогда Николка, в большом мире, а тот в нем отображается через зрение, слух, главное — переваривается в голове. Отсюда и чувствования. Но они в памяти не остаются. Как, например, память об испытанной боли, например зубной или когда молотком мимо шляпки гвоздя по пальцам звезданешь, не сохраняется. А как иначе? — с такой-то памятью и жить не захочется!

◆ Начиная учебный год, литераторша Валентина Николаевна, она же их классная и создатель школьного театра, благо первым уроком стартового дня оказался по расписанию ее предмет, предварила его следующими назидательными словами: «Ребята! Восьмой класс знаковый для вас: по окончанию его получите первый в жизни документ об образовании, хотя бы и неполном среднем. Не усмехайся саркастически, Карпущенко! слово «неполное» здесь не уничижительное, а наоборот — оптимистичное, то есть все у вас впереди, другие ступени познания жизни и образования. Честно говоря, я завидую; ведь человек устроен так, что не собственно достигнутая цель доставляет ему удовлетворение, радость, эйфорию, но именно устремление к ней, достижение этой цели. Сухо звучит, но составляет гармонию в движении человека по жизненной его тропе. В то же время, учась в восьмом классе, вы должны уже не шутейно, но осознанно задумываться о скором, опять же первом, выборе... словом, «у меня растут года»! Так и не заметите, как эти самые семнадцать придут. Вы вступили в отрочество, впереди зовуще маячит юность, а годы перехода между ними самые волнующие, одновременно стремительные по прибавлению времени и замедленные, впитывающие все окраски различных сторон жизни и бытия. Это не синонимы, ребята, но совершенно различные понятия, и к ним мы вернемся дальше — с литературными образами. И еще хочу вам сказать: в эти самые годы, такие короткие и длинные, вы будете перевоплощаться в своем мировоззрении: если доселе вся, так сказать, вселенная вмещалась в каждом из вас, то теперь уже вы все более начинаете ощущать себя частью, частицей окружающего мира с его многокрасочностью, людьми, событиями — далеко не всегда приятными, а еще чаще огорчительными. Вот и сейчас настороженность в этом мире растет день ото дня. Я дела на Кубе имею в виду, вернее, между ней и Америкой — а это напрямую всех касается. А нас, в смысле живущих в Полярном, на Севером флоте, так и вовсе: морской форпост на случай, не дай бог, войны с Соединенными Штатами, с натовцами вообще. С вас, понятно дело, спрос здесь маленький, вообще никакого, но понимать напряженность должны, как проживающие в военно-морском городе».

О Кубе, Острове свободы, в последние пару лет Николка слышал часто: динамик городской радиотрансляции в их интернатовской палате-спальне выключала только в отбой дежурная воспитательница. А до этого в вечернем смотре телевизора в классной комнате, а в последний год, после переезда семьи в Полярный, и дома, в новостях без упоминания о Кубе и Фиделе Кастро ни одного дня не обходилось. В школьных политинформациях то же самое. Даже рассудительные старшеклассники на переменах, стоя, облокотившись на коридорные подоконники, что называется руки в брюки, снисходительно поглядывали на мчащуюся и орущую малышню, изливающую излишки энергии между дисциплинированным сидением за партами, с надуманной серьезностью разговаривали о героических Фиделе и Че Геваре, свергну-

том диктаторе Батисте, высадке контрас в Заливе свиней и блестящей победе над этими гусанос* революционной кубинской армии.

Николка, в точном следовании наставлениям Валентины Николаевны о его переходе в серьезный и ответственный жизненный период, в чем-то подражал старше-классникам: руки в брюки — это ему еще не по чину, но неторопливо прохаживался по коридору, держась к оконной стене, невольно прислушивался к словам десяти- и одиннадцатиклассников. Кубинская тема в их разговорах в чем-то уравнялась с космической: еще и полутора лет не минуло с полета Гагарина. Самой популярной песней среди младших ребят был кубинский марш «Гимн двадцать шестого июня», разучиваемый на уроках пения: «...Пылает вся Куба, народ ее изранен и измучен... врагов мы проучим, ответим им ударом на удар!». По утрам, встречаясь у школьных дверей, приветствовали друг друга: «Венсеремос!» — а в ответ: «Патриа о муерте!».

Среди коллекционеров марок высоко взлетели в меновой ценности кубинские — дореволюционные и новые, что ребята покупали в отделах филателии магазинов Союзпечати крупных городов во время поездок в родительские отпуска. Очень огорчались столь же многочисленные нумизматы: еще не появились в их обиходе кубинские монеты. У Николки имелась лишь одноцентовая монета пятидесятых годов.

Совсем неожиданно назначенный в начале восьмого класса прямым распоряжением Марии Ивановны, директорши школы, а до этого учительницы русского, хорошо относившейся к нему, на почетнейшую должность заврадиорубкой, Николка и здесь ощутил кубинский интерес. «Давая» на субботних и предпраздничных танцах в актовом зале музыку, по настойчивой просьбе старшеклассников, а особенно записных модниц, ближе к окончанию их, когда бдительность дежурной учительницы ослабевала, он ставил на проигрыватель пластинку с кубинской румбой или ее запись на пленке магнитофона «Комета». Их, пластинок и записей, набралось со временем достаточно — все приносили безвозмездно по капризным приказам этих модниц старшеклассники.

◆ Но с началом второго месяца учебы восьмиклассник Николка своим чутьем маячника, выросшего на малолюдных островках, где сызмальства многое зависит от инстинктивной наблюдательности, стал подмечать некие изменения в окружающем его мире. Самое главное, все они определенным образом соотносились между собой.

Николка после уроков долго гулял по городу, уже гордо минуя интернат, «казенный дом» — это название как-то необдуманно вылетело изо рта веселой хохотушки Беллы Нурьевны, интернатской воспитательницы с «часами» истории в школе. ...Здесь Николай Андреянович, усмехнувшись: мир-то тесен! — на миг перескочил в воспоминаниях на свои студенческие годы, когда поехал в Ленинград на студенческую конференцию. В первый же день встретил там в трамвае Ольгу Павловну, что была директором полярнинской школы до Марии Ивановны. А в третий, свободный день, зайдя после Русского музея в музей Достоевского, увидел Беллу Нурьевну Рыбалко — в должности директора.

Невзирая на самую противную осеннюю октябрьскую погоду, он часами бродил по городу, в основном по Новому Полярному, подковой вытянувшемуся вдоль пирсов Екатерининской гавани. И каждый день наблюдал несколько повышенную, по сравнению с многолетней привычной, оживленность на пирсах и в самой гавани: на первых — толкотня матросов, погрузка с подъезжающих грузовиков с крытыми брезентом кузовами, а по гавани снуют вспомогательные буксиры и катера. Непроизвольно отмечал: на прошлой неделе две плавбазы на рейде стояли, а сейчас одна осталась, и на ту что-то сгружают с баржи — явно и она в плаванье скоро уйдет. Подлодки уже не в три номера у пирсов пришвартовываются, а поодиночке, редко попарно. А в гавани очередная, отчалив, разворачивается на выход в Кольский залив через западный проход между материковым мысом и Екатерининским островом.

^{*} Гусанос — червяки (исп.) — презрительное название контрреволюционеров на Кубе. — Прим. авт.

Иногда, если день, вернее то, что от него оставляла стремительно надвигающаяся полярная ночь, выдавался сносным, без снегодождевой слякоти, ветродуя с моря и прочих прелестей заполярной осени, Николка, не уходя из своего Старого Полярного, шел вдоль единственной его улицы, переходившей в извилистую дорогу до Кислой губы с пристанью для пассажирских рейсовых катеров. В противоположную сторону улица Советская также продолжалась дорогой, полукольцом огибавшей небольшие сопки и ущелье-распадок, делившее город на две части, и выходившей в Новый Полярный, к пирсам подплава. Обе эти дороги, включая Советскую улицу, вместо обычного асфальта выложены состыкованными бетонными плитами... или отлиты из бетона с тепловыми пазами. Восьмиклассник Николка уже соображал: в теплую летнюю погоду бетон расширяется, удлиняется, а без пазов будет коробиться.

Главное, Толька объяснил ему, еще младшекласснику, назначение такой прочной бетонной дороги: по ней грузовики-тягачи доставляют боезапасы для погрузки на корабли. Они же складируются в огромных пещерах, взрывным способом сооруженных в скалах Старого Полярного, что вдоль дороги, еще в довоенные и военные годы. Теперь же, прогуливаясь по тротуару и по обочине бетонной дороги, Николка подмечал: чаще чем обычно встречаются грузовики, выезжающие, глухо урча, из ворот этих пещер, особенно тягачи с трехосными прицепами, на которых закреплены торпеды, укрытые брезентом. На заднем облучке прицепа сидит матрос с карабином, заслоняя от ветра раскуренную сигарету «прима»...

Другие изменения,— погрустневшие, построжавшие лица учительниц, он легко разгадал: почти у всех мужья офицеры на подлодках, уходящих от пирсов в море. Подводники и в мирное время как на войне — это в их городе всем известно. А отец как-то заметил, что и «Голос Америки» глушить начали сплошняком — отстроиться не удается: «Врут, конечно, эти «голоса», на то они и вражеские, но и наши ничего по делу о Кубе не говорят». Намного меньше стало на улицах матросов и старшин в увольнительных. Равно и офицеров. Если встречались, то торопящиеся, а лица озабоченные. Некоторые другие, менее существенные отступления от привычного порядка жизни города, также сходились в один узел, связанный с флотом.

К середине октября пирсы Екатерининской гавани и вовсе непривычно опустели. Более того, заходя в прогулках своих на восточный берег Полярного, видел, как на выход из Кольского залива в море идут из Североморска, главной базы надводных кораблей Северного флота, крейсера, эсминцы и большие противолодочные корабли. Как он не присматривался, в обратную сторону, в Североморск, они возвращаться не спешат...

◆ Поначалу, отметив слаженный уход из Полярного подлодок базировавшейся в нем четвертой эскадры, Николка особого значения этому не придал. Дело обычное: к зиме, когда активность натовцев в Северной Атлантике, Норвежском и Баренцевом морях в треугольнике Шпицберген — Исландия — Лофотенские острова заметно снижалась — полярная ночь! — лодки Северного и Балтийского флотов покидали в нужном их числе пирсы Полярного и уходили автономкой в Средиземное море. Там они сменяли подлодки Средиземноморской эскадры Черноморского флота: те уходили на свою базу около Севастополя, а прибывшие из Полярного продолжали привычную работу, то есть рассредоточенной стаей отслеживали передвижение авианосцев и других кораблей Шестого американского флота: 6-th US Navy на ихней мове, как выражались сменяемые из Черноморского флота, где было много срочников с Украины.

Иногда часть подлодок Северного флота направлялась «дрейфовать» по линии экватора между Африкой и Южной Америкой. С лодками уходили из Полярного и плавбазы с запасом торпед. К ним по пути присоединялись танкеры с дизельной соляркой и прочими ГСМ*. О местах временного базирования советских кораблей в Средиземном море Николка узнавал из надписей на монетах, которые он выменивал у однокашников, чьи отцы служили в подплаве: югославские и с арабской вязью. Но

^{*} Горюче-смазочные материалы.— Прим. авт.

последние узнавались по гербам: ливийские, сирийские, египетские. Изредка ему попадались и албанские монеты, но это из старых запасов: после разрыва дружбы с Албанией тамошняя база обнулилась. Энвер Ходжа подгадил.

Отправляя подлодки Северного флота в Средиземное море, мудрое командование советского $BM\Phi$ не давало «засидеться» кораблям и экипажам в родных акваториях, одновременно не оставляя без назойливого внимания американских «шестифлотников». Многие матросы ко второму году службы уже щеголяли высоко ценимыми знаками «За дальний поход» на правых бортах форменок. Не говоря уже об офицерах и сверхсрочниках — старшинах и мичманах.

О причинах не то что появления в Полярном, но постоянного здесь базирования — и семьи офицеров здесь же проживали, дети учились в школе — подлодок, приписанных к Балтфлоту, Николке разъяснили ребята из таких «балтийцев»: море тамошнее мелкое, размером небольшое; опять же выход через Северное море на оперативный простор крепко под присмотром натовцев: в военной обстановке на приколе у родных берегов стоять. Как и было в обе мировые войны. Вот лодки балтфлотовские и приписаны на временно-постоянное базирование в Полярном. Так сподручнее и для дела полезнее.

На недоуменный вопрос уже восьмиклассника Николки, почему их просто не перевести официально, так сказать, на Северный флот, Серега Иевлев, сын командира подлодки, но еще не замкомандира четвертой эскадры, засмеялся: «Какому же командующему флотом хочется до отставки с одной звездой на погоне служить?» И разъяснил: моряки — самый консервативный народ, причем с интернациональной начинкой; тельняшки, бескозырки, кортики... что у наших, то и у тех же натовцев. Невзирая, так сказать, на идеологию. Вот и принято сейчас на всех флотах мира: если в составе конкретного флота нет подлодок, то командующий выше контр-адмирала не поднимется! Так ему отец объяснил. Правда ли? Хотя тоже посмеивался, но может оттого, что перед этим пару стопок коньячку хватил? За что, Николка, купил, за то и продаю. Военной тайны, надеюсь, не выдаю.

Тот же всезнающий и основательный в высказываниях Серега опроверг мнение одноклассника об уходе почти всех лодок из Полярного в Средиземное море. Явно со слов отца, то есть уставной лексикой, пояснил, что вся эскадра и корабли ее обеспечения, крейсера и эсминцы с рейда Североморска, большие противолодочные корабли оттуда же «вышли в открытое море, рассредоточившись на оперативном атлантическом направлении, что означает перевод флота на оперативную готовность номер один»,— закончил объяснение Серега, добавив: «В направлении Кубы, сам понимаешь; я здесь ничего нового не могу сказать. Как говорится, читай между строк. Остается ждать. У тебя-то отец в Полярном, а мой батя уже вторую неделю как от пирса отчалил — и без обратной связи, понятно дело».

◆ Явно злясь на допущенный промах — выпадение нескольких тихих дней в первые две недели месяца, — во второй своей половине октябрь показал, где раки зимуют... хотя бы они в этих местах не водились; только мелковатые крабы*, которыми рыбаки брезговали. Задул настойчивый низовой ветер с моря, вперемешку бросая в лица торопящимся домой, к теплу редким прохожим холодный дождь и липкий мокрый снег. Но людей на улицах Полярного заметно мало, в основном школьники, женщины, гражданские мужики. Оно и понятно: пирсы Екатерининской гавани опустели совершенно, остались лишь единичные мелкие буксиры, каботажные катера-«аркашки», пара старинных деревянных ботов с мачтами, но без парусов, замененных дизелями. Да еще сторожевики посменно входили-выходили из гавани на дежурство у горла залива. То же самое в Североморске, как рассказывали ребята, ез-

^{*} Нынешние — вроде как даже промысловые? — крупные крабы в кольском Заполярье суть искусственно разведенные камчатские. Это разведение было сделано в 60—70-е годы — популяции возрастают достаточно долго.— Прим. авт.

дившие туда с родителями погостевать в воскресенье у знакомцев и родственниковсвойственников.

Конечно, уже сам, без разъяснений все знающего о флотских делах Сереги, Николка сообразил: в Баренцево и Норвежское моря, тем более в атлантический северный треугольник, в направлении на Остров Свободы выдвинулись подлодки из Полярного и крупные надводные корабли с североморского рейда. Там же рассредоточились подплавовские плавбазы, другие суда и корабли обеспечения. А вот торпедные и сторожевые катера, «охотники» — малые противолодочные корабли, все, что базируется в Екатерининской гавани, вышли на малый оперативный простор, временно пришвартовавшись у причалов Баренцева побережья Кольского полуострова: от норвежской границы — Печенги, полуостровов Среднего и Рыбачьего до резервной флотской базы в Иоканьге и далее на восток до Белого моря. Еще Николка догадывался, что часть подлодок, крейсеров и эсминцев заняли позиции в сторону Карского моря, Новой Земли и Земли Франца-Иосифа. Много чего полярнинские ребята знали. Если на Новой Земле взрывали испытательно атомные и водородные бомбы, то на Франца-Иосифа располагалась целая усиленная дивизия первого удара, задачей которой в случае начала войны являлось морское десантирование и захват натовских военных баз в Исландии. Так с задумчиво-солидным выражением лиц поговаривали на переменах старшеклассники. Николка же знай-мотай себе на ус... Хотя бы те самые усы только-только пробивались у одиннадцатиклассников, особенно с нерусскими, кавказскими фамилиями.

Весь город даже внешне как-то построжал. Чем ближе к концу октября, тем молчаливее становилось в школе; оно и понятно: мужья учительниц и отцы большинства ребят где-то далеко, вестей от них нет и не может быть по флотским порядкам. Тем более в обстановке оперативной готовности «номер один». Восьмиклассник Николка почему-то чувствовал себя неловко, ведь его отец здесь же, в Полярном, в дэкаф по утрам или с полудня на работу ходит из Старого Полярного через длинный, с несколькими сотнями ступенек, выстилающий рельеф сопок и лощины между ними Чертов мост... Без вины виноватый — как в названии спектакля Северного флота, что он недавно смотрел в дэкафе из оркестровой ямы — по совету отца, на правах старшего электрика позвавшего сына с собой.

Все более суровели голосами дикторы на радио и мурманском телевидении в новостях. И сами эти сообщения все короче: мол, обострились отношения с Америкой, но мы готовы жестко выступить на защиту братского кубинского народа, помочь ему отразить возможную агрессию заокеанских империалистов. По вечерам Николка часами крутил ручку настройки купленного по переезду в Полярный приемника «Мелодия» — взамен уже ненужного, маячного батарейного. Как и другие ребята, пытался пробиться через треск и завывание мурманской глушилки к «вражеским голосам»: хоть что-то, возможно и лживое, узнать о делах вокруг Кубы. Старшеклассники, проходившие у матерого мичмана Алексея Васильевича производственное обучение по радиотелеграфу, с умным видом рекомендовали «ловить» эти голоса, то есть западно-немецкую «Дойче велле», штатовский «Голос Америки», «Би-би-си», на то время враждебные передачи на русском из Албании и Китая, легко узнаваемые по «Интернационалу» в начале и окончании передачи, ближе к полуночи, выбирая дни с пониженной облачностью и высоким атмосферным давлением, что озвучивают в телерадионовостях.

«В такую погоду в наших арктических широтах фединги^{*} на коротких волнах минимальны,— поучал семи- и восьмиклассников в большую перемену Серега Агафонов из выпускного класса, предшественник Николки по заведованию радиорубкой,— потом вражеские голоса постоянно меняют плавно частоту, имея в виду наши глушилки, которые автоматически следуют за ними. Поэтому постоянно крутите

^{*} Замирание связи на коротких волнах, которые распространяются попеременным отражением от земной поверхности и ионосферных слоев атмосферы (радиотехн.).— Прим. авт. 94

ручку настройки и уловите моменты пока глушилка еще «догоняет» супостатов!» Объяснив, Серега заторопился в туалет: успеть перекурить до конца перемены.

◆ Действительно, следуя разъяснениям Сереги, которого сам Алексей Васильевич называл радистом от бога, Николка скоренько приноровился разборчиво улавливать вражеские голоса, как и другие ребята. А они, голоса, все раскаленнее обвиняли Советский Союз в подготовке новой мировой войны. В середине октября и вовсе перешли от утверждений о переброске на Кубу целых советских дивизий в течение последних трех месяцев к заявлениям, что американские разведывательные самолеты сфотографировали ракеты на уже подготовленных стартовых площадках.

Психоз антисоветских голосов день ото дня нарастал валом, а в обратной пропорции (Николка отличником по алгебре был) в наших последних известиях дикторы холодновато, спокойно и предельно кратко, то есть самыми общими словами, обвиняли американских империалистов в наглом посягательстве на кровью завоеванную свободу героического кубинского народа. Поскольку Николка совсем недавно прочитал научно-популярную брошюру — математичка посоветовала отличнику по предмету — по статистической вероятности, то, сложив со знаком минус западные голоса и с плюсом наши последние известия, обнаружил огорчительный вывод, что истина не всегда посредине... здесь получался нуль. И пришел к совершенно справедливому мнению, по смыслу совпавшему с архангельской присказкой матери: все бы ты знал, да не всему бы ты верил. После чего к слушанию импортных голосов в отношении к Кубе охладел. Но в последнюю неделю октября, узнав, что над Кубой зенитчики сбили американский самолет, бросился крутить ручку настройки домашней «Мелодии» — за *ux* вражескими разъяснениями, но увы! с полудня из свинцовых низких туч повалил охлюпистый снег, вся заполярная атмосфера преобразилась в сплошной фединг для коротких волн, а мурманская глушилка по всей видимости удвоила мощность своего излучения — благоохранительного от излишнего любопытства.

Но уже в следующие два-три дня как-то все стихло. Вражеские голоса внезапно потеряли интерес к кубинским делам, а наши в последних известиях потеплели в интонациях, причем на всесоюзном радио сосредоточились на сибирских стройках коммунизма, а мурманское телевидение оживленно обсуждало соцсоревнование, развернувшееся между обоими рыболовными флотами: Траловым и Сельдяным.

...На этом месте, то есть успехах мурманцев в вылове трески и селедки, Николай Андреянович ухмыльнулся и на короткое время перескочил в воспоминаниях лет на десять вперед, когда он, окончив местный политех, трудился молодым специалистом, конструктором по тематике оборонпрома, уже поотвыкнув от заполярной жизни, переехав с семьей после получения школьного аттестата на Большую Землю, недалеко от Москвы.

Как-то раз отметил он в курилке новое лицо, несколько постарше его, брюнета в усах. Характерным голосом, несколько бархатистым, с легким «прононсом в нос», явно не местный, судя по свободой манере держаться, незнакомец с чувством и толком рассказывал свежий анекдот про руководителей партии и правительства. На следующем перекуре, одиннадцатичасовом, когда женщины на рабочих местах с увлечением делали производственную гимнастику, Николай легко и просто, без обиняков, познакомился с ним: Артур, последнего года войны рождения, только что прибыл с женой и маленькой дочерью по распределению из Ленинграда, в котором с некоторым возрастным опозданием — служил срочную, затем пару лет работал — окончил Муху, то есть высшее художественно-промышленное училище имени Веры Мухиной. Здесь трудится художником-конструктором, дизайнером по-новомодному, небольшая группа которых размещается на этом же этаже. «Вы, мужики, ракеты рассчитываете-чертите, а я их в цвете живописую. Начальники с этими плакатами в министерство оборонпрома ездят и в главке мозги пудрят большим чинам, ха-ха-ха!» Чуть согнав с лица привычную для него веселость, пожаловался: «Я не ленинградский, жена тоже из Псковской области,

потому и двинули сюда: обещали квартиру, но пока в семейное общежитие определили. Как говорится, славны бубны за горами!»

Словом, в ближайшую уикэндовую пятницу, после работы сдружившиеся молодой инженер и немного постарше дизайнер («Это не фамилия, а специальность по работе»,— шутковал Артур при знакомствах) уже чокались стаканами с молдавским портвешком в кафе-стекляшке «Ромашка». Обратив внимание на бутылочную этикетку, что-де это продукт Молдвинпрома, Артур рассмеялся:

- Я из-за этой *молдавиняски* после первого года службы на Кубу угодил под самый разгар Карибского кризиса! Впрочем, не жалею, хоть свет заокеанский посмотрел...
 - Как! Из-за бутылька молдавского портвейна?
 - Да нет, имеется в виду национальность.
 - A ты что молдаванин?
- Ни ухом, ни рылом. Русак воронежский, отсюда и растительность на голове темноватая. Артуром же батя явно с похмелья нарек в честь любимого писателя Конан-Дойла. В конце войны народ военный чудил. Расслаблялся что ли? Здесь дело в обычном нашем, в армии же особенно, разгильдяйстве. Как мне уже на Кубе замполит нашей части растолковал, отделения и взводы ПВО, а я на радиолокационной колесной станции служил, комплектовались смешанными: половина наших, а вторая из компаньерос. Тогда они еще не успели русский язык в школах выучить, а мы только на обычном и матерном разговариваем. Но вот в мае-июне шестьдесят второго, когда первые наши части на Кубу прибыли, кто-то из умных политотдельцев заметил: призванные из Молдавии и кубинцы сносно понимают друг друга языки-то близкие, романские. И тотчас из Москвы по частям, отправляемым на Остров свободы, директива: чтобы в каждом отделении на девять русских и иных солдат обязательно приходился один молдаванин.

Артур сделал паузу, закурил и продолжил:

- Замполит полка нашего человек простой: усмотрел в моем личном деле, что призван я из Тирасполя, где мой отец заканчивал службу майором-пограничником, видом слегка смугл и темноват волосами, говорю несколько чудновато, в нос в детстве футбольным мячом в нюхалку засадили, перегородку потом врач вправлял, военный лепила, не совсем трезвый и обрадовался, зачислив меня «молдаванином» в одну из тех рот, что от полка на Кубу командировались. Вернее, никто не знал куда нас отправляют. Секретность высшая!
 - Что ж он не догадался спросить про знание языка?
- Так армия! Там думать по уставу не положено. Только приказы исполнять. Этот же замполит уже на Кубе объяснил: был приказ из Москвы посылать на Кубу бойцов-молдаван и баста! Про знание языка молдавского ни полслова; наверное, опять из соображений секретности: враг, мол, хитер и коварен, дедуктивным методом, как Шерлок Холмс, проверяет логическую связь от знания молдавского до советских войск на Кубе. Выпьем за Фиделя!

По причине сдружения засиделись они с Артуром в простонародной «Ромашке» допоздна, сполна выказав знаки уважения к произведению Молдвинпрома. Выруливая к ближайшей трамвайной остановке — ехать им в одну сторону, — обнявшись, новообретенные приятели нестройно пели кубинские песни. Николай подтягивал знающему испанский текст Артуру: «...Кванте наме-е-ера!»

◆ Да-а, замечтался в приятных воспоминаниях Николай Андреянович, были же времена, когда люди, общаясь друг с другом, разговаривали нормальным русским языком, а не на казенщине суконно-цинковой и американо-нижегородской, выпивали в свое удовольствие и пели, гуляючи, песни... даже на ломаном испанском языке!

В последующих разговорах в учрежденческой курилке, и особенно в вечернем банковании в «Ромашке» и других — по пути домой — культурно-просветительных

заведениях, Артур много чего рассказывал новоприобретенному другу о своей кубинской эпопее.

...Это сейчас по нескольку раз за год на разных телеканалах ностальгируют народ постарше передачами о Карибском кризисе, скрытной доставке двумя сотнями рейсов гражданских судов почти полусотни тысяч советских бойцов и техники, включая ракеты с ядерными боеголовками. А тогда Николай слушал — от первого лица — живописные рассказы Артура, даже не во всем веря ему: натура художественная, творческая, мол, чуток не приврешь — убедительно не расскажешь. Тот же признавался: повезло, туда и обратно не в трюме сухогруза вперемежку с техникой и боеприпасами, а в каютах пассажирских судов везли. Хотя бы и переполненных, заставленных двухъярусными казарменными койками, с задраенным иллюминатором, а на палубу, как в тюряге, повзводно ночью выводили.

Зато по прибытии — одежка по тропической погоде и маскировки для: шорты и рубашка с короткими рукавами и воротом апаш, на ногах что-то навроде кедов китайских. Все легкое и однотонное; в одиночку словно турист прогуливается, а в группе так и подразделение военное, но без «опознавательных» знаков. Опять же специфика радиолокаторщиков: завезет тягач станцию на колесах в спокойное место, где вокруг пальмы, прохлада, народ лишний не болтается без дела. Рядом две палатки маскировочной расцветки: в одной наше отделение, в другой кубинское. Первые обучают компаньерос, вахты смешанные несут. Обстановка самая дружелюбная. В субботу банный день в соседнем городишке: полчаса строем с песнями, по-русски и по-испански. В воскресенье поочередно в увольнительную в тот же городок. Опять же смешанной компанией: кубинцы местную жизнь хорошо знают, а она по третьему лишь году после революции еще не спокойная; порой и организованные в банды контрас постреливают, на улицах ближе к вечеру встречные подозрительные. Компаньерос отговорят не соваться в опасные места, а в распивочную, бар по-ихнему, заглянут, так зорко посматривают, чтобы ром или еще сохранившуюся в запасах американскую виску хитроватый бармен-буфетчик не бодяжил, не охмурял русских друзей с оплатой с их немногими песо солдатского жалованья.

...Дойдя в мысленном пересказе Артурова повествования до виски, Николай Андреянович почувствовал сухость языка, усмехнулся: да-а, вот он чисто физиологический безусловный инстинкт по Павлову, как бы сказал профессор Скородумов; произнес в мыслях слово, а язык сложным путем из подсознания отреагировал на него: ведь на верхней полке в квартирном закутке-кладовке стоит непочатая бутылка шотландского виски знаменитого сорта *Ballantines*, нарочито недавно купленная в *Красном & Белом*, что в торце их дома. Можно же себе это позволить, получив, хотя бы и на карту, безналично, двухмесячные отпускные? А главное — ни разу в жизни не пробовал он империалистического напитка! Надо же продегустировать.

Вот и повод: подтвердится ли Артурово описание вкуса виски? Через несколько минут, приняв, смакуя, стопку и убедившись, что империалисты сволочи, но продукт гонят отменный, не хуже советской водки «Старка», Николай Андреянович снова вернулся к рассказам Артура, но сейчас уже, в соответствии с поднятым стопкой настроением, выделяя веселые моменты. Ввиду молодости кубинской революции, женщин с пониженной социальной ответственностью еще не перевоспитали, оставшиеся от бывшей американской клиентуры публичные дома пока полулегально действовали. И туда нашим солдатам дружелюбные компаньерос экскурсии устраивали; главное чтобы начальство воинское не узнало! Даже скромные свои песо тратить не надо: в условиях полной блокады на Кубе вообще ничего не стало; кроме сахара, рома и сигар. Поэтому социально безответственные мулатки охотно брали за визит флакон одеколона, «Тройного» или «Цветочного» — они шли вместе исчезнувших духов. Со своих ли слов Артур говорил или чьи-то передавал? — Николай затаил некоторое сомнение...

С едой тоже плоховато, выручали армейской поставки консервы, было из чего

нашим поварам из дневальных борщ и гречневую кашу с тушенкой варганить. Компаньерос к такому рациону скоренько привыкли, ели, похваливая не от вежливости, но от сытости на голодном острове.

♦ Опять же перескочив в воспоминаниях на год вперед, уже после первого, самого знаменательного приезда Фиделя Кастро в Советский Союз — уже установилось морское и воздушное рейсовое сообщение с Кубой через Мурманск, когда возвращалось Николкино семейство из летнего отпуска в отцовой калужской деревне.

В сезон отпусков, когда половина, или даже более, населения Кольского полуострова, семьи военных сначала уезжают в южную сторону — по отношению к Северному полярному кругу,— а через месяц-два в том же составе возвращаются, за великое счастье полагается взять билеты на мурманский поезд. Даже загодя, предварительно. И здесь уже не «до разносолов»: купейный, плацкартный, даже общий, что прицепляют в летний сезон — да бог с ним! лишь бы войти в вагон и дождаться, когда поезд тронется — и на сердце легко становится, а на душе и вовсе песня. Особенно главам отпускных семейств — с попутчиками, знающими толк в чередовании коротких тостов: на посошок, отвальная, ямщицкая, прогонная,— унаследованных добрым нашим народом от времен почтовых троек и «верст полосатых»...

Вот в то возвращение с летнего отдыха семейству Николки повезло с билетами: заняли почти весь свой отсек в плацкартном, включая нижнее боковое место. А в соседнем разместилась группка иностранцев, вообще-то немыслимых в поезде «Москва — Мурманск». Но Николка скоро сообразил: это кубинцы, возвращающиеся на Остров Свободы через Мурманск. Они тоже не брезговали посошками и отвальными, но пили мало, а быстро-быстро говорили по-испански; затем и вовсе затягивали мелодичные песни — очень громко, и все одновременно. Только определить Николка не мог: кто это? для студентов староваты, на военных и всяких там дипломатов не смахивают. Но вот к середине вторых суток поезд миновал станцию Пулозеро, народ оживился, разминая застоявшиеся ноги. Через пару часов Мурмаши и Кола — считай дома! Вещи собраны, постели проводникам сданы, а Николку заинтересовали действия кубинцев, что деловито вынимали из люка перед выходом в тамбур туго набитые холщовые и брезентовые мешки: раз-два, три... Скоро мешки в половину человеческого роста загородили выход из вагона. Николка уже знал, что люк этот ведет в большой металлический короб под днищем вагона, в котором пассажиры могут перевозить скоропортящиеся съестные грузы.

Поезд, замедляя ход, подкатывал к перрону мурманского вокзала. Пассажиры с вещами толпились в вагонном проходе. Из уважения к героическим кубинцам они не роптали, терпеливо ждали, пока компаньерос, озабоченно переговариваясь, вынесут свои многочисленные мешки. Но вот проход освободился; народ, привыкая к ходьбе по твердой, не подпрыгивающей под нами опоре, выходит из тамбура на бетонный настил перрона. А чуть обок суетятся у пирамиды своих мешков кубинцы. «Да-а,—сочувственно покачивает головой Андреян,— видать у них на Кубе, с едрить твою американской этой блокадой, и вовсе с жратвой хреновато!»

Только сейчас Николка сообразил, почему от мешков даже на расстоянии трехчетырех метров пахнет, как будто в теплый день зашел он в большой гастрономический отдел Циркульного магазина: копченой колбасой и грудинкой, сыром и еще много чем, что улавливал его нос при порыве легкого ветерка со стороны сложенных мешков. Поначалу поразил его рюкзак с мокрым боком, видно протекло, густо пахнущий селедкой пряного посола — вспомнил слова отца, что такая закуска только у нас пользуется большим спросом. Но когда иностранцы, что приезжают, распробуют ее, то уже оторваться не могут. Вот и кубинцы разохотились. Хотя бы и проживают на острове, вокруг которого рыбы кишит до едреной фени.

...Николай Андреянович обладал отменной вкусовой памятью. Профессор Скородумов, заинтересовавшийся таким феноменом организма его приятеля, поначалу

всерьез это не принял. Но, с разрешения перципиента*, провел над ним ряд необременительных опытов навроде: выпил предложенную профессором рюмку напитка, спиртного разумеется, без озвучивания названия, а через неделю предложено ему попробовать схожие по цвету и крепости с прежним из трех рюмок и назвать совпадающий. Убедившись, что Николай Андреянович практически не ошибается, Игорь Васильевич назвал приятеля уникумом: «Эх, Андреяныч, не разглядел ты вовремя свой талант, хотя... ракеты конструировать все же солиднее, главное, нужнее для страны, чем заштатным дегустатором на винкомбинате обретаться. Сопьешься еще».

И резко ощутив в своей вкусовой памяти тот давний аромат атлантической сельди пряного посола, по сложной ассоциации Николай Андреянович вспомнил того же времени, то есть сразу после Карибского кризиса, слова отца: «Из всех дел и чудачеств Никиты, обернувшихся вредом для страны, улаживание с Америкой кубинской истории, пожалуй, его единственная удача. Как ни крути, но ведь атомная мировая война вот-вот могла начаться. Конечно, повезло и с американским президентом, толковым этот Кеннеди оказался, большого ума человек».

Такая оценка, как сейчас размышлял Николай Андреянович, тем удивительнее, проницательнее была для того времени, что никто и предполагать не мог действительной ситуации. Ведь уже накануне Карибского кризиса, после грандиозного предательства Пеньковского, американцы точно знали: против их пяти тысяч ядерных зарядов Советский Союз располагал только тремя сотнями. Более чем пятнадцатикратное превосходство! И в средствах доставки тоже существенное. Главное же, советское руководство полностью добилось того, ради чего и возникла эта напряженность вокруг Кубы: убрали-таки американцы свои ракеты с ядерными боеголовками из Турции! И это в те годы являлось взаимной гостайной у нас и в Штатах.

Наконец, совершенно зря Фидель надулся на Никиту, убравшего атомные ракеты с Кубы. Ведь под сурдинку событий осени шестьдесят второго года советские военные так вооружили и обучили компаньерос, что по численности и оснащению кубинская армия стала едва ли не самой мощной в Латинской Америке. А по результатам договора с Америкой та обещала более не предпринимать никаких военных действий по отношению к злосчастному для них острову. И вот уже шестьдесят лет это обещание полностью выполняет...

Да и после вывоза с Кубы ядерных ракет советские войска еще некоторое время там оставались. Тот же Артур еще с полгода служил там. Даже поднакопил из солдатского жалованья некоторое количество песо, чтобы купить в книжном магазине в Гаване — уже четко решил после дембеля поступать в художественное училище пару прекрасно изданных в Испании альбомов: Гойи и Веласкеса. Тем более, что их можно было не прятать от обысков при обратном возвращении в Союз: также в штатском — «туристами» на пассажирском теплоходе. А вот его сослуживцу Егору Филиппову свой книжный трофей приходилось по два-три раза за сутки перезаныкивать по разным щелям каюты. А приобрел он на книжном развале городка Карденаса, что прямо напротив южной оконечности Флориды — через Флоридский же пролив, — близ которого располагалась их радиолокационная станция, «Лолиту» Набокова на французском языке, изданную в пятьдесят девятом году в Париже издательством Галлимара. И чтобы прочитать совершенно запретную в Союзе скандальную книгу, решил выучить язык Мольера и Виктора Гюго по возвращению домой, купив там учебник, даже два: для школ и пединститутов — по мере омовления. Истинно, благими намерениями рука дьявола водит...

Самое интересное и смехотворное в одном флаконе: и в испаноязычном мире в те годы роман Набокова был под запретом с подачи католической церкви. Потому продвинутые интеллигенты на Кубе и читали «Лолиту» по-французски, экземпляр кото-

^{*} В экспериментальной психологии это тот, над кем ставится опыт. — Прим. авт.

рой Егор и купил за кровные солдатские десять песо на книжной толкучке Карденаса. В шестидесятые годы наша страна была самой читающей в мире...

◆ Окончание Карибского кризиса население Полярного наблюдало воочию: в течение ноября непривычно печально-пустые пирсы Екатерининской гавани день ото дня начали заполняться. Первыми вернулись на базу торпедные и сторожевые катера, «охотники» — малые противолодочные корабли, минные тральщики и разная вспомогательная мелочь каботажного плавания. Возвращение четвертой эскадры возглавили обе ее плавбазы, ставшие на свое законное место на рейде гавани. Вслед за ними начали подтягиваться обледеневшие в ноябрьских штормах и беспрерывных снегопадах подлодки. Поначалу они вольготно заполняли пирсы первыми номерами, затем уже к ним пришвартовывались запоздавшие. А к концу месяца пирсы и вовсе местами обросли трехномерными швартовками. Часть лодок, вернувшись к обычному графику, прямо из Атлантики ушла в Средиземное море опекать отечески 6-th US Navy, не заходя на базу.

Улицы Полярного, несмотря на злющую вторую половину ноября и фактическое начало полярной ночи, тоже вернулись к обычному виду: черные шинели и шапки с «крабами» заметно потеснили гражданский люд. И к вечеру, ставшему в это время года понятием относительным, дэкаф ярко светился всеми окнами, а народ, преимущественно флотский, тремя потоками — по расположению улиц — тянулся к мосту, перекинутому через межсопочную лощину, другим окончанием выходившему прямо к ступеням входа в дэкаф. Музыка из его наружных громкоговорителей слышалась уже на подходе к мосту в замыкающих кварталах сходящихся улиц; по градостроительным планам тридцатых годов дэкаф и был обозначен как архитектурный центр Нового Полярного. Впрочем, условный центр, поскольку с тыла дэкаф и все ближние дома, включая госпиталь, бывший флагманский Северного флота до переноса его «столицы» в Североморск, упирались в крутое взгорье сопочной гряды, отделявшей город от губы Пала с ее флотским судоремонтным заводом номер шесть. Громкая музыка с разных сторон, ярко освещенные улицы и пирсы, дежурные фонари на рубках кораблей — все это помогало перетерпеть полярную ночь людям, воинским долгом, обстоятельствами или превратностями судьбы занесенным на кромку Арктики в город на гранитных скалах, возникший дважды: по завещанию царя Александра Миротворца своему наследнику Николаю Второму и решающему слову Иосифа Виссарионовича; оба, император и генсек, были людьми ума недюжинного и лучшего места для базирования Флотилии Ледовитого океана Российской империи и Северного флота СССР, соответственно, выбрать не сочли возможным.

Правда, в отличие от Сталина, Александр Третий самолично в будущем городке Александровске, в честь его имени названном в 1899 году, не бывал, но посылал туда с топографической рекогносцировкой министра финансов Сергея Юльевича Витте. Того самого, что был возведен в графское достоинство по итогам Портсмутского мира, завершившего позорную для России войну с Японией. Добрый наш и злоязычный народ тотчас окрестил Витте графом Полусахалинским...

А в школе возвращение кораблей в Полярный, особенно побывавших на Кубе, ознаменовалось изобилием свежеотштампованных монет с Острова Свободы и столь же недавно отпечатанных банкнот. Самое интересное, что последние преобладали в виде двадцатипесовых кредиток, выдержанных в формате американских двадцати-долларовых же: узких и длинных, одна сторона которых была во всю ширину и длину занята живописной картиной-панно высадки отряда Фиделя Кастро со шхуны «Гранма», видневшейся на заднем плане, на кубинский берег. Впереди уверенно выступал героический Фидель в берете, с бородой. За ним, судя по всему, шли вооруженные Че Гевара и Камило Сьенфуэгос. Последний нес на плече американской работы ручной пулемет «Кольт». Далее невеликой колонной тянулись остальные три десятка храбрецов с автоматами, теми же пулеметами и патронными ящиками. Словом, как те самые «тридцать три богатыря», ступая по мелководью песчаной бухты,

выходят они на берег — освобождать страну и народ от диктатуры американского ставленника Батисты.

Как объясняли ребята, отцы их захватили с Кубы по пригоршне монет, зная о повальном нумизматическом поветрии в школьной среде. Но с бумажными песо несколько иная история. Приказ из Москвы, из главного штаба ВМФ о срочном убытии и следовании к местам базирования, в основном на Северном флоте, поступил на корабли буквально спустя день-другой после выдачи финчастью жалованья в валюте страны пребывания — обычная практика: добавка «за удаленность от родины» к основной зарплате в рублях, которая начислялась к выдаче по возвращению домой. Финчасти же сумму в кубинском банке выдали чем было: двадцатипесовыми банкнотами. Понятно, что в спешке отчаливания потратить деньги с картиной высадки со шхуны «Гранма» — кубинской «Авроры» — не было никакой возможности. Так и прибыли с ними в Полярный, выдав сыновьям впридачу к монетам. Как-либо реализовать неконвертируемую валюту в Союзе было невозможно: в ближайшем валютном магазине, в Мурманске, все цены стояли только в долларах. Например, бутылка ноль-семь «Столичной» в экспортном исполнении стоила девяносто центов...

Среди коллекционеров меновая стоимость кубинских монет резко упала, а двадцатипесовыми купюрами старшеклассники расплачивались друг с другом, небрежно меча их на стол, играя в покер и кинга на интерес, собравшись после уроков в чьейлибо квартире, до вечера свободной от присутствия родителей. При этом они попыхивали сигарами «Большая корона», а иногда позволяли себе по чутку налить в рюмки рому *Habana Club* — если большая бутылка которого уже ранее была почата отцом. То и другое — захваченные в дорогу гостинцы с братского острова...

Тогда сигары и ром еще не потекли широкой рекой, наряду с тростниковым сахаром, с Кубы, но уже через год, после первого приезда Фиделя в Советский Союз, сигары всех изысканных сортов за тридцать-сорок-пятьдесят копеек (в Штатах контрабандой их продавали до ста долларов за штуку) можно было купить в любом киоске на самой дальней периферии. А темные бутылки с ромом «Негро» пылились на верхних полках всех винных отделов продмагов: народ в массе своей предпочитал отечественную «беленькую».

◆ Иногда старшеклассники на большой перемене или по окончанию последнего урока заходили перекурить, но уже не сигарами подымить, а чем попроще, в радиорубку к Николке, где у него самого всегда находились дела. Заодно в картишки побыстрому перекинуться. А за «беспокойство», посмеиваясь, оставляли, уходя, на столике все ту же двадцатипесовую бумажку. Сам Николка в карты не играл, равно как и во все остальные игры, воспитанный примером и наставлениями отца. Опять же врожденный старообрядческий запрет на пустое времяпрепровождение.

Но ребят в свои владения впускал охотно: много интересного узнавал о событиях прошедшей осени, о чем еще многие годы впереди газеты даже намеками не сообщали, и от радио и телевидения ни полслова. Благо у них хлопот достаточно для обсуждения имелось: не успели наговориться про иранского Моссадыка, как на многие годы на языки телерадиодикторов попались никарагуанский Фронт освобождения имени товарища (компаньеро) Сандино и тоже латиноамериканский Фронт же освобождения имени Фарабундо Марти...

А мечущие карты старшеклассники обменивались услышанным от отцовподводников. Как игроки беседовали, не обращая внимания на хозяина радиорубки, явно мало посвященного в дела и заботы офицерского состава четвертой эскадры, так и их отцы, собравшись в свободное время сам-двое или сам-трое, то есть по-русски, на кухне или в гостиной комнате квартиры одного из них, да еще под бутылочку-другую коньячка, привезенного контрабандой супругой, намедни ездившей в Мурманск на примерку в недавно открывшееся модное ателье, разгорячившись, поругивали политотдельцев, сочувствовали командирам лодок, подпавшим под разнос североморских адмиралов, вовсе не приглушая голосов при появлении в доме сына или дочери. ...На этом месте Николай Андреянович притормозил, с дотошностью инженераоружейника уточнив момент воспоминания, касающийся... конечно же коньяка на
столах квартир абсолютно «сухого» города. Да зачем же ждать пока супруга съездит
в Мурманск на примерку в ателье или походить по магазинам областного города,
присмотреть обновы себе и детям. А супругу? — О нем заботится служба тыла в части полного комплекта обмундирования: форма одежды № 1, форма одежды № 2 и так
далее. Какой номер положено надевать в такой-то день календаря? — И здесь думать
особо не надо: на наружном стенде городской комендатуры крупными трафаретными
буквами и цифрами написано на сменяемой по сезонам фанерной вставке:

СЕГОДНЯ ФОРМА ОДЕЖДЫ № 2

Намного проще самому в выходной день сесть в Кислой губе на рейсовый катер, что за полчаса через Кольский залив, зюйд-остом наискосок, домчит до Североморска. Здесь же, у самой «гражданской» пристани, конечная остановка автобуса на Мурманск. Садишься в него, но выходишь через десять минут на первой загородной остановке. Она же КПП*, за которым заканчиваются владения Северного флота, то есть территории, на которые можно попасть только с особой отметкой в документах военных, а гражданским со штампом «Житель Североморского района Мурманской области» в графе особых отметок паспорта. Соответственно, за КПП, на котором у всех пассажиров выезжающих и въезжающих в Североморск автобусов, такси и вообще всех машин, а также передвигающихся в пешем порядке, дневальные матросы с красными повязками проверяют документы... о, до чего же в отечестве нашем сугубая администрированность гармонично сочетается с заботой о людях! Словом, в двадцати шагах в мурманскую сторону от КПП, за которым заканчивается зона «сухого» закона, посреди совершенно нежилого места в окружении гранитных сопок, у обочины асфальтовой дороги дико одиноко стоит недавно срубленная бревенчатая изба с лаконичной вывеской Магазин № такой-то. Если не половина, то уж точно четверть пассажиров любого североморского автобуса покидают его, проходят, показав документы, мимо матросов с повязками и энергично движутся в сторону магазина. А внутри его уже и оживленная очередь; деревянные полки пусты, а продавщицы в две пары рук без устали, прямо из поставленных на пол друг на друга ящиков, выкладывают на досчатый прилавок бутылки с водкой, коньяком, а для гурманов с ликерами и настойками. Затарившись в хозяйственные сумки, баулы, кое-кто и в чемоданы, изголодавшиеся счастливцы идут в возврат на КПП и ожидают автобуса из Мурманска в родной «сухой» Североморск...

Но здесь-то и начинается военно-административный политес. Если бутлеггер** по одежде и документу гражданский, то волоки он из магазина хоть перекинутый через плечо рогожный мешок, набитый полусотней явственно булькающих церковным перезвоном бутылок злодейки с зеленой наклейкой, матросы на него ноль внимания. Гражданский в закрытой зоне вроде бы и есть, но военная власть на него не распространяется. Имеется штамп в паспорте — пра-а-ходите, товарищ!

Другое совсем дело военный, даже в штатском, что в этих местах некомильфо, но с офицерской книжкой или военным билетом. Будь ты хоть каперангом с солидной орденской колодкой на кителе (адмиралы общественным транспортом и такси не пользуются), но подошел он к КПП и — будьте так любезны, товарищ капитан первого ранга, предъявить для досмотра ваш багаж!

Николка через Североморск в Мурманск и обратно всего пару раз добирался и то в старших классах, тем более на КПП не сходил, поэтому не знал, что делали дневальные матросы с обнаруженной у военных контрабандой. Зато не раз наблюдал,

^{*} Контрольно-пропускной пункт (воен.).— Прим. авт.

^{**} В эпоху «сухого» закона в США двадцатых-тридцатых годов так именовались контрабандисты спиртного.— Прим. авт.

сходя в Кислой губе с мурманского рейсового катера, обрацово-показательную процедуру. Точно также безразлично глядя на багаж штатских по документу, дневальные выборочно останавливали офицеров и мичманов с подозрительной поклажей и отводили их для досмотра в караульную будку. Из нее задержанный выскакивал разозленный, бурча что-то неодобрительное, а вскоре матрос выносил пару-тройку бутылок, подходил к краю причала и с горестным выражением лица разбивал их одну о другую. Осколки крупными слезами падали в воду.

Но здесь выручала мужская солидарность в части жидкого «продукта питания»: при обратном подходе к КПП и при выходе на причал Кислой губы с североморского — из Мурманска, соответственно, с мурманского — катера, офицер или мичман подмигивал гражданскому попутчику, тот согласно, дружелюбно кивал головой и перехватывал свободной рукой опасную поклажу. Все, включая дневальных матросов, понимающе ухмылялись, но ведь инструкции-то соблюдены!

◆ От играющих в карты старшеклассников Николка многое, официально потаенное, узнал об участии подлодок *их* четвертой эскадры в октябрьских событиях на Кубе, вернее в окрестной ее акватории Карибского моря — с юга и Атлантики — с севера острова, вокруг блокированного кораблями всего американского Атлантического флота. Как у них, заокеанских, принято, флот этот тоже имел свой номер, которого Николка не знал, а спросить у кого-либо из ребят щепетильно не решался: сочтут невеждой в военно-морских делах...

Точно также не уточнял: Серега Агафонов, его предшественник по заведованию радиорубкой, сын, родственник или просто однофамилец каперанга Агафонова, командира бригады из четырех подлодок, но с атомными торпедами, от пирсов Полярного проследовавших к Кубе? Так получилось, что эти четыре дизельные подлодки случае начала военных действий должны были противодействовать всему Атлантическому американскому флоту — самому мощному из всех «номерных» флотов! Понятно даже восьмикласснику Николке, что атомными торпедами вполне можно пустить на дно Атлантики, вернее расплавить в эпицентре взрывов, авианосцы америкосов, однако дизельные лодки бригады Агафонова уязвимы основательно: им нужно всплывать для зарядки аккумуляторов, а это ситуация «против лома нет приема» — всплывешь в зоне рассредоточения кораблей блокадного кольца — и все кончено; обнаруженная до начала военных действий подлодка уже как самая свирепая собака, но на цепи, а после начала войны и вовсе как цель для учебных стрельб.

И только в нынешние времена Николай Андреянович узнал из телепередач, что, как всегда оказался виноватым... нет, не притча во языцех Чубайс Толик, но все тот же Никита Сергеевич. Почему-то до него не дошло — или в генштабе поопасались правду-матку сказать? — что на тот момент все первые атомные подлодки Северного флота либо ремонтировались в Северодвинске, или же по другим причинам в строю не находились. А услышав про лодки с атомными торпедами, наш Кукурузник и проассоциировал их по своей простоте с атомными подлодками. Вот и послали на возможный убой стрелочников... Но на линии блокады, вроде как со стороны Атлантического океана, все лодки бригады были обнаружены американскими противолодочными кораблями и принуждены к всплытию.

Только подлодке Агафонова, опытнейшего в четвертой эскадре командира, удалось оторваться от преследователей, уйти в сторону Атлантики и затаиться. Все одно и ей бы долго не продержаться, но на ее морское счастье заварушка с Кубой благополучно завершилась, а все четыре лодки бригады, еще с месяц подождав, заправившись соляркой с танкеров-плавбаз, взяли курс норд-ост наискосок через Атлантический океан и, обогнув с севера Британские острова и Норвегию, вернулись к своим пирсам в Екатерининской гавани Полярного.

^{*} Эти подлодки 4-й эскадры: Б-4, Б-36, Б-59 и Б-130 — должны были противостоять двум сотням американских кораблей, в том числе трем авианосцам...

Впрочем, самый интересный момент — каким образом американцы заставляли всплывать подлодки бригады Агафонова? — Николка прояснил не из разговоров юных любителей покера и кинга, а узнал из первоисточника. Дело в том, что не только его одноклассники заходили к Николке в радиорубку поговорить на радиолюбительские темы, послушать новые записи на казенном магнитофоне «Комета», с «серьезным видом знатока» порассуждать о втором пришествии чарльстона и новомодных твисте и рок-н-ролле, а также старшеклассники в картишки перекинуться наскоро. Можно было увидеть и подводников из числа срочнослужащих.

Да-да, именно срочников последнего года перед демобилизацией. Обычная практика того времени: наиболее успешные «в боевой и политической», со средним образованием — а иных в подплав не брали, если только в коки с восьмилеткой? — собирающиеся связать свою дальнейшую жизнь с морской службой, приказом зачислялись в разряд кандидатов для поступления в ленинградское училище подводного плавания. А чтобы восстановить в памяти для вступительных экзаменов несколько подзабытые за три года службы школьные познания, по договоренности подплава со школой, шефом которой он и являлся, для кандидатов со старшинскими лычками на квадратных погончиках действовали что-то навроде вечерних курсов «повторения», занятия, на которых вели — как понимал Николка, за надбавку к зарплате — школьные учителя.

Вечерние — не вечерние, но приходилось и морякам подлаживаться к школьной занятости учительниц (в две смены занятия), а последним часто приходилось слышать на вопрос к группе: «А где Иванов, Коломойченко и Горидзе?» — ответ: «Буки двадцать восьмая вчера в море вышла, так что Иванова и Горидзе, Наталья Сергеевна, может с месяц не увидите. Зато Коломойченко как штык теперь будет на занятия являться: их лодку ставят на ремонт, весь экипаж второй день в Палой губе авралит, заводским матчасть сдают».

◆ По причине такого подлаживания по времени занятий, кандидатов-старшин нередко можно было увидеть в школе и пополудни, когда после уроков Николка чтолибо мастерил в радиорубке. Чтобы не отвлекаться на стуки в дверь — дежурная по школе учительница, старшая пионервожатая по делам, те же старшеклассники, дружок Сашка Белозеров и прочие,— держал ее приотворенной в коридор. Раз открыто, значит хозяин на месте, заходи! Как-то старшина с тремя лычками, явно перепутав двери, вошел, заинтересовался, поговорил с пацаном, а увидев пепельницу, попросил разрешения покурить.

Моряки, особенно подводники, народ дружный между собой. Где один побывал, дорожку проторил, там и другой, третий начали к Николке захаживать. Николка, сам выросший в маячном малолюдстве, скоро сообразил: матросам по третьему году службы, где замкнутое пространстве подлодки в море и скученность подплавовской казармы на берегу, вокруг только люди в форме и флотская дисциплина, требовалась отдушина — хотя бы временная, на пару-тройку часов, смена обстановки, а главное, общение с людьми вне служебного круга. Но с кем так душа матроса, за вычетом двух с довеском лет службы расставшегося со своей школой, не отдыхает, как в общении с пацанами, в данной обстановке со школьниками старших классов, к которым Николка был приравнен по своей солидной должности. Существенно, что в беседах с ребятами матросам не следовало заботиться о выборе тем и слов. По сложившейся традиции, хотя тот же старшеклассник и верзила под метр девяносто, но обладает вроде как экстерриториальностью по части всяких военных тайн...

Он сразу выделил из заходивших в радиорубку кандидата Гришу, имевшему редкое для срочника звание главстаршины. Правда, от него Николка узнал, что в четвертой эскадре и вовсе пара уникумов дослуживают срочную, незадолго до дембеля получивших чин «сундука»*. Понятно, что не за подхалимаж и угодничество, что на

^{*} Как в наземных войсках прапорщики (в описываемое время ротные старшины) именуются заглаза «кусками», а в авиации «макаронниками», так во флоте мичманы «сундуками» — от старинного права на собственный вещевой рундук.— Прим. авт.

флоте категорически пресекается, но за воинский профессионализм и отличие в критических случаях, которые на подлодках, увы, не редки. Тем более, Гриша оказался родственной душой — радистом, приписанным к \mathcal{E} 4-5 подлодки, да не простой, как вскоре выяснилось, а одной из ходивших на Кубу в бригаде Агафонова и принужденной янкимэнами к всплытию.

- Понимаешь, Коль, разговорился (хотя и некурящий) главстаршина Гриша, в невоенное время, хотя тогда и близко было к войне, существуют неписанные, неуставные правила, которые строго соблюдаются одновременно обеими противостоящими сторонами. Так и в случае, когда потенциальный противник обнаружит вашу лодку. Или наоборот. Вот и нас в зоне блокадного кольца по шуму винтов засекли эхолоты американских противолодочников. И наши слухачи по их винтам сообразили: окружили плотно, уйти не удастся. Поэтому команда на выключение двигателя: замри на глубине, все сколь-либо шумящие электромеханизмы выключить. Команде на своих постах замереть, не дай бог что-нибудь железное уронить. А корабли сверху уже перешли на активную эхолокацию, окружили нас и по квадратам муляжи глубинных бомб начали сбрасывать. Вот и нам предназначенные имитаторы застучали по палубе мягкого корпуса. И их эхолоты засекли попадание. Все, кончен бал, тушите свечи. Здесь и срабатывает неписанное правило: сейчас муляжи лодку долбят эквивалент боевых в военное время. Всплывайте, никуда уже не денетесь!
 - И что, так и всплыли? А если война?
- В войну попытка смертника: двигатель на полный и зигзагами пробовать уйти. И наш командир дал команду на прорыв. Но куда там? Такая прорва нас сверху обложила, что ни скорость, ни зигзаги ни к чему не привели: бочки с песком как стучали о палубу, так и продолжают. И их эхолоты это фиксируют и курсы противолодочников подправляют. Хотя правило и неписанное, но в мирное время за всплытие обнаруженной лодки, у которой аккумуляторы почти разряжены, под трибунал командира не отдают. Всплыли.
 - А дальше что?

— Весь экипаж и при всплытии по своим постам. Как под водой, так и на поверхности — ничего не видим. Только после от старших офицеров, что с командиром в рубку поднимались, где иллюминаторы, узнали: американские матросы с кораблей, что нас окружили плотно, руками машут, что-то кричат. То ли матерят нас на своей фене, а может и приветствуют, дескать, куда вам против нас, отдыхайте, рашенские моряки! Америкосы, если их за жабры не берут и речь не о долларах идет, так вполне нормальные люди, не озлобленные. Но это моряки. Вот ихние летуны, то ли команду такую получили, а может и отсебятину для острастки нашей творили, но вели себя по-хамски. Но скорее всего провоцировали — опять же по полученной команде. Без конца взлетают с авианосца, что в десятке миль стоит, нас облетают, в пике идут, из пушек очереди дают вдоль лодки в считанных метрах... Годки с лодки Б-59 Архипова (Николка сразу вспомнил девочку с этой фамилией из шестого или седьмого класса), что тоже принудили всплыть, шептались — за что, Коль, купил, за то и продаю, — мол, Василий Александрович не стерпел, когда самолет задел очередью корпус, правда получилось под углом рикошета, и вроде как готовился отдать приказ влепить атомную торпеду в авианосец. Ну, случись так, мы бы с тобой сейчас не разговаривали.

...На этом месте Николай Андреянович притормозил: да, нынешние комментаторы в документальных фильмах о Карибском кризисе именно Василия Архипова называют как потерявшего терпение от наглости американцев и собиравшегося было отдать приказ о ядерном торпедировании авианосца, то есть о начале Третьей мировой войны. Но вроде как замкомандира сумел успокоить того. Однако Николай Андреянович, просмотрев по телевизору такой фильм и вспомнив давний рассказ глав-

^{*} Это как земели в сухопутных войсках; обычное обращение матросов друг к другу, как правило, одного или смежных годов призыва.— Прим. авт.

старшины Гриши, однозначно пришел к выводу: и Гриша, и сценаристы нынешних фильмов о Карибском кризисе подпадают под действие присказки: слышал звон, да не знает где он. Тем более все путаются: на тот момент на буки-59 собственно командиром был Валентин Савицкий, а Архипов, кавторанг, тоже на лодке находился, представляя командира бригады... Ибо командир лодки не имеет ключа-шифра к ядерному оружию на борту — это сейчас и дети из интернета знают. Скорее всего, была у командира мысль дать залп из обычных торпед, но ими авианосец, да еще когда вокруг снуют другие корабли, потопить — желание почти что вздорное...

◆ Фидель тогда обиделся на Хрущева, убравшего атомные ракеты с Кубы, но Микоян, который «от Ильича до Ильича без инфаркта и паралича», как распевали столичные диссиденты-гитаристы навроде Окуджавы, Галича и многих других окололитературных, сумел-таки разъяснить главному барбудос обоюдную пользу их стран от мирного разрешения Карибского кризиса. И вот в конце апреля следующего года Кастро совершил знаменитый свой, почти сорокадневный визит в Советский Союз.

Как понимал Николка, опасаясь покушений со стороны американцев — запросто и самолет могут сбить, с них станется! — Фидель Кастро летел с остановкой в Мурманске. И то телерадио сообщили, видимо по той же причине, о прилете его только по посадке самолета в заполярной столице. Как с полетом Гагарина.

Николка, по своей обязанности заведующего радиорубкой включавший на большой перемене трансляцию мурманского радио, первым огорчился, услышав о прилете Фиделя в Мурманск, где он сделает остановку и выступит перед жителями первого для него советского города на стадионе. Огорчились и другие ребята из старшеклассников: знай они хоть завтрашним днем о прибытии кубинского Вождя, так сегодня с утра, плюнув на уроки, в лучшем случае неубедительно сославшись на простуду в холодрыжной здешней весне, смотались бы в Кислую, сели на мурманский катер и за девяносто копеек, с хоровым пением — «слышишь чеканный шаг — это идут барбудос» — помчались бы курсом строго зюйд к точке назначения, где от слияния рек Колы и Туломы начинается Кольский залив и раскинулись по прибрежным сопкам и ущельям дома областного города. В основном пятиэтажные — «Пятиэтажный город» — вспоминал в таких случаях название романа известного латвийского писателя Вилиса Лациса*, книга которого с маячных времен имелась дома; ее Николка не менее двух раз в год перечитывал... Это о буржуазной Риге довоенных времен. Через КПП причалов в Кислой губе Полярного и Мурманска старшеклассники гордо проходили, показывая новенькие зеленые паспорта с известным штампом в графе специальных отметок, а Николка предъявлял свидетельство о рождении, местом которого была указана Белокаменка — на полпути между Полярным и Мурманском. Лишь немногие беспаспортные сверстники его имели подобные указания — из «коренных». Все остальные могли выбрать из Полярного только с родителями...

Увы, такое счастливое свидетельство о рождении здесь не помогло. Поэтому выступление Фиделя Николка слушал в радиорубке на всех переменах, после уроков бегом миновал сотни ступеней Чертова моста через распадок-каньон с ручьем Чайковский и продолжил слушать дома. По подсчетам Николки, героический Фидель говорил не менее шести часов. Тем более, что без перерыва, делая только паузы для переводчика. Говорил очень четко, ясно, легко переходя от яростных угроз американскому империализму к благожелательной благодарности братскому советскому народу и лично «дорогому Никите Сергеевичу Хрущеву». Николка особо не вслушивался в речь переводчика, но как-то целиком, без разбивки на слова и предложения понимал ее смысл. Тем более, что смысл этот крутился вокруг трех главных тем... или моментов: американская угроза вернуть народ к нищете и угнетению, братская советская помощь (Николай Андреянович тотчас вспомнил кубинскую медаль и гра-

^{*} В 50—60-е годы Вилис Лацис являлся председателем Верховного совета Латвийской ССР.—Прим. авт.

моту за подписью Рауля Кастро — военного министра, что видел дома у Артура), счастливое социалистическое будущее героического кубинского народа. Под конец же многочасового выступления Фиделя Кастро Николке показалось, что уже без перевода понимает испанскую речь. Ориентировался он на знакомые слова: венсеремос, патриа о муерте, компаньерос, контрас и гусанос, но пасаран, американо империализмо, социализмо и коммунизмо, вива Куба — вива советика! и еще с десяток других. Даже не зная смысла всех промежуточных слов, по знакомым ему и изменяющейся интонации Фиделя Николка начал, опережая переводчика, понимать содержание речи.

Вечером по мурманскому телевидению — а другого в области и не было — в новостях забыли напрочь про вечное соцсоревнование по вылову рыбы между Тралфлотом и Сельдяным флотом же, а все время, да еще с солидной прибавкой из следующей по программе передачи, отвели выступлению бородатого Фиделя на стадионе. Хотя стояли последние дни апреля, но солнце уже с видимой неохотой уходило на ночь за горизонт, утром вставая на востоке из глади Баренцева моря, а вечером опускаясь в него на западе, однако поднималось в полдень еще невысоко, скользило по покрытым снегом пологим верхушкам сопок. С вечно холодного — не зря же поморы звали его Студеным! — Баренцева моря тянуло в Кольский залив, доходило до Мурманска ледяное дыхание Арктики. Светло и холодно — так учился понимать весну в смене времен года дошкольный пацаненок Николка. Вот и сейчас видел он на экране домашнего телевизора марки «Старт-2» впритиску заполнивших ряды стадиона людей в верхней одежде, мужчин в шапках или кепках, женщин в платках, беретах, редко в шляпках. И Фидель Кастро, прилетевший из своих тропиков налегке, стоял перед микрофоном тоже в подаренных ему шапке с кожаным верхом и канадке*. Таким он Николке — Николаю — Николаю Андреяновичу и запомнился. И один вопрос его мучил: как Фидель без перерыва так долго говорит и не закуривает свою знаменитую — по плакатам и иллюстрациям в «Огоньке» и других журналах — сигару?

◆ Бородатый Фидель во флотских шапке и канадке, когда оператор показывал его во весь кадр, словно копия отца его Андреяна, что по переезду в Полярный в морозные дни ходил на работу в дэкаф в такой же одежке. Не говоря уже о его старообрядческой бороде. Как два брата-близнеца. Даже небольшая испанская горбинка носа Фиделя копировалась у отца такой же — след легко чиркнувшего пониже переносицы тупого осколка немецкой авиабомбы, сброшенной обычным гостинцем на пустынный скалистый остров Торос, где только вышка поста СНИС'а и одноэтажная казарма при нем. Но все это значилось на гитлеровских оперативных «трехверстках», поэтому и приказ люфтваффовцам, летящим бомбить Мурманск: непременно сбросить на пост одну экономную бомбочку кило на пятьдесят... К их огорчению, но к удовольствию торосовских снисовцев, за всю войну пост и казарма не пострадали. Но осколки свистели, вот и старшине поста Андреяну слегка нос подпортили.

...Словом, сходство полное. Даже десятилетняя разница в возрасте — Фидель помоложе — в этих годах да при бородах неразличима.

А в памяти Николая Андреяновича этот фрагмент воспоминания затенился более поздним, когда они с Артуром приятным августовским днем решили несколько отдохнуть, взяли с полудня «колхозные» отгулы и через полчаса были уже в центре города. Артур предложил начать по-кубински. Купили по сигаре маде ин Остров Свободы в первом попавшемся на пути киоске и вошли в ресторан, названный в честь затхлой речки, пересекавшей город, где недавно открыли новомодный бар с подачей единственного сомнительного коктейля с импортным наименованием «джус».

^{*} Зимняя одежда военных моряков в северных широтах: кожаная овчинная куртка с умеренно стриженным мехом изнутри, единая с таким же глухим капюшоном и плотным поясом на одну треть бедра длины. Куртка и капюшон застегиваются молнией. Поверх кожа покрыта водонепроницаемой лаковой краской. Обезьянничающие «с Америки» телерадиоведущие именуют ее «аляской».— Прим. авт.

Уселись на высокие стульчаки у стойки, задымили «малыми гаванами», потягивая через трубочки смесь водки с «червивкой» местного совхозного производства, что разбитной бармен Сева разливал из бутылок с красочными иностранными наклейками. Под сигары и разговор само собой настроился на кубинские темы. Артур, не хуже Фиделя, мог часами вспоминать свою тамошнюю службу.

- ... Ты думаешь, Андреяныч, что Куба только совершенно ненужным нам тростниковым сахаром, ромом «Негро» и сигарами, которым наши мужики явно предпочитают «беломор» и «приму», а *антиллигенты* болгарские с фильтром, расплачиваются за содержание ее на балансе Советского Союза?
- Почему, еще сигаретами «Ким» и «Партагас» по пятнадцать копеек пачка. Впрочем, их у нас тем более не курят: табак вирджинский, а мы привыкли к турецкому, выращенному в Абхазии и Молдавии.
- Вот именно. Нет, их равноценная помощь нам кубинские дивизии в Африке от Мозамбика и Анголы до Эфиопии, где они основная наша боевая сила в советских зонах влияния.

Николай тотчас вспомнил фотостраничку из «Огонька», висящую на стене у рабочего стола и кульмана Артура: на фоне закатного африканского солнца, в пустыне, у распахнутого входа в шатер бедуина сидят на коврике, скрестив ноги, Фидель Кастро с неизменной сигарой, но уже «большой короной», и самопровозглашенный восьмой пророк аллаха, полковник Муаммар Каддафи, руководитель Ливийской Арабской Социалистической Джамахирии.

- ...Кончено же и влияние через Кубу на Латинскую Америку. Тот же Че Гевара как пробный ход. И много всего другого, о чем, как говорится, в газетах не пишут и по телевизору не показывают.
 - Да-а, компаньерос Артуро, кубинцы это сила!
- Ха-ха, вспомнил вот про силу. Эти все латиносы, конечно, ребята крепкие, но под южным солнцем несколько флегматичными вырастают. Не умеют, как наши мужики, в полную силу напрячься. У нас, у локаторщиков, была такая тренировка: вроде как дизель-генератор мощу сбавил, нельзя развернуть антенну на нужный курс движком, следует вручную ее крутить. Вот наши кубинцы по пять-шесть-семь бойцов навалятся на раму решетки антенны и еле-еле до нужного румба доведут. Потом на травку прилягут, пот с них градом. Мы же для смеха зовем Санька, он из трактористов колхозных, тамбовец из Вердеревщинского района. Тот ухмыльнется, подойдет к антенне, напружинится так, что бицепсы едва не рвут короткие рукава рубахи, секунда-другая и пошла родимая! Сначала еле заметно глазам, затем подшипники опоры застучат, и поехала антенна по кругу. Кубинцы наши в полном восторге, мол, гигантиссимо Санья! А в субботу идем строем, оба отделения, наше и кубинское, в баню на окраине городка. Без парной, конечно, у них этого в заводе нет — без того солнце круглый год парит! Моемся; у Санька предмет-то, как говорится, среднестатистический, а у кубинцев, мулатов в особенности, такие болты! Теперь они дружелюбно смеются, как же ты, Санья, махе своей угодишь! Давай-ка, Андреяныч, допьем эту ебурлыгу, сядем в зале за столик и бутылочку беленькой из холодильника закажем. Под селедочку. А там по накатанной пойдет.

...Все же после репортажа со стадиона с выступлением Фиделя теледикторша перешла к соцсоревнованию между тресковым и сельдяным флотами, к увеличению производства в Оленегорске рудных окатышей для Северной Магнитки в Череповце и объема добычи апатита и нефелина на плато Расвумчорр и Кукисвумчорр. Николка отсел от телевизора в угол комнаты, начал ловить по приемнику вражеские голоса: что они думают-полагают насчет приезда Кастро в Мурманск?

Однако сквозь завывания мурманской глушилки голоса эти как-то вяло и неохотно сообщили о внезапном визите главного кубинского коммуниста в СССР, а затем, не хуже мурманской телеведущей, перешли к вечно злободневному: о преследовании советскими властями Андрея Синявского*, диссидента и талантливого писателя, издающего на Западе книги под псевдонимом Абрама Терца.

◆ Если во время кубинских событий осени прошлого года все внимание и мысли Николки были заняты день ото дня пустеющими пирсами Полярного и чистой гладью Екатерининской гавани, на рейде которой не стоял ни один корабль, то после выступления Фиделя Кастро на мурманском стадионе его охватило доселе незнаемое чувство восторга. Особенно когда ближе к концу мая, в оставшиеся до конца учебы дни, в почти начавшемся полярном дне, после уроков забежав домой подхарчиться, Николка уходил в сторону столь памятной по маячной жизни на Большом Оленьем переймы. С уже забытой тоской по далекому дому, только с ее отголосками в памяти, спускался он на плавучий якорный бревенчатый причал, покачивающийся на легком волнении в проливчике, соединяющем восточную часть Екатерининской гавани с Кольским заливом. Постояв, поднимался по лестнице на шарнирах, брал вправо и заправским альпинистом за десяток минут взбирался на верхушку горы Энгельгардта, самой высокой сопки, с которой как на ладони, прямо под ногами, открывался вид на город с его домами и пирсами с кораблями, Екатерининскую гавань и южный берег Екатерининского острова — почти сплошь скалистый, обрывом уходящий в воду.

И вид этот непроизвольно вызывал в нем это самое чувство восторга, до озноба в теплый день, до щекотания щек вроде как ветерком в совершенно тихую погоду — а это к щекам и лбу приливала горячая кровь. Все по причине внезапного восторга. Какая же мощь собрана у пирсов и на рейде гавани! И это всего лишь эскадра подлодок и надводные корабли третьего класса** — более крупные на просторном рейде Североморска. А еще многие, менее крупные оперативные базы по всему северному и Терскому, то есть восточному, берегам Кольского полуострова и далее по берегам Белого моря, и еще дальше в восточную Арктику, в Карское море... Но главная, быстро нарастающая сила Северного флота — это построенные в Северодвинске атомные подводные лодки, что базируются неподалеку от Полярного в гу́бах Кольского залива, севернее его по левому берегу. Те самые, вместо которых Хрущев, перепутав их по слабому знанию флотских дел с дизельными подлодками с атомными торпедами, и послал на Кубу бригаду Агафонова: четырьмя лодками противостоять всему Атлантическому флоту Соединенных Штатов. Вот в память-то врезалось!

Но ведь тем не менее и Северный флот не последнюю роль сыграл в мирном разрешении кризиса вокруг Кубы? Усмехнувшись, Николка вспомнил известную на флоте байку, что слышал от Сереги Иевлева, в которой вольно расшифровываются принятые сокращенные названия: $C\Phi$ — современный флот; $T\Phi$ — тоже флот; $\Psi\Phi$ — чи флот, чи ни флот — много украинцев на него призывают, потому и «под мову»; $\Phi\Psi$ — бывший флот. Как пояснил Серега, даже и не североморцы изобрели эту присказку! А значит, действительно Северный флот самый мощный в стране. Оно и понятно даже восьми-класснику: именно Ψ

Мощь флота — обороняющая сила страны, но главное, не только и не столько оборона, но наступление на весь империалистический мир, опережающее наступление, если обстановка становится совершенно нетерпимой. Как и было в случае с Кубой, нашими атомными ракетами на ней и участием Северного флота. И вывод созрел в голове Николки: ради такого государственно важного дела и возникла, и поддерживается полнокровная жизнь на скалах этих первобытно диких мест... При всем чисто русском бардаке, говоря словами отца, как в случае с бригадой подлодок Агафонова! Вот притча-то во языцех?

^{*} Вроде как будущий министр культуры в Израиле? — могу по давности лет и ошибаться...— Прим. авт

^{**} По принятой в военно-морском флоте классификации: корабли первого ранга суть крейсера, бывшие линкоры и нынешние авианосцы; второго — эсминцы, большие противолодочные корабли... Сейчас все эти названия переведены на «американский язык».— Прим. авт.

Если бы только с этой бригадой? Те подлодки как отчалили от пирсов Полярного, так к ним и вернулись в целости и сохранности. Ребята в школе говорили со слов отцов-подводников: кто с наградами и повышением в звании, а иные с распеканиями в штабе... Не раз слышанное Николкой, опять же явно со слов гражданских, что, мол, флот нужен в мирное время, а для войны он слишком красив и дорог, никак по его размышлениям не относилось к подводным лодкам. Для них ведь вовсе не примелькавшиеся слова, что у подводников вся их служба как непрекращающаяся война. Те же дизельные лодки в дни кубинских событий; как совершенно откровенно, ни капельки не рисуясь, говорил главстаршина Гриша: «А мы, затаившись на предельной глубине погружения, замерев на своих боевых постах, в полной тишине считали удары болванок о палубу. И каждый отгонял мысль: а если следующая не с песком будет? Вот, Коль, и думай: война это или еще условно мирное время?».

А когда зимой прошлого года в один день сразу несколько учительниц появились в черных платках-повязках? — Все знающие старшеклассники поговаривали о подлодке С-80, не вернувшейся с дежурства на северном стыке Баренцева и Норвежского морей и бесследно исчезнувшей. Но шепотом говорили. Даже вражеские голоса ничего не прознали. Вот и думай: на войну или в рядовой недальний поход выходила из Екатерининской гавани эта подлодка, уже не вернувшаяся на базу?

◆ «Чужую беду на бобах разведу, а к своей ума не приложу»,— говорила мать своей архангелогородской пословицей, если случалось какое происшествие, из ряда вон выходящее, вроде как напрямую тебя не касающееся, но оставляющее крепкий след в памяти

Так и Николка, остро воспринимающий все события в городе, во флотской жизни, полагал: в Полярном корабли на приколе, пришвартованы к пирсам, стоят недвижно, двигатели давно уже солярки не пробовали на вкус, даже освещение от кабелей с пирса. Экипажи же подлодок, кроме дежурной команды, и вовсе перебрались в большую, многоэтажную казарму подплава, в увольнение ходят, в дэкаф на танцы, там же кино смотрят, спектакли театра Северного флота. Летом и вовсе, купив вскладчину на малую компанию бутылку-другую водки — пятерик при госцене двавосемьдесят семь — по известным, передаваемым от призыва к призыву, адресам в Старом Полярном, в одноэтажных домах-бараках, отправляются в ближний загород, на поросшую вереском и вороничником пологую вершину невысокой сопки. Незаходящее солнце в зенит взошло, тишина и теплота, закуска от щедрот подплавского рациона: консервированные колбаса и сыр с тмином, калиброванная икряная вобла из жестяных банок, собственно красная икра, порционные бруски горького шоколада с хрустящими стенками-сотами. И под нее, родимую, драгоценную в официально «сухом» городе, самые задушевные разговоры годков по третьему году, в старшинских погонах, о не столь уж далеком дембеле. Э-эх! Жизнь прекрасна!

И в полярный день, и в полярную ночь, то есть по северному исчислению времен года, в медленно приходящую весну и стремительно наступающую осень — стоят в Полярном эскадра подлодок и бригады надводных кораблей, жизнь на них размеренна, хотя и готовы выйти в море по приказу в сроки, установленные флотским регламентом. Война войной, а обед по расписанию. Хотя в данном случае наоборот. Трудно представить: что может случиться с той же подлодкой, пришвартованной к пирсу? Неважно каким номером: первым, вторым или третьим.

Увы, очень даже может. В этом Николка, весь Полярный горестно убедились... да что там Полярный — весь Северный флот, флот страны. И случилось это за десять месяцев до кубинских событий, а еще точнее — ровно в половине девятого условного утра (полярная ночь в апогее!) одиннадцатого января шестьдесят второго года. Первый учебный день после длинных, долгожданных новогодних каникул. Их седьмой «бэ» класс сонно позевывал, отвыкли за каникулы спозоранку с постели вставать в полную темень на улице, ждал на первый урок Марию Ивановну, что через год станет директором школы, учительницу русского языка. В половине девятого прозвенел

звонок, дверь ушла внутрь коридора, отворяемая дисциплинированной в части времени и всего остального школьного... и, словно тоже сверившись со школьным расписанием, страшенный грохот, резкий и короткий, без последующих раскатов, как то бывает при взрывах на море, потряс школу. Парты содрогнулись, хлопнув крышками, паркетный пол ощутимо ударил по стопам ног, зазвенели осыпавшимися осколками разбитые взрывной волной оконные стекла. В ту же секунду погас свет во всем городе: сплошной мрак за разбитыми стеклами окон.

По стенам, потолку, партам забегали лучи фонариков: в полярную ночь выйти без него из дома все одно как с завязанными глазами. А Мария Ивановна не то что тревожным, но каким-то глотающим голосом спросив, не ранен ли кто оконными осколками, велела, не толпясь и начиная с левого ряда парт, выходить в коридор, который скоро наполнился как на школьной линейке, только вразнобой. Стекла в окнах коридорной стороны целы — взрывная волна ударила по фасаду школы. От обилия включенных фонариков стало почти светло. И уже на их третий этаж поднялись завуч с физруком Ремом Давыдычем, который старшинским зычным голосом отдавал распоряжения от директорши: «Спокойно себя держите! Это не атомная война, а авария в подплаве. Покидаем школу в организованном порядке. Сейчас выходят первый и второй этажи, а по моей команде и вы пойдете по обеим боковым лестницам. Сразу идите по домам, чтобы родители не волновались. У кого нет фонариков и девочки скооперируйтесь с другими, которые со светом и поблизости живут. Разбираться будете в раздевалке, там свечи зажжены. Стекла не скоро вставят — по всему городу побиты. О начале занятий по городской радиотрансляции объявят, а у кого дома телефоны имеются, то еще и из школы позвонят. По цепочке друг другу сообщите. Сейчас ждите команды на выход. На всякий случай от окон отойдите и стойте к ним спинами. Все! Без паники».

Подсвечивая путь фонариками, Николка и ребята, проживавшие в Старом Полярном, в полной темноте и тишине вокруг, дошли до Чертова моста, спустились-поднялись по сотням его ступеней. Сразу после моста он свернул налево, где на пологой сопке вразнобой расположились финские домики на одну-две семьи, что вместе именовались улицей Сивко, героического матроса военных времен. Оказалось, что в Старом Полярном все окна целы: от ударной волны эту часть города защитила сопка, начинавшаяся сразу от пирсов подплава. Дома мать уже зажгла на кухне керосиновую лампу, а в большой комнате неровно попыхивала свеча — все атрибуты бывшего маячного быта. Отец на кухне пил чай, ему идти в дэкаф во вторую смену. Равно как и младшим братьям в школу. Потому они еще дрыхли. Дом, как сказала ему мать, хорошо тряхнуло и указала на известковую пыль на полу, просыпавшуюся с потолка. Приемник был включен: отец тоже хотел убедиться, что атомная война отсрочена. Эти слова он повторил через десять месяцев — после окончания Карибского кризиса. А Николка присоединился к братьям: улегся на постель и крепко заснул: крепкий сон все тревоги гасит.

◆ Хотя каникулы продлили еще на десять дней, но мало радости они принесли. В тот же день взрыва, ближе к двенадцати, когда подачу электричества в городе возобновили, а небо посинело от загоризонтных лучей невидимого солнца, Николка проснулся, оделся, вышел из дома и уже по освещенным улицам, Чертову мосту тож, прошел мимо школы на ближнюю сопку, с которой открывался широкий вид на Екатерининскую гавань: развороченные на сотню метров пирсы подплава, бегающие по разбросанным толстенным бревнам матросы, отрывистые команды, а главное, у самого разбитого пирса, в паре-тройке метров от него, страшно и молча, как по команде «смирно», замерла в угольно-черной воде поднятая кормой вверх взорвавшаяся подлодка. А в десятке метров другая лодка, стоявшая у пирса вторым номером к взорванной, уже затонувшая с дифферентом на корму, а на поверхности виднелась небольшая часть носа. И еще косо поднятый перископ. Возможно оставшиеся в живых моряки подняли его, чтобы разобраться: что наверху происходит? Осмотреться, говоря по-флотски.

Вечером, опять же условным, Николка с братьями отправился в конец улицы Советской, где за бревенчатыми домами почты и инфекционного отделения районной больницы раскатанный спуск с сопки — вся ребятня Старого Полярного собиралась здесь с санками. Как раз на углу почты Николка, заворачивая, налетел на матроса с двумя лычками на погонах, то есть старшину второй статьи. Тот торопливо шел со стороны Кислой губы, размахивая отпускным фибровым чемоданчиком. Несмотря на крепчающий к ночи мороз — на небе уже повисли потрескивающие струи северного сияния, — из-под шапки на лицо старшины натекал пот. «Парень, — остановился перед Николкой и спросил тревожным голосом, — правда народ в автобусе говорит, что тридцать седьмая буки взорвалась?»

Николка, уже знавший, что взрыв произошел на подлодке Б-37, буки-37 пофлотски, Балтфлота, а затонувшим вторым номером была С-350 Северного флота, кивнул головой. Старшина громко и судорожно втянул носом морозный воздух, закашлялся: «Как же... годки там мои, а я из краткосрочного, да на сутки опоздал,—прерывисто и растерянно заговорил он,— дорогу от нашего села до райцентра замело, опоздал в Киров на поезд...». Вышедшие с почты две пожилые женщины остановились, прислушиваясь. «Второй раз, парень, родился»,— сказала одна из них, сочувственно коснувшись рукой рукава матросской шинели. Старшина непонимающе посмотрел на нее, снова втянул носом, сглотнул и скорым, в то же время неуверенным шагом направился в сторону близких проходных подплава. Другая же женщина покачала головой, обращаясь к товарке: «И не говорите, Светлана Федоровна, конечно, раз так парню в жизни повезло, но долго будет маяться: все погибли, а он живой. Опять же случай — не опоздай из отпуска, так со всеми бы... Молодой еще, не научился свою жизнь ценить. А раз цел остался, так сначала особисты на нем отыграются, еще что-нибудь придумают».*

Невеселое продолжение зимних каникул в нахмурившемся Полярном, городе подводников и братской могилы почти восьми десятков погибших, которую вырыли экскаватором на городском кладбище в Кислой губе, а гробы складывали в несколько рядов друг на друга. Весь экипаж тридцать седьмой, бывший на борту, а он был там весь, исключая отпускников и находившихся в увольнении, поскольку лодка готовилась к перешвартовке с последующим выходом в море, оказался в тех гробах. В той же самой могиле навеки остались десяток моряков с С-350 и еще почти столько же с других подлодок, резервного экипажа и береговой базы четвертой эскадры: кого осколок-обломок задел на пирсе, другие погибли в неразберихе первый минут спасательных действий.

...Вернувшись с братьями домой, Николка за ужином рассказал матери о встреченном у почты старшины с взорвавшейся подлодки, что из-за непогоды в далекой Кировской области на сутки опоздал на встречу... со своей смертью. Мать повздыхала, даже на минутку пригорюнилась. Сказала, как всегда, загадочно по-своему, по архангелогородски: «За тюрьму, за суму, да за богадельню — не ручись, а костлявая с косой и сама найдет своего избранника». Убирая со стола посуду, сказала в сторону Николки, допивавшего чай с печеньем и сгущенкой: «Ужо отец придет из дэкафа, может что расскажет».

В большой комнате брательники, бессмысленно радуясь продолжению каникул, смотрели телевизор. Николка ушел в общую с ними комнатку, лег на свою кровать, раскрыл на заложенной странице «Записки охотника». Мария Ивановна, выводя при свете карманных фонариков ребят из класса в коридор, все же не преминула сказать, чтобы использовали эти дни с пользой для учебы: читали рекомендованные по списку книги.

^{*} Действительно, придумали: нескольким оставшимся в живых матросам с Б-37 (отпускникам, имевшим суточную увольнительную в Мурманск) поручили самую страшную работу: по частям разорванных тел уточнять списки погибших...—Прим. авт.

Через завешанный портьерой вход в спальню ребят донеслась музыкальная заставка последних известий. А какие известия у вражеских голосов? Николка отложил книжку Тургенева, вышел в большую комнату, уменьшил громкость телевизора, включил приемник. За окнами вовсю разбушевалось северное сияние, которое в невольном союзе с мурманской глушилкой забивало мерзкие для слуха голоса дикторов на службе империализма. Но вот один такой на пару минут прорвался: «...На Северном флоте Советов, в закрытом городе Полярном сегодня произошла крупнейшая за последние годы катастрофа, приведшая к взрыву и затоплению у пристани («пирсов, дур-рак!» — мысленно поправил Николка) двух подводных лодок». В этот момент северное сияние за окном расцветило все небо, а треск его и глушилки в Мурманске прервали забугорный голос. Только через пару дней, когда ионосфера прочистилась от северных сияний, Николка уловил вражеский голос, вещавший с претензией на основательность рассуждений, что катастрофа в Полярном наиболее существенная после взрыва линкора «Новороссийск» в Севастополе.

◆ Когда через десять дней после страшного происшествия Николка пришел в заново остекленную школу, то узнал от ребят, особенно от таких авторитетных как Серега Иевлев и сына контр-адмирала Юдина, начальника штаба 4-й Краснознаменной ордена Ушакова 1-й степени эскадры подлодок, много нового о взрыве у пирса пятого причала подплава, где лодки затариваются торпедами.

Оказывается, Б-37 готовилась к выходу в море для выполнения специального задания, даже двух: дойти до Новой Земли и выстрелить атомной торпедой (такие загружали в лодки не в Полярном, в другом, безлюдном месте, по пути следования) в береговую мишень; это, как бы подкравшись под водой с южной стороны острова Лонг-Айленд на траверсе берегового городка Лонг Бранча, дать залп атомными торпедами по Нью-Йорку... После чего, уже не возвращаясь в Полярный, следовать на дежурство в Карибское море: кризис вокруг Кубы готовился загодя, то есть лодки четвертой эскадры еще с конца шестьдесят первого сменяли друг друга в тех местах. А атомные торпеды — те самые, которые колхозник Никита спутал с атомными подводными лодками... Поэтому-то к утру одиннадцатого января злосчастная буки-37 стояла у пирса с полным боекомплектом обычных торпед и с экипажем на борту.

Но самое поразительное, как узнал Николка, что единственным в живых из находившихся на лодке в момент взрыва оказался... ее командир, кавторанг Анатолий Степанович Бегеба, отец его одноклассницы Лены. Саму ее, понятно дело, никто не расспрашивал. В таких делах любопытство неуместно; дети рано усваивают флотские традиции. Тем более, что сам кавторанг еще находился в госпитале со сломанными ребрами. Но многие ребята доподлинно знали от флотских своих отцов обстоятельства. Минут за десять до взрыва в носовом торпедном отсеке внезапно начался пожар. Командир находился на верхней палубе, собираясь спуститься в центральный пост, но резко поваливший из входной шахты ядовитый густой дым отрезал этот путь. Бегеба, скоренько позвонив с причального телефона в штаб — сообщил по инструкции о пожаре, вернулся бегом на лодку и направился на корму к аварийному люку. Только через него единственно можно было спуститься в один из отсеков, а дальше действовать по обстоятельствам. Но здесь взрыв сбил его с палубы в воду. Он сумел, несмотря на сильную контузию, схватиться на что-то выступающее в стенке неразрушенного участка пирса.

— Так что собственно со взрывом, раз всю носовую часть до рубки разворотило, а у спешно отходящей эс-триста пятидесятой прочный корпус * пробило? — спросил Николка Серегу, почти все знающего от отца, не последнего человека в четвертой эскадре.

^{*} У подводной лодки два корпуса (конструкция «матрешки»): внешний «легкий» и внутренний — прочный; концентрическая полость заполняется забортной водой при погружении, которая вытесняется сжатым воздухом при всплытии.— Прим. авт.

- Ни много, ни мало, но сдетонировали все двенадцать торпед полный бое-комплект носового отсека. А это где-то под пять тонн специальной взрывчатки, что в пару раз мощнее динамита с тридцатых годов состав ее никому из западников не удалось установить!*
- Но ведь для такой детонации должен быть первичный взрыв той же торпеды, одной из двенадцати: стеллажной или которая уже в аппарате?
- Однозначно от нагрева в пожаре,— с нарочитой серьезностью ответил Серега явно со слов отца,— а отчего пожар? А гореть там есть чему. Меня в прошлом году батя сводил на свою лодку, так в торпедном отсеке единственно что сухого хвороста нет! Стеллажные же торпеды в смазке, тряпки какие-то... Отец говорит, что следствие только началось, а уже два десятка версий на слуху. Есть и совершенно нелепые, будто матросик, вечная ему память, паяльной лампой заваривал трещину в корпусе стеллажа с торпедами, что при погрузке образовалась. Чушь, конечно! Здесь что-то посущественнее.
- А верно, что сам командующий ВМ Φ из Москвы к вечеру одиннадцатого января в Полярный прибыл?
- Верно, был Горшков. Большой сбор с разносами в подплаве устроил; понятно, батя мой там находился. В госпиталь к раненым заходил, а Бегебе вроде как сказал, что его место не на больничной койке, а в Кислой губе быть захороненным вместе с экипажем... Ну-у, его, Горшкова, тоже можно понять. Его ведь самого и минобороны Устинов, а в цека и Хрущев по головке не поглядят, медовым пряником не попотчуют...— Серега на секунду замолчал, но честно сознался,— отец так говорил. Смотри, Ленке про Кислую не сболтни, она и так не в себе. Как бы отца ее под трибунал не подвели! Но флотский его рост при любом исходе остановлен. А ведь многие в подплаве ему завидовали: глядишь, через год стал бы каперангом в тридцать шесть лет! Это по флотским меркам гарантированный запас для адмиральской звезды...

Опять Серега перешел на пересказ слов отца.

◆ Но то ребята меж собой передавали услышанное от отцов, вернее подслушанное, когда те, улучив свободный вчер, собирались на кухне помянуть экипаж буки-37 и других подплавовских моряков, ныне неуютно покоящихся в Кислой губе в мерзлой земле в ряд на ряд сложенных домовинах. Так мать их называла, избегая страшного слова гроб. Понятно, что жителям Полярного, да и неподплавовским мореманам даже намеком никто о возможных причинах взрыва в Екатерининской гавани не говорил. Поскольку же во дворе дома, что позади Циркульного, в землю врезалась и стоймя торчала половина разорвавшегося баллона со сжатым воздухом, а вторая пробила крышу другого дома и покалечила ноги спящей маленькой девочки**, то по городу гулял устойчивый слух: на лодке при погрузке переломился и взорвался такой баллон. Звучало правдоподобно: его объем и давление сжатого воздуха в пятьсот или даже в тысячу атмосфер могли снести перегородки между отсеками и сдетонировать торпеды.

Все страшное, опасное, тоскливое забывается. И тем скорее, чем меньше об этом вспоминают, вообще говорят, тем более единственный рупор пропаганды — вражеские голоса — успешно забивает мурманская глушилка. Так и со взрывом в Екатерининской гавани. Уже на следующий день все рваные железяки, порой весом близко к тонне, разбросанные взрывом по Новому Полярному, даже до подстанции, что за городской чертой, долетавшие, отчего и электричество на время отключилось, были убраны. К остеклению домов привлекли всех, кто имел понятие о таких делах: от

^{*} В 1990-е годы, как и многое другое, перестало быть секретом.— Прим. авт.

^{**} Девочка выжила, лучшие ортопеды страны буквально по осколкам собрали ноги. Она живет в Полярном, является председателем городского общества инвалидов. Судьба ее подробно описана в книге «Черная эскадра» (2003 г.) известным писателем-маринистом Николаем Черкашиным, служившим на четвертой эскадре в семидесятые-восьмидесятые годы.— Прим. авт.

гражданских работяг до стройбатовцев. Остатки буки-37 на понтонах куда-то буксиры оттранспортировали; эс-триста пятидесятую на ремонт в Палую губу на завод таким же образом доставили. Скоренько и бревенчатые стены пирса пятого причала заново сколотили, причальную площадь заасфальтировали. По прошествии принятого времени и женщины в черных платках, в школе две учительницы в черных повязках на головах, перестали встречаться на улицах города. А завершившая свое климатическое дежурство полярная ночь, неясные веяния близкой весны, мартовские школьные каникулы и вовсе выветрили из ребячьих голов события того страшного и грозного январского дня, вернее утра.

К лету, летним длиннющим каникулам и долгожданной поездке семьи на Большую землю, еще именуемую Средней полосой, и вовсе спасительное устройство человеческого мозга не оставлять в голове надолго память о неприятном пережитом вытеснило мрачное видение: морозное темное утро середины зимы, развороченный бревенчатый причал, впритык к нему торчащая вертикально вверх корма одной подлодки, а в нескольких метрах краешек носа затонувшей на мели, на которую успел оттащить подлодку буксир, другой.

Июнь и июль в «отпускной» калужской деревне на высоком берегу Угры, недалеко отсюда впадающей в Оку, и вовсе убрало память о катастрофе. Благо в избе отцовой сестры Настасьи имелась только радиоточка районной трансляции, по которой вражеские голоса не распространялись. Так что и им не удавалось потревожить Николку занудливым подъелдыкиваньем о «самовзрывающихся в мирное время подлодках Советов».

Возвратились в Полярный. И это неплохо: август — самый тихий, солнечный и теплый, не жаркий! — в Кольском Заполярье. Одно удовольствие ребятам бродить по окрестным сопкам; морошка уже отошла, но черники и голубики завались! А еще лучше с ижевской двустволкой отправиться на городскую свалку, что разумно устроена на обширном болоте, все отходы жизни Полярного, привозимые самосвалами, в нем тонут. По берегам же стаи крупных северных куличков порхают. С такой ближней охоты возвращался Николка с десятком птичек, из которых мать варила немыслимо вкусный суп, что разливала по тарелкам с «порционным» куличком... Август он и на арктическом берегу август: тепло, уютно и никаких уроков! Только чтение книг по долгим еще вечерам.

Поскольку большинство одноклассников отсутствовали в Полярном — городские еще не вернулись с Большой земли, а интернатские только к первому сентября из своих поселков, рыбколхозов и военных «точек» соберутся, — то и новостей никаких. Оно и спокойнее порой, ведь новости могут и тревожными быть, либо и вовсе пустыми. «Слышали вести — украли петуха с насести!» — как обычно, по-деревенски, смеялась мать над иной нелепостью.

Но отец в первый же свой рабочий день принес из дэкафа новость, подробно обсказанную ему Варварой Пантелеевной, которую он для краткости называл заглаза Пантелеевной. Главное, она всегда была в курсе новостей и не имела обычной бабской привычки перевирать их.

◆ Оказывается, отца Лены, чудом оставшегося в живых командира взорвавшейся подлодки, отдали под суд трибунала Северного флота. Кто этого потребовал: командующий советским флотом Горшков, министр обороны Малиновский, в цека так решили, может сам Хрущев, или решило сделать Анатолия Степановича Бегебу «стрелочником» командование флота в Североморске? — этого даже всезнающая Варвара Пантелеевна не могла предположить. Отец же, пересказывая Николке, выразился так, что в военное время флотские начальники, конечно, сидят на своем месте по праву и дельно командуют, не перепихивают друг на друга неприятности, не сваливают на подчиненных вину за исход своей неправоты, словом, на службу не набиваются, от службы не отбрыкиваются. Даже политотдельцы от демагогии часто переходят к по-

лезному делу. «Но вот в *мирное* время, Колька, как будто не в своей тарелке начинают себя чувствовать, словно постоянно ходят в ботинках на два размера меньше. Сами себя начинают опасаться: как бы чего не вышло? А политотдельцы и вовсе к своим прямым обязанностям возвращаются: ленинские комнаты оформлять, руками матросов, конечно, и про мудрую политику партии и правительства проповеди возглашать. Должно быть оттого, что военный человек для войны и создан, а в мирное время как одетый в бане...».

Николка правильно понял несколько цветистую речь отца: на полке одежного шкафа еще оставалась пара-тройка бутылочек «отпускной», из Мурманска захваченной. Вот и баловал себя по маленькой после работы, перед ужином... Раз есть чрезвычайное происшествие, так должен найтись и «стрелочник»!

Судили кавторанга где-то в середине июня, когда Николкино семейство уже в Дворцах вторую неделю находилось. По словам Варвары Пантелеевны выходило, что трибунал Северного флота прибыл в Полярный, где и происходил суд, понятно, без лишних глаз и ушей.* Кто бы и что бы «в верхах» флотских не ждал от трибунала, но тот командира лодки оправдал полностью. Подробностей Варвара Пантелеевна не ведала — дело-то сугубо секретное. А с началом занятий в школе Николка узнал от Сереги Иевлева, что Бегебу «на всякий случай» перевели служить в Баку, в тамошнее военно-морское училище, готовить кадры для Каспийской флотилии — преподавателем. Больше до выхода на пенсию с берега не отпускали. Серега предположил, что тем самым «верхи» вроде как условно и назначили его «стрелочником»: на безрыбье и рак рыба. Опять же такая традиция на флоте есть: уцелевшего командира погибшего корабля избегать на такую же должность ставить. «Это, Никол, не авиация, где пилот сам себе начальник и подчиненный. Там наоборот по пословице: за одного сбитого двух несбитых дают!».

Но прошел год, другой, а Лена продолжала учиться в их классе. От одноклассниц, через третьи руки, слышал Николка, что Баку — это почти другое государство, с квартирами для военных там туго, поэтому пока не может семью перевезти. Только перед самым окончанием школы Лена с матерью уехали из Полярного — дали-таки полуопальному кавторангу квартиру в столице «разворованной республики» — так во вражеских голосах именовали Азербайджанскую советскую и пр. Впрочем, к кавторангу Бегебе это никакого отношения не имело. Вражеские же голоса в эти годы привлекали на службу эмигрировавших из страны — через дурдом Кащенки — диссидентов, которые, как литераторы по преимуществу, любили порой вставить парутройку пословиц русской народной мудрости. Вот и говоря о воровстве и партийном кумовстве в Азербайджане, к месту, надо сказать, цитировали: «Не думай быть взяточником, думай быть возвратчиком!» или «Алтынного вора вешают, а полтинного чествуют». Видать, на прежней своей временной (от рождения) родине на досуге словарь Даля и трехтомник Афанасьева впрок почитывали...

И вообще с началом осени школьников все больше донимали уроки, а взрослых очень пакостная в сезоне этого года погода. Про взрыв в Екатерининской гавани совсем перестали говорить, тем более день ото дня разогревалась заваруха вокруг Кубы, а подлодки четвертой эскадры покидали пирсы Екатерининской гавани. Другие мысли, иные заботы, страхи — и все в полной неизвестности и неопределенности. Флот есть флот, тем более $C\Phi$ — современный флот, нацеленный на Америку.

യതയെ

^{*} Н.А. Черкашин в своей «Черной эскадре» сообщает, что Бегеба защищал себя сам, отказался от услуг назначенного трибуналом адвоката — женщины, более чем далекой от технической и прочей специфика службы в подводном флоте. Н.А. Черкашин в 90-е годы лично встречался с Бегебой.— Прим. авт. 116

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Илья Чесноков (г. Белгород)

КАРТОШКА В СМЕТАНЕ

Родился в Чимкенте в Казахстане. В 90-е годы публиковался в чимкентской прессе. В 2000 году переехал с семьей в Белгород. В 2001—2003 годы публиковался в газетах «Наш Белгород», «Белгородские известия», «Белгородская правда». В 2020 году стал многократным призером конкурса «Крылья Победы», как автор стихотворений на тему Великой Победы. Имеет публикации в журналах.

На юге Казахстана в конце лета особенно жарко. И жители Шымкента хорошо знают эти безжалостные знойные дни и душные ночи. Я до сих пор помню, как от жары асфальт под ногами становился мягким. Обернувшись, можно было увидеть отпечатки обуви. Желание пить сопровождало тебя с утра и до вечера. Трава полностью выгорала, превращаясь в буро — коричневый ковер. На бескрайних просторах казахстанской степи это походило на марсианский пейзаж. Лишь в центре города поливальные машины возвращали к жизни деревья, цветы и зазевавшихся прохожих. Днем люди старались меньше выходить из дома. И лишь к вечеру оживлялись дворы и парки. Горожане стайками устраивали у фонтанов семейный отдых.

А на Верхнем рынке люди были в любую погоду с утра и до закрытия массивных дубовых ворот, обитых железными полосами. Базарные сторожа выгоняли запоздалых покупателей и бездомных, для которых рынок был единственным местом пропитания и отдыха.

Рынки южного Казахстана — это места особенные. Сказать, что люди здесь занимались только лишь продажей и покупкой товаров, нельзя. Пройти через рынок и не купить чего-нибудь было просто невозможно. Здесь стирались грани национальностей и возрастов, религий и социального положения. Здесь командовали ароматы, яркие расцветки товаров и улыбки торгашей.

В воскресные дни народ за покупками валил валом. Маршрутные такси с раннего утра вышвыривали все новых и новых покупателей к центральным воротам рынка и тут же, чуть поодаль, заглатывали в себя десятки счастливых обладателей набитых баулов, коробок или джутовых мешков. Как и на торговых рядах, здесь подрабатывали зазывалами крепкого телосложения мужчины. Их задачей было как можно быстрее и плотнее набить в маршрутку пассажиров, вталкивая их сильными руками внутрь салона. Раскрасневшись и вытирая с лица пот чем попало, они орали что есть мочи:

Заходим быстрее! Маршрутка отправляется! Следующая не скоро!

Вдавив людей и защелкнув дверцу машины, они подходили к водителю, чтобы получить свою мзду. Отпив пару глотков кумыса и прожевав кусок лепешки, мужчины, оживленно размахивая руками, начинали спорить с конкурентами за право подрабатывать на этих злачных местах. Безработица уже уверенно ухватила за горло народ. Не только в городе, но и во всей области начались веерные отключения электричества и газа. Постепенно это становилось нормой. Дошло до того, что по утрам и вечерам свет давали только на два часа.

Немного ранее описываемых мною событий в районе частного сектора вдоль проспекта Коммунистический газ был отключен полностью. И через несколько дней люди не выдержали. Через заборы и калитки в вечернее время они начали забрасывать проезжающие по проспекту мимо них иномарки. Бросали все, что было возможно: палки, камни, железяки. На проспекте тут же образовались пробки. Водители выбегали из машин, начинали орать на всех диалектах в пять этажей. Но кого они могли поймать? Вдоль проспекта в полной темноте тянулись одинаковые заборы, за которыми ютились низенькие домики. Были попытки притащить в милицию нескольких подростков, но без веских доказательств их тут же отпустили. Так продолжалось несколько дней, пока администрация города была вынуждена дать газ в этот район, а также и электроэнергию бесперебойно.

А теперь мы вернемся к нашей истории. Заглянем внутрь самого большого на тот момент рынка. По своим размерам рынок занимал довольно внушительную площадь. На его месте могли бы уместиться несколько жилых кварталов. В центре его расположилась площадь, отданная торговцам арбузов и дынь. Эти бахчевые исполины завладели всем пространством, оставив узенькие проходы для покупателей, придирчиво осматривающих дары казахстанских полей. Можно было смело брать любой арбуз и не ошибиться в выборе. Маленькие, средние и огромные, арбузы были на любой сорт и вкус.

- Покупай арбузы, подходи, народ! Половина сахар, половина мед! кричали зазывалы, помощники торговцев. Они виртуозно подбрасывали вверх сочные плоды, похожие издали на пушечные ядра, ловили и тут же протягивали их покупателям. Горожане для пущей важности просили сделать в арбузе вырез, чтобы убедиться в спелости ягоды. Черный от солнца торговец засучивал рукава халата, протыкал ножом арбуз и тот мгновенно трескался пополам.
- Э, дорогой! Смотри! Арбуз, как песня, радость нам дает! улыбался он желтыми от курения зубами и ставил арбуз на весы. Привозя машинами арбузы и дыни, продавцы тут же рядом с ними и ночевали, пока весь товар не будет продан. Можно было уже поздно вечером, до закрытия ворот, разбудить дремавшего продавца и купить товар по сходной цене.

Дыни привозили как из южных районов Чимкентской области, так и из Узбекистана. Ташкентские дыни отличались размером, вкусом и запахом. Полуметровые дыни-торпеды продавцы аккуратно укладывали штабелями в тени деревьев или подвешивали их в сетки-люльки под навесами. Аромат этих чудных плодов проникал всюду, останавливая покупателей. Можно было, простояв рядом с дынями несколько минут, донести их аромат до дома.

Во второй половине девяностых усилился отток людей из Казахстана. Люди семьями уезжали из республики навсегда: в Грецию, в Израиль, в Германию, в Белоруссию, на Украину. В эти государства отъезды начались еще в конце восьмидесятых. В завершающем караване «ушельцев» были русские, выезжающие в Россию. Мы с женой и ребенком в этот процесс пока не были вовлечены. Мирно учительствовали, совершенствуя свой педагогический талант в стремительно изменяющихся условиях.

Больше часа мы с женой кружили по извилистым проходам и поворотам раска-

ленного под солнцем рынка. Прошли его весь вдоль и поперек. Земля под ногами дышала жаром. Накупив продуктов, мы решили возвращаться домой, и начали спускаться вниз к дороге. Почему вниз? Потому что Верхний рынок расположен на холме. Жили мы буквально в пяти минутах ходьбы от него и могли покупать здесь товары хоть каждый день. В конце девяностых именно на рынках покупатели могли найти любые товары по весьма доступным ценам.

Проходя мимо овощных рядов, которые располагались у самого выхода, мы услышали крики. Издали среди людского гомона трудно было разобрать: кто и что кричал. Я, опустив сумки на землю, остановился, прислушался и узнал голос дяди Коли, старшего брата моей мамы.

- Маша, подожди меня здесь, а я пойду узнаю, что случилось, сказал я жене.
- Нет. Я тоже с тобой, решительно ответила она.

И мы, подхватив сумки, устремились в сторону криков. Протиснувшись сквозь толпу, дошли до картофельных лавок. Около одной из них собралась небольшая группа людей. Теперь я точно узнал голос дяди, доносящийся откуда-то из центра.

Несмотря на жару, многие были тепло одеты в национальную одежду. Узбекские и казахские халаты ярко пестрели под лучами послеполуденного солнца. На головах мужчин красовались тюбетейки с витиеватой вышивкой. Халаты их были подвязаны поясами канатного плетения. У многих женщин на головах были повязаны белые косынки. Я отчетливо расслышал выкрики дяди: «Как вам не стыдно! Что вы делаете? Мошенники!»

Я сейчас, — шепнул я жене и вместе с сумками врезался в толпу.

Через мгновение я уже оказался в центре события. Жена последовала за мной.

— Э, что за дела!? — прокричал я, сдвинув брови и ища глазами дядю.

В центре круга, весь в пыли, с растерянным видом стоял дядя Коля. На голове его была мятая кепка, сдвинутая набок. Он вытянул вперед руки, словно хотел кого-то схватить. Рядом с ним стояла молодая казашка с длинными узкими косами и с сеткой в руке. В другой она держала безмен.

- Дядя Коля, что случилось?
- Илья, это ты? прищурился дядя.— Я очки потерял и плохо вижу.

Он схватил меня за руку, как утопающий за спасательный круг.

- Да, это я, обнял я дядю.
- Ты понимаешь, хотел купить картошки килограммов пять, а эта молодуха,—показал на девушку,— сыпет в сетку несколько картофелин, дергает весы и говорит мне, что уже пять килограмм. Я наклонился, чтобы сетку эту поднять, вес проверить и пересыпать себе в сумку. А она, стерва, не дает, толкается. Очки мои упали к ней под ноги. Я только услышал хруст и ее извинение. Кещеренэз*, говорит, и все тут. А что мне ее «кещеренэз»? Я же без очков, как без рук. Все вокруг кричат, торопят, чтобы я деньги быстрее отдал. Как сговорились! А я чувствую, что вес не тот. Ты посмотри, племяш, сколько там картошки.

На его глазах выступили слезы, и мелкой дрожью пошла нижняя губа.

Я тут же развернулся к девушке:

— Это ты картошку продавала мужчине? А! Ты, я спрашиваю?

Из толпы выскочила худая старуха с рыжей паклей из-под мятого платка и с густо намазанными бровями. Она, размахивая почерневшими от солнца руками, подошла ко мне вплотную и, задрав голову, прошамкала:

-- Я! Чего тебе надо? Проваливай отсель, защитник. Он картошку брать не хочет, а мы виноваты, что ли? На, проверь весы.

Старуха выхватила у девушки весы и сунула их мне в руки.

Я натянул пружину. Все было нормально. У ног жены стояла сумка с пятью пач-

-

^{*} Извините.

ками сахара по килограмму. Я взял сумку, зацепил ее и поднял. Весы показали точный вес. Мы с женой переглянулись.

- Здесь не в весах дело, а в чем-то другом, шепнула она мне.
- Эй, хозяйка. А ну покажи-ка мне картошку.

Рыжая пакля указала мне на лоток, где горкой лежала таласская, синеватого оттенка, картошка. Такое название эта картошка получила по наименованию Таласского района Джамбульской области. Все чимкентцы знали этот сорт картошки и любили ее за вкус, гладкость кожуры и развариваемость. Рассмотрев картошку, я повернулся, чтобы спросить о сетке, в которой ее взвешивали, но спрашивать было уже не у кого. Обе продавщицы будто испарились. И я обратился к стоящим вокруг людям:

- А в чем они взвешивали?
- Где-то здесь сетка валяется,— сказал дядя, протирая глаза.

В центре круга в пыли лежала обыкновенная сетка для продуктов. В те времена такие сетки были в каждой семье. С ней чаще всего и ходили горожане за покупками. И на этой сетке с важным видом сидел, непонятно откуда взявшийся щенок, лохматый и с длинными ушами. Он деловито вертел головой, как бы охраняя свою добычу.

Вдруг из толпы вынырнула молодая продавщица, быстро нагнулась к сетке, схватила ее и начала тянуть на себя. Щенок не растерялся и начал тянуть сетку на себя, зацепившись зубами за веревочку, привязанную снизу к сетке. Это продолжалось недолго. Девушка подняла над землей сетку вместе с щенком. Тот повис, зацепившись за веревочку и смешно дергая лапами. Кто-то из толпы выкрикнул:

— Чего ты над зверем издеваешься? Отпусти сетку! Может, он тоже картошку хочет купить, а ты не даешь.

В толпе прокатился хохот. Девушка опустила сетку на землю, не зная, что делать дальше.

- Чей щенок? крикнул я в толпу.
- Это Тузик. Ничей он, бродячий. Жрать просто хочет,— отозвался шутник.

Я повернулся к жене:

— Маша, угости лохматого товарища. Тузик голоден.

Она засунула руку в сумку, достала несколько холодных еще пельменей и подала их мне. Я сел на корточки и со словами: «Тузик, ты же все понимаешь?» — кинул щенку пельмень. Он на лету проглотил его и, забыв о сетке, подбежал ко мне, виляя пыльным хвостом. Через мгновение щенок мирно сидел рядом и, урча от удовольствия, заканчивал трапезу.

Я поднял сетку и оглядел собравшихся:

— Товарищи, цирк что ли вам здесь? Или собак голодных не видели? Идите себе по делам.

Никто не шелохнулся. Молодая продавщица, боясь оставить без присмотра лоток с картошкой, стояла как вкопанная и смотрела на меня. Я подошел к ней и спросил:

- Вот это что за веревка, которая привязана к сетке?
- Моя твоя не понимай, ответила она, опустив глаза.
- «Не понимай» говоришь, взглянул я на нее в упор.

Я поднял сетку над собой:

— А кто-нибудь здесь «понимай», зачем эта веревочка? Или вы все вдруг «не понимай»?

И тут справа выплыл из толпы мальчик лет семи или восьми. На нем были надеты широкие штаны, явно оставшиеся от старшего брата, такая же великоватая рубашка на выпуск. Пыльные босые ноги переминались, обжигаясь о раскаленную пыль. Он дернул меня за рубашку и с трудом начал объяснять:

— Дь-дь-дядя, это вот так на-на-ногой внизу веревку де-деа-держать, а потом какао-каотошку сыпать и весы па-паи-поднимать. И та-таа-тогда вес ду-дуо-другой.

Я наклонился к нему, увидел его запачканное лицо, большие глаза и наивную детскую улыбку, нежно потрепал мальчугана по голове:

— Рахмет*, джигит! Молодец!

И тут я уловил движение среди зрителей. Расталкивая впереди стоящих людей, в центр вошел огромного роста казах средних лет. Его арбузоподобный живот выдвигался далеко вперед, локомотивом прокладывая себе дорогу, а выпяченные губы блестели от жирной пищи. Замасленная тюбетейка еле держалась на его бритом затылке. Через заплывшие веки он осмотрелся, увидел мальчика и, наклонившись к нему, пробасил:

— Балам, сен мұнда не істеп жатырсың? Ал, үйге барайық**!

После этого он схватил пацана под мышку и стремительно ринулся к проходу между людьми, которые молчаливо продолжали стоять.

Я подошел к молодой продавщице и протянул ей сетку:

А ну, накладывай картошку.

Она стояла неподвижно, опустив руки,

— Ладно, тогда я сам,— сказал я и подошел к лотку. Маша жестами показывала, чтобы я выбирал клубни покрупнее. Набрав сколько надо, я протянул сетку продавщице: — Взвешивай давай!

Девушка зацепила сетку за крючок безмена и потянула вверх, а я наступил снизу на веревку. Весы показали пять килограммов. И тут я убрал ногу с веревки. Указатель весов подпрыгнул до трех килограммов.

— Так вот как это работает, да?!

Руки у девушки затряслись. Я пересыпал картошку в свой пакет, подсчитал стоимость и быстро сунул ей деньги. Она, положив деньги в карман, а сетку за пазуху, развернулась и хотела уже скрыться, но это ей не удалось. Люди сжались плотным кольцом, преградив ей путь. Толпа ожила и из нее начали раздаваться выкрики: «Обманщица!», «И мне надо перевесить!», «Давай, деньги возвращай!», «Я вчера дома тоже заметила, что веса не хватило!». Люди, протягивая ей сетки и пакеты, начали надвигаться на нее. А та все искала кого-то, поднимаясь на цыпочки и вертя головой. Но подмоги не было. Через несколько секунд разъяренные покупатели зажали трясущуюся девушку в плотное кольцо так, что ее саму уже не было видно.

Мы переглянулись и я, подняв сумки, прошептал:

— Пора уходить! Берем сумки и домой! Мы свое дело сделали. Дальше пусть разбираются сами. Дядя Коля, давай руку и не отставай!

Быстрым шагом мы направились к дороге, которая сама ускоряла наш шаг. Опускающееся за горизонт солнце придало нашим лицам бронзовый оттенок. На земле проявились длинные замысловатые тени от деревьев и людей. Краем уха я мог еще расслышать крики людей на особом чимкентском диалекте, который соткан из казахских, русских и других слов многонационального юга.

Мы спустились к улице Советской, перешли ее и направились к дому. Взяв дядю под руку, я не спеша поднимался по ступенькам и тихо говорил:

— Дядь Коля, давно вы не были у нас в гостях. Сейчас посидим, чай попьем. Вы у нас переночуете. А завтра закажем вам новые очки.

И вот мы уселись на кухне. Маша приготовила сырники, достала баночку сметаны, купленную только что на рынке.

— Сейчас сырников со сметаной поедим, о жизни поговорим, — улыбалась она.

Она зачерпнула ложечкой то, что находилось внутри и медленно вынула из банки. С ложечки стекала белая комкообразная масса. Улыбка с ее лица мигом сошла.

- Ты что купил? повернула она ко мне голову.
- Сметану, как ты и просила,— ответил я, уставившись на банку,— а что там?
- Ты хоть пробовал ее, когда покупал?

_

^{*} Спасибо

^{**} Сынок, ты что здесь делаешь? А ну пошли домой!

- Конечно, пробовал. Потом подал банку продавщице, и она налила мне из фляги, которая стояла за прилавком.
 - За прилавком, говоришь?!
 - Ла.
- Пробовал-то ты сметану, а налили тебе в банку простоквашу! Эх, ты! Простофиля!
 - Может, пойдем и разберемся? с серьезным видом предложил я.

Над кухонным столом повисла пауза. Маша, уперев руки в бока и покачивая головой, пронизывала меня взглядом. Я же, сделав невинные глаза, отвернулся в окно и начал разглядывать дерево, с сожалением, как мне показалось, смотрящее в мою сторону.

И тут дядя Коля, до этого момента тихо сидящий у окна, вдруг громко расхохотался. Он смеялся, одной рукой вытирая слезы, а другой показывая на банку. Мы же просто молчали. И только когда на моем лице скользнула улыбка, наша маленькая кухня взорвалась от смеха.

На город быстро опускалась ночь, давая людям успокоение, прохладу и тишину. Звездное небо без остатка поглотило людскую суету и звон монет. Холм, вместе с Верхним рынком, погружался в летний сон, чтобы на следующий день с утра вновь радовать людей своим великолепием.

യായ

Ирина Резник (г. Омск)

ВЕЗУЧАЯ КОШКА

Родилась в Казахстане. Окончила художественно-графический факультет Омского государственного педагогического института. Кандидат философских наук, член Союза писателей России, член творческого Союза художников России. Произведения опубликованы в изданиях Омска, Москвы, Санкт-Петербурга, Читы, Северомуйска. Ученый секретарь Омского регионального отделения Петровской академии наук и искусств. Издала 13 книг стихов и прозы. Лауреат нескольких поэтических и художественных конкурсов. Автор-исполнитель собственных песен.

Котята родились на следующий день после нашего переезда в частный дом. Милая картинка под названьем «Кошачье семейство» нарисовалась на фоне общего бардака в доме, где мебель не была расставлена, так как еще даже не было определено, куда что ставить, да и состояние стен и потолков требовало ремонта. На кухне стоял старый диван, оставленный прежними хозяевами, и пока не была решена его судьба, на нем и произвела на свет потомство наша сиамская кошка по имени Фиса.

Когда мы жили в квартире пятиэтажного дома, она была домашняя, гулять не ходила, в туалете, как положено, для нее стоял лоток. Но как-то в конце лета, когда никого не было дома, Фиса спрыгнула с форточки, где она любила сидеть и вдыхать аромат улицы, на крышу подъездного крыльца, с крыши на землю, а дальше — простор и свобода! Вечером, когда члены нашего семейства вернулись домой — кто откуда, обнаружилось, что кошки дома нет.

Нетрудно было догадаться, что единственный выход для нее был через форточку, которую забыли закрыть. Мы с девятилетней дочкой немедленно пошли искать нашу голубоглазую красавицу. Обошли весь двор, все подъезды, которые тогда еще не закрывались на замки, заглянули под все кусты и скамейки, и нашли-таки беглянку, которая вышла к нам из-под труб теплотрассы в соседнем дворе, слегка обалдевшая от избытка впечатлений. Познав свободу, дома уже усидеть она не могла, тем более, что кухонная форточка летом постоянно была открыта, а если закрыта, то периодически диким голосом Фиса требовала выпустить ее на улицу. Результатом таких гуляний стала, конечно, беременность кошки, которая разрешилась сразу после нашего переезда.

Среди пятерых разномастных котят двое было одинаковых: рябеньких с полосками — самого обыкновенного окраса, каких много. Но вот почему-то моей дочери пришелся по душе один из этих обыкновенных котят, с очень симпатичной мордашкой, белым фартуком и белыми носочками.

Когда котята подросли, нужно было их куда-то пристроить. Моя дочь, зная, что я собираюсь в ближайший выходной отвезти их на «хитрый» рынок, стала уговаривать меня оставить этого полюбившегося ей полосатика. Я категорически отказалась, так как у нас был еще один взрослый кот. Дочь «доставала» меня своими уговорами при

каждом удобном случае, но, видя мою несговорчивость, написала записку, в которой изложила ту же самую просьбу, завершив ее многократно повторяющимся словом «пожалуйста» и множеством восклицательных знаков. Видимо, она решила, что в письменной форме просьба будет выглядеть более убедительно, и положила эту записку в шкаф с моими вещами.

Я продолжала стоять на твердой позиции, даже когда нашла и прочитала эту записку, пыталась убедить дочь, что котенок совершенно обыкновенный, а ведь у нас такая красавица Фиса и белоснежный красавец кот. При всей моей любви к кошкам я, взрослый человек, понимала, что такие просьбы будут повторяться неоднократно после каждого появления у нашей Фисы потомства, ну а кошачья плодовитость известна всем.

Дочь спала со своим полосатиком, говорила, что не сможет с ним расстаться. Трудно объяснить, что на меня подействовало, но неожиданно для себя я согласилась оставить котенка, если только это кот, а не кошка. Дочь заверила меня со знанием дела, что это точно кот. Назвали его Петька.

Вскоре стало понятно, что Петька — кошка, причем, очень понятливая, к тому же прекрасная мышеловка. Иногда с улицы она приходила с мышью в зубах, издавая при этом воющий звук, играла с ней дома, а потом поднималась к дочери в комнату на второй этаж и оставляла ее на полу. Затем она тщательно умывалась и ложилась на подушку с чувством выполненного долга.

Впрочем, сейчас, когда по человечьим меркам она уже старушка, Петька время от времени проделывает то же самое. Всему этому она научилась от матери, которая, к слову, стала приносить потомство по два раза в год. Да и сама Петька была не менее плодовита. Иногда у нас в доме было по восемь — девять котят: у одной новорожденные, у другой подросшие. Всех раздать с уверенностью, что отдаешь в хорошие руки, было сложно, да и времени на это не хватало, поэтому пришлось подвергнуть Петьку процедуре стерилизации, которую она перенесла довольно благополучно. Фисе операцию делать не стали по причине солидного возраста, и отвезли ее на некоторое время в деревню к родственникам на ловлю мышей, да и котята там были постоянно востребованы.

Как-то зимой в сильную стужу Петька отморозила левое ухо, хотя на улицу выбегала совсем ненадолго. Отмороженный кончик стал как картонный и постепенно отвалился. А следующей зимой с Петькой произошло из ряда вон выходящее событие.

Дело было в субботу. Утром Петька и кот Мирон, приходящийся ей братом, наелись до отвала рыбы, закусили сметаной, запили молоком и разошлись в разные стороны: Мирон отправился гулять, а Петька по лестнице бегом на второй этаж. Там она улеглась на ковер и заснула.

Дочь убежала на занятия в университет, а я занималась обычными домашними делами: стирка, уборка, глажение белья. Во время последнего из перечисленных занятий меня окликнул муж, только что вернувшийся из магазина. Он стоял в прихожей, не раздеваясь, и почти приказным тоном предложил мне выйти на улицу, ничего не объясняя. На его лице было выражение тревоги или озабоченности, или того и другого.

Я оделась и вышла вместе с мужем за ворота, все еще не понимая, зачем. Муж кивнул в сторону палисадника, расположенного вдоль фасада нашего дома. Я посмотрела туда и увидела, что на сугробе рядом с металлическим прутом, вбитым в землю еще летом для поддержания молодого куста сирени, сидела Петька и отчаянно мяукала. Я не могла понять, почему она не подходит ко мне (я для нее по значимости стояла на втором месте после моей дочери), и вдруг поняла, почему, когда подошла поближе...

Петьку не пускал тот самый прут, так как она была проткнута им насквозь. Я по-

теряла дар речи. Как она наткнулась на этот прут? Откуда спрыгнула? Может, из окна второго этажа? Сколько времени она находится в таком положении? Ответов на эти вопросы не было.

Я способна была только ойкать, боялась подойти поближе и увидеть на снегу кошкины внутренности. Между тем она кричала от боли и обиды, широко вытаращив глаза. Я попросила мужа снять кошку с прута, который так безжалостно проткнул ее, а сама побежала домой за полотенцем.

Приняв из рук мужа раненую Петьку, я завернула ее в полотенце, посадила в сумку и помчалась на остановку. До ветеринарной клиники доехали быстро, и очереди на прием к «звериному» доктору, по счастью, не было. Я сразу положила кошку на стол и, запинаясь и задыхаясь от волнения, объяснила, что с ней случилось.

Мне предложили посидеть в коридорчике. Я сидела, напряженно прислушиваясь к словам доктора, которыми он сопровождал осмотр пострадавшей, а в голове застрял вопрос: «Что я скажу дочери, если Петька не выживет?»

Доктор и медсестра тихо переговаривались, и вдруг доктор воскликнул: «Ну, кошка, как же тебе повезло!», и, уже обращаясь к медсестре: «Нет, ты посмотри, кровеносный сосуд даже не затронут, такой большой, совсем рядом! Удивительно везучая кошка!». У меня отлегло от сердца.

Через минуту мне дали мою страдалицу подержать, пока не подействует наркоз, чтобы доктор мог сделать ей операцию. Постепенно стали появляться пациенты: кто, держа на поводке хозяина, а кто, сидя у него на руках. Какая-то женщина, зашедшая, чтобы купить таблетки в аптеке, находящейся в том же коридорчике, наверно, заметив мой страдальческий вид, сказала: «Вы не переживайте, здесь такой замечательный доктор! Он превосходно делает операции!».

Так и произошло: операция прошла успешно, доктор зашил все повреждения и, передавая свою пациентку мне, снова отметил, что ей крупно повезло, не считая, конечно, того, что вообще с ней случилось.

От наркоза она отходила тяжело, пыталась ползти, забилась за комод, который пришлось отодвигать, чтобы вытащить ее оттуда как можно аккуратней. Каждый день в течение недели моя дочь возила Петьку на лечебные процедуры, и вскоре наша везучая кошка уже запрыгивала на кухонный шкаф — одно из своих любимых мест, а еще через несколько дней даже играла со своим братом Мироном, падая на спину и толкая его задними лапками, не выпуская когтей.

А сейчас, когда я села за компьютер писать про нее, она, не наступая на клавиатуру, прошла по столу и остановилась возле выдвижного ящика, заглядывая мне в глаза с недоумением, почему он до сих пор закрыт. Я поспешила исправить свою оплошность, выдвинув ящик, и она тут же улеглась в нем, свернувшись в клубок и закрыв нос лапкой, предсказывая тем самым, что морозы еще постоят.

(38)(38)

Николай Макаров (г. Тула)

ПОЛИНКИНЫ РАССКАЗЫ О МЕДИЦИНЕ

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Полине семь лет. Она хорошо читает. Знает наизусть много стихов. Считает до тысячи и больше. Помогает маме. Играет с двухлетней сестренкой Алисой. Часто играет в больных и врачей. Рассказывает Алисе все, что знает о работе мамы и папы. Мама и папа у сестер — врачи.

О ПАПЕ

Папа у нас работает врачом. Он — невролог. Лечит разные больные нервы. Радикулит, там. Голова, когда болит. Или спина с позвоночником. У папы есть такой специальный молоточек. Он им проверяет у своих пациентов нервы: болят или не болят они.

Когда к нам приходит дедушка, то он всегда просит нашего папу, своего сынка:

— Вправь мне мозги!

Я не знаю, что это такое: «вправить мозги». Но папа каждый раз укладывает дедушку на кушетку и крутит ему голову в разные стороны. Дедушка после всегда говорит:

— Вот и прошла у меня голова.— И начинает с нами играть или читать нам с Алисой сказки.

Еще папа хорошо делает массаж. Всем делает, кто его попросит, бабушке делает, мне и Алисе делает, маме делает. И в больнице тоже делает больным массаж. Пальцы у папы большие, сильные.

Папа на врача учился в институте в Москве. Целых шесть лет учился. Потом — еще два года учился. Это — когда ни меня, ни Алисы не было. И мама с ним училась вместе в одной группе. И друзья папины и мамины — тоже врачи.

O MAME

Наша мама — тоже врач. Она — врач-терапевт. Она лечит своих больных в больнице. У мамы много разных больных: и дяди, и тети. Она слушает их через трубочку, измеряет им давление, ставит градусник, смотрит горло, щупает живот. Своим больным она назначает вначале анализы сдавать. Потом ставит диагноз. Это просто так называется — ставить диагноз. Мама по своим наблюдениям, по своим исследованиям, по анализам узнает болезнь и называет ее, то есть ставит диагноз. Затем она назначает разные лекарства. Кому — таблетки. Кому — уколы. Кому — другие процедуры.

Каждый день мама делает обход своим больным. Проверяет у них температуру, опять измеряет, кому надо, давление, снова щупает живот, назначает новые анализы. 126

Так она работает каждый день. Нет, в выходные и праздники она отдыхает. В это время за ее больными смотрит дежурный врач. Мама тоже дежурит в своем терапевтическом отделении по целым суткам. Целый день и целую ночь. Наблюдает и своих больных, и больных других врачей.

И дома мама нас всех лечит, когда кто-нибудь заболеет.

О ДЕДУШКЕ

Дедушка служил в Армии. В Воздушно-десантных войсках. Он там работал военным врачом и прыгал с парашютом. Дедушка мне показывал открытки с самолетами, из которых он прыгал. Один самолет с двумя крыльями я видела настоящий. Видела, как из него прыгают парашютисты. Другой, большой самолет, я видела тоже настоящий, когда он пролетал над Тулой. Мне дедушка его показывал и называл его ИЛ-76. Из него дедушка тоже прыгал с парашютом. Я и в каком-то кино по телевизору видела, как из таких самолетов прыгают десантники. И прыгает, нет, дедушка сказал, что десантируется техника. Грузовые машины там, десантные танки. Дедушка мне про них рассказывал, но я забыла, как они называются.

Дедушка в армии лечил солдат и офицеров. Он рассказывал, что солдаты и офицеры болеют редко. Они закаленные и каждый день утром делают зарядку и бегают кроссы. Поэтому они и редко болеют. И дедушка редко болеет — он каждым утром и каждым вечером обливается холодным душем и по выходным парится в бане. Он говорит, что это лучше всего повышает иммунитет.

А если кто из солдат и заболел, то дедушка таких лечил в медицинском пункте или отправлял в медсанбат или госпиталь. После лечения солдаты опять продолжали служить в Армии.

О БАБУШКЕ

Бабушку дедушка называет знахаркой. Почему — знахаркой? Наверное, потому, что она нигде не училась на врача или медицинскую сестру. Зато всех соседей, всех своих знакомых она по-своему лечит. Собирает все лето в лесу, на лугах, у себя в саду и на огороде всякие разные растения и ими лечит. Траву собирает, корешки там, веники делает из многих кустов и деревьев. Все сушит. Потом одну часть в кофемолке перемалывает в порошок. Другую часть она в пучочках развешивает в кладовой. Часть порошка из растений она заливает самогонкой (это такой спирт, который дедушка делает сам), чтобы получить микстуру. Часть порошка она смешивает с маслом, и получаются мази. Такими лекарствами бабушка лечит целый год. На следующий год она снова собирает лечебные растения. Еще она собирает смолу из сосен и деревянные грибы с берез (чагой они называются) и тоже из них делает лекарство. Когда ктонибудь простудится, бабушка смазывает ноги и под подбородком керосином. Пахнет немножко неприятно, но простуда после этой процедуры проходит очень быстро. И медом бабушка тоже лечит. Ой, много еще чем она лечит — сразу все и не запомнишь.

Она и меня с собой берет собирать растения, учит своему знахарству.

— Лекарства лекарствами,— говорит бабушка,— а лучшие лекарства — это Матушка-природа и ее богатства. Собирай — не ленись!

О ФЕЛЬДШЕРЕ

Дядя Олег у нас почти врач. Он закончил медицинское училище и стал фельдшером. Фельдшер знает о болезнях меньше, чем врач. Но тоже умеет лечить больных. Дядя Олег, как и папа, хорошо делает массаж. Сейчас он работает в военном госпитале и служит прапорщиком в Воздушно-десантных войсках. Он, как и дедушка, прыгает с парашютом и лечит больных солдат.

Когда дядя Олег приходит к нам в гости, он всегда балуется с нами. Играет в разные игры, показывает на куклах, как надо делать уколы. Я, когда была маленькой, боялась дядю Олега — он такой высокий, в военной форме, громко разговаривает. Сейчас я с ним подружилась и не боюсь его. И маленькая Алиса его тоже совсем не боится. Она с ним дружит с самого рождения.

О МЕДИЦИНСКОЙ СЕСТРЕ

В медицинских училищах еще учат и на медицинских сестер. У нас в семье медицинская сестра — это тетя Ирина, жена дяди Олега.

Медицинские сестры в больницах помогают врачам лечить больных. Ставят градусники, делают уколы, измеряют давление больным. Остаются с тяжелыми больными дежурить ночью. Делают все больным, что им скажут врачи об их лечении. Медицинские сестры, как говорят папа и мама,— незаменимые помощницы врачей. Раньше медицинские сестры назывались сестрами милосердия. Так их называли, потому что они всем больным раздавали милость своего сердца, и больные быстрее выздоравливали.

С нами тетя Ирина тоже часто играет и рассказывает о своей работе в больнице. А я с ней почти каждый день разговариваю по телефону. Рассказываю ей про детский сад и про Алиску.

О ХИРУРГЕ

С папой вместе в группе учился дядя Гриша. Он после института еще учился на хирурга. И сейчас тоже работает хирургом. Хирурги такие врачи, которые лечат больных, когда одни лекарства им не помогают. Больным хирурги делают разные операции. Вырезают у них всякие болячки. Когда хирурги делают операции, то больным совсем-совсем не больно. Им делают наркоз и больные ничего не чувствуют. Операции хирурги делают в операционных. Им помогают медицинские сестры. Они так и называются — операционные сестры. После операции больных хирурги перевязывают не в операционных, а в других комнатах — перевязочных. Как и терапевты, хирурги своим больным назначают всякие лекарства. И таблетки, и уколы разные, и капельницы всякие. Это — чтобы больные быстрее выздоравливали.

О ГЛАЗНОМ ВРАЧЕ

Другой папин товарищ — дядя Петя — работает глазным врачом. Таких врачей еще называют окулист. Они лечат глаза. Выписывают очки, у кого плохое зрение. Прежде чем выписать очки, глазные врачи проверяют зрение. На стене висят написанные на бумаге разные буквы разных размеров. По ним и определяют, как человек видит. Какую строчку увидел — такое и зрение. Мне и Алисе очки не нужны. Мне перед школой проверяли зрение и я назвала все буквы на третьей строчке снизу. А Алиса еще маленькая. Она букв не знает. Для таких маленьких детей есть другие таблички, на которых нарисованы различные игрушки.

Дядя Петя сказал, чтобы не портилось зрение нельзя читать лежа и в темноте. Тогда глазки будут всегда здоровые. И когда пишешь что-нибудь, свет должен светить с левой стороны. У нас в детской комнате на письменном столе так и стоит настольная лампа. И еще дядя Петя сказал, что детям вредно много смотреть телевизор и играть в компьютер.

О ВРАЧЕ, КОТОРЫЙ ЛЕЧИТ СРАЗУ И УХО, И ГОРЛО, И НОС

Один врач, а сразу лечит так много болезней. Мамина подруга тетя Люда, с которой она училась в институте, и лечит болезни уха, горла и носа. Она мне рассказала, что ухо, горло и нос в голове у человека соединены и связаны вместе. Я забыла, как и 128

чем они соединены и связаны. Но когда заболеет горло, как сказала тетя Люба, всегда обязательно заболеет и нос, и ухо. Или, наоборот, когда заболит нос, то всегда заболит ухо и горло. Поэтому такие врачи лечат сразу и нос, и горло, и ухо.

Тетя Люба сказала, что такие болезни чаще всего бывают, когда человек простудится. Или болеет гриппом. Еще она сказала, чтобы меньше простужаться, надо закаляться с самого детства. Меня и Алису папа с мамой и бабушка с дедушкой закаляют тоже с самого детства. Меня обливают холодным душем каждое утро и я совсемсовсем не мерзну. Потом меня вытирают полотенцем, что становится жарко. А Алису пока только всю обтирают холодным полотенцем.

О ДЕТСКОМ ВРАЧЕ

Дети болеют, как и взрослые. Но дети маленькие, слабые и они поэтому болеют по-другому, чем взрослые. И еще у детей есть болезни, которыми взрослые люди не болеют. Для больных детей в медицинских институтах учат студентов на детских врачей. Они такие же врачи, как и для остальных взрослых дядей и тетей. Только они лечат больных детей. Они также слушают трубочкой, также ставят градусник под мышку, назначают лекарства всякие. Таблетки там, витамины, микстуры разные. Ой, и уколы они также больным детишкам назначают. Если ребеночек болеет не очень сильно, то его с мамой оставляют лечиться дома. А если ребеночек сильно заболел, его кладут в больницу. Если ребеночек очень маленький, его в больницу кладут с мамой. Если ребенок большой и ходит в школу, то его кладут одного. И его в больнице приходят наведывать все родные. Я еще ни разу не лежала в больнице. И Алиса не лежала. Иногда чуть-чуть я болела, когда простужалась. Но меня лечили мама и папа. Иногда приглашали на консультацию детского врача дядю Володю. Он скажет, как лечить ребенка, то есть меня,— мама с папой так и лечат.

О СКОРОЙ ПОМОЩИ

Если кто вдруг заболеет, то вызывают «Скорую помощь». Это такая машина санитарная белого цвета с нарисованными красными крестами. Вызывают такую «Скорую помощь» по телефону 03 — меня этому телефону еще в три года научил дедушка. Дедушка меня научил и телефону пожарных — 01, и телефону милиции — 02, и телефону газа — 04.

На «Скорой помощи» работают врачи и фельдшера и им помогают медицинские сестры. И шоферы работают на «Скорой помощи». Привозят врачей к больным. Если сами врачи со «Скорой помощи» не справятся с болезнью, то они отвозят на машине больного в больницу. Где больному оказывается помощь.

О ЗУБНОМ ВРАЧЕ

Когда у людей болят зубы, они ходят к зубному врачу. Меня папа тоже водил к зубному врачу, когда я была маленькой. В кабинете у этого врача стоит такое большое кресло. Меня папа в него посадил и дядя доктор стал смотреть мои зубы. Потом какими-то железными щипцами за что-то дернул. Я даже не успела испугаться и не успела заплакать. Дядя доктор — зубной врач сказал:

— Совсем и не больно. Вот, твой молочный зуб.— И отдал мне малюсенькую белую косточку.— И чтобы у тебя, Полина, зубы никогда не болели, утром и вечером каждый день чисти зубы. И еще чисти зубы и полоскай теплой водой свой ротик после каждой еды. Тогда у тебя никогда зубы не заболят.

Я так и делаю всегда, даже в детском садике. И Алису вместе с мамой учу чистить зубы и полоскать рот.

О ПЕРВОЙ ПОМОЩИ

Моя двоюродная сестра Саша учится на милиционера. В институте ее учат оказывать первую помощь. Это если идешь по улице и вдруг сломал ногу, например. Или ушибся. Или порезался и сильно потекла кровь. Или еще что-нибудь с человеком случилось, а рядом никакого врача нет. Или медсестры рядом нет. А рядом случайно оказался милиционер. Вот, он и окажет первую помощь человеку. Саша и мне показывает, как надо останавливать кровь, как перевязывать бинтом. Она говорит, что, как оказывать первую помощь, учат во всех школах. И меня тоже, когда я подрасту немного, будут этому учить в школе. А папа мне сказал, что первую помощь больному должен уметь оказывать каждый грамотный человек. Не только медицинские работники и милиционеры.

О САНИТАРНОМ ВРАЧЕ

У нашего дедушки есть товарищ — дядя Слава. Он работает санитарным врачом. Следит, чтобы в магазинах продукты были не испорченными, чтобы вода была хорошая. Также дядя Слава следит, чтобы на улице было меньше мусора, чтобы везде было чисто. Если везде чисто и нет грязи, то нет и микробов. Значит дети и взрослые не заболеют заразными болезнями. Микробы в грязи и испорченных продуктах размножаются. И на грязных руках тоже много микробов. Дядя Слава говорит, что перед едой и после улицы обязательно надо мыть с мылом руки. Тогда животик не заболит. Еще дядя Слава говорит, что воду нужно пить кипяченую. В не кипяченой воде тоже водятся много микробов.

Санитарные врачи не лечат болезни — они их предупреждают. Они следят, чтобы люди не заболели заразными болезнями. И они учат нас, как не заболеть этими болезнями.

О ВРАЧЕ-КОСМОНАВТЕ

Дедушка мне рассказал, что в Туле родился и учился в тульской школе врачкосмонавт Валерий Поляков. Он два раза летал в космос. Оба раза работал на нашей космической станции «Мир» как врач-исследователь. За свой первый полет в космос космонавту-врачу было присвоено звание Героя Советского Союза. Первый полет Полякова был больше 240 суток. А второй полет продолжался почти 440 суток — самый длительный полет в прошлом веке. За этот полет Полякову было присвоено звание Героя России. И у него стало две Золотые Звезды. Еще космонавт-врач Валерий Поляков стал Почетным гражданином Тулы и Калуги.

О ВРАЧЕ-ДЕСАНТНИКЕ

Еще мне дедушка рассказал, что в Туле учился и служил в Воздушно-десантных войсках Герой России Игорь Милютин. Он за время службы оказывал помощь раненым и больным на Северном Кавказе. Сам был ранен, когда спасал наших раненых солдат от боевиков. Всего вынес с поля боя и оказал им первую помощь 23 раненым. Ездил оказывать помощь в Югославию. В 2000 году ему за мужество и героизм было присвоено звание Героя России. Игорю Милютину вручили в Москве в Кремле Золотую Звезду Героя. В тульской 33 школе, где он учился, есть музей Милютина. Подрасту немного и попрошу дедушку, чтобы он меня туда сводил.

Николай Полотнянко

(г. Ульяновск)

ЗНАЧКИСТ

Первая публикация в журнале «Приокские зори».

На пенсию Подсевалов вышел, имея два выходных костюма. Один, темно-серый однобортный, он именовал повседневным, другой, цвета антрацита,— парадным. Между костюмами была разница не только в цвете, но и в весе. На темно-сером костюме скромно поблескивал знак участника Великой Отечественной войны и тускло светилась широкая орденская колодка, а парадный костюм звенел металлом орденов, медалей и всяких значков, это был не костюм, а скорее панцирь, который ладно обтягивал фигуру Лавра Федосеевича в дни торжества, когда он заседал в различных президиумах или просто прогуливался возле своего стоквартирного дома в воскресные дни, свысока оглядывая прохожих и старух, гнездившихся на скамейках у подъездов.

Парадный костюм был изрядно пронафталинен, поэтому собаки обходили Подсевалова стороной, брезгливо морща носы, но самому Лавру Федосеевичу нравился запах непроветренного шкафа, он находил в нем что-то пьянящее и будоражащее кровь. «Умели делать вещи»,— довольно думал он, водружая костюм на прочную вешалку. После парадного выхода костюм проветривался на балконе, а Подсевалов протирал суконкой награды.

И правда, костюм был добротный, из чистопородного бостона, который умели еще выпускать во времена четвертой пятилетки. Отрез Лавр Федосеевич получил из рук управляющего трестом стройматериалов на День строителя, пошил ему костюм один из его знакомцев по лагерю некто Блюм, причем, за плату символическую, не брать же ему с замначлага, хотя и бывшего, настоящую цену. Где он, этот Блюм?... А костюм вот он, ни моль не побила, ни шов ни один не разошелся.

Перед Девятым мая Подсевалов чуток прихворнул, никуда не выходил, не звонил, но на возложение цветов пойти надеялся. Это мероприятие он организовал еще в бытность начальником отдела кадров кирпичного завода, и теперь каждый год девятого мая от заводоуправления шел автобус с участниками войны на центральную площадь города, где стоял большой и торжественный памятник.

Будучи начальником отдела кадров, Лавр Федосеевич на этих возложениях находился всегда впереди, один раз даже на страницы областной газеты попал, но после выхода на пенсию былого почета не стало. Правда, он шагал к памятнику в первом ряду, но в фотокадр уже не попадал, а если и попадал, то краешком костюма, половиной щеки, словом, каким-то боком. Это задевало его, но он виду не показывал, держался прямо, как и надлежит держаться бывшему капитану внутренних дел.

Вечером восьмого мая Подсевалов вынул костюм из шкафа, прошелся по нему мягкой одежной щеткой, кое-где залоснившиеся места рукавов и брючин почистил хлебной крошкой. Награды он надраил еще к первому мая, потому лишь слегка протер фланелевой тряпкой, и они заиграли всеми цветами радуги.

Повесив костюм на угол шкафа, Подсевалов сел в кресло и ревниво пересчитал — все ли на месте. Орденов было у него три, зато медалей семнадцать. «За отвагу», «За боевые заслуги», за взятие и оборону городов, юбилейные — набор, которому можно позавидовать. Ни у кого в заводском поселке не было столько наград. Когда Лавр Федосеевич во всем этом великолепии усаживался за стол президиума, то, казалось, в зале загоралась дополнительная люстра, так сияли надраенные награды.

Утро девятого было веселым и нарядным. Зеленая листва оперила ветки кленов, на скворечниках надрывались скворцы, день вставал безоблачным с пронзительной синевой весеннего неба.

Подсевалов съел яйцо всмятку, выпил стакан теплого молока, снял полосатую пижаму и, надев чистые носки, вынул из шкафа парадный костюм. Повертев его в руках, он положил его на кресло и подошел к серванту. Из полированной коробки Лавр Федосевич достал медаль «За отвагу» и, потерпев ее о трусы, приложил к левой стороне голой груди. Что говорить, изо всех медалей ему нравилась больше всего эта. И цветом своим, и колодкой, и, главное, названием. «За отвагу!» Это не какой-то там «доблестный труд...»

Местечко для медали нашлось в аккурат под лацканом, но не внутри, а с выглядом кругляшка. Правда, костюм заморщило слегка, но Подсевалов развернул пошире грудь, и все встало на место, как влитое.

Полуботинки Лавр Федосеевич обул тоже парадные, с металлическими подковами, чтобы слышно было, кто идет. Он требовательно оглядел себя в зеркало и позвал жену.

- Елена! Я готов...
- Погоди, погоди...— сказала жена.— Дай я сама гляну.

Она повернула мужа, стряхнула со спины какие-то соринки и взяла узкие мани-кюрные ножницы.

- Что опять? недовольно спросил Лавр Федосеевич, проводя рукой по лицу.
- У Подсевалова из ушей и ноздрей неистребимым образом росла жесткая ржавая щетина, и ее приходилось время от времени подстригать.

В носу приятно защекотало, он чихнул, с удовольствием продул носовые пазухи и утерся платком.

Глянув на прощание в зеркало, Лавр Федосеевич открыл все три дверные замка и вышел на лестничную площадку. Было тихо, лишь внизу переговаривались на скамейке старухи.

- Чертовы бабы,— недовольно подумал Подсевалов.— С утра до вечера чешут языки.
- Здравствуйте, Лавр Федосеевич! вразнобой поприветствовали Подсевалова соседки.— С праздником!..
- С прздником! пробурчал Подсевалов и, не останавливаясь, двинулся прочь от дома.

Перемигиваясь, старухи смотрели ему вслед. Они знали всю подноготную Подсевалова, что он поколачивал, бывало, жену, что один его сын сидит в тюрьме, другой не приезжает в гости, а дочь уже третий раз вышла замуж.

- Гляди, каким петухом вырядился!..
- А звону—то, звону на груди, как на пасху...
- Седни целый день будет вокруг дома ходить...

Лавр Федосеевич не слышал старушьих шепотков, он шел в приподнятом настроении, ощущая внутри себя освежающую легкость праздничного дня. В голове вспыхнул мотив торжественного марша, и в какой-то миг ему вдруг захотелось пойти строевым шагом. Он даже грохнул подкованной подошвой полуботинка по асфальту, но опомнился, остановился и, оглянувшись по сторонам, обычным прогулочным шагом двинулся дальше. Торжественный марш из головы вытеснил игривый опереточный мотивчик, и Лавр Федосеевич, облизнув ослюневшие губы, подумал, что он дав-

ненько не заглядывал к Наденьке, и дал себе слово заскочить к ней сразу же после возложения цветов, благо что она жила почти в центре города.

Наденька была моложе Подсевалова лет на двадцать, начинала работать у него в отделе кадров, и с той поры испытывала к Лавру Федосеевичу самые восторженные чувства. Это был ее идол, бог, покровитель и любовник, причем длилось это уже более двадцати лет всего с двухгодичным перерывом, когда Наденька, опять же с благословения Подсевалова, немножко вышла замуж. Однако супруг оказался тишайшим, но закоренелым алкоголиком, им занялись милиция и вскоре молодая супруга осталась одна. Бывая у Наденьки, слушая, как она восхищается им, Лавр Федосеевич поневоле начинал ощущать собственное величие, но мыслей о разводе у него никогда не возникало, это был бы аморальный поступок, а позволить себе роскошь совершить его Подсевалов не мог. Как кадровик, он знал цену чистой анкете, сам умел мастерски просматривать людей на свет, выявляя на них все родимые и благоприобретенные пятна.

Из-за редкой молодой листвы кленов Лавр Федосеевич на площадке сквера возле заводоуправления увидел желтый автобус и посмотрел на часы. Было без трех минут девять — как раз его время, он не любил ни приходить раньше, ни опаздывать.

Возле автобуса толпился народ. Мужики курили, переговаривались. По свойственной его натуре привычке не обращать внимания на людей, от которых он не зависел, Лавр Федосеевич не заметил, что поздоровались с ним недружно, кое-кто даже отвернулся, чтобы не встречаться взглядами.

Подсевалов взглянул мельком на часы и, буркнув: «Пора! Пора, товарищи!», поднялся по ступенькам автобуса, намереваясь занять свое законное место, переднее, с левой стороны возле окна.

Первое, что увидел Подсевалов, направляясь к своему месту, были грязные стоптанные босоножки с полуоторванными застежками. Поднимаясь взглядом выше, он увидел мятые суконные штаны, туго обтягивающие худые острые колени, старый штопаный пиджачишко, на котором болтались две медали, словом, на его месте сидел бывший зольщик, поселковый пропойца и фонфурик Климов, имевший из-за своего красного лица кличку Фонарик. Сидел и усмешливо поглядывал на Подсевалова высветленными временем и алкоголем глазами. Так нехорошо смотрел, что Лавр Федосеевич даже потупился, потом стал оглядываться по сторонам, словно искал поддержки у окружающих.

— Ну, чо забуксовал? — с похмельной хрипотцой в голосе спросил Фонарик.— Здесь кабинетов нету, прятаться от простого народа некуда...

Подсевалов опешил. Таким тоном с ним в поселке никогда никто не разговаривал. Однако виду не подал, а произнес с угрозливой ноткой в голосе:

- Ты что, не проспался или по новой залил глаза?..
- Я-то проспался, а глаза за шесть десятков так промыл, что любую сволочь аж под землей вижу.
 - Это ты мне?

Лавр Федосеевич даже задохнулся от злости.

— А кому же еще?..

Климов повернулся к другим ветеранам, как бы призывая их в свидетели.

— Нет, вы гляньте, мужики... Иконостас как у самого Брежнева. Нет, вы гляньте!..

Он потянулся к пиджаку Подсевалова, но тот резким движением отшвырнул протянутую руку.

— Не дрыгайся, бля, я фронтовой разведчик! — заорал, поднимаясь с кресла Климов.— Загну салазки, так собственную мошонку сжуешь! Ты ответь, где медалей нахапал? Покойников обкрадываешь!.. Вон еще одну «За отвагу» навесил!..

Лавр Федосеевич беспомощно оглянулся по сторонам, покраснел, из горла донеслись неясные булькающие звуки.

— Не мяукай! — надрывался Фонарик.— Хватит, намяукался! В газете тебя пропечатать надо, отрыжка застойная, чтоб другим неповадно было!..

Разоблачение было столь неотвратимым и беспощадным, что Подсевалов счел за лучшее бежать из автобуса, расталкивая входивших ветеранов.

- Вы куда, Лавр Федосеевич? спросил его секретарь парткома, не слышавший слов Климова.
- Развели демократию! Плюрализмы поганые! топнул ногой Подсевалов и по асфальтированной дорожке нырнул в кусты акации.

Стоя за кустами, Лавр Федосеевич слышал, как в автобусе шумели, кричали, но за ним не шли, не догоняли. Потом автобус заурчал, окутался голубоватым дымком и начал выруливать на проезжую дорогу. Подсевалов присел за кустом, чтобы его не было видно, вляпался в грязь, еще больше разозлился и, не разбирая дороги, прямиком через заросли акации пошел домой.

Старухи у подъезда, конечно, заметили, что вид у Лавра Федосеевича растрепанный, обувь в грязи. Он прошмыгнул мимо них с опаской, но никто не сказал ни слова, лишь когда Подсевалов достиг третьего этажа, снизу послышались шепотки и вздохи.

— Что случилось? — удивленно спросила жена. — Сердце?...

Лавр Федосеевич утвердительно кивнул головой и, сняв обувь, прошел к себе в комнату.

Жена принесла корвалол. Подсевалов с отвращением выпил приторно пахнущую жидкость и отвернулся к стене. Его душила злость, слепая разрывающая сердце ярость ко всему на свете. Он ненавидел свой дом, свою жену, старух у подъезда, даже себя, что с ним случалось чрезвычайно редко, но больше всего он ненавидел этих новоявленных говорунов телевидения, газетных писак, талдычащих о какой-то перестройке и гласности. В них, этих пустомелях, вся загвоздка, ядовитый корешок. Был бы Он!.. Он сразу бы выдернул эту заразу. Все предали Его, все!.. Но он не дрогнет, он не предаст. Еще когда при Хрущеве выкидывали портреты из кабинетов, жгли в мусорных кучах, он принес Его домой, сохранил, повесил у себя в спальне.

Лавр Федосеевич сквозь затуманившие взгляд слезы с отчаянной преданностью смотрел на портрет вождя. Даже по внешнему виду никто из последующих ему в подметки не годился. Это был вождь, а остальные так, официанты...

Все началось с того, треклятого, письма на счет Берии. Нашли кого обвинять в измене!.. Подсевалов был тогда начальником режима в лагере. Наконец-то после мытарств на Колыме ему достался хороший лагерь на юге Сибири в пяти километрах от города. Хороший был лагерь, уютный, зэки сплошь пятьдесят восьмая, все ее пункты, народ смирный, работящий. Приехал, сразу коттедж дали, четыре комнаты. Расконвоированный зэк печи топил, полы драил, за огородом смотрел, корову доил. Вкуснее того молока он никогда не пивал, густое с легкой полынной горчинкой. Картошка, морковка своя, да паек еще. Деньги только на папиросы тратил. В Ялте каждый год отдыхал с Еленой. Потом всего один раз выбрался по профсоюзной путевке в Кисловодск, хотя ломал на работе за двоих.

Лавра Федосеевича всегда раздражали разговоры об ужасах лагерей. Он в эти разговоры не вмешивался, он знал только, чего не знали другие, он был не последней шестеренкой машины Гулага и понимал всю ее стройность и законченность. Никаких ужасов не было, а был режим, то есть порядок, а ужасы — это как посмотреть. Все, кто был расстрелян или посажен, были расстреляны или посажены на основании действовавших законов, а значит законно, и хлюпать носом и соплями брызгать нечего. А режим — всего лишь инструкция для хранения взрывоопасного материала. Есть ведь определенные правила хранения продуктов, бензина. Почему же человек, если есть цель его хранить, должен обходиться без инструкции по режиму?..

Зэки строили кирпичный завод, а Лавр Федосеевич хранил их согласно установленного режима. Никому в зубы не дал, не украл из зэковского котла ни крошки.

Почти каждого из пяти тысяч в лицо знал со своей автобио. И ни одного невинного перед законом не видел. Все были виновны. Все.

Лагерь был передовой. Первые места запросто брали. Внутреннее расположение — залюбуешься! Дорожки отборным песком посыпаны, в центре, у столовой — фонтан, скульптуры всякие. Павлины были, волчата, лиса — зоопарк. Потом в пятьдесят шестом сломали заборы, ликвидировали зону, и хлынула на кирпичный толпа из деревень. Все бараки опоганили, скульптуры поломали, цветники растоптали, а еще вольные. Сараюшек настроили, никакого вида не стало.

При ликвидации лагеря Подсевалова вышибли из органов без объяснения причин, но работу дали. Он стал начальником отдела на кирпичном заводе. Странная подобралась компания в руководстве завода. Мастера, главный механик, начальники цехов — сплошь бывшие зэки. И Подсевалов тоже бывший...

Нехорошее было время. Жизнь вибрировала, и непонятно было, в какую сторону она пойдет. От греха подальше Лавр Федосеевич затаился, на работе и собраниях все отмалчивался, знал, что человеку, при желании, что угодно пришить можно, а как это делается, он хорошо знал.

Только после шестьдесят пятого года чуток отошел. Почувствовал, что в стране порядок начал появляться. Конечно, новому вождю было далеко до Иосифа Виссарионовича, и все-таки хватка в нем была старая, своя. Болтуны поутихли, заслуженные люди стали занимать подобающее место. В том году завод крупно перевыполнил план, и Подсевалову вручили орден «Знак Почета».

Прикрутив его к парадному костюму, Лавр Федосеевич сразу почувствовал, что очень уж одинок орден на широкой в богатырской размах груди. Его прямо-таки бесила мысль, что он обойден, а его зэки, бывшие пленные, получили все отобранные награды, сейчас бряцают ими в президиумах и на демонстрациях. В этом факте Подсевалову виделась вопиющая несправедливость, ведь он побольше их положил сил и здоровья, отстаивая советскую власть на том участке, который ему доверила партия. Он вспоминал, как однажды чуть не утонул в таежной речке, когда гнался за беглецами. Разнимая драку между заключенными, он получил здоровенный удар по шее обломком водопроводной трубы и три недели провалялся в госпитале. А сколько раз его хотели убить на той же Колыме! Это был фронт, пострашнее того фронта, и не четыре года он на нем провел, а все пятнадцать, и ни разу не дрогнул. Он сражался на этом, пускай и внутреннем, фронте за правду, и пускай сейчас эту правду объявили ложью, но он был простой солдат и исполнял все, что ему приказывали. И если непредвзято посмотреть, то он сам теперь репрессирован еще похлеще, чем при Сталине, те хоть имели какую-то меру наказания, срок, а он был изгнан из органов и репрессирован бессрочно, то есть навечно. И это выдается за какую-то конечную правду!..

Собственно, все произошло случайно. Умер брат Елены, бригадир колхоза. Они с женой приехали в глухую деревушку. Брата схоронили. После похорон по обычаю каждый брал что-либо себе на память. Елена взяла старые фотографии, а Лавру Федосеевичу, как человеку серьезному и военному, перед которым она благоговела, жена брата отдала награды покойного.

Больше года пролежали ордена и медали в серванте, пока однажды без особой тайной мысли, но задетый за живое телепередачей об очередной пышной церемонии награждения в верхах, Подсевалов, вроде бы шутя, повесил награды на парадный костюм. Брат Елены был неказистый, вечно небритый человечек, награды он не носил, а на Лавре Федосеевиче ордена и медали засияли во всем великолепии. Он долго смотрел на себя в зеркало, прохаживался перед ним, наконец сел в кресло и задумался. Он понял, что снять с костюма награды будет свыше его сил, но что было делать?..

Эти внутренние боренья продолжались более полугода, пока все не разрешилось без всякой инициативы с его стороны.

Свое пятидесятипятилетие Подсевалов отмечал по-крупному. Собралась вся головка завода: директор, секретарь парткома, главные специалисты. Было много выпито, съедено и сказано приятных друг другу слов. В то время можно было погулять, жилось и дышалось свободно; благословенные времена, неханжеские нравы! Лавр Федосеевич крепко выпил, но мыслил и стоял на ногах прочно. Гости были моложе его лет на десять, пришли на завод недавно, Подсевалова они не знали, поэтому в тостах было много сказано одобрительных слов в адрес старшего поколения. И когда главный энергетик, мальчишка со студенческой скамьи, провозгласил тост за героя Отечественной войны, Лавра Федосеевича прошибла слеза. Это был великий момент. Он поцеловал главного энергетика и произнес целую речь о героизме и ответственности перед историей. Сказано было и о руководящей и направляющей роли партии, но сказано было с душой, и в этот миг все почувствовали себя единомышленниками, ощутили кровное родство.

Расходились за полночь. Подсевалов, забыв о наградах, одел парадный пиджак, и все, хотя и были пьяны, отметили про себя, в гостях у какого заслуженного человека они были.

Спустя неделю, секретарь парткома доверительно сказал Подсевалову:

— Поражаюсь вашей скромности, Лавр Федосеевич...

Тот пристально, особым взглядом, который выработался у него там, в зоне, посмотрел на секретаря.

- C вашим иконостасом,— уточнил тот,— с наградами, нужно быть почаще на людях.
- Кому это сейчас нужно,— уклончиво сказал Подсевалов.— Вы же видите нашу молодежь...
- Вот именно! Вы уж извините меня, но на встречу со школьниками вам нужно пойти обязательно. Покажите на примере своей жизни, где зло, а где добро...

Согласился Подсевалов с неохотой. Он вообще был не великий говорун, однако отступать было некуда.

И произошло странное. В школе, стоя под сотнями восторженных ребяческих глаз, он уверовал, что он и воевал, и что все награды заслужены им в бою. О войне Подсевалов говорил туманно, больше намекал на особые задания, но, главное, он верил сам себе, и ему тоже верили.

- Вы настоящих шпионов ловили? спросил его шустрый мальчишка из четвертого класса.
- Ловил,— ответил Лавр Федосеевич и осторожно кашлянул в здоровенный поросший рыжей шерстью кулак.

Появление еще одного заслуженного участника войны в поселке никого не удивило. Шла вторая половина семидесятых голов, время угара развитого социализма, время нескончаемых побед и ликований. Да и поселок стал другим. Бывшие зэки померли или разъехались, бараки снесли и наставили пятиэтажек. От лагеря остался один кирпичный барак усиленного режима, да и в том собрались открывать хлебный магазин.

Уличать в подлоге Лавра Федосеевича никто не собирался, и подвела его обыкновенная утрата бдительности и меры.

В восемьдесят пятом году он уже был на пенсии, когда начали выдавать ордена участникам войны в связи с сорокалетием со дня Победы. Подсевалов, естественно, в военкоматских списках не значился, и ордена ему не полагалось. Это обстоятельство заставило его задуматься.

Выход нашелся сам собой. Умер Зуев, выгрузчик кирпича. Подсевалов знал его еще по лагерю. На похороны пошел, даже нес крышку гроба, а через пару месяцев подкатился к вдове, так, мол, и так, ездил в деревню, потерял орден. Зуева отдала орден без слова, да еще и медаль «За отвагу». Лавр Федосеевич целый вечер проси-

дел с вдовой, провздыхал, фотографий старых до зевотной ломоты в скулах нагляделся, но черт его дернул попросить бабу, чтобы она никому не говорила про то, что он взял награду. То ли поэтому, то ли по чему другому, но эта история просочилась, и старухи у подъездов начали перемывать Лавру Федосеевичу косточки.

Особенно усердствовала Сметаниха. Стараниями Подсевалова ее в свое время уволили с завода за пьянку, и теперь она дождалась своего часа. Каких только ему преступлений не приписали старые бабы! Оказалось, что он гонит в стиральной машинке бражку, скрывается от алиментов, а недавно залез к Корпачихе, отсыпал перо из подушки и съел полкурицы. Корпачиха этот факт подтверждала, добавляя, что Лавр Федосевич, когда она его застала на месте преступления с недоеденной куриной ногой в руке, скрылся, пройдя сквозь бетонную стену. Потом углы в квартире освятили, перестал приходить, а то спасу не было. Это была громкая история, над которой хохотал весь квартал. Дошла она краем и до Подсевалова, и с тех пор он не мог без содрогания смотреть на старух у подъезда.

А те сидели, как ни в чем не бывало, и только появлялся Лавр Федосеевич в своем парадном одеянии, начинали считать награды. Хоть и подслеповатые, со всякими диоптриями, а все выглядывали и считали. Люди посерьезнее отмахивались, а они, как жуки-точильщики, втихомолку делали свое дело. Словом, создали вокруг Подсевалова негативную атмосферу. А сегодня прорвало с похмелья Климова. Хотя кто он такой?.. Лавр Федосеевич два раза оформлял его в ЛТП, а тот посидит, полечится и заливает за воротник хлеще прежнего. Не в нем, не в Фонарике дело...

Последние три года сама жизнь качнулась в сторону и Подсевалову опять, как после смерти Сталина, стало неуютно жить. Опять болтуны наверх полезли, газеты открыть невозможно, демократия, гласность. Слава Богу, хоть на пенсии. Опять трухлявые зэки в героях и страдальцах ходят, опять все то, чем жил Лавр Федосевич, чему поклонялся, проклято и заплевано. Как жить?.. Одна надежда, что пошумят, пошумят, да и войдет все на круги своя. Было уже это — и шум, и низложение авторитетов, побесились и поняли, что из штанов не выпрыгнешь, и успокоились, принялись порядок наводить. В России всегда так надо — сначала порядок навести, а потом уж все остальное, вплоть до демократии и гласности. А они — нет, наоборот затеяли. Ну, ничего, жизнь укоротит узду.

Весь день промаялся на диванчике Лавр Федосеевич с этими невеселыми мыслями. Нехотя пообедал, посмотрел телевизор. И в телевизоре все было не так: какие-то полуголые патлатые девки орали, кривлялись, потом выступал крупный военачальник, спотыкался на каждом слове, но той правды, по которой стосковался Лавр Федосеевич, не было. В конце концов он разозлился и начал облачаться в парадный костюм.

У дверей подъезда по-прежнему судачили старухи. Подсевалов подошел к Корпачихе и грозно спросил:

— Ну и что тебе не нравится?.. Отвечать прямо!

Старуха опешила, засучила руками и ногами.

Что ты, батюшка, все нравится, все до крошечки...

Лавр Федосеевич победно крякнул и повернулся к Сметанихе, но той уже и след простыл.

— Так-то вот! — пробурчал Подсевалов и, четко печатая шаг, пошел по своему обычному маршруту вокруг дома.

യത്തെ

Петр Любестовский (г. Сельцо, Брянская область)

МАТЬ СОЛДАТА

Наш постоянный автор.

Любовь мы завещаем женам, Воспоминанья— сыновьям, Но по земле, войной сожженной, Идти завещано друзьям.

К. Симонов. «Смерть друга»

Помнится мне из детства, как каждой послевоенной осенью, а нередко и весной, отец собирался в дальнюю дорогу. Мать готовила ему котомку с нехитрой едой и обязательно клала в сумку какой-нибудь подарок: домотканое полотенце с вышитыми петухами, кружевной платочек, теплые вязаные носки или простенькую темносинюю косыночку в белый горошек, купленную в сельмаге.

Мы провожали отца за околицу. На прощание мать наказывала ему:

— Кланяйся от нас Анне Арсентьевне, желай ей доброго здоровья и долгих лет жизни.

Я был мал и поначалу думал, что отец не забывает своих фронтовых друзей в Белоруссии, наведывается к ним в гости. А когда подрос и услышал имя женщины, которой мать передавала приветы и подарки, понял, что ошибался. Однажды я спросил у матери:

- А кто такая Анна Арсентьевна, которую навещает отец?
- Это мама его фронтового друга, героически погибшего в неравном бою с фашистами на Курской дуге. А теперь и его мама... Вот уже несколько лет отец во время отпуска навещает старушку, которая до сих пор не ведает, что ее сына давно нет в живых...

С Мишей Климовичем отец познакомился на курсах артиллеристов накануне войны. Приглянулся ему этот белокурый белорусский парень с непростой судьбой, никогда не унывающий, общительный, дружелюбный и очень находчивый. Отец тоже пришелся Михаилу по душе, и они крепко подружились. И оба были несказанно рады, когда после окончания курсов их вместе направили в стрелковый полк, который базировался на территории Белоруссии, под Могилевом. В полку отца назначили командовать 45-миллиметровой противотанковой пушкой, и он, подбирая себе боевой расчет, сумел убедить командование, чтобы наводчиком у него был Михаил Климович. И в дальнейшем отец ни разу не пожалел об этом.

В грандиозном танковом сражении под Прохоровкой, в минуты короткой передышки между боями, Михаил Климович, словно предчувствуя беду, обратился к отцу:

— Впереди тяжелейшее испытание — смертельный бой. И если кому-то из нас доведется выжить, то он просто обязан навестить родных погибшего и сообщить им о последних часах его жизни. У меня на белорусской земле в небольшой деревушке

осталась старенькая больная мать. Она совсем слепая, а недавно соседка написала, что мать перенесла тяжелую простуду и стала очень плохо слышать. Бедная мама, опасаюсь, что она пропадет без меня...

— Не волнуйся, брат,— ответил отец,— будем живы да богу милы, а остальное все в наших силах. Давай лучше думать о том, как нам и на этот раз выйти победителями в предстоящем ожесточенном сражении. Ведь мы с тобой везунчики — из какого пекла выбрались в первые дни войны под Могилевом?! Да и в дальнейшем не раз приходилось туго, но Бог миловал...

После артподготовки началось наступление полка, завязался жестокий бой, в котором Михаил Климович был смертельно ранен осколком снаряда. Истекающий кровью, он напомнил отцу об уговоре и попросил передать матери личные документы и награды...

Зимой 1945-го при форсировании реки Одер отец получил тяжелое ранение в ногу. После длительного лечения его комиссовали из армии, и по весне, прямо из госпиталя, он отправился в лесную белорусскую деревеньку с красивым названием Серебряный Ручей, где жила мама Михаила Климовича, Анна Арсентьевна.

Отыскав неказистую хатку на окраине деревни, отец постучал в окно. Маленькая сухонькая старушка в телогрейке и цветном сатиновом платочке приникла к окну. И тотчас, всплеснув руками, живо открыла дверь и с порога бросилась в объятия. Она плакала и приговаривала:

— Сыночек, родненький, Мишенька мой любимый, я так ждала тебя, все глаза проглядела, день и ночь молила Бога, чтобы ты вернулся живым и здоровым. И Господь, наконец, услышал меня. Я ночами не спала, все прислушивалась, боялась проспать твой стук в окно...

Отец-детдомовец с малых лет не знал ласкового слова «сыночек». Он с трудом проглотил душивший его комок, смахнул набежавшую слезу, крепко обнял и поцеловал старушку:

— Не волнуйся, дорогая мама, теперь мы снова вместе и у нас с тобой все будет хорошо,— заверил он ее.

Засучив рукава, отец стал помогать Анне Арсентьевне по хозяйству. О Мише не проронил ни слова и соседку Любу, которая навестила Анну Арсентьевну, предупредил, чтобы та не проговорилась ей: правда о сыне может убить больную старушку.

Отец долго не решался поехать домой, к своей семье, не зная, как объяснить Анне Аресентьевне свою отлучку, чтобы не обидеть старушку, оставив ее одну, но спустя время отважился обратиться к ней:

— Мама, прости меня, но мне необходимо отправиться в город, который я освобождал. Там мне предложили работу и жилье. Там и девушка моя живет, которой я писал письма с фронта и из госпиталя. Она меня очень ждет. Ты только не переживай. Береги свое здоровье. Обживусь в городе и заберу тебя к себе. А пока буду часто навещать, заботиться о тебе...

Старушка всплакнула и с горечью молвила:

— А соседка Любушка все эти годы ждала тебя, сынок, письма писала, надеялась на что-то. Мне много помогала по дому и в огороде, а когда я хворала, лечила меня, ухаживала за мной. Девушка видная, душевная, покладистая. В ее руках все горит. Хорошая жена и невестка кому-то достанется — хозяйка будет на редкость...

Отец промолчал. Что он мог ответить старушке?! Что его друга, а ее сына, которого Любушка ждала с фронта — нет в живых. И девушка обо всем знает и ужасно страдает, но не подает виду...

— Коль душа не лежит — не надо себя неволить, сыночек. Устраивай свою жизнь, Мишенька. За меня не беспокойся. Я уже привыкла жить одна. Да и Любушка не забывает, каждый день навещает, помогает, чем может. Слава Богу, я дождалась тебя, знаю, что живой... Только заглядывай почаще домой, не забывай свою мать.

Прошло время, и отец получил из деревни письмо, написанное по просьбе старушки ее соседкой. В письме сообщалось, что Анна Арсентьевна простыла, тяжело заболела, испытывает сильную слабость и напоследок обращается с просьбой:

— Мишенька, сыночек дорогой, я захворала и хочу взглянуть на свою будущую невестку. Привези, покажи, а то умру и голоса ее не услышу. А мне так хочется знать, что за женщина с тобой рядом — настоящая хозяйка или так себе, душевный человек или нет, способна ли на добро и ласку, обучена ли женской работе, можно ли на нее положиться, когда столкнетесь с жизненными трудностями...

Выполняя волю Анны Арсентьевны, отец отправился в гости к ней вместе с моей матерью. Мать Анне Арсентьевне очень понравилась.

— Хороша молодка — цены ей нет, — хвасталась соседям старушка. — Хлопотунья редкая — минуты без дела не сидит. Избушку свою не узнаю — солнышко в ней заиграло — все перестирала, перемыла, вычистила, в палисаднике и в огороде порядок навела. А сыночек тем временем заготовил дров, подлатал крышу, почистил печную трубу, истопил баньку. Я так рада, что у молодых все ладится. Даст Бог, скоро детки пойдут — дом наполнится радостью и весельем...

Когда Анна Арсентьевна немного поправилась и пришло время родителям возвращаться домой, старушка разволновалась, прослезилась:

- Вот теперь и умирать не страшно. Душенька моя спокойна. Правда, внучат не дождалась, но знаю, что детки у вас будут красивые, ласковые, добрые, будут навещать бабушку на погосте, приносить цветы. А я буду смотреть на них с небес и радоваться.
- Мама, я хотел бы, чтобы ты переехала к нам. Тебе здесь очень трудно одной. Мы уже и комнату тебе приготовили. Собирай свои пожитки. Я тебя на машине отвезу,— предложил отец.
- Спасибо, сыночек,— вытерла кончиком платка слезы Анна Арсентьевна.— Боюсь, что не выдержу дальней дороги сердечко тревожит. Да и зачем тебе лишние хлопоты я для вас только обузой буду. Я и так благодарна Господу, что ты столько лет бережешь меня, заботишься обо мне. Не переживай. Я уйду с легкой душой...

На похороны Анны Арсентьевны мы ездили все вместе. На поминках старушки отец рассказал селянам о ее отважном сыне, героически погибшем на Курской дуге, а те благодарили отца за сыновнюю заботу о матери фронтового друга, за его доброе сердце.

И письма, и награды Михаила Климовича отец передал председателю местного сельского совета. Спустя время отец поставил на могиле Анны Арсентьевны памятник, а рядом, в оградке — символический памятник боевому другу с красной звездочкой на вершине.

До конца своих дней, в День Победы, отец продолжал ездить в белорусскую деревушку на могилу фронтового друга и его матери. А теперь, когда отца нет в живых, там бываю я. Ухаживаю за могилами, возлагаю цветы. Могилы всегда содержатся в хорошем состоянии. Недавно я узнал, что над ними шефствуют местные школьники.

യ്യാരുയ

Дмитрий Афенчук (Горловка, ДНР)

ГЛУПЫЙ ВОРОБУШЕК (притча)

Выпускник Донецкого автомобильно-дорожного института и педагогического университета. Поэт, прозаик. Организатор мероприятий, сценарист. Член литературного объединения «Забой». Публиковался в городской, областной и республиканской прессе.

Задумал как-то воробей в зоопарке подружиться со львом. Подлетел в вольер и сел возле миски.

— Мое почтение, дорогой лев! — прочирикал воробей.

Лев отдыхал в тени неподалеку. Подняв свою большую гриву, он удивленно уставился на маленькую птичку. Недовольно зарычал:

— И тебе не хворать!

Воробушек сорвавшись с места, начал прыгать по вольеру.

— Лев, а лев, и все это твой дом? — пропищал с удивлением.

Послышался опять недовольный рык и голос царя зверей:

— Да.

Назойливая птичка не унималась:

— А скажи, что ты ешь и как добываешь пищу?

И подлетев совсем рядом, воробушек присел у самой морды льва. Тот, оторвавшись от полуденного сна, не очень обрадовался такому соседству, пробасил:

— Ем исключительно мясо, а здесь кормят люди.

Резко скинувшись с места, в воздухе проделав пару кульбитов, воробей присел у миски с провиантом.

- А можно я попробую у тебя еду? лев недовольно прищурил глаз и буркнул:
- Валяй.

Воробушек ткнул клювом, отщипнув немного от большого куска. Проглотив, подлетев к самому уху льва, крикнул с досады:

— Не вкусная у тебя пища! Зернышки лучше клевать...

Лев, взмахнув резко лапой, попытался отогнать от себя назойливую птицу. Видя все это, с досадой малыш прочирикал:

— Правда ли во всем зоопарке считают, что ты самый сильный? — прыгнул, ухватившись за прутья клетки, повис вниз головой воробей, при этом уставившись в глаза собеседнику.

Льву сей разговор стал наскучивать, и он захотел избавиться от назойливого воробья.

- Слушай, сказал хитрец, а может, попробуешь, примеришь на себя титул царя зверей?
 - А разве так можно? удивилась птичка.
 - Ты смышленый и бойкий, как раз подойдешь, а я уже старый, многое не под

силу, — закивал в разные стороны головой лев, и, расправив лапы, вытянулся во всю длину.

Недолго думая, глупый воробей вылетел из клетки вольера и устремился вдоль клеток. А лев и ближайшие обитатели вольеров, которые слышали их разговор, долго смеялись над тем, как крохотный воробей до самого вечера летал по всей округе и щебетал кому не попадя о своем мнимом величии.

લ્ક્ષ્મભ્કશ્ચ

Сергей Калинин (г. Барнаул)

Публицист, поэт, прозаик. Живет в Барнауле. Профессиональный юрист, член Ассоциации юристов России. Начал писать в юности. В 1989 г.— слушатель литературной студии «Родничок» при Алтайском отделении Союза писателей СССР. В настоящий момент реализует себя в малой прозе для детей и юношества.

КОВАРНАЯ БУРЛА

Невдалеке от деревни протекала небольшая речушка с названием Бурла. Невзрачная на вид, она тянулась в солончаковых целинных степях почти на пятьсот километров. Река была с норовом и в засушливые годы пересыхала чуть ли не до ручейка, но в дождливые наполнялась до края берегов и несла свои воды бурным потоком по цветущей степи, за что и получила свое название. Луговые травы быстро выгорали под палящими лучами солнца, когда дождей не было и стояла сушь. Однако, после того как проходили регулярные дожди, разнотравье степи расцветало калейдоскопом красок.

В тот год было жаркое и сухое лето и Бурла оголила свои бочаги и броды, однако купаться и ловить карасиков было очень даже с руки, чем мы с братьями и занимались. Мне было все интересно и в диковинку, оно и немудрено, ведь я был городским ребенком. Особенно мне нравилось ловить рыбу. Братья купались, а я с завидным упорством не сводил взгляд с поплавка удочки. Клюет, не клюет, клюет... не клюет.

Надо мной небо пронзительной синевы без единого, даже малюсенького, облачка. Оно мне представлялось глубоким голубым океаном, на дне океана лежало солнце, которое ласкало меня своим теплом, смешиваясь с легким ветерком и укладывая ровный загар на мое лицо и плечи.

Рыба уже давно перестала клевать, плавать я не умел и поэтому сидел на песчаном берегу, наблюдая за братьями, которые плавали и ныряли буквально как рыбы. Все что я умел, это заходить в воду по пояс и, вытянув вперед руки, оттолкнувшись от дна ногами, выбрасываться на берег, как очумевший от жары кит. Во всех остальных случаях я, как якорь, неизменно шел ко дну. Но я не отчаивался и продолжал тренироваться, потом устал и прилег, закопавшись по грудь в теплый песок.

Накупавшись и назагоравшись, братья засобирались домой. После купания всегда страшно хочется есть. Идти в обход через мостик далеко, не меньше трех километров. Поэтому решили сократить дорогу и просто переплыть речку, пройти полем, а там и до дома рукой подать. План был великолепен. Сказано — сделано. Собрав вещи, братья переплыли на другой берег и пошли. А я остался, видимо придремав. Резко ощутив свое одиночество, я вдруг сел и дико закричал им в след. Братья остановились в недоумении. И как это они могли меня забыть!?

Брожу по берегу. Туда-сюда. Внутри все клокочет от обиды. Забыли. Плавать не

умею. Дорогу домой не знаю. Страшно, а вдруг нападут волки!? Ведь Бурла в переводе с казахского — «волчье место» и бабушка рассказывала, что раньше здесь водилось много волков. Вдруг волки прибегут и в темный лес утащат. Далекий лес резко придвинулся к моей спине, повеяло холодком. Хотя нет, до леса далеко, не дотащат. Эх, наверное прям тут на бережку съедят и не подавятся. Останутся от меня только косточки. Братья на том берегу совет держат как меня выручать.

Решено. Старший брат меня перевезет вплавь. Простой, смелый и очень изящный план. В одно мгновение, как торпеда, брат оказался рядом. Носом шмыгаю, а сам вида не подаю, что напугался.

- Вот так вот сядешь на меня. Тут обхватишь ногами, а руками будешь держаться за плечи. Понял? спрашивает меня брат.
 - Давай попробуем на берегу.

И вот уже брат лежит на песчаном пляже, а я сижу верхом на его спине. Все понятно. Все просто и вовсе не страшно.

Заходим в воду и плывем. Брат оттолкнулся ото дна, и начал работать ногами и делать брасы руками. Летят брызги, в одно мгновение спина и плечи становятся влажными и скользкими. Боясь соскользнуть, я обхватываю брата за шею и крепко сжимаю объятия. Брат начинает задыхаться, теряет плавучесть и рефлекторно сбрасывает меня с себя в воду.

И я тону. Медленно погружаюсь на дно. Почему-то не страшно. Вокруг мутная вода. Кручу головой, глаза привыкли, но все равно видимость не очень, вода бурая. Вдали промелькнула серебром стайка рыб. Так вот где надо было ловить! Воздуха начинает не хватать, он потихоньку выходит из меня струйками пузырьков, которые красиво уплывают вверх. Тону. Жаль только мама будет плакать. Не хочу, чтобы она плакала. Где-то вверху появляется свет. Как будто солнышко. Свет не удаляется, а наоборот его становится все больше. Он буквально окружает меня. Вот бы воздуха хватило, чтобы, коснувшись дна, выйти по нему на берег. Не хватит. Остался последний пузырик, провожаю его взглядом, свет меркнет, и я слышу голоса. Последнее, что промелькнуло в голове: не хочу, чтобы мама плакала, и, наверное, я попаду в рай. Вижу лицо улыбающейся мамы, становится тепло. Голоса усиливаются.

— Раз-два, раз-два, раз-два. — слышится в голове.

Резко резануло в животе, горло дерануло песком и я, как кит, выпустил ртом фонтанчик воды. Легкие задышали, открылись глаза. Передо мной было очень испуганное лицо брата. Другие братья жались поодаль и возбужденно перешептывались. Мы почему-то по-прежнему были на моем берегу, брат пытался мне улыбнуться, я улыбнулся им в ответ. Слава богу, мы вместе.

Все устали и напуганы, но идти через мост все так же не хочется. Чуть выше по течению река обмелела так, что едва доходит до колена. Братья посмотрели на меня и в голос сказали, что мне почти по грудь, но меня будут держать за руку. Решено. Идем вброд!

В моей голове тут же возникает картинка: представляю, что мы с братьями, как белорусские партизаны в дедушкиной книге «На Немане ждут своих», форсируем водную преграду. Пока фантазировал, мы оказались у переправы. Брод мелкий, как говорится, даже курица перейдет, сквозь бурую воду видно песчаное дно реки с рядом темных пятен — это бочаги, глубокие омуты. С виду безобидные, они как колодцы, если попал, то одному не выбраться. Идем. Друг за другом. Внимательно смотря под ноги, чтобы не попасть в омут. Брат идет впереди и держит меня за руку.

Вдруг моя нога соскальзывает и я, не успев даже крикнуть, снова тону, инстинктивно вытянул вверх руки. Как заправский якорь, медленно опускаюсь на дно омута. Снизу идет жуткий холод. Все тело сковывает от ужаса. Вверху маленький круг света и какая-то тина или водоросли. Изо всех сил отталкиваюсь от стенок бочага ногами. Песок осклизлый, вода от холода густая, как сметана, но я чуть-чуть подаюсь вверх.

В этот момент брат успевает схватить меня за руку и вытягивает из бочага. Перепуганные, стоим на берегу. Мы переправились. Братья успокаивают меня. Хотя сами напуганы не меньше.

— Не боись! Кто дважды тонул, теперь никогда не утонет! Быть тебе водолазом! — подбадривают братья, стуча зубами. От холода, наверное.

А брат молодец, не растерялся, спас меня, вовремя первую помощь мне оказал. И во второй раз руку вовремя в бочаг протянул. Дедушка за ужином сказал, что если бы брат меня не скинул в реку, то могли утонуть оба. Это сейчас я понимаю, что брат спас мне жизнь, а тогда я просто сидел вечером с братьями за столом, пил горячий чай с молоком, ел вкусный бабушкин пирожок, слушал возбужденный рассказ братьев о себе самом. Потом их разговор стал замедляться, как если бы пластинку на семьдесят восемь поставили на тридцать три, потом я полетел на мягких бабушкиных руках в спальню, по дороге услышав новые выражения: «плавает как утюг», «не зная брода, не лезь в воду»...

С тех пор я точно знал, что не утону, что даже безобидная на вид река может быть коварна и опасна. Жаль только, что плавать я так и не научился и водолазом тоже не стал.

ЕЖ И МАСЛО

Стоял душный летний вечер начала августа. Воздух, прогретый за день солнышком, висел раскаленной массой и не спешил остывать. Ветра не было.

Придя из бани, хозяин дома первым делом полез в холодильник за квасом. Выпив залпом прямо из бутылки изрядное его количество, он со вздохом присел за стол, поставив бутылку с остатками кваса рядом с собой. По красному лицу ручьями тек пот. Тяжело дыша, он выпил остатки кваса и попытался отвлечься чтением газеты. Напрасно, сердце бешено колотилось, буквы прыгали, лучше выйти на воздух, авось легче станет. За окном уже стемнело. Пробежав взглядом по кухне, он заметил, что забыл вынести мусорное ведро. Вот заодно и с пользой прогуляюсь, подумалось ему. Накинув свежую рубаху, взяв фонарик и ведро, мужчина вышел на улицу.

Спустившись с крыльца и подойдя к воротичкам в огород, в дальнем конце которого была мусорная яма, он неожиданно зацепился ведром за колесо с водой. Хозяин в свое время воспользовался старым дедовским способом, когда большие покрышки от трактора кладут на землю, бетонируют дно, и получается дешевый и практически вечный бак для поливной воды. Подсвечивая тропинку фонариком, хозяин выбросил мусор и благополучно вернулся обратно. Подходя к дому, он из любопытства посветил в то место, где зацепился ведром. Оказывается, из ведра выпала обертка от куска масла с заветренными его остатками. «Завтра подниму, не буду руки после бани марать»,— подумал мужчина. Но заходить в дом не хотелось, с приходом темноты на улице стало гораздо свежее.

Присев на крыльцо, он положил рядом фонарик и посмотрел на небо. А небо в ответ посмотрело на него. На какое-то мгновение от восторга и изумления перехватило дыхание. Это вечный эффект от созерцания вселенной. Кажется, что ты находишься в центре мироздания и ощущаешь себя маленькой частичкой вселенной на фоне бесконечного количества звезд. Но в то же время звездное небо всегда дарит покой и равновесие, оно всегда успокаивает и вдохновляет.

Внезапно вспомнились школьные уроки астрономии, мужчина нашел на небе созвездие Большой Медведицы из семи ярких звезд, полюбовался Млечным Путем — серебристой светящейся полосой, проходящей через созвездие Кассиопеи. Млечный Путь был больше похож на туман, туман из звезд.

Ночное небо немного посветлело, взгляд начал привыкать к темноте. Изредка в ночи доносился звонкий одиночный лай деревенских собак, который сразу же затихал. Ночное небо так заворожило, что мужчина погрузился в глубокие раздумья.

Вдруг за колесом с водой что-то резко зашуршало. От неожиданности мужчина вздрогнул. Мысли, в которые он был погружен мгновение назад, улетучились, голова стала ясной и чистой. По спине пробежал холодок, но он быстро взял себя в руки. Змея? Гадюк в этом году встречалось неожиданно много, что было нетипично для этой местности. Аккуратно, не создавая лишнего шума, хозяин дома нащупал рукой лежавший рядом фонарик и направил его в сторону непонятного звука, резко нажав на кнопку. Луч света прорезал темноту и в его всполохе мужчина увидел необычную картину. К нему в гости пришел еж! Большой взрослый еж деловито развернул обертку из-под сливочного масла и аккуратно съедал все остатки. После чего, с грустью посмотрев на пустую обертку, морщась от света, еж деловито зашагал по тропинке в сторону огорода. Хозяин дома разразился хохотом, хлопая себя ладонью по бедру, в другой руке луч света от фонарика прыгал в разные стороны. Деревенские собаки сорвались в дружный перелай. Где-то хлопнула дверь. Мужчина быстро выключил фонарик и ушел в дом. Как и всех людей его ждал мир сновидений.

Весь следующий день он думал про ежа. Его не удивляло, что хищник пришел на запах масла. Ведь ежи видят неважно, зато нюхают и слышат хорошо. Под вечер они выбираются из своих укрытий в поисках пищи и за ночь проходят иногда до трех километров. Насколько знал мужчина, основу меню этих колючих четвероногих составляют взрослые насекомые, гусеницы, слизни, иногда дождевые черви, также они не прочь полакомиться жабами, саранчой, яйцами птиц, ящерицами и мышами. Так что рацион ежа далеко не диетический и яблочная диета у ежей бывает только в мультфильмах и рекламных роликах. Мужчина улыбался своим мыслям. Но про ежей-пожирателей сливочного масла мужчина до этой ночи не знал!

Любопытство и жажда эксперимента пересилили. Вечером, завершив дела в огороде и поужинав, мужчина отрезал небольшой кусок масла и положил его на обертку, которая так и лежала за колесом. Теперь она из оброненного мусора превратилась в тарелку для ежа.

Дождавшись темноты, мужчина занял наблюдательный пост на крыльце и, как в прошлую ночь, стал ждать гостя.

Еж пришел! Деловито обнюхав кусочек подтаявшего масла, фыркая, он с аппетитом поужинал. После чего удалился, исчезнув в темноте. Так продолжалось пару вечеров.

На третий вечер случилось нечто необычное. Как всегда положив кусок масла, мужчина сел наблюдать. Это уже стало традицией. Лесной зверюге деликатес, а ему развлечение, все не так скучно коротать вечера. Это странное гастрономическое пристрастие ежа спасало мужчину от одиночества и вносило некое разнообразие. К тому же присутствовал азарт! Еж ведь мог испугаться и не прийти! Но в этот вечер случился особенный визит! Из темноты послышался странный многоногий топот. Заинтригованный мужчина замер в ожидании. Он уже давно не пользовался фонариком, а оставлял включенным свет на веранде, создавая эффект полумрака и возможность наблюдать за ночным гостем. Вначале в проеме воротичек появился его старый знакомый. Еж внимательно осмотрелся по сторонам, прошел немного вперед, еще раз осмотрелся и издал какой-то непонятный звук. Неожиданно следом появилось три ежонка, а за ними важно вышагивала, видимо, ежиха. От волнения у хозяина перехватило дыхание. Ежи подошли к куску масла. Вначале попробовал наш еж-гурман, а после его одобрения ежи обступили бумажку с маслом и воистину можно было наблюдать семейный ужин! Когда трапеза подходила к своему завершению и от масла оставались лишь одни воспоминания, мужчина неожиданно многократно с оттяжкой чихнул! Ежи поспешно, но с достоинством организованно убежали в темноту огорода.

Три последующие ночи еж не приходил. Масло оставалось нетронутым. Хозяин не на шутку загрустил, уже успев привыкнуть к ночному гостю. Но наутро масло исчезло. Обрадованный, он продолжил свои наблюдения и кормления ежа. Еж осво-

ился и уже почти не обращал внимания на мужчину, сидящего на крыльце, но свою колючую семейку больше не приводил. Так продолжалось около месяца, потом еж исчез, наверное, начал готовиться к зиме. Вскоре завершился огородный сезон и мужчина уехал зимовать в город.

Зима была суровая. На следующий год ежи не приходили. Бумажка с кусочком масла на протяжении всего лета так и оставалась нетронутой. «Наверное, ежи, погибли зимой», — думал хозяин деревенского дома, скучая по своему другу — гурману. Так прошло два сезона.

История про ежа начала понемногу забываться, хозяин перестал менять старое масло на свежее, бумажку давно занесло ветром под штабель старого теса рядом с колесом. Но как-то раз, в ночных потемках возвращаясь домой из бани, он услышал шорох возле колеса! Луч света от фонарика выхватил из темноты силуэт ежа, ню-хающего старую пустую бумажку из-под масла! Сердце мужчины бешено заколотилось от радости! Он быстро метнулся в дом, трясущимися руками отколол кусок масла прямо из морозильника, возвращался обратно с надеждой, что гость не сбежал.

И верно, еж не спешил уходить. Любовь к маслу, как хороший вкус, оказалась вечной, а дружба человека и ежа настоящей! Ведь это очень важно — дарить другу свою любовь, пусть и в виде маленького кусочка масла, важно доверять друг другу и очень важно не забывать своих друзей. Еж хрустел бумажкой, хозяин, сидя на краешке крыльца, вновь умиротворенно вглядывался в звездное небо. Ночь завораживала и вдохновляла. Каждый человек хоть раз любовался ее загадочной красотой. Она как волшебная пора размышлений, отдыха, творческих порывов, вдохновения и любви. Мужчина понял, что еж преподал ему очень важный жизненный урок. Урок любви, верности и дружбы! Настоящей.

യ്ക്കാരുള

Сергей Салтыков (г. Нижний Новгород)

УДИВИТЕЛЬНАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

Родился в Макеевке Донецкой области. После окончания средней школы уехал на учебу в Запорожье. В 1983 г. окончил Запорожский государственный медицинский институт, а в 1984 г. — Ленинградские высшие курсы МВД СССР; в 1989 г. — Харьковский юридический институт имени Ф. Э. Дзержинского. Служил в уголовном розыске, подполковник милииии.

За шестьдесят с лишним лет жизни несчетное количество раз благодарил сам и получал благодарности от других. Искренние и формальные, словесные и деятельные, заслуженные и не совсем заслуженные. Как-то незаметно и естественно вошло в привычку не только наслаждаться чувствами и эмоциями, вызванными самим актом благодарения, но и многократно мысленно возвращаться к событиям, ставшим его непосредственной причиной. Мне понятны были психические механизмы этих повторов. Чувство благодарности — одна из самых мощных и приятных эмоций, относящихся к разряду эмоций-констатаций, объединяющих все сферы и функции нашего сознания. Человеку не только приятно, но и жизненно необходимо таким образом оценивать правильность и полезность своих поступков. В то же время, это — переходный мостик, подсознательная мотивация к постоянному продолжению этих приятных ощущений через последующий этап психической деятельности, а именно, через эмоции-побуждения.

Подобные размышления со временем сложились в некоторое подобие теории благодарности. На каждый ее тезис и постулат в памяти хранилось множество интересных и поучительных жизненных примеров. С некоторых пор волевым усилием старательно пытался в собственном обиходе заменить слово «спасибо» на более подходящее, по моему мнению, слово «благодарю». Все последние годы был уверен, что в вопросе понимания смыслов и ощущений всего спектра эмоций благодарности и благодарения познал все, что можно было познать, и ничего нового и удивительного добавить невозможно. О том, что сильно ошибался по этому поводу, убедился вчера.

Нашей мамы дома не было, с утра уехала на учебную практику в областную больницу. Отец и сын хозяйничали в квартире самостоятельно. В положенное время, строго в соответствии с режимом дня, покормил малыша супом, в качестве десерта использовал свежий банан и компот из ягод. После этого решил перекусить и сам. Пока ел, сынишка развлекался игрушками рядом, прямо на кухонном полу. Заметив в моих руках дольки колбасы, стал настойчиво просить поделиться. У нас с женой был уговор всячески избегать в рационе малыша даже условно сомнительных по полезности продуктов. Колбасу до этого он пробовал в небольших количествах всего 2—3 раза.

Понимая, что ребенок только что поел, сыт и доволен съеденным, некоторое время как мог уклонялся от выполнения его настойчивых просъб. Потом, не зная почему, отцовское сердце дрогнуло — я отщипнул от колбасной дольки небольшой 148

кусочек и протянул сыну. Он на мгновение замешкался, как-то недоверчиво и робко взял его двумя пальцами. После этого, вопреки неизменной привычке тут же сразу отправлять все вкусное, красивое и интересное на апробацию в рот, глядя мне прямо в глаза, четко и правильно произнес: «Спасибо!»

Мою реакцию на это слово можно расписать на несколько сотен страниц. Назвать происшедшее потрясением, шоком, невероятным удивлением и изумлением и объяснить все, пользуясь лишь одним чувственным или одним рассудочным компонентом восприятия,— невозможно. Без их совмещения и объединения с небольшой предысторией — просто не обойтись.

Первое, что необходимо отметить, это — наш с сыном возраст. Он моложе меня на шестьдесят один с половиною год! Неделю назад ему исполнилось полтора. Любой более-менее образованный взрослый человек в той или иной мере наслышан о феномене позднего отцовства, навскидку приведет несколько аргументов «за» и «против» этого рискованного и спорного в моральном плане мужского поступка. Мало кто решается подвести итоговый баланс без наличия в своем жизненном опыте конкретных примеров.

Рождение сына стало для меня не просто осуществлением многолетней несбыточной мечты, но и главным смыслом жизни, наполнившим абсолютно новым содержанием и значением все остальные смыслы, предыдущие и последующие жизненно важные поступки и события. Безграничное и невыразимое по силе и полноте счастье усиливалось контрастом переживаний и страхов, связанных с его и нашим с женой здоровьем, пандемией коронавируса, а чуть позже — вооруженным конфликтом на юго-востоке Украины.

Предчувствуя, что ребенок будет необычным во многих отношениях, еще до его появления в нашем бренном мире начал вести дневниковые записи, а по наиболее значимым и интересным моментам его развития старался писать более объемные и подробные заметки и комментарии. Не надеясь на свой прошлый медицинский опыт и двухгодичный период работы в детском саду, по каждому тревожному или сомнительному поводу советовался с педиатрами и детскими психологами, штудировал специальную литературу. Вишенкой на торте стало наше с женой согласованное решение о необходимости получения ею медицинского образования, т.е. завершения юридической карьеры и поступление на учебу в медицинский колледж.

Больше всего внимания уделялось психическому развитию ребенка. Не мудрствуя лукаво, я отдал предпочтение традиционному русскому стилю воспитания мужской части нашего народа. Сыном, в первую очередь, должен заниматься отец, все остальные — лишь помогать ему в случае необходимости. Не стану отрицать, я прекрасно осознавал тот дефицит времени и возможностей, который естественным и неотвратимым образом противостоял моему отцовскому счастью. Ради сына я отказался от всего, от чего только можно было отказаться. С раннего утра и до вечернего отбоя мы постоянно были вместе.

К промежуточной значимой дате, возрасту в полтора года, мы подошли с отличными результатами — отменными показателями физического здоровья, наличием всех необходимых навыков и умений, словарным запасом более чем в 280 слов (при общепринятой возрастной норме 20—70 слов). Вот этот последний фактор и заставил меня взглянуть на ситуацию совсем другими глазами. С момента произнесения первых слов ребенка аккуратно, под порядковым номером и датой, заносил информацию в свой ежедневник. Когда количество стало переходить в определенное качество, для упрощения подсчета и устранения повторов завел отдельный блокнот с алфавитной разбивкой страниц. Даже предварительный анализ первых результатов развития разговорной речи сына в пух и прах разнес все мои знания и опыт по данной теме, полученные в мединституте, лечебных и воспитательных учреждениях, в процессе воспитания старших дочерей.

Теория о том, что сознание и память ребенка в процессе взросления заполняются словесно оформленными понятиями с нуля, с абсолютно чистого листа, и включаются в разговорную практику последовательно проходя стадии кратковременной и долгосрочной (постоянной) памяти, стала трещать по швам. Вскоре я уже не сомневался, что у моего сына этот процесс протекает иначе.

У меня нет опыта настоящих научных исследований. И сейчас я не ставлю перед собой подобных целей. Достаточно моего образования, атеистического философского мировоззрения и врожденного стремления к истине, чтобы удержать себя от понятийных ошибок, сползания в религию, оккультизм или мистику. Тем не менее, результаты осмысления процесса формирования словарного запаса сына на некоторое время завели в тупик. Я не находил готовых ответов ни в классической педиатрии и детской психологии, ни в собственной, еще очень «сырой» и не до конца осмысленной, гипотезе. Ее основные и самые спорные доводы предполагали не только существенное расширение возможностей генетического способа наследования, наличие и активное участие в формировании речи ребенка коллективного бессознательного и опыта прошлых поколений, но и еще одного автономного и малоизвестного механизма развития базовых функций сознания человека.

На сегодняшнем этапе наблюдения я не могу сказать, присущ ли этот механизм всем детям, или только какой-то отдельной категории малышей. Я бы не набрался смелости озвучивать его публично, если бы буквально на днях не прочитал короткую заметку об исследованиях британских ученых. На основании многолетних наблюдений, тщательного их анализа и кропотливой статистической обработки, они пришли к выводу о том, что в зависимости от своего возраста отцы передают своим детям разные по количеству и качеству, информационному и смысловому наполнению объемы наследуемых функциональных и морфологических признаков. Это научное открытие подсказало мне выход из создавшегося тупика. Теперь, на примере собственного сына, я могу спокойно продолжать наблюдения в конкретно обозначенном направлении.

Если максимально кратко изложить первоначальную гипотезу объяснения неординарного процесса развития речи сына, ее опорными аргументами будут следующие выводы. С определенного времени малыш непроизвольно запоминает целые словесные блоки, улавливаемые им из разных источников. Этими источниками могут служить прямые обращения к нему кого-то из родителей и родственников, их разговоры между собой, разговоры с третьими лицами на прогулках вне дома, речь из телефонов, телевизоров и радио и т.д. Эти словесные блоки объединяются с элементами чувственного восприятия, хранимого в бессознательной части психики, обретая таким образом конкретное смысловое наполнение. Этот мысленно-чувственный комплекс, минуя транзитом фазу краткосрочной памяти, безо всяких тренировочных повторений может длительное время храниться в долгосрочной памяти ребенка. В необходимом случае, в соответствующей ситуации малыш произвольно и осознанно воспроизводит его не с целью передачи информации, а с целью констатации понимания смысла происходящего и выражения своего отношения к нему.

Абсолютно однозначно и ответственно могу утверждать, что ни я, ни жена до этого случая ни разу не произносили слово «спасибо» непосредственно в адрес ребенка. В быту мы также не страдаем излишней, показной вежливостью и демонстративной фамильярностью с частым употреблением этого слова. Контакты с ближайшими родственниками и третьими лицами — только в нашем присутствии и тоже не отягощены частым употреблением слов взаимных благодарностей. Самая большая вероятность в правильном определении источника падает на мультфильмы, транслируемые по телеканалу «Карусель». Большинство из них мы смотрели вместе. В них довольно часто звучат выразительные благодарности по разным причинам и поводам. Но в большинстве случаев смысловая связь поступков мультяшных героев с

благодарностью за их значимость и полезность затруднительна для восприятия даже родителями, а не только самими детьми в возрасте полутора лет.

Подобная ситуация ранее произошла с его первым употреблением слова «соседи». В этом случае источником озвучивания данного понятия стал наш с женой разговор, спровоцированный слабой звукоизоляцией стен и слышимостью громких разговоров и других шумов в квартире соседей. В данном случае имелась возможность установления точного промежутка времени между моментами формирования понятия «соседи» и временем его первого произвольного озвучивания в подходящей ситуации. Это случилось через 8 дней. Конкретным поводом послужил звук захлопывающейся входной двери на нашей лестничной площадке. Причем, услышав этот звук не через стену в комнате, а через входную дверь в коридоре, малыш все равно смог свести воедино все необходимые понятийные элементы и спокойно и уверенно выразить смысл происходящего всего одним словом: «Соседи!».

Даже находясь в состоянии крайнего изумления после произнесения сыном первого в жизни слова благодарности, я продолжал беспристрастно фиксировать и анализировать все внешние проявления процессов, проходящих в глубинах его развивающегося сознания. Секундная задержка перед взятием кусочка колбасы в руку, долгий и пристальный взгляд прямо мне в глаза, четкость и искренняя интонация произношения самого слова, последующая длительная, почти безразличная пауза во внимании к самому колбасному ломтику — весь этот набор существенных деталей однозначно подвел меня к неожиданному и парадоксальному выводу. Я скорее почувствовал, чем понял умом, что сын благодарил меня вовсе не за желанный кусочек вкуснятинки. Его благодарность выносилась мне совсем за другое. За то, что я в последний момент изменил свое первоначальное решение, признал его просьбу важнее педагогических и диетологических наставлений, а преемственность наших характеров и мужскую солидарность поднял до уровня доминирующего принципа наших семейных взаимоотношений!

യായ

Юрий Жекотов (г. Николаевск-на-Амуре)

ДВА ДУБЛЯ С МЕДВЕДЕМ В ГЛАВНОЙ РОЛИ

Родился в Николаевске-на-Амуре. Окончил Иркутский педагогический и Приморский сельскохозяйственный институты. Печатался во многих литературных журналах. Победитель литературных конкурсов. Член Союза писателей России.

Большая часть охотников, достойно неся бремя жизни, никогда не изменяют своим пристрастиям и увлечениям. Не часто, но нужно признать, и такое случается: был человек буквально помешан на охоте, ни одного весенне-осеннего пролета птицы не пропускал, на выходные, праздники и во время отпуска только охотничьи планы строил, и не было у него других забот, а потом вдруг бац, и как будто подменили человека, или шестеренка у него какая-нибудь поизносится, или полная пробуксовка организма начинается, или еще чего, но на удивление всем друзьям и родственникам бывший заядлый охотник прячет ружье поглубже в сейф, запирает его на два прочных замка и начинает дружить исключительно с фотоаппаратом.

А есть уникумы — единичные индивидуумы — которые, минуя всякие промежуточные стадии, не нюхая пороху, сразу подаются в фотоохотники. Василий Нырков — инженер по технике безопасности на местном кирпичном заводе, среднеарифметического телосложения и невыдающихся внешних данных легко бы мог затеряться в общей массе обывателей, умиротворенных течением размеренной жизни, но увлекся фотоделом с претензией вырасти до суперпрофессионала. Еще с подросткового возраста Вася начал выравнивать горизонты и делить кадры на приятные глазу пропорции в объективе «Смены», а позднее и «ФЭДа». В начале 2000-х уже возмужавший Нырков обзавелся кинокамерой «Панасоник» и, переснимав всех знакомых и родственников, городские архитектурные особенности и достопримечательности, обратился к ее величеству природе, загоревшись идеей собрать в свою киноколлекцию как можно большее количество ее пернатых и четвероногих представителей. Имея в знакомых нижнеамурских охотников Владимира Сомова и Николая Присяжнюка, на пике своей фотокарьеры Василий вышел на них с просъбой:

- У меня уже в киноархиве солидные звериные трофеи: заяц, белка, бурундук... Чтобы подвести черту, нужен позарез медведь. Устройте мне подходящую ситуацию для съемки!
- Медведь это не бурундук! Может в кадр не влезть!.. Мы просили, да топтыгин не соглашается!..— поначалу отшучивались друзья-охотники.
- Я бы не обращался к вам, да мест не знаю, где медведи водятся! настойчиво добивался своего фанатически преданный делу фотографии Нырков. Он использовал разные подходы, давил на совесть охотников, воздействовал на их «неразвитое сознание» через общих знакомых, воодушевленно цитировал при личной встрече вождя мирового пролетариата Владимира Ленина: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино!..»

Николаевск-на-Амуре — городок небольшой, столкновений нос к носу не избежать, и тут уж не решенный «по вине» охотников фотовопрос почти что всегда обозначался, и если напрямую не назывался, то определенно утяжелял атмосферу человеческих отношений. Охотники поневоле стали избегать компаний и мест, где мог объявиться Нырков, но так бесконечно продолжаться не могло.

Первым сдался Николай Присяжнюк:

— Да шут с ним! Не отстанет же! Всю плешь уже проел! Давай возьмем его с собой? — обратился он к Владимиру Сомову.— Денек-другой потеряем. Зато прежнюю свободу приобретем!

Владимира Сомова долго уговаривать не пришлось.

В конце сентября щедрая нижнеамурская осень, обвенчавшись с ветром, то и дело заводила золотые хороводы, таежный воздух насквозь пропитался пряностями зрелой грибницы, засыпающего листа и уставшего солнца. Косяки кеты, преодолев тысячекилометровые расстояния водного пути по Тихому океану, устремились в дальневосточные реки. Раскрашенные в малиново-фиолетовые цвета лососи, утратив всякий интерес к пище, но пугая своими изогнуто-клыкастыми челюстями рыбную мелочовку — хариусов и каменушек, штурмовали шумные перекаты, устраивали брачные танцы в нерестовых ключах.

Решили охотники отвезти настырного фотографа к одной из добычливых засидок, сооруженной ими несколько лет назад, недалеко от звериной тропы, проложенной мигрирующими медведями к местам нереста рыбы.

Подозрительный интерес к особенностям охотничьего снаряжения Василий Нырков проявил еще по дороге к месту съемок:

- С чем мы идем на медведя? Какие у нас есть против него аргументы?
- Чего? не поняв сути вопроса, отозвался Владимир Сомов.
- У меня кинокамера, и это понятно. А ты, Иваныч, если что, как медведя встречать будешь? уточнил Василий Нырков.
- Два патрона в стволах, два в руке,— не стал таиться Владимир Сомов, признавшись в отсутствии у него тяжелого артиллерийского вооружения.
- Да-а-а, не густо,— без особого оптимизма констатировал Нырков и переключился на Николая Присяжнюка: А ты, Степаныч?
- К карабину магазин на десять патронов полагается. У меня полный комплект. И запасной имеется,— отчитался Николай Присяжнюк.

Не уточняя марки оружия и калибра патронов из снаряжения охотников, Нырков объявил:

— Я, пожалуй, с тобой буду ходить, Степаныч!

Медведь — зверь осторожный и непредсказуемый, даже опытный охотник на выверенном месте может его неделю и две прождать, а все безрезультатно. Чтобы не распугать прежде времени таежных обитателей, «участники съемочной группы» договорились во время перемещений по лесу не переговариваться, а подавать сигналы жестами. Николай Присяжнюк шел первым, за ним следовал Василий Нырков. Немного поодаль передвигался Владимир Сомов.

Уже на подходе к засидке Николай Присяжнюк заметил медведя. Косолапый рыл землю, откапывая какой-то сладкий корешок. Застопорившись, медленно приподняв левую руку и указывая в сторону зверя, Николай Присяжнюк привлек внимание фотографа к внезапно объявившемуся топтыгину. Затем, припав к подломленной ветрами старой березе, охотник взял карабин наизготовку. В то же время в двух десятках метрах от Присяжнюка, у мохнатой ели, опустившись на колено, дополнительно страховал «съемочную группу» Владимир Сомов.

Ныркову сказочно везло: пройдя не больше километра по лесу, он уже встретился с долгожданным объектом для съемки, его безопасность гарантировала пара знающих свое дело охотников, организовав «круговую оборону». Вдобавок, прямо

перед ним маячила естественная «тренога» в виде скособоченного к земле дерева, установив на нее камеру, можно было добиться нужной стабилизации кадров. Но удача, увы, застала главного режиссера врасплох...

Прошло минуты полторы с момента встречи с медведем, топтыгин по-прежнему увлеченно откапывал сочную «земную сокровищницу». Теша себя надеждой, что видеокассета наматывает на себя «шедевральные» кадры пленки и убедившись в отсутствии какой-либо агрессии со стороны зверя, Николай Присяжнюк наконец перевел взгляд на фотографа. Василий Нырков лежал под изогнувшейся в дугу хлипкой березой, приняв скрюченную позу эмбриона какого-то звериного детеныша, и затравленно озирался по сторонам. К чести фотографа, камеру из рук он не выпустил.

— Вася, снимай медведя! Уйдет же! — охотник приглушенным голосом призвал фотографа к активным действиям.

Не пытаясь встать, будто оглушенный недавней артиллерийской канонадой, Нырков перевернулся на живот и принялся с усердием вжиматься в землю.

Посчитав, что фотограф споткнулся в неподходящий момент об лесную кочку, зашибся и корчится от нестерпимой боли, Присяжнюк пришел на помощь. Опираясь на руку охотника и тяжело дыша, Нырков поднялся. Словно окрашенный густой известью — без единой кровинки на лице, с отрешенным и погруженным в какие-то внутренние страхи взглядом, Нырков еле слышно прошептал: «Где он?»

Медведь, конечно, дожидаться фотографа не стал. И без того дав промашку, запоздало заметив людей, зверь ретировался в глухой таежный ельник.

- Снять-то хоть успел? спросил Присяжнюк.
- Кажись, вышло чего-то,— промямлил неуверенно Нырков, перематывая отснятую пленку.

Без особой надежды на новую встречу с медведем, съемочная группа вышла к охотничьему лабазу, сооруженному на пятиметровой высоте между рядом стоящими деревьями. Усадив Ныркова на дощатом настиле лабаза и указав направление возможного появления медведя, охотники расположились на скрадке по соседству.

После достаточно шумных съемок первого «медвежьего» дубля, вероятность повторного появления зверя в этом месте, по мнению охотников, была близка к нулю. Однако удача не спешила отворачиваться от доморощенного кинорежиссера, местные топтыгины, по-видимому, желая зазвездиться в уходящем сезоне, упорно лезли в кадр.

На закате дня, когда солнце запуталось в вязких кронах ели, у скрадка объявился крупный косолапый и запозировал перед объективом, как продвинутая фотомодель: поупражнялся с отягощением-валежиной, катая ее туда-сюда, поворачиваясь при этом то левым, то правым боком к фотографу; похваляясь своим богатырским ростом, встал на задние лапы, поводил носом, инспектируя округу на посторонние запахи; от излишка сил раскорябал ствол лиственницы, поставив опознавательные метки; выбрав корявую ель с растрескавшимся комлем, устроил из нее чесалку для спины.

Спустя некоторое время на лесную опушку пожаловал еще один медведь, поменьше в объемах, чем первый. Вероятно, живя в сытости-согласии, делить нечего, толи родственники по материнской линии, поначалу встретились топтыгины как старые добрые друзья. Поприветствовали друг друга обнюхиванием на расстоянии, затем сошлись вплотную и устроили дружеский борцовский турнир. Повозились, покряхтели. Но, наверное, один из косолапых применил запрещенный болевой прием, что разозлило другого. Схватка стала набирать обороты и носить все более ожесточенный характер. Наконец менее габаритный медведь не выдержал и, треща сучьями и ветками, бросился наутек, второй, угрожающе рыкая, пустился в погоню.

Между тем о своих правах все увереннее заявляла ночь. Посчитав, что для съемок не только отдельных фотографий, но и полноценного фильма уже было предоставлено достаточно возможностей, обозначив себя двумя выстрелами вдогонку медведям, охотники слезли со скрадка и подошли к лабазу с Нырковым.

- Вася, слазь? окликнул фотографа Николай Присяжнюк.
- После затянувшейся паузы с лабаза раздался вопрос:
- Где медведи?
- Утекли и привет тебе передавали! Слезай!
- Они не вернутся? с сомнением уточнили с лабаза.
- Сейчас сбегаем, спросим,— продолжали шутить Сомов и Присяжнюк. Но у фотографа напрочь пропало чувство юмора. Немалого труда стоило охотникам уговорить его спуститься «с небес» на бренную землю. На Ныркова напала предательская икота. И ни похлопывание по спине, ни брусничный морс, которым с сочувствием почивали Ныркова охотники, никак не изгоняли икоту на Федота или куда-то еще.

Будто он уже десяток лет не ходил в отпуск и с утра до зари только и делал, что разгружал баржи, бесконечной вереницей стоявшие под разгрузку в амурском порту, обессиленно откинувшись на заднем сидении «уазика», возвращался домой Василий Нырков в полуобморочном состоянии. Для фотографа было великим открытием, что настоящие медведи не идут ни в какое сравнения с мультяшными и сказочными. Под впечатлением недавних правдивых картин жизни, расчувствовавшись и растрогавшись, так и не умерив икоту, оставив видеокамеру в машине, фотограф забыл откланяться на прощание и поблагодарить охотников.

По просьбе помощников режиссера, пожелавших лично лицезреть плод своих трудов и стараний, показ кинематографа был намечен на ближайшую субботу в квартире у Николая Присяжнюка. Благо, был у хозяина видеомагнитофон, и до поры оставалась кинокамера, позабытая фотографом. К видеомагнитофону нужен был лишь специальный адаптер, куда вставлялась кассета из кинокамеры. Адаптер обещал принести Нырков.

К назначенному времени пришли Владимир Сомов с супругой, подтянулась пара знакомых охотников, несколько соседей по подъезду, племянник-школяр Николая Присяжнюка, прознавший, что будут крутить фильм про амурских медведей, захвативший с собой несколько любопытных юных приятелей — всего набралось полтора десятка зрителей. Последним прибыл главный режиссер и оператор в одном лице, понемногу начинающий приходить в себя после затратных для нервной системы таежных съемок.

Наверное, стоило бы изначально проверить и отредактировать кадры, а потом выносить их на просмотр публики, но под давлением обстоятельств Нырков немного похимичил у видеомагнитофона, и включился первый дубль...

Крупным планом высветились желтые листья с мельчайшими прожилками. Затем, наискосок, оживая и вздрагивая поплыл лесной массив. Камера неожиданно резко метнулась в небо, разыскивая там хотя бы единое облачко, но безуспешно, вернулась на землю, потряслась-помандражировала и надолго утонула в золоте опавшей листвы...

Конечно, для продвинутого интеллекта контраст цветов осени и неба, другие дрожащие колориты таежных картин из первого видеоклипа дали бы полное основание признать автора новомодным и авангардным режиссером, придерживающегося самых передовых взглядов, не боящегося смелых экспериментов, иносказательно настраивающего зрителя на высокую эстетическую волну. Но на невзыскательного, доморощенного зрителя фильм не произвел никакого впечатления, и даже больше — не оправдал его ожидания. Собравшиеся хотели увидеть, хотя бы издалека, простого амурского медведя. Их ожидание затянулось, но терпение не иссякло. Пришло время для просмотра второго дубля...

Но что это случилось? Как всегда, в самый неподходящий момент непредвидимая поломка аппаратуры или вовсе отключили электричество?! Да нет же, вроде бы продолжал работал видеомагнитофон. Но на экране телевизора отражалась лишь беспросветная ночь. Ни сполоха закатного солнца, ни далекого блика костра, ни ма-

люсенькой звездочки — ничто не оживляло ход кинособытий. Кое-кто из зрителей стал тереть глаза: «Что это удалось запечатлеть режиссеру? Астрологическое явление — солнечное затмение? Или настало вечное царство тьмы? Сбылось предсказание древних алхимиков, злобных предсказателей и прорицателей?! Апокалипсис?! А может, это какая-то редкая ипостась видения переходных граней жизни и смерти, особый изыск, будоражащий особым образом настроенные умы, шедевр, подобный картине Казимира Малевича «Черный квадрат»?!»

Но вдруг среди ночи, вступив в борьбу с темными силами, дзинькнула синица, ей из глубины экрана отозвалась другая. И вот вроде как забарабанил дятел, может, и не он, но очень похоже. А этот голос уже точно, ни с каким не спутаешь: с экрана закричал невидимый дикий голубь — витютень. А после витютня, как из преисподней, раздался приглушенный, но все-таки отчетливо слышимый человеческий голос: «Во, оглобля! Мамочки мои!». Затем щебетание птиц, перекличку дятлов и воркование голубя заглушили крики неизвестного лесного зверя, но так похожие на человеческую икоту:

— Ик, ик, ик...

Зрители пребывали в полном недоумении, переглядываясь и страшась неведомого, постепенно отодвигались подальше от экрана телевизора.

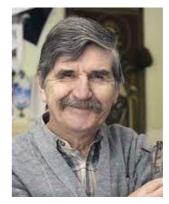
— Так он же при съемке не снял крышку с объектива! — не удержался от реплики один из сообразительных молодых зрителей, пришедших за компанию с племянником Николая Присяжнюка...

После похода в лес «на медведя» Василий Нырков напрочь охладел к природе и впредь настраивал свою кинокамеру исключительно на мирные городские картины.

യ്യാരുയ

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Владимир Сорокожердьев (г. Мурманск)

Владимир Васильевич Сорокожердьев родился в городе Кирове, детство и юность прошли в вятской глубинке. В 1971 году окончил Литературный институт, уехал вслед за отцом на Север. Работал шофером, ученым секретарем Мурманского отдела Географического общества СССР, проводником почтового вагона на линии Мурманск — Баку. Участник VI Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве в 1975 году, по рекомендации которого в издательстве «Современник» выпустил первый сборник. Автор 9 поэтических и многих краеведческих книг о Севере. Стихи публиковал во многих журналах. Проза и стихи переводились на скандинавские языки. Лауреат Международной литературной премии им. В. Пикуля. Почетный гражданин города Колы Мурманской области. Живет в Мурманске. Член Союза писателей СССР/России.

ФОРТОЧКА

Если Ленинград — окно в Европу, То Мурманск — форточка Ленинграда. Из советского фольклора

Как старый фильм залег на полочку, Былые пали времена, Когда считался Мурманск форточкой У ленинградского окна.

А Ленинград — град многоопытный — Придерживал ее слегка, Чтобы не очень громко хлопала От Баренцева сквозняка.

Да не хватило сил физических, И стала форточка потом Арктическим и атлантическим Самостоятельным окном Открытым полюсу, Европе, Свою историю творя, В окне том, как в калейдоскопе,— Причалы, люди, якоря.

Все это на любовь умножьте, Чувств человеческих разгул; И я однажды в том окошке Судьбой короткою мелькнул.

ГЕРБ КОЛЫ

У Колы на гербе есть кит. Гербы рождаются непросто: Наш город Кола знаменит Еще Петровским китоловством.

Его былая старина Веками множилась, копилась, По злому умыслу она Почти совсем не сохранилась.

Но уцелел кит на гербе! В геральдике довольно редок. Как благодарен я тебе За этого кита, мой предок!

Неведомо, каким он был, Последним чудищем, возможно, И к нам из прошлого приплыл, Чтобы рассказывать о прошлом...

«РЯБИНУШКА»

Зимою вьюгами помятый, К исходу лета нежен он, Мой город, ягодами взятый, Рябиной зрелой полонен!

Жалеть деревья, удивляться: Как вместе с городом смогли, В скалу вцепившись, удержаться На самом краешке земли?

Не потому ль у барной стойки Средь моряков — рука к руке — Звенит ласкательно, достойно «Рябинушка на коньяке».

Она, как женщина, дождаться Смогла из океанской мглы, И помогает им держаться На круглой палубе земли.

ХРУЩЕВ

Жара на Севере — не ново. Когда в большой поездке был, Так грело солнышко Хрущева, Что он «полярки» отменил.

Я помню день... Ворон и чаек Жара прижала в стороне, Он, к мурманчанам обращаясь, Сказал: «Вы дороги вдвойне».

Свернули встречу ходко, быстро Под свист трибун и кутерьму: Та реплика двойного смысла Не приглянулась никому.

Перетрудилась голова Его партийного высочества, Да и погоды жернова Не так вращаются, как хочется...

пряник

Язык и радует, и ранит. Какой-то узаконил псих Слов сочетанье «кнут и пряник», Придумал общее для них.

Великолепен сдобный слиток В домашнем кухонном углу. Живите там, в подвалах пыток, Не лезьте к чайному столу,

Где щедрый самоварный краник И разговор не про битье. Не оскверняйте тульский пряник, А в Туле есть еще ружье.

* * *

Европа — оружейный дом — Пугала трезво или пьяно Наполеоновским штыком И танками Гудериана.

Вернулось мало их домой. Французов и германцев морды Толпой бежали под Москвой, А кто замедлился — замерзли. С зимою сызмальства дружны, Веселья много в эту пору, А на Крещенье полстраны (и президент) ныряет в прорубь.

И не имперский ли посыл — Как, отряхнув с себя Онегу, Идет мальчишечка босым По свежевыпавшему снегу.

Зима — им смерть, кто был палач, Кто кормит танками Украйну. Для русских снег всегда горяч И — за пределом пониманья.

* * *

Первопроходцы! Честь им, старым... Мой край, раскинувший холмы, Своею площадью составит Три европейские страны.

А может, и охватит больше Тех, малых государств букет, Давно принадлежавших Польше, Теперь уже той Польши нет.

У европейского корыта Готова злобою истечь С тоской о Речи Посполитой, Жаль, что оставили ей речь.

дом у воды

Иногда растревожит, поманит Берендеева глушь, не сады, И затерянный в той глухомани — Одиночества дом у воды.

Так махнем за дождями и ветром, На звериные глянем следы! Места хватит в том домике светлом — Одиночества дом у воды.

С осторожностью рыб познакомит, С певчей удалью местной среды Убежавший из города домик — Одиночества дом у воды.

В этом мире, совсем не убогом, На букет соберутся цветы,

И совсем-то он не одинокий, Одиночества дом у воды.

Мы собрали морошку и щавель, На прощанье расплакалась ты. Мы вернемся к тебе, обещаем, Одиночества дом у воды.

лодочник

Захудалого слова не скажет, Если что-то по жизни не так. Он гребет, словно крыльями машет, И взлететь все не может никак.

Весь — в улыбке мужик, сил не жалко, Он еще полетит, был бы жив. Рассудительно ходит, вразвалку, Два крыла на плечо положив.

Не поднимется в небо, пожалуй, Ну, зачем ему лишний почет? Он и так на селе уважаем Из-за речки, что рядом течет...

хибины

Е. Шталю.

И будто увеличены биноклем Походные саамские шатры — Хибины!

Пассажир увидеть мог их
Летящего вагона изнутри.
...Душевно в зябком Питере простились
Мы с другом, не без рюмочной возни.
Настойчиво просил он: «Не проспи их,
Потом расскажешь, каковы они...».
Для гор в душе у друга много места,
Они его разили наповал —
И на Эльбрусе был, на Эвересте,
В Хибинах низкорослых не бывал,
Хотя спортсменам там места родные.
И он, пока не подали состав,
«Потом расскажешь, друг, они какие!» —
Хрипел,

меня таская за рукав. Прощание уже на грани спора, Под лязг колес, огней вокзальных шелк Он требовал Хибины, чтобы горы Не только я увидел —

и прошел!

...И видел я березоньки кривые, А в небе тучам каменный насест, И впадины, и башни боевые — Хибины-то огромные какие, И каждая хибина — Эверест!

БЕРЕЗА

Мы уже на крыльце сентября, И по сроку летят, как и прежде, Листья осени с календаря, А береза листву еще держит.

Как не хочется быть ей нагой, Сучья видеть, кому интересно, Рисовали совсем не такой И слагали душевные песни.

Я всегда ее облику рад, Дух березы — лекарство на старость. Ну, подумаешь, листья летят, А картины и песни остались.

ЗАПОЛЯРЬЕ

Скромных зарослей нас не лишайте, Ивняки — это наши сады, А бегущий по склону лишайник — Столь желанные сердцу цветы.

Оживляют, себя не жалея, Горемычные с виду края Неприглядная оранжерея, Филармония — тоже своя.

Полной грудью, а не по наперстку Разбежавшимся утром дышать, Спелых ягодок пробовать горстку, А потом уже полнить ушат.

Тем лишайником можно лечиться, Слушать ветер — умеет же петь! Зазевавшись, чуть-чуть заблудиться, От восторга слегка умереть.

МУСТА-ТУНТУРИ

На вершину Му́ста-Тунтури́, Словно в душу дьявола залезли. Здесь в войну нападало железа, Только полог дерна отвори. Что хребтина горная для нас: То ли это камень надмогильный, Будущее ли печам плавильным, Лома оружейного запас?

Так живем, за них переживая, Кто здесь лег. Но хватить голосить, Надо бы железо вывозить, Где ты, где ты, лошадь ломовая?..

* * *

На красоту земли голодные, Туристам есть чего сравнить, Увидеть морюшко холодное И даже чуточку проплыть.

Веселых, благостных и чопорных На побережье занесло, В отличие от моря Черного Здесь и к полуночи светло.

А солнце на море — медлительно И это надо видеть — как Оно ласкает снисходительно Лучом Териберский маяк.

А маяку — умолкнул на лето — Такие шутки ни к чему, Ведь море Баренцево налито, Не солнцу налито, ему!

ЗАПОВЕДНИК

…И есть Лапландский заповедник, Чтоб мир живой не лег костьми — Так пишем, а в уме — посредник Между природой и людьми.

Там можно видеть, за калиткой, В определенные часы Оленя дикого улыбку И выставочный хвост лисы.

Пловчиху знатную — ондатру, Ораву с шишками бельчат, И как по телетайпам дятлы В газеты разные стучат.

Зайдите же зимой ли, летом По-дружески, не на поклон,

Вам заповедник будет ведать О том, что знает только он.

РОДНИК

И встретилось песчаное корытце, Земля дышала холодом под ним. Не принято, я знаю, торопиться, Когда вам улыбается родник.

Приветливый всегда, неповторимый В глуши лесной, в колодце ли любом... Среди бродяг, как и ручей, любим он, И я тянусь к нему открытым ртом.

Родник бурлил легонько, тонко тенькал, Сказать хотел: тоскливо одному. А я стоял пред ним на четвереньках Из уваженья полного к нему!

Не только потому, что смог напиться, Я Волгу вспомнил, русский человек, Что началась с такого же корытца, Как множество других великих рек.

68890889

Елизавета Баранова (Весина)

(г. Тула)

БЕЛЫМ-БЕЛО

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

МАЯТНИК

«Маятник — система, подвешенная в гравитационном поле и совершающая колебания под действием силы тяжести, силы упругости и силы трения».

Материал из свободной энциклопедии Википедия

M

Встаешь — а маятник скрипит,— уже скрипит, как самый первый вороний бас, как недосып — скрипит и действует на нервы.

Туда-сюда, туда-сюда так монотонно, плавно, едко: так поднимаются со дна, с глубин веков посланья предков.

Так входит полночь — смерть с косой — войдет и всех, кто рядом, спрячет. Так возвращается слепой за тем, чтоб свет пролили, к зрячим.

Так раскрывается окно — наотмашь, настежь —

сквозняками. «Хлоп-хлоп, хлоп-хлоп», стучит оно и полумесяцем сверкает.

Так тишина стоит в ушах.
Так дышит оборотень в спину:
ты шаг — он шаг.
Ты шаг — он шаг.
И так его дыханье стынет.

...Но в доме нет таких часов, в которых маятник бы бился с такой — больнейшей — из частот: не ровно, не легко, не быстро.

Так что же это и стучит, и скрипом — медленным — изводит? Воображение? Почти... Неотвратимость? Что-то вроде...

A

Сегодня маятник ходил, как сумасшедший — то и дело. И стая призрачных ехидн на потолке, смеясь, сидела.

Они шумели, не стыдясь, меня дразнили и кривлялись. Что выпускает эту мразь? Какой подвал, могильник, кладезь?

Я их хотела разогнать, потом пыталась их не видеть, потом истошно из угла сама кричала им: «Изыди»!

Они раскачивались в такт, пока весь дом не закачался. Зубная боль порой не так изводит как их зубоскальство!

... А в полночь маятник стучал, как роем в два-три миллиарда точила б сабли саранча об оселок, лежащий рядом.

Ни на кого и ни на что я не могла переключиться,—так постоянство начало менять собой периодичность.

И как в одном и том же сне, бокал вина просился в руку и там отчетливо краснел, как снегиря краснеет грудка.

Я

Сегодня маятник молчал, как много лет назад умерший. Луна была, что алыча — тугой, зеленой, недозревшей.

Я попыталась отдохнуть от этих стуков — повседневных. Но, словно Паночка в Хому, болезнь в мои вцепилась нервы,—

она своей сухой рукой меня держала, словно клещи, а тишина и роковой теперь казалась, и зловещей.

И мне хотелось раскачать, и растолкать махину эту: «Давай, работай, каланча, размах приравнивая к метру!

Давай, вздымайся на дыбы! Давай, испытывай на прочность во мне подтаявшие льды обид, тревог, эмоций прочих!!!

Давай взлетай и падай без каких-нибудь противовесов!

...Но вечный маятник исчез со своего былого места...

И вот — опять — размер в размер моих кистей и в пору мыслям, как свет заката, розовел бокал с полусухим игристым.

T

...Поют старинные часы — заведено так — сводным хором, как те, кто искренне чисты своим — к воротам в рай — приходом,

как будто Храм, до самых звезд, наполнен звуком — плотно, гулко, как будто руку кто занес над беднотой у переулка,

как будто слышен гул Земли, ее молитвы, и, как будто, священник масло не залил в лампаду пасмурного утра.

Идут старинные часы через века, как через миги. Идут и горды, и честны, как будто истины достигли.

Идут упрямо, по прямой. Теряют отблеск позолоты. И стоек ключик — жестяной, о них исполненный заботы.

Живут старинные часы, как будто брошенные замки, где тень от сгорбленной свечи из окон выкрадут зеваки,

как склеп, как чей-то монумент живут, самим себе переча, производя один момент и упуская его вечно...

Н

...А где-то ходит кривошип. Кинематическим движеньем вот и сейчас он совершит энергии высвобожденье,—

бери ее и поглощай! Перерабатывай, расходуй! И с коленвалом сообща ритмично совершай работу!

Приложим силы: тянет вниз так сила тяжести, что только не падай,

двигайся,

держись, переноси нагрузки стойко!

Но компенсируется все: когда опора перегнулась, от разрушения спасет вверх устремленная упругость.

И сила трения не даст сорваться,

выскользнуть,

прерваться.

Но и при этом целый пласт создаст невидимых препятствий.

...Но бьется, бьется, бьется так неумолимо бьется сердце! И измерима частота его ударов в гигагерцах!...

И не устанет маховик толкать шатун и двигать поршень.

И вечный двигатель хранит секрет того, как сам он мощен.

И

...Я отвлеклась на пять минут. На пять часов. На пять ли суток. На пять ли лет, веков... Но тут меня вернул в себя рассудок.

Как будто лезвие косы среди окошенного луга, был месяц. Выросши в кресты, пересекли дома друг друга.

Так незамечено вошла в мое пространство мыслей полночь. Стоял такой трезвон в ушах, что мне потребовалась помощь.

Мне становилось горько, и спасать отказывалась вера да просто в жизнь. Отгородить как судьбы от секундомера?!

Мне было страшно осознать, что смертен в теле каждый атом. Кричать хотелось — не со зла — от недосказанности! Матом!

Бежать, бежать бы далеко, но от самих себя не скрыться: и там есть маятник Фуко, и там есть маятник Капицы.

И мной себе сказалось: «Что ж, раз к нам журавль не смог спуститься, то ты опять в руке сожмешь бокала желтую синицу».

К (конец)

...Я поснимала все часы, поразбивала все фужеры. Мне говорили: «Причастись, так трудно это, неужели»?!

Я причастилась. Ровен,

тих, незабываем был тот вечер. Но вдруг ход маятника: «Вжихххх»,— скользнул разрезом поперечным.

И поступательно пошел все по тому же полукругу. И лунный свет со складкой штор образовали острый угол.

И тени перпендикуляр восстановился сам,

отвесно.

И мир, как что-то потерял, как будто, где-то мир надтреснул.

И все задумало во мне опять, как буря, разыграться. Но в каждом атомном ядре есть тоже силы гравитаций!

И черный маятник вдруг встал, остановился в мертвой точке. Вода о каменный кристалл себя когда-нибудь — да сточит!

Так силы борются. Внутри. И если надо, то придется занять на жизненном пути позиции противоборства.

യത്തെ

Эдуард Побужанский (г. Москва)

PERSONALIA

Наш постояннй автор. Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ЧЕКА

Ты ждешь ее, живя навзрыд, Зовешь ее горбатой, А смерть внутри тебя — как взрыв Уже внутри гранаты.

Как сердца стук, как тремор рук, Она в тебе — под кожей, Тебя — и целый мир вокруг! — Готова уничтожить.

И ты живешь, живешь, пока Судьбой не вынута чека.

ПЕРЕД ЛИКОМ ТВОИМ

В нашей разности нет опасности, Мы-то ведаем, что творим. Ты исполнишь меня тихой радости Перед ликом вечерним твоим.

В нашей близости не от праздности Есть и жар, и огонь, и дым... Ты исполнишь меня тихой радости Перед ликом полночным твоим.

И стираются несуразности, И становимся мы одним... Ты исполнишь меня тихой радости Перед утренним ликом твоим.

СЧАСТЬЕ

Мама всю жизнь проработала акушеркой в роддоме. Поэтому лет с четырех я точно знал, что детей не приносят аисты, не находят в капусте. Их берут в роддоме. А еще там много конфет в нарядных коробках, в золотой фольге, шоколадных. Мама их приносила домой после смены. Открывала коробку и улыбалась устало: «Сегодня выписали двух девочек и мальчика». Я так и запомнил: счастье — это мама, конфеты и дети...

ПЛАТОЧЕК

Я маме давно не читаю стихи: она все равно ничего в них не смыслит. Как-то прочел ей новый стишок, негрустный почти, почти веселый, а мама даже не улыбнулась. Вздохнула только: «Как же болит твое сердце, сынок...» И еще сильнее сжала белый платочек в руке.

MAMA

Ты слышишь: «Фамилия, адрес...» Ты скажешь: «Встречу внизу...» Ты маме меняешь памперс И сглатываешь слезу.

На маминой коже тонкой Белого света налет, И кто-то уже в потемках Ведет неутешный счет.

Летел ты над самой кромкой, Сделал петлю полет... Ты плачешь... А мама пеленку Стелет тебе — и поет.

АНГЕЛ

Слушай, я не знаю, что они там курили, но меня назначили ангелом твоим. У меня мало налета и слабые крылья, и я не уверен, что мы даже взлетим. Но мы попробуем, да и выхода нету. Ты помнишь молитву? Любую. И я — нет. Но я же твой ангел, Я агент неба. Не отключайся, не выключай внутренний свет.

СЛЕД

Не крестиком вышивание И не вязанье крючком — Стихи — это как выживание: По хрусткому снегу ползком.

Не чуя ни места, ни времени, Не чувствуя страха и ног — Туда, где мелькнул за деревьями Неясной судьбы огонек.

И что там с тобою станется?.. Спасет ли обманчивый свет?.. Ползешь, а по снегу тянется Строкою багряною след.

СТУДЕНЧЕСКОЕ

Тихие наперсницы с филфака Вовсе не наложницы гарема: Спутаешь Крученых с Пастернаком — Разорвут на мелкие морфемы.

Я не помнил в «Снегиной» финала И назвал Есенина кутилой — Обошлось, конечно, без фингала, Лишь холодным взглядом окатило.

Потому за лаской и за брагой Я ходил к заочницам-шалавам, И меня, хмельного, чуть живаго, Лара ублажала или Лала.

Все прошло — и даже как-то странно, Что прыщавый хлыщ был тоже мною. Все же жаль, что шаль из Хороссана Выцвела, изъеденная молью...

ЦИТАТЫ

И криком вкривь распоротые рты, И желтые цветы в стеклянной шее, И искушенье пить до тошноты, До выяснений личных отношений — Все это словно сбито из цитат, А мне бы жизни — прочной и весомой!

Но в полночь хлопнет дверь — И циферблат Рассыплет Римских чисел хромосомы...

ПОИСК

Как правильник посмешный, Как вор или пройдоха, Вступаю в свет кромешный, Не ведая подвоха —

Поэт из мягкотестых По тесту на живучесть, Пронесший без протеста Праотческую участь,

Посредственную помесь Животного и духа — И безотчетный поиск Того, кто нас придумал...

Олег Пантюхин (г. Щекино)

Наш постоянный автор. Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Доктор технических наук, профессор.

огонек души

Пламенел в тиши в стужу зимнюю Огонек души — чувство сильное, Чувство светлое, непорочное, Несказанное, нежное, прочное, Окрыленное, обновленное, Мыслью радостной в сердце рожденное, Высотою небес освященное, Озарив в ночи душу спасенную...

* * *

В храме тихо и просторно, Свечи у икон горят. И когда на сердце больно, Люди вновь сюда спешат.

Постоять и помолиться, И прощенье попросить, Дать слезе своей пролиться, Чтобы душу ей омыть.

Пусть у всех своя дорога, Люди вправе выбирать. Каждый сам приходит к Богу, Чтоб себя не потерять...

യായ

Николай Тимохин (г. Семипалатинск, Казахстан)

Из цикла «Поэзия семьи Бронте» «СТИХИ ШАРЛОТТЫ БРОНТЕ»

Наш постоянный автор.

Шарлотта Бронте УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИЦА

Вошла несмело в этот класс, Воспитана так я. Но интерес возник тотчас, Ведь ждали все меня.

И так понравился урок, Хоть раньше раздражал. Я заготовила все впрок — Карандаши, журнал.

Меня учитель похвалил И выделил из всех. Другим ответ мой стал не мил, Не радовал успех.

А то, что он прощал другим, Мне не «сходило с рук». Бывал учитель часто злым И раздраженным вдруг.

Но с остальными все не так. Им легче было с ним. За мной следил он. Каждый шаг Мой для него — раним.

Нельзя мне было заболеть, Уроки пропускать. Он был готов схватить хоть плеть, Чтоб все опять начать.

Однажды я была без сил, Болезнь свое взяла, Но он тогда меня просил: «Живи — ты мне мила.

С тобою будем мы шагать Плечом к плечу сто лет», Увидев от меня опять Улыбку лишь в ответ.

Я не могла поднять руки, Но был со мною он. И мне уже не до тоски. Казалось, он влюблен...

И он ушел. Лишь шум шагов Заполнил коридор. Переживу своих врагов, Судьбе наперекор.

А вскоре излечилась я И возвратилась в класс. Смотрел учитель на меня Как будто в первый раз.

Нежданно прозвенел звонок. Помчались все гурьбой Из класса, но сказать он смог Тихонько: «Джейн, постой!

Я вижу, как устала ты. Так отдохни сейчас От вечной школьной суеты. Вернешься завтра в класс.

Сходи и глянь наш летний сад, Учить уроки — лень. Пойдут дела твои на лад, Ведь так прекрасен день!»

И был он, правда, чудным днем, Все зелено кругом. Счастливою я стала в нем, Вдыхая воздух ртом.

Но он позвал вдруг: «Джейн, иди!» Я кинулась бежать. Другого не было пути, Как в дом идти опять.

Я чуть его не сбила с ног, Ведь он стоял в дверях. Учитель отойти не мог, Смеялся впопыхах.

«Смотри, уже ты весела, Здоровая совсем. И хороши твои дела, Весна на радость всем».

Смогла исправить за три дня Пробелы все, как есть. Он много спрашивал с меня — Всего не перечесть.

Хотя была всему виной, Проблемы не во мне. Ведь подавала Джейн собой Пример всей ребятне.

Я не люблю похвальных слов. Пусть лучше напрямик Он скажет про учеников, Кто и чего достиг.

И часто я от грубых слов Рыдала в тишине. Но принцип жизни был суров, Не до поблажек мне.

Бывало, с «барского стола» Читала что-то я. И многое пережила, И стала как броня.

Учеба завершилась — так Стихает в поле бой. Венок из лавра — добрый знак, Надела как святой.

Учитель выстроил «бойцов», Но выделил меня. Венок из лавровых листов Стал словно из огня.

Гордиться я должна собой, Но радости-то нет. Ведь завтра ехать мне домой Наступит лишь рассвет.

Была я счастлива в тот час Всего-то на чуть-чуть. Разлука ожидала нас, Готовилась я в путь.

Позвал меня учитель сам В рабочий кабинет. Там волю я дала слезам, Не мил стал белый свет.

Не мог сказать он и двух слов, Расстроился уже. Ему ведь без учеников Тоскливо на душе.

Мне прокричали: «Джейн, пойдем!» «Иди», — сказал он вдруг. Но лишь остались с ним вдвоем, Повел себя как друг,

Промолвив: «Джейн! Куда же ты? Что ждет тебя в дали? Ты воплотишь свои мечты Там, на морской мели?

О, Господи, храни ее, Спаси от разных бед. Для Джейн обустрой жилье Вперед, на много лет.

Ну, все, спеши! Уже пора. Зовут тебя опять. Когда лишишься вдруг двора, Вернись, я буду ждать...»

монолог учительницы

Лишь мысли в тишине. И нет

Со мной здесь больше ни души.

Груз с плеч сошел тяжелых бед,

И можно помолчать в тиши.

Из моего окна сейчас

Я вижу, как чудесен мир.

Он бесподобен, без прикрас,

Магический, как эликсир.

Я вижу: холм уходит в даль,

Теряется в тумане он.

За ним мой дом, его мне жаль,

Мне кажется, все это сон.

Увы, его не увидать,

От глаз чужих он утаен.

Но мысль ведет меня опять,

Как в детстве, в старенький мой дом.

Я выросла среди болот.

Все детство утонуло в них.

Печаль по прошлому берет —

Так жаль ушедших дней моих.

И сердце зачерствело вдруг,

Вокруг меня одна тоска.

Со мной друзей нет и подруг,

И, кажется, смерть так близка.

Мираж мне видится во всем

И он преследует меня.

Ищу напрасно я свой дом,

Одну себя опять виня.

Реальность кажется порой

Плохою, грубою совсем.

А жизнь — часто лишь игрой

Со множеством больших проблем.

Чего от жизни ждать теперь?

Уходят только зря года.

Держу распахнутою дверь

В надежде, что хоть иногда

Свое я встречу счастье вмиг,

Лишь надо только выждать срок.

И, кажется, я слышу крик:

«Богатство все твое — песок!»

Кошмары ночью снятся мне,

Что стал другим уже мой дом.

Пытаюсь изменить во сне

Хоть что-нибудь в жилище том.

Что если ждет очаг меня,

Остывший уж совсем давно,

Не сохранивший след огня,

Но дорогой мне все равно?

И как же поступить тогда?

Забыть, что было навсегда?

* * *

Устала думать о плохом

И волю собрала,

Чтоб помечтать смогла о том,

Как жить, не встретив зла.

Не слышать крика чтоб его,

И чтоб без грубых фраз.

Пусть кроме песни ничего

Не зазвучит в тот час.

Она украсила бы ночь,

Когда нет сна совсем,

И прогнала печали прочь,

Не стало бы проблем.

Но на душе уже гроза,

А мысли — как мороз.

И, кажется, сбежит слеза,

Но нет ни капли слез.

И только лишь огонь души

Согреет в скорбный час,

Чтоб я смогла уснуть в тиши,

Сил накопив запас.

А время — улетает в даль.

И юность вместе с ним.

Хоть лет истраченных так жаль —

Процесс необратим.

Надеяться зря смысла нет,
Все это ни к чему.
Что не вернуть мне прошлых лет,
Как данность я приму.
Теченье жизни — словно свет,
Который не поймать.
И кто бы только дал совет
Как долго мне опять
Томиться этой суетой,
Страдать и ждать конца?
Но выход должен быть простой —
Прогнать печаль с лица.
Я смерти не боюсь, ничуть.
Она придет в свой час.
И станет мой последний путь —

«НА СМЕРТЬ ЭМИЛИ ДЖЕЙН БРОНТЕ»

Дорогой на Парнас!

Ты не узнаешь никогда, Что пережили мы тогда, Оставшись вдруг одни. Хоть это утешает нас, Ведь ты так далека сейчас, Как звездные огни.

Печали наши тяжелы И дни разлуки не милы, Их не узнать тебе. Не ощутить сердцебиенья, Оставив все свои волненья. Угодно так судьбе.

Забудешь навсегда уже Тоску нелегкую в душе, Ведь взгляд твой ледяной. «Обиды, горе и мученья Преодолеть как без мученья И обрести покой?»

Тебе не надо знать! Сраженье Ты проиграла, к сожаленью. Жизнь — не проста. Но время лучшее придет И будет не один лишь год Все с чистого листа.

РАССТАВАНИЕ

Пожмем друг другу руку, Расстанемся без слез. Переживем разлуку, Подумаем всерьез О детстве, что умчалось Стрелою в никуда, Оставив только жалость В сознанье навсегда.

Она задавит душу Тревогою на миг. И будет смех лишь глуше, Не превратится в крик.

Судьба нас без подарка Оставит, как всегда. Но солнце светит ярко, С ним горе — не беда.

Рассвет как дар небесный И розовый закат — Подарок нам чудесный За много лет утрат.

Мы ночью вспомним море И тишины простор. Счастливей станем вскоре Судьбе наперекор.

Никто уже не в силе Нам помешать с тобой. Мы б только вместе были И обрели покой.

Кто плачет — значит беды След в след идут, как тень. Но торжество победы Придет в один из дней.

ПРИМЕЧАНИЯ

Семья Бронте:

Мария Бренуэлл (1783—1821), мать, 38лет (скончалась от рака матки 15 сентября 1821 года вскоре после рождения своего шестого ребенка).

Бронте Патрик (Bront;, Patrick) (1777—1861), англиканский священник, учитель и писатель, отец знаменитых йоркширских писательниц — Шарлотты, Эмили и Энн Бронте, 84 года.

Дети:

Бронте Шарлотта (Bronte, Charlotte) (1816—1855) (английская поэтесса и романистка, старшая из трех сестер Бронте, автор роман «Джейн Эйр», а также ряда стихотворений), дочь — 38 лет.

Бронте Бренуэлл (Bront;, Branwell) (1817—1848), (английский художник и поэт,

единственный сын в семье литераторов Бронте, брат писательниц Шарлотты, Эмили и Энн), сын — 31 год.

Бронте Эмили (Bront;, Emily Jane) (1818—1848), (английская писательница и поэтесса, средняя из трех сестер Бронте. Автор романа «Грозовой перевал», а также ряда стихотворений), дочь — 30 лет.

Бронте Энн (Bront;, Anne) (1820—1849), (английская писательница и поэтесса, младшая из трех сестер Бронте. Автор романов «Агнес Грей» и «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла», а также ряда стихотворений), дочь — 29 лет.

(В 1824 году две старшие дочери Патрика Бронте — Мария и Элизабет — заболели и умерли от чахотки).

68806880

Анна Барсова (г. Екатеринбург)

ИЗ КНИГ « УРАЛЬСКАЯ РОЗА», «ПЕСНИ МИРОЗДАНИЯ»

Анна Барсова (А. Барсегян) — член Союза российских писателей, Академии российской литературы, Российской академии естествознания, профессор. Поэт, прозаик, переводчик, публицист, литературовед. Обладатель Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» с вручением золотого знака, премии мэра города Набережные Челны, премий С. Есенина, А. Грибоедова и др. За верное служение отечественной литературе награждена литературными орденами и медалями: В. Шекспира, М. Ломоносова, В. Вернадского, А. Навои и др. Лауреат и дипломант российских и международных фестивалей и конкурсов. Стихи и проза переведены на английский, французский, немецкий, японский, и др. языки. Наш постоянный автор.

МАТЕРИ

Пусть эту весточку тебе Пошлет моя душа. Мой белый голубь средь небес Летит к тебе, спеша.

Мой белый голубь — чистый лист, Перо, мой верный посох. Родник души, как небо, чист, А ветер гладит косы!

300-летию Екатеринбурга посвящается...

Он стал опорою державы, Опорой и стеной... Урал великий, Урал бравый, Урал мастеровой!

А. Барсова

1. НАШ ГОРОД

Мокрый снег на ресницах твоих, утонула в снегу Исеть... С неба падает, радуя, стих, и звенит он порой, как медь! И плывет над Уралом туман, утонули в нем города...

Лишь Высоцкий* стоит... Великан! Лишь Высоцкий — суперзвезда!

Хорошо, у нас есть города, где Высоцкого помнят, чтут... И Наутилус** пел здесь тогда, когда мы искали свой путь!

Здесь и Рыжего*** песни слышны, и Бажова**** сказы живут... И хоть град в объятиях зимы, в нем особый майский салют!

Потому что когда-то давно он победу страны ковал. Это счастие обретено, чтобы жил здесь ты и дышал!

3. МЕТАЛЛ УРАЛА

Металл уральский светом озарен, Врага всегда разил и бил он насмерть. Он и сейчас в сраженье погружен, И, верю я, не сдрейфит, не ослабнет!

И было также много лет назад, Когда родные наши свердловчане****. Работали и стар, и даже млад, Фашистов и врагов всех добивали!

ИВАН-ЧАЙ*****

...и цветет Иван-чай в заповедном лесу, головой качая розоватой и нежной. Ему ветер поет: «Понесу, понесу тебя в край я далекий, далекий, безбрежный. Там найдешь себе дом, чашу выпьешь вина, насладишься ты солнцем и небом широким...» Чай Иван говорит: «Здесь мой дом и страна, здесь мой край, посмотри, и мои здесь истоки!..»

* * *

Грибная пора на Урале, и дышит мне август в висок,

^{*} Именем Высоцкого назван современный небоскреб в 54 этажа, расположенный в центре города Екатеринбурга, в районе улиц Красноармейской и Малышева.

^{** «}Наутилус Помпилиус» — советская и российская рок-группа из Свердловска, одна из наиболее известных во второй половине 1980-х и в середине 1990-х годов, во время перестройки.

^{***} Борис Рыжий — русский поэт.

**** Павел Бажов — русский и советский писатель, фольклорист, публицист, журналист, автор

^{*****} С 1924 года по 1991 год Екатеринбург назывался Свердловском, а в 1991 году ему вернули прежнее имя: Екатеринбург.

^{*****} Иван-чай — растение семейства кипрейных. Из него готовят полезный напиток.

а я все по лесу летаю и думаю: август неплох! Грибная пора на Урале — обабок, волнушка и груздь... И белый, головой кивая, мне в руки пусть просится, пусть! Грибная пора на Урале, и легкая цепь облаков... Я тайны Земли сей не знаю, одна из них — тайна лесов!

* * *

Опять на биатлон* поеду увидеть небо и луну. Ты от меня, прошу, не требуй, чтоб одолела крутизну! Мне не нужны дороги славы, они, поверь, мне ни к чему! Другие здесь живут по праву, на лыжах километры жмут. Стреляют вечно, даже ночью, гоняют, кто быстрей, куда! Скажу, все видела воочию, а надо мной плыла звезда... Раскинув желтые бороздки, она глядела в никуда... А предо мной трамплин громоздкий и ель, что дремлет у пруда.

* * *

Ах, зима, зима, зима, белоснежная! Спят деревья и дома, как подснежники! Зачерпну снежок рукой, время катится... Ты постой, зима, постой, жить мне нравится!

* * *

Цветок растет здесь, на Урале, Под гул ветров и средь камней. Такие краски сердце ранят, И они солнца горячей! Зовут его уральской розой, Он не боится ничего... Он ярче золота мимозы, Он жарче солнца самого!

_

^{*} Биатлон — учебно-спортивная, олимпийская база в Екатеринбурге. В народе ее называют — биатлон.

Евгений Трещев (г. Щекино Тульской области)

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ТАКОВА ЖИЗНЬ

Награды. Похвалы. Почет. Уваженье... Все временно, призрачно, Хрупко. Неверно.

За пьяным застольем В любви Вам клянутся. Ненастье наступит От Вас отвернутся.

Вчера Вас хвалили. Сегодня ругают. Вчера обнимали. Сегодня — пинают.

Какие слова Вам Вчера говорили! Сегодня не помнят. Сегодня — забыли.

Не верьте в слова, Когда слава в зените. Налейте фужер и В ответ промолчите.

молодость моя

По улице идет девчонка. Навстречу мне идет она. А на лице ее весеннем Сияют милые глаза.

Ее походка грациозна. Как лань изящна и быстра. И сердце глухо застучало, Я в ней узнал сейчас тебя.

Я сразу вспомнил вечер тихий, Скамейку, сквер и робкий взгляд. И вот идешь ты по аллее, Как тридцать лет тому назад.

Прохожий вдруг остановился, От восхищенья не дыша. Куда ты смотришь, парень глупый, Ведь это молодость моя!

А ДУША ДЛЯ ЛЮБВИ ОТКРЫТА

Любимой жене Валентине

Дни проходят. Летят года. Юность пеплом седым покрыта. Но паролем звучат всегда: Служба. Коми. Подъем. Тайга. Хоть забвения пелена Все сильней и сильней клубится, Но при слове одном «Ухта» Юность в сердце опять стучится. Величаво шумит тайга. Гонит ветер волну речную. Навевают грусть облака. Вспоминая тебя, тоскую. Были юными мы тогда, Друг над другом в письмах шутили, В такт стучали наши сердца, Потому что мы очень любили. А теперь на висках седина, Сеть морщин на лицо ложится, Но глядишь ты светло на меня И любовь вокруг нас струится. Дни проходят. Летят года. Юность пеплом седым покрыта, А любовь все равно жива, И душа для нее открыта.

ПЕСНЯ

Ночь. Поляна. Дымок костра... Песня нежная к небу льется. Вместе с нею поют сердца И любовь на свободу рвется.

В сером небе горит звезда. Между тучек блестит, мигает. Вьется легкий дымок костра, К звездам тянется, улетает.

Слышишь, тихо журчит река. Дунул ветер. Опять стихает. Как звенит серебром струна! Тронет душу и замолкает.

На палатках игра теней. Лес тихонько нам подпевает. Песня льется сильней, мощней, К сердцу тянется, зажигает.

Ночь. Поляна. Дымок костра. Песня нежная к звездам вьется. В одном ритме стучат сердца И любовь на свободу рвется.

ЖУРАВЛИ

На ветках акции белой, В седеющей утренней мгле Копились, стекали дождинки, Стучали по твердой земле.

И тут в тишине предрассветной, В заоблачной серой дали С курлыканьем грустную ноту С собой принесли журавли.

И сердце в печали нездешней Тревожно забилось в груди. Как будто повеяло вечным И тронуло струны души.

ПРЕКРАСНЫЕ ДНИ

Отгремели вешние ручьи, Опустились белые туманы. И в белесой дымке, растворясь, Утонули древние курганы.

Обновленный и чудесный мир Осветился красками густыми. Воздух опьяняюще душист И настоян чарами лесными.

Проглянувший неба лоскуток Ослепил волшебной синевою. Как прекрасны были эти дни, Рядом проведенные с тобою.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

В комнате таинственные тени. Прячутся за мебелью, в углах.

Холодно. Но согревает тело Легкая накидка на плечах.

Я сижу недвижно на диване. Думаю и грежу в тишине: Что прошло — теперь уж не воротишь. Только мысли возвращаются к тебе.

Где-то в глубине всплывают звуки В нежных переливах серебра. Задевают и ласкают душу Ласковым порывом ветерка.

Проплывают разные виденья: Детство, юность, сказочный пейзаж, Страсть, тоска, что разрывают сердце, Поцелуй горячий на губах.

Музыка тонка, светла, печальна. В ней любовь, надежда, доброта. Камертоном сердце застучало. Встрепенулась удивленная душа.

воспоминания

В мягком воздухе разлит осенний запах. Он дурманит терпкостью вина. И шуршит, пружиня под ногами, Красная и желтая листва.

Там, вдали, над спелыми полями Стелется тумана пелена. И плывут, скользят воспоминания, И тревожно задрожит душа.

Память воскресит родные лица, Мудрые и глупые слова, Вспоминаешь все, чему не сбыться, Что когда-то забрала судьба.

Жизнь моя сейчас — как на ладони, Вся видна и ясна для меня. А вокруг ни ветерка, ни солнца. На опушке я и тишина.

ПАДАЮЩИЕ ЛИСТЬЯ

Пожелтели листья дуба. Постарели. Дунул ветер И тихонько облетели. Покружились в высоте И вниз упали. Полежали. Перегноем стали.

Так же люди: К высоте стремятся, Чтоб упасть И больше не подняться.

Листья, листья. Вдоль дороги листья. Падают, кружатся на ветру. И травы почти уже не видно — Завалило сверху, лист к листу.

И стоят раздетые деревья. Ветки свои тянут в пустоту. Грустная картина увяданья. Жалко их былую красоту.

Просвистят снежинками метели. Солнце заиграет в вышине. Снова деревца наряд одели, Радуясь и солнцу, и весне.

യതയെ

Светлана Войтко г. Минск, Белоруссия

«НАДЕЖДА НА ГРАНИ БЕЗНАДЕЖНОСТИ»

Родилась в п. Зэльва Гродненской области. Публиковалась во многих литературных журналах. Живет в Минске.

ОТРАЖЕНИЯ СНОВ

Реальность или сон — мне все равно. Не напугают меж миров границы. Миг встречи важен — где неважно, но Когда-нибудь закончатся страницы.

Так пой, покуда голос не затих, Пока стремятся точки к многоточью. Ты помнишь? Сны смотрели на двоих. Бродили под дождем осенней ночью.

В мерцании тревожных фонарей Там наши тени замерли навечно. И, глядя в отражение смелей, В полночном мраке зажигаю свечи.

Во снах продолжим мы искать ответы, Покуда жизнь на грани тьмы и света.

ДЕНЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ

Мы вернемся в покинутый город — Яркой осенью, звонкой весной — Заболевшие дикой тоской, Извлекая саднящий осколок.

Встретит холод, безжизненность, серость. Не такой ожидая прием, Молча память мы пьем за углом, Проливая ее в повседневность,

Оживляя застывшее место, Что хранит наши тени, следы, Где повсюду живые цветы, Где все радостно, чисто и честно. Бьется города старое сердце. Нас несет городской кровоток, Общей памяти теплый поток. Мы вернемся. Согреть и согреться.

СНЕГ КАК НАДЕЖДА

По весне ветер старые листья метет — Прошлогодние жухлые черновики. Прожит год. Ощущение, что «незачет»: Мы опять оказались в начале строки.

Понимая проклятие древних сполна: Раз достались, чтоб жить, времена перемен,—В тихом страхе гадаем, в чем наша вина, Под защитою тщетной из мысленных стен.

Укрывает по-белому черное снег, Оставляя надежду и мизерный шанс, Что мы сможем унять свой безумия бег, Что не станет макабром людской декаданс.

ЧЕРНОВИК

Перечеркнуты страницы. Манит новым чистота, Где не проступили лица, Только белизна листа.

Начать новый лист не сложно, Почерк трудно изменить. С оборота невозможно Оборвать строк прошлых нить.

Иллюзорна перемена. Гнется «мыслящий тростник». Обновляясь, неизменно Продолжает черновик.

найдите котенка

Тонкие девичьи руки Клеят на столб объявление: «Котик... за вознаграждение...» Горе случайной разлуки:

«Мой потерялся котенок. Ласковый, добрый, игривый. Вдруг пробегал где-то мимо. Мелкий смешной постреленок. Пусть будет снова как прежде. Кот пусть вернется обратно. Мир станет теплым, понятным. Люди, найдите надежду!»

Мир, он как эта девчонка, Верит, что кто-то однажды, Листик увидев бумажный, Веру вернет, как котенка.

ВСТРЕТИТЬСЯ ЧЕРЕЗ ВЕЧНОСТЬ

Пока не встретишь — к счастью ли, к беде — Наперекор всем никогда-нигде, Ты не познаешь бесконечность мига.

Тогда пустыни в трещинах простор Цветов покроет трепетный узор, Тогда меж строк понятной станет книга.

И на двоих — свободный крыльев взмах. В полете можно все, неведом страх.

От сердца к сердцу протянулась нить И жгучая надежда сохранить Ее, меняя сотни оболочек.

Встречаясь снова как в последний раз, Сияние родных, любимых глаз — Одно, что видеть, может быть, захочешь.

લ્લા

Марина Полякова (г. Симферополь)

Марина Владимировна Полякова родилась в г. Белогорске. Лауреат многих литературных конкурсов, член Союза писателей Крыма.

КОЛОКОЛЬНО-МОЛЧАЛЬНОЕ

Было время — и в бедах, и в радости мы колоколили, языком тяжеленным качали да медно горланили, и казалось, безмолвные крики и боль обездоленных в этом звоне на миг превращались в минуту молчания.

Мы ревели, смеясь и целуя письмо треугольником, и читали сто раз, то вполголоса, то с придыханием, а когда приносили послания, полные горести, то без слез каменели в болючем тяжелом молчании.

Все крикливо-фейсбучно сегодня да заинстаграмленно, непонятен уродливый мир, в безрассудстве затерянный... а бывало, что жизнь измерялась блокадными граммами, метрономом по стуже стуча безразлично-размеренно...

Буду бить, колотить, колоколить по душам без умолку, дергать в медной гортани язык за канат измочаленный, чтобы вновь не терять сыновей в оголтелом безумии, чтобы вечно святой оставалась минута молчания.

НЕПОКОРНАЯ

Непослушна, упряма и больше скажу — непокорна! Не с толпой, не «как все», не хрустишь в кинозале попкорном, смотришь прямо в глаза, не скрываясь за стеклами темных очков. Ты и в школе противилась строем ходить и по парам, и скандировать лозунги, петь под баян и гитару, а хотела сказать, что тошнит от бессмысленных пафосных слов...

Дальше время неделями шло по цветам революций, и по нищим, которые вечно на паперти гнутся, знала — будешь сама ошибаться и падать, вставать и судить. Чтоб попасть на БГ и Земфиру, брать штурмом заборы,

вместе с Цоем орать «Группу крови» и песню про город, понимать, что зимой не всегда будет снег, будут грязь и дожди...

Нестерильная жизнь: заусенцы, царапки, зацепки — эти метки не лечат ни йод, ни один антисептик... только если внутри сохранилась твоя настоящая суть, ты под ветром немного согнешься, прошепчешь ковыльно, и опять полетишь, даже если потрепаны крылья, и тебя не удержишь ничем — ты живая, как быстрая ртуть!

ПО ПЕРЫШКУ

По перышку собираю крылья, и там, и тут... лечу и падаю, в чулане храню обломки. На всякий пожарный ищу для себя парашют, можно не парашют, а зонтик из тонкой соломки.

Легко пропускающий ветер и солнечные лучи, бьющие в темечко, стекающие за ворот... Кто-то внутри от обжигающих струй кричит, но не от боли кричит — кричит от восторга!

Этот кто-то внутри понимает, что снова крылат, что солнцем самим эти крылья пришиты к лопаткам, и неважно — сколько появится новых заплат, и в который по счету полет упадешь без оглядки.

ПОЗВОЛЬТЕ ВЛЮБЛЕННЫМ

Она, улыбаясь, выходит в дождливое лето, по лужам на цыпочках — точно по сцене в пуантах, а струи вплетаются в косы атласною лентой, а дождь на себя надевает, как платье инфанты.

Зажмурив глаза и подставив ладони под тучи, становится тоньше она, невесомей, прозрачней, как будто слюда, на которой серебряный лучик узоры рисует... но что же вот все это значит?

А значит одно: что любовь для нее — это зонтик, который укроет от ливня, от зноя, от снега... я очень прошу — вы позвольте влюбленным, позвольте гулять под дождем, раздвигая ладошками небо!

ЗА ПОЗИТИВОМ

Куда ни посмотришь, все косо и криво... «по улицам жидким, где все, кроме пива и бледной луны», вызывает лишь дрожь — © ты просто беззвучно плывешь. На все, что считается здесь некрасивым, ты смотришь спокойно, без слез, без надрыва,

решив, что пока можно без позитива (а вдруг, где-нибудь да найдешь!)...

А в воздухе морось — ну, где справедливость? Витрины не блещут, но все же красиво: вон ива, она многорука, как Шива. Ну, как же тут мимо пройдешь? А дальше, у парка, под старою сливой игра той-терьера с дворнягой плешивой, и Эдик с ромашками Зойке ревнивой звонит: «Что, зараза, ты ждешь?»

Походкой гусыни, ступая лениво, по лужам навстречу идет тетя Рива и, рот без зубов прикрывая стыдливо, бормочет: «Едрена ты вошь! Хоть умный, хоть страшный, хоть дюжа смазливый, ты просто не нужен, коль нету активов, начальники — сборище меринов сивых, им денежку вынь да положь!»

И вдруг понимаешь — тут все без фальшивок, и люди живут по другим нормативам, пусть тортик на манке, пусть даже без сливок, но как же, ей богу, хорош!
И вот по брусчатке с улыбкой счастливой идешь, под завязку полна позитивом, грызешь свой соленый арахис без пива и песню про счастье орешь.

ВЫКРАШУ ЛОДКУ Я

Выкрашу лодку я в синь василькового неба и вверх поплыву... вдруг попадут чудеса в мой невидимый невод, когда наяву облако-пух одуванчиков легких поймаю, а может — руно, или китов белоснежных плывущую стаю... Ты помнишь, давно плавали мы с облаками и тонкими ивами в чистой реке, были наивными, юными, просто счастливыми, и на песке слово писали «люблю», а ночами июньскими слушали звон лунных цикад... Это формула с плюсом из юности между имен. Летнее небо роняет над тихими волнами звездный прикорм. Плещется рыба. И память волнуется полночью вновь о былом.

В ПРОСТРАЦИИ ДОЖДЯ

Над серым городом сегодня дрожь... в прострации залитых тротуаров мелькает в свете фонарей усталых толпа теней безликих... В этот дождь по монохромным вымокшим бульварам и ты идешь.

Идешь... но почему, куда, зачем? А зонт гудит натянутой мембраной, и каплями исполнен филигранно звенящий арабеск прозрачных тем, придя на смену гулким барабанам — дождям взамен.

На лужах рябь — слетевших птиц следы, они, наверное, в ветвях уснули... Впусти в окно шуршанье мокрых улиц, смахни со слипшихся ресниц дожди, сотри из памяти безликий улей и в день войди!

ДАЙ МНЕ ТОЛЬКО ШАГНУТЬ!

Дай мне только шагнуть! Я попробую не оступиться, перья сломаны, глухо и пусто... и все-таки но! Стоит ветер поймать — полечу. Пусть пока что синицей (не орел я, не ангел, да это не всем и дано).

Дай мне только шагнуть! На пуантах ли, в кедах — неважно. По асфальту, по сцене, по горной опасной тропе я ходить научусь (так шепнул мне журавлик бумажный), и пройду этот путь — мне бы только до срока успеть.

Дай мне только шагнуть! Разгадаю любые секреты, в шуме звуки найду и сложу их в звенящий мотив, песню в мир понесу, стану голосом жизни и света пожелай просто «будь!», и спокойно потом отпусти.

ТЕНИ ДЕТСТВА

Помнишь тени, гуляющие по обоям? Тени детства, что ночью когда-то разглядывал? Нити лунные путая между собою, так и бродят, спешат в хороводе обрядовом, незаметно сплетаются вдруг в колыбельку высоко между звездочками остроносыми. Рядом с месяцем-лодкой, драккаром кельтским, едет поезд с катушечными колесами,

оригами-журавлик взлетает все выше, и в лоскутном наряде красуется куколка, ветер дует в камыш (он звучит еле слышно), словно ангел весь мир потихоньку баюкает...

ДНЕВНИКОВОЕ

Сегодня двенадцатое октября. Событий — не так, чтобы очень... Есть кот, стерегущий в кустах воробья, есть ветер и споры сорочьи,

бегущий каштан и густой листопад, коляска, старушка в берете... А завтра... и что там прогнозы сулят — наверное, осень ответит.

именем короля

Именем короля!
Нет, все-таки — королевы!
(Ведь осень — она же дама! Пусть ладит свой кринолин).
Приказано удивлять
шуршащей листвы запевом
и вязью из серебра на тонких ветвях осин.

Приказано удивлять — а значит жемчужным каплям лететь из далеких туч, стучать по цветным зонтам. Но ливни привыкли лгать — и тень одинокой цапли под россыпью влажных бус мерещится тут и там.

Приказано удивлять — и в темных ветвях каштана уже голубеет иней, и тоненько к небу пар... а в тающих вензелях виднеется, как ни странно, одна золотая нить — последний осенний дар.

(38)(38)

Ирина Никитина (г. Севастополь)

новые стихи

Ирина Витальевна Никитина окончила Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского. По специальности историк, кандидат исторических наук, научный сотрудник ФГБУК «Государственный музей героической обороны и освобождения Севастополя». Член РОО «Союз писателей Крыма». Лауреат и дипломант многих фестивалей и конкурсов. В 2008 г. вышел авторский сборник «На губах соленый привкус моря». Победитель конкурса на специальный приз фестиваля «Седьмое небо-2022».

* * *

Как много часто в нас не наших «я», Которые слегка потусторонни. На нас глядит какой-то посторонний Из зеркала «слепого» бытия.

Мы в памяти своей и не своей Листаем пожелтевшие страницы. Там горны, барабаны и зарницы. И красный стяг, и стаи журавлей.

Из душ ушедших, их мирских свершений. В сраженье поразившие чуму. Известно только богу одному, Что пережило это поколенье.

Известно только небу одному От скольких бед они уберегли нас. Да, наш народ тогда немало вынес, Но победил в ужасную войну.

Как много в нас не наших чьих-то «я». Они приходят с ветхих фотографий, Из строчек полустертых эпитафий. Как вечный, тайный смысл бытия.

РОДНОМУ ГОРОДУ

Море — твой трон, мой имперец. Чайки — твои трубадуры. Знает весь мир, Ты бессмертен В славе своей неприступной. Воин, моряк и строитель, Гордый, но щедрый хозяин. Помня сражения ратные В мир смотришь С хрупкой надеждой, Чтоб славить Мир, а не Бой. Ты, черноморский хранитель, Имя имперское гордо Многие лета неси.

* * *

В суете жаркой дни догоняют в лихую друг дружку. Солнце колким лучом все щекочет асфальтовый брег. Ветер тоже горяч, он на улицах ищет игрушку, Жухлый лист — а по воздуху льется «Кам бек». Иностранная песнь бьет из горла радиостанций. Город взят в плен жарой, срок которой не сосчитать. А девчонка-волна о сей брег греет длинные пальцы. Ворожит, чтобы знойному лету подольше сиять.

* * *

Хмурит вечность чело,
Теребя бусы-страны и стежки.
Спор людской ей смешон,
Он не слышен средь пляски планет.
Она знает, судьба лишь решит
На какие орешки
Заработали мы, воспевая, кто тьму, а кто свет.
Суетливы года, неизбежно лишь космоса право
Всем отмерить пути,
И решить, как нести жизни крест.
Что найдем в том пути мы, забвение и забаву,
Снизойдет ли на нас Божья длань в Благовест?
Только вечность молчит,
Тайна скрыта печатью незримой!

* * *

С облаками крошками да на брудершафт Распивало небо радужный коктейль. Легкий бриз с ухмылкою небу потакал. Развлекал романсами южный город в зной. Облака лукавые все стремились в пляс. Но не к тучам тягостным, а к небесным па. Небо улыбалось им, обнимая бриз. Южный город праздновал лета карнавал.

В ПАМЯТЬ О РУССКОЙ ВЕСНЕ

Год две тысячи четырнадцатый. Февраль. А за Перекопом мракобесие. Там на Крым уже точили сталь, И грозило рухнуть равновесие Крымского курортного мирка Под ударом удалых захватчиков, Подданных незваного царька, Подленьких и скользких неудачников. Злу в Крыму всегда ответ готов. Митинги взревели триколорами. Улицы неспешных городов Всколыхнулись мужества затворами И восстал Крым, русский дух восстал Против своего уничтожения. Каждый за Весну надежды встал. Не сдаваться приняли решение. Грянул март, а с ним пришли они, Вежливые важные солдаты. К референдуму катились дни. К судьбоносной для Весны той дате. Год две тысчи девятнадцатый. Февраль. Мы в России, под защитой крепкой, И уверенно глядит Крым вдаль, Новый день нам машет дланью-веткой.

РАЗДУМЬЯ

Молитва не давала облегчения. Давила мысль, что с миром вновь не так? Вокруг войны звериное «свечение», Зачем то людям послан горя знак? Донбасс, Одесса — адреса страданий! Алеппо, Тобрук, что это, скажи? Душа не хочет больше оправданий, Она устала от вселенской лжи! Я человек простой, мне не пробиться Через заслон из медиавранья. В раздумья попытаюсь устремиться, Молиться снова — долюшка моя! И силы миру попрошу, и блага, И да исполнится молитва та. Под стих-молитву ластится бумага, И дверь в надежду миру отперта!

* * *

Царит над южным брегом кипарис, A горы расчесали тропок прядки.

Ты в негу Крыма, путник, окунись И попроси у Ялты подзарядки. Пусть древний молчаливый Аю-Даг Навечно станет оберегом грозным. Поверь, и хворь, и беды — все пустяк! Ты с Черным морем ветром станешь вольным. Грохочет шторм, а утром спит волна, Баюкая хмельное побережье. Мы лето крымское отведаем сполна, Ловя в ладони счастье и надежду!

* * *

Ветер, холодный ветер Стелет маршрут степной. Льдинками дождь расцветит Боль серой мостовой. Порт весь обвешан кранами, Небо сплошная течь. Греет в февраль балладами Доблестный город Керчь. И под тумана байки Чуть загустил паром. Ветер колышет прядки Уж облетевших крон. Зимняя колкость лепится В крепкий литой мотив, Мост наш легко возносится Ласточкой через пролив. Керченский берег радостный. Ну, а седой Митридат Мир охраняет благостно Вечный, простой солдат.

യ്ക്കാരുള

Вячеслав Девятков (г. Тюмень)

...И ПОД ЗВЕЗДОЙ ПЛЕНИТЕЛЬНО СЧАСТЛИВОЙ

Тюменский журналист, поэт, литератор Вячеслав Девятков родился в таежном селе Болчары Тюменской области. Служил в армии, учился в Тюменском государственном университете. Затем семь лет отслужил в пресс-службе МВД. Трудился в областных печатных изданиях обозревателем, ответственным секретарем. Выпустил четыре сборника стихов. В настоящее время — шеф-редактор газеты «МК в Тюмени».

ОСЕНЬ В БОЛДИНО

Ах, я люблю шуршать листвой опавшей! Мелодию любви в душе уставшей Услышать, и запомнить, сохранить. И под звездой пленительно счастливой Бродить в обнимку с осенью дождливой, И волосы, и ноги промочить.

И чтобы ветер наигрался вволю Кленовой и березовой листвою, Утих, преобразив весь мир вокруг, И чтобы все в душе перевернулось, Все самое сердечное вернулось, И ночью позвонил старинный друг.

Ах, я люблю и шалости, и песни, И добрые, немыслимые вести, Которые в дождях растворены... Мы очень мало радуемся жизни, И если осень ярким светом брызнет, — Успей наполнить им и жизнь, и сны.

ДОЖДИК — НЕРАЗУМНАЯ ДУША

Хочешь, я пришлю тебе дождя В маленькой коробочке июля? Он обнимет ласково тебя, Прыгая, танцуя и ликуя.

Будет ноги нежно целовать, Волосы и поднятые руки, Листьями кленовыми шуршать, Вслушиваясь в тающие звуки.

Дождик — неразумная душа! Все б ему влюбляться да резвиться. Хочешь, он легко и не спеша В ливень благородный превратится?

Дождик — безусловный дар небес! Милое и доброе созданье! Думаю, что нет на свете мест, Где бы он остался без вниманья.

С грустью мы расстанемся шутя, Станем жить, как ангелы, ликуя... Хочешь, я пришлю тебе дождя В маленькой коробочке июля?

КОПИЛКА ВЕЩИХ СНОВ

И вот горячий кофе на столе, И мир такой огромный и счастливый. И золотом горят леса и нивы, И стелются туманы по земле. И вот горячий кофе на столе.

А молодость прекрасная прошла! И зрелость незаметно подступила: Ресницы в полумраке опустила, Сложила два невидимых крыла. А молодость прекрасная прошла!

Как долго я летал в моих мирах! Меня не принимали птицы в стаю, Но я во снах по-прежнему витаю, И верю, что душа моя — в цветах. Как долго я летал в моих мирах!

Душа моя — копилка вещих снов. Разгадывать, увы, не научился. Я просто в эту искренность влюбился! В чарующие крылья облаков! Душа моя — копилка вещих снов.

Люблю мое волшебное житье! Кофейный дух, и сны, и разговоры, И лето, и осенние просторы, И даже одиночество мое! Люблю мое волшебное житье!

ЧЕРДАК

На чердаке — Страна Чудес.
Там вечный снег летит с небес,
Бегут ручьи, растет трава,
Былого музыка жива,
Как прежде звезды горячи,
И солнце льет свои лучи.
Открой сундук — в нем пыль времен,
И старый вальс «Осенний сон»,
И лица женщин так светлы, —
И ночи летние белы.
Там звуки, краски, голоса,
К стеклу прилипшая оса,
Игрушки, марки и значки,
Любимой бабушки очки,
Портрет семейства за столом,
И подступивший к горлу ком.

യത്തെ

Галина Таланова (г. Нижний Новгород)

Галина Таланова (Бочкова Галина Борисовна) — биофизик, кандидат технических наук, автор девяти книг стихов и семи прозы. Член Союза писателей России. Лауреат и дипломант многих премий и международных конкурсов. Имеет под две сотни публикаций. Стихи и проза публиковались во многих российских и зарубежных журналах, альманахах и коллективных сборниках.

* * *

Здесь третий день стеной вода... Как будто наступила осень. Провисли в каплях провода, И слезы на ресницах сосен. Июль. Вся кончилась любовь. А лета не было и нету. И солнце, вновь нахмурив бровь, Ушло за тучу до рассвета. Циклон. На дачах ни души. Одна. Пряду из ливня пряжу. На окнах струек витражи, Но ими мир не разукрашу. И за ночь с крыши протекло — Вновь с чердака смотреть на небо: Искать не битое стекло — Как звезды-дырки светят слепо. Вот так любовь в кромешной тьме Манила звездными очами. А после жили как в тюрьме, И кто-то все звенел ключами.

* * *

Конечная то станция любви...
Пусты вагоны...
Скомканы постели...
А помню, как нам пели соловьи
И сердце завораживали трели...
Отправят поезд нынче в старый хлам.
Все заржавели стертые детали.

И раздражает воробьиный гам, Что лишь сгущает тени и печали. Глухая ночь... Ни звезд, ни фонарей, Что превращали светлячков в снежинки И делали нас чуточку добрей, Хоть ветерком несло как две пушинки. А впереди уронит слезы март, И съежатся сугробов талых груди. Но дом не рухнет, Ставши кучкой карт, Крапленых в вожделении о чуде. Как люди, чувства — Те же пыль и тлен. И через слезы лишь размытей дали. Но я продлю Любви волшебный плен. Жизнь замерла. И рельсы разобрали.

* * *

Опять гремит, Сверкает за рекою... Три коромысла... Дождик по косой. Ну что за лето! Не найти покоя. И не пройти по тропочке босой. Ломает ветки, Баламутит воду. И сель с горы Шумит, как водопад. Так хочется поласковей погоду! И чтобы видеть ночью звездопад! Но нет. Бегут круги опять по ряби. Река в мурашках. Клонится трава. Но встанет, Как игрушка «Неваляшка», Побита ливнем, Но пока жива. Вот так и мы. — Упав на кочке, встанем. Потянемся за птицей в высоту. ...Однажды птица полетит, как камень, За ней шагнешь по радуги мосту. ...Смотреть сквозь дождь, Родивший спектра чудо... Вот так стихи восходят от грозы. И даже если беспросветно худо, Они вернут из темной полосы.

Виктор Медведев (г. Алма-Ата, Казахстан)

Виктор Николаевич Медведев — поэт, прозаик, журналист. В 21 год опубликовал первые стихотворения в городской газете. Является победителем многих литературных конкурсов.

B XPAME

У иконы бабушка стоит — Кланяется, крестится и молит... Что ей в сердце старенькое колет, За кого душа ее болит?

Вымолить ей надо благодать, Не себе, конечно же, сердешной... Просто сон вчера приснился вещий, Надо грош убогим бы подать.

Да просить заступницу свою За сыночка нынче заступиться... В немощи одно дано — молиться У пути земного на краю.

В храме тихо, радостно, светло. Кто-то хвори, кто-то душу лечит И горят под образами свечи, И течет небесное тепло...

Льется с неба колокольный звон, Заглушая шепот и рыданья... Вечные, живые изваянья — Хрупкие старушки у икон.

Я за них в сторонке помолюсь — Мне бы жизнь такой же мерой мерить, Как они, уверовать и верить До предела человечьих чувств...

РУСЬ

Здесь отчий дом — Бревенчат, низок,

Зато вокруг полей размах, Здесь храмы древние — как в ризах, Стоят сурово на холмах.

Здесь исцеляла боль Россия И в годы смуты, И войны, Здесь принимали бой святые — Простые воины страны,

И здесь вначале было Слово, Что не избыть и не забыть, Являя горько и сурово Два смысла — Быть или не быть.

Слова рождались и мужали, Не рассыпались страхом в прах, Творили вечные скрижали «Спаси — помилуй» На крестах,

И здесь от вечного, родного, По сущей правде наших уст, Огромный мир возрос из слова, Как свист меча на битве,— Русь.

СИРЕНЬ

Полыхнула сирень из дождя, из дымящейся зелени, Подожгла подоконник за мокрым, в дождинках, стеклом. И в стакане окна заплясало горячее зелье, Будто дождь нипочем, и весна заждалась за углом.

Бьются листья в стекло молодыми весенними птахами, Они просят впустить — и рука уже тянется в сад, В этот ворох сирени, что ветер хватает охапками, Где в зеленом развале цветы факелами горят.

За окном все дрожало, кипело, смеялось, дышало, Захлестнула полмира волна самовольных цветов, И душа, как девчонка, к стеклу удивленно прижалась, Хохоча от восторга, задыхаясь от замерзших слов.

А по комнате бегали блики и смутные тени, Дом скрипел и качался, будто облаком плыл в синеве, Погружаясь то в сумрак необъяснимой сирени, То в факельной свет, заплутавший в счастливой листве.

Мне уткнуть бы лицо в эти свежие мокрые ветви, В этот парус зеленый, поутру окрыляющий сад,

И на вкус ощутить на сирени настоянный ветер, И за вольною волей бездумно уйти наугад.

СЛЕПОЙ

Он стар и слеп. Его зовут Старик. Он сам с собой о чем-то говорит, В руках лишь посох — все его добро, Но в волосах, без меры, серебро.

Живет он — ни кола и ни двора, Нет у него и пса — поводыря, И нет друзей, а значит, нет врагов, И сам он тих, как звук его шагов.

Но он не прост... Он в памяти хранит Звон палочки о сталь и о гранит, Скрип дерева усталый на мосту, Скрывающий от зрячих пустоту.

Когда идет по городу слепец, Он слушает биение сердец, Он слышит нашу жалость или страх И замерзшее слово на устах.

А майским днем, восторга не тая, Он различает в трели соловья Два голоса — то флейту, то свирель, Как будто их упрятали в сирень.

Он зряч глазами собственной души, Но мир его для нас непостижим — Как дальше жить, когда весь свет погас? Как полюбить, когда не видишь глаз?

Он жизнь учил не так, как мы урок, А пальцами, и вдоль, и поперек, Всегда на ощупь, постигая суть, Как в бесконечность, проникая вглубь.

Я спорил с ним... Я слушал и молчал. Прощался с ним и заново встречал, И тяжелели все его слова, И серебро роняла голова.

В какой-то час, в какой-то странный миг Я вдруг прозрел, я главное постиг, За что судьбой на свете он храним — Он зряч один. Мы слепы перед ним...

ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА

Печальной гравюрой застывший ноябрь — На ткани тумана, холодной и синей. Он создан дождем на закате, как встарь, Из мокрых, косых, из немыслимых линий. А дальше, в тумане, тоска ноября Уже нацарапана дугами сучьев. И где-то вдали леденеет заря В жестоком ознобе зимы неминучей.

А вот и зима в ореоле окна — От черных стволов и до белой короны. Написана царственно за ночь она Неяркими красками древней иконы. Таинственной темперы теплая плоть Рисует изгибов живую небрежность, И всюду — то иней, то снега ломоть, То ветра порыв и морозная свежесть.

Распахнуты окна — и утренний свет Врывается жаркой струей акварели, Сплетаются ветви в старинный багет И бережно ловят этюды апреля. А может здесь ветер листает альбом, Слетев к подоконнику с низенькой крыши... И заново выбелен старенький дом Сегодня с утра лепесточками вишен.

Божественный август нисходит с холстов На наше крыльцо, на дорожку у дома, Теряется в пестрых куртинах цветов, Грохочет над крышей раскатами грома. А после взлетает под небо тайком, Всю ночь звездопадами там хороводит... И утром, неслышно, всегда босиком, По Млечной дороге куда-то уходит.

യതയെ

Аркадий Польшин (г. Лебедянь Липецкой области)

ДВА ДЕДА

Наш постоянный автор.

Был я годков на десять: Поезд, перроны, мосты, Тихий окоп у леса, В котором грелись цветы.

Быть может, это поле Дед мой оттяпал штыком? Доброе Доброполье, И слезы за стаканом.

В далеком... сорок третьем, Где каждый шаг на кадык, Он дрейфовал к Победе Сквозь тот чумной материк.

Не бриг пятиэтажный, Не ветхозаветный Ной И никакой не герой... Просто солдат сермяжный.

То Алексей! Данила — Встречал волну у ворот... В нем шахтерская сила — Шел... семьдесят третий год.

Уже тогда — мальчишкой — Крестили меня ножом: Тож соседский воришка Меня назвал москалем.

Дед Данила по-детски Слезу вдруг пустил катком. Был он шахтер донецкий, А Алексей был штыком. Двое! Одна Победа! И Доброполье одно. Стой, фашист! И ни метра, Но метр, увы, не кино.

Наших пушек — барьеры! Наши ракеты — покой! Шнелят лесом бандеры К иудам на водопой.

Напоят они, вскормят Американским борщом. Только... заместо корня В миска тех — кровь снегирем.

Нашим бойцам не в радость — Долг не короче судьбы: Сыплет русская ярость Очередные серпы.

Снова... одна Победа На всех! И цена одна: За отца и за деда, За брянского пацана...

യമായ

Андрей Овсянников (г. Тула)

Родился в 1970 году в Туле. Первое стихотворение написал в 2008 году. Номинант литературных премий «Поэт года» и «Русь моя».

* * *

На круги своя все вернется, А потом повторится круг, Унося с собой жизни версты, Лица старых друзей и подруг.

«Нет иных, да и те далече», Как когда-то сказал поэт. Наша жизнь — расставанья, встречи. Путь короткий на много лет.

В даль туманную горизонта Не скорбя о прошлом ничуть, Мы в своих спешим эшелонах, Грусть пытаясь с души отряхнуть.

Где придется сойти — неизвестно, И неясна цена за билет, Но могу сказать прямо и честно: Все увидим в тоннеле свет!

А пока в суете повседневной Ищем жизни потерянный смысл, Любим, верим, прощаем смиренно И в мечтах устремляемся ввысь!

Рядом радость всегда и горе. Прочна связей незримых нить. Ничего просто так не приходит. Нам придется за все заплатить.

Обрываю листки календарные, Пребывания срок все короче. А еще ведь не понято главное И печальны бессонные ночи.

И успеть еще надо многое, Только время быстрее сокола. Иду вроде своей дорогою, Но брожу лишь вокруг да около.

Ничего не меняется к лучшему И усталость уже откуда-то. А быть может все дело в случае, Говорят, в жизни есть еще чудо-то.

В нужном месте во время нужное Мы на тропке встретимся узкой... И живу я одними лишь чувствами, На авось, как и всякий русский.

લ્ક્ષ્મભ્રજ્ઞ

Анфиса Третьякова (г. Симферополь)

Член литературно-бардовской мастерской «Таласса». Начала писать стихи в 12 лет. Публиковалась в «Литературной газете» (Москва) и во многих журналах.

ДЕТСТВО

Мне снова захотелось в детство, В тот летний вечер, навсегда, Мальчишка, живший по соседству, Поклялся в дружбе мне тогда.

Как детство вспомнить нам приятно! Я помню лампы теплый свет... Вот только в детство безвозвратно Потерян сказочный билет.

Я помню запах яблок спелых, И мамы милое лицо, И череду поступков смелых, Но не одобренных отцом.

И разговоры до рассвета, В костре — свеченье угольков, И запах яблочного лета, И стук о лампу мотыльков.

Мне снова захотелось в детство, Где мне все ясно и понятно. Вот только нет такого средства, Чтоб в детство нас вернуть обратно.

МЕСТО ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ

В своем отечестве пророков не бывает, Как не бывает и пророков без пороков. И каждый, как умеет, заливает Тоску и боль на сердце одиноком. У каждого из нас свои высоты, Но лишь один на всех у нас Высоцкий — Актер, кумиром ставший для кого-то, Мне ставший образом отцовским.

Он в жизни многих роль свою исполнил Того, чей голос душу покорил. И каждый навсегда его запомнил, И фразы из кино, что говорил.

Вся наша жизнь игра, театр кукол. Не каждый выйдет сам на сцену И, вжившись в роль, себя загонит в угол, И жизнь свою для шоу обесценит.

Уйдут из жизни лучшие артисты, Любимые, родные и друзья, Ведь если довелось на свет родиться, То место встречи изменить нельзя!

ЗВЕРИНЫЙ ОСКАЛ ИСТОРИИ

Стучал топорами на лесоповале Народ, что вождю создал имя из стали. Ученых пытали, лишали семьи. Крестьян угоняли с родимой земли.

Судили и пленных, решившихся выжить, К предателям их приравняв — даже ниже. За жизни дарили значки и медали, Иные расстрел и статьи лишь видали.

О том, что построен канал на костях Не принято было писать в новостях. Державу великую люди создали, Надежды питая на светлые дали.

А что оставалось еще нашим дедам? Лишь Сталина благодарить за победу. А мне палачей покрывать чего ради? Архив рассказал, кем убит был мой прадед.

Преступный режим и глава его Сталин Историей стали в зверином оскале. А нас разделили, всех ныне живущих, На тех, кто сидит, и на их стерегущих.

ЗАКОН ГРАВИТАЦИИ

Мой адрес — галактика «Млечный путь», А не какой-нибудь «Путь Ильича». Мне давят советские звезды на грудь, Но светят иные с небес по ночам. Не Сталин мне кормчий, товарищ и брат — Я братьев ищу по разуму, С которыми смысла не будет врать, Трактуя закон по-разному.

Один справедливый закон на Земле Я знаю — закон гравитации. И падают в августе звезды в Кремле, Как пьяные на демонстрации.

И мы сохраним тебя, русская речь, Отдав голоса андроидам. Пусть шапки летят, и головы с плеч, И астры летят к астероидам!

война закончилась

Война закончилась. И город не болит, И окна рады солнечным лучам, Лишь только тьма стремится по ночам Взвалить тебе на спину монолит.

Замолкли выстрелы. И улицы кривой Избавился от взрывов позвоночник, Вот только чей-то батя, полуночник, Все пребывает на передовой.

Окончен бой. Сошел отек времен И душераздирающие стоны Прервались. Только в трубке телефонной Все повторяют несколько имен.

Жизнь выжила, а мальчик с узелком Пытается припомнить запах хлеба, Который крошками вгрызался в небо, Скрываемое прежде потолком.

Война закончилась. И все бы ничего, Но женщина с размытыми глазами Неделю корчилась. А в ней ребенок замер, Как паства в ожидании ЕГО.

Покоя ждет несчастная страна. Война закончилась. Закончилась война?

യുതൽ

ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОЕКТ «ТЕРРИТОРИЯ УСПЕХА: ПЕГАС» В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

ЛИТЕРАТУРНАЯ СМЕНА (Материал подготовлен Геннадием Маркиным)

В период с 18 по 27 августа текущего 2023 года уютный Парк-отель «Грумант», что расположен в живописном месте Щекинского района Тульской области, распахнул свои двери для не совсем обычных гостей. В этот период в отеле проживали особенные дети и представители молодежи. И их особенность заключалась в том, что эти дети и представители молодежи обладают определенными талантами и, несмотря на свой молодой возраст, уже имеют определенные заслуги в литературе, живописи и актерском мастерстве.

С 18 по 27 августа 2023 года на яснополянской земле, в рамках Международного проекта «Территория успеха: Пегас», проходило мероприятие под названием «Литературная смена».

Международный проект «Территория успеха: Пегас» — это творческий проект с обучающей сессией для юных литераторов, живописцев и актеров. Данное мероприятие проводилось программой «Территория культуры Росатома» в рамках нового формата программ поддержки талантливых детей и молодежи из городов присутствия Росатома «Территория культуры Росатома — детям». В этом году проект посвятили 195-летию со дня рождения Льва Николаевича Толстого и 200-летию Константина Дмитриевича Ушинского.

Рассказать о своем таланте и поучаствовать в мастер-классах, проводимых писателями, журналистами, редакторами, преподавателями-словесниками, художниками, режиссерами и актерами, в Ясную Поляну съехались дети из городов Росатома России и зарубежья.

Моя творческая встреча с этим замечательным подрастающим поколением прошла 26 августа. Юных талантов и их преподавателей познакомил с нашим литературнохудожественным и публицистическим журналом «Приокские зори», с которым я сотрудничаю уже больше десяти лет и являюсь руководителем Творческого совета. Ничего не утаивая, рассказал о проблемах, с которыми сталкивается редакция журнала, в частности и о том, что нет государственной финансовой поддержки для выхода нашего журнала в бумажном варианте, хотя бы для библиотечной системы города Тулы и области. Но, несмотря на трудности, мы продолжаем работать и делаем журнал в электронном формате. Также рассказал об авторах журнала и его читателях, предложил юным прозаикам и поэтам присылать в наш журнал свои произведения. Постарался ответить ребятам на все вопросы, в том числе и на такой: что, на мой взгляд, главное для писателя? Ответил так: когда за письменным столом остаетесь один на один с чистым листом бумаги, не забывайте об ответственности перед обществом, читателем и своей совестью! И рассказал им притчу о том, как после смерти на Божий суд попали разбойник и писатель. Однако более всего я испытывал желание услышать самих юных талантов, хотелось понять, кто же идет нам на смену? И когда завел разговор на эту тему, поразился активности и формам мысли этих молодых людей. И я лишний раз убедился: со мной общаются не простые дети, а в действительности обладающие определенными талантами. Полтора часа нашего общения пролетели как несколько минут, и как бы мне не хотелось расставаться с этими замечательными, умными и талантливыми детьми и молодыми людьми, время, к сожалению, неумолимо.

В заключение нашей встречи я пожелал юным дарованиям дальнейших творческих успехов и подарил им журнал «Приокские зори», альманах тульских писателей «Тульское слово» и свою книгу «Дознанием установлено». На память все вместе сфотографировались.

О Международном проекте «Территория успеха: Пегас», о его целях и задачах, о конкурсе «Литературная смена», о подрастающем поколении и о многом другом мы поговорили с автором и куратором Международного проекта «Территория успеха: Пегас», куратором проектов: «Территория успеха: Мода», «Территория успеха: мультиКЛИПация», членом Союза журналистов России, членом-корреспондентом Санкт-Петербургской Петровской Академии наук и искусств, директором Автономной некоммерческой организации «Модный дом детского творчества» Юлией Цыгановой.

ЮЛИЯ ЦЫГАНОВА: НАША ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА — РАСКРЫТЬ СПОСОБНОСТИ ДЕТЕЙ...

- Юлия Сергеевна, Вы автор и куратор Международного проекта «Территория успеха: Пегас». Расскажите, пожалуйста, о проекте. Каковы его цели и задачи?
- Цель Проекта поиск и поддержка талантливых детей в области литературы и актерского мастерства, развитие их способностей, а также профориентация. Ключевыми задачами Конкурса являются: глубокое погружение в профессии писателя,

поэта, иллюстратора и актера с участием профессионалов, деятелей литературы и искусства; прохождение лекционного курса и творческих мастерских, а также летнего интенсива. Создание детьми собственных произведений в формате литературных произведений и иллюстраций к ним, а также для юных актеров — участие в оригинальном спектакле. Воспитание чувства патриотизма у детей через любовь к родному языку, культуре своего народа, лучшим образцам литературы и искусства, а также через процесс созидания, с помощью которого юные участники познают себя, окружающий мир и находят новые идеи и решения для творческого преобразования.

- Как и с чего начиналась работа по реализации проекта в жизнь? Назовите имена людей, непосредственно принимающих участие в Международном проекте «Территория успеха: Пегас».
- Учредителем Международного проекта «Территория успеха: Пегас» в 2023 году является Автономная некоммерческая организация «Территория культуры», оператор проекта программы «Территория культуры Росатома», при поддержке Госкорпорации «Росатом», программы «Территория культуры Росатома», Акционерное общество «Концерн Росэнергоатом», Акционерное общество «Издательство «Детская литература», Литературного института им. А. М. Горького, Союза писателей России, Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный мемориальный и природный заповедник «Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», Министерства чрезвычайных ситуаций Российской Федерации, Фонда содействия развитию муниципальных образований «Ассоциация территорий расположения атомных электростанций», администраций муниципальных образований атомных городов, администраций зарубежных городов-побратимов из Беларуси, Венгрии и Абхазии.

Теперь что касается непосредственных участников Проекта. Сопредседателями конкурсной комиссии являются: первый заместитель Генерального директора по корпоративным функциям Акционерного общества «Концерн Росэнергоатом» Ткебучава Джумбери Леонтович; руководитель программы «Территория культуры Росатома» Госкорпорации «Росатом» Конышева Оксана Васильевна; режиссер, продюсер, ведущий мастер сцены, автор и организатор социокультурных и просветительских проектов, член Союза театральных деятелей Российской Федерации, руководитель открытого театрального пространства «Арт-платформа» Бикбаев Дмитрий Амиризович и член Совета директоров Акционерного общества «Издательство «Детская литература» Шашкова Юлия Юрьевна.

В функции сопредседателей конкурсной комиссии входит: руководство работой конкурсной комиссии, контроль выполнения решений конкурсной комиссии, подписание протоколов заседаний конкурсной комиссии.

- Юлия Сергеевна, Вы назвали имена и должности известных в нашей стране людей, честь им и хвала за то, что они принимают участие в таком нужном и важном проекте, но хотелось бы узнать, кто непосредственно работает с детьми и молодежью? Вот, например, Вы автор и куратор проекта...
- Да, я являюсь автором и куратором проекта, но кроме меня координатором проекта является Анна Валерьевна Шилова главный специалист Департамента по работе с регионами и органами государственной власти Акционерного общества «Концерн Росэнергоатом».
 - А что входит в ваши с Анной Валерьевной функции?
- В наши функции входит координация работы членов конкурсной комиссии, подготовка представленных материалов на рассмотрение их конкурсной комиссией, подготовка повестки дня заседаний конкурсной комиссии, документов и проектов решений, ведение протоколов заседаний комиссии и осуществление контроля за сроками выполнения решений конкурсной комиссии.

— Расскажите о конкурсной комиссии?

 В состав конкурсной комиссии входят: Дмитриенко Сергей Федорович проректор по научной и творческой работе Литературного института им. М. Горького; Киселев Геннадий Анатольевич — писатель, член Союза писателей России, актер, режиссер; Борисов Владимир Михайлович — детский поэт, член Союза писателей России; Варламов Алексей Николаевич — ректор Литературного института им. М. Горького; Гвоздев Виктор Васильевич — детский поэт, член Союза российских писателей; Морозов Олег Юрьевич — генеральный директор АО «Издательство «Детская литература»; Кириллов Михаил Иванович — руководитель поэтического объединения «Радуга», член Союза писателей России; Кочулина Татьяна Викторовна — учитель русского языка и литературы, филолог; Котунова Ирина Борисовна — главный редактор издательства «Детская литература»; Пахомов Олег Николаевич — художник-иллюстратор; Толстая Екатерина Александровна — директор Государственного мемориального и природного заповедника «Музей-усадьба Льва Николаевича Толстого «Ясная Поляна»; Ципа Юрий Юрьевич — режиссер, хореограф, исполнительный продюсер открытого театрального пространства «Арт-платформа»; Шурочкова Наталия Валерьевна — руководитель проекта «Школа Росатома» Госкорпорации «Росатом»; Чурилова Светлана Викторовна — директор Департамента по работе с регионами и органами государственной власти АО «Концерн Росэнергоатом», член Союза журналистов России.

Именно эти люди, профессионалы в своем деле, осуществляют отбор работ участников Конкурса, ведут работу в рамках проекта, выявляют победителей Конкурса.

- Да, действительно, профессиональная и авторитетная у вас конкурсная комиссия, одни имена чего стоят! Юлия Сергеевна, теперь давайте поговорим о главных участниках Проекта, о детях и молодежи. Условия отбора в «Литературную смену» понятны, а какие регионы России и зарубежья они представляют?
- География участников Проекта это города присутствия Госкорпорации «Росатом», а также дети из зарубежных городов-побратимов: Островец республики Беларусь, Пицунда республики Абхазия и населенных пунктов, города вокруг атомной станции Пакш Венгрии.
- Международный проект проходит уже не первый год. Скажите, есть ли среди сегодняшних детей те, которые участвовали в проекте и ранее? Если есть, то насколько, на Ваш взгляд, они выросли в учебном и творческом планах?
- Да, есть дети, которые принимают участие и побеждают не первый раз. Безусловно, ребята растут и их уровень вместе с ними.
- Кого из нынешних участников Вы могли бы отметить? Кто идет на смену нынешним писателям, журналистам, живописцам и актерам?
- Из числа прозаиков хочу отметить Свежинцеву Анастасию из города Балаково Саратовской области и Боровцову Милену из города Зеленогорска Красноярского края.

Из поэтов отмечу Жмурову Светлану из города Зеленогорска Красноярского края, кстати, ее не только я заметила, но еще и наш композитор, он написал музыку на ее стихи, а также она была отмечена в специальной номинации от Государственного мемориального и природного заповедника «Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна». Еще мне очень понравилась Колосова Диана из города Сосновый Бор Ленинградской области.

- Юлия Сергеевна, сегодняшнее обучение детей и молодежи проходит на яснополянской земле. Скажите, почему была выбрана именно Ясная Поляна?
- Потому что проект посвящен 195-летию со дня рождения Л. Н. Толстого и 200-летию со дня рождения К. Д. Ушинского основоположника научной педагогики в России.
- Лев Николаевич Толстой уделял огромное значение нравственному воспитанию детей. В 1907 году в своей работе для детей «Круг чтения» он, в частно-

сти, писал: «Большое богатство наживается не трудами, а грехами». В Программе проведения литературной смены в рамках Международного проекта «Территория успеха: Пегас» на 27 августа я прочел о том, что в 16 часов с обучающимися детьми и молодежью будет проведен Мастер-класс от консультанта и бизнес-тренера, партнера Института развития городов «Полис», руководителя лаборатории впечатлений... далее полное название учреждения и фамилию бизнес-тренера я указывать не буду, чтобы меня не обвинили в рекламе, но Вы знаете, о ком я веду речь. Так вот, читаю в программе следующее, цитирую: «Как создать правильные впечатления о себе, чтобы продавать свой труд дороже». Не кажется ли Вам, что здесь в обучении и воспитании детей и молодежи на первый план выходит все тот же пресловутый «Золотой телец», от влияния которого во все времена на Руси люди старались оградить свое подрастающее поколение?

— Нет, на счет «Золотого тельца» я с Вами не согласна. Это всего лишь одна лекция, а не ежедневные бизнес-тренинги «Как продать себя» с непонятными авторами. Зачастую мы сталкиваемся с тем, что талантливый человек не может создать о себе правильное впечатление. По причине стеснительности, незнания и прочего. И, к моему удивлению, далеко не во всех, даже ВУЗах творческих, этому учат. Безусловно, есть ребята, для которых выбор профессии — это в первую очередь благосостояние, материальная устойчивость в будущем, но вспомните классика, Джека Лондона и его произведение «Мартин Иден»,— что двигало главным героем? А это классика!

Я считаю, что, обладая такой прекрасной профессией, как писатель, овладев ею в совершенстве, человек должен уметь продавать себя и правильно позиционировать.

- Да, с классикой не поспоришь! А куда все же более устремлены взгляды и желания детей и молодежи к нравственной составляющей в жизни или же к желанию стать богатым?
 - Пятьдесят на пятьдесят.
 - То есть, на наше будущее можно смотреть с оптимизмом?
- В каждом поколении есть своя прелесть, когда росла я, взрослые считали, что мы пропащие. Я люблю детей, их творчество, и у нашей страны будут великие поэты, писатели, актеры, художники. Главное, дать детям шанс, мы должны помочь раскрыть их способности и тогда у них все получится.
- Юлия Сергеевна, в завершение нашего разговора, хочу у Вас спросить: что бы Вы пожелали сотрудникам, авторам и читателям журнала «Приокские зори», а также жителям Тульской области?
- Всем-всем желаю здоровья! Это самое главное. Сотрудникам желаю творческих прекрасных открытий и процветания. Читателям новых талантливых авторов.

А всем жителям хочу сказать, чтобы они гордились, что живут на такой земле, по которой ходили такие Великие люди, как Толстой!

- Спасибо Вам, Юлия Сергеевна, что нашли время и ответили на мои вопросы. Я же от имени сотрудников журнала «Приокские зори» и жителей Тульской области желаю Вам успехов в замечательном деле, а учащимся Литературной смены крепкого здоровья и дальнейших творческих успехов! Уверен, ваш Международный проект «Территория успеха: Пегас» еще много лет будет раскрывать способности детей и молодежи, и у них в жизни обязательно все получится!
 - Большое спасибо!

Наш журнал с удовольствием предоставил свои страницы — одним из победителей творческого конкурса «Литературная смена» прозаику Милене Боровцовой и поэтессе Светлане Жмуровой. Обе победительницы из города Зеленогорска Красноярского края.

Милена Боровцова

(г. Зеленогорск, Красноярский край)

САШКА

МБУ ДО «Центр образования «Перспектива», ученица 11 класса МБОУ «СОШ 175». Сотрудничает с городской телекомпанией «ТВИН», лауреат творческого конкурса «Астафьевские берега» в номинации «Литература. Жанр малой прозы» за рассказ «Сашка». milenaborovtsova@yandex.ru

«Делая добро, будь благодарен за это»

Давно это было, на реке Енисее в деревне Климино.

За зеленым лесом раскинулось это забытое Богом место. Цепь стареньких домов тянулась вдоль реки, до самого края леса, где на отшибе стоял большой деревянный дом с обветшалыми ставнями. Из открытых окон выглядывали старые ситцевые занавески. Нафанаил Кузьмич Любимов, самый старший из жителей Климино, помнил деревеньку с самого детства.

Нафаня, так ласково называли односельчане этого старичка, всегда улыбался, и его маленькие глазки становились будто щелочки, из которых проглядывает лучик света. Дедушка мечтал о том, чтобы все близкие были рядом, но революция забрала сына с невесткой и жену. Остался он вместе с внуком Сашей. Трудолюбивый был дед. Не сидел без дела. Вставал с первым криком петуха и, шаркая старыми лаптями, шел кормить скотину.

Сашка еще спит. Дедушка ласково гладит его по белокурым нестриженым волосам, рассыпавшимся по всей подушке, приговаривая:

— Ишь, спит-то как сладко. Небось снятся ему, птенчику, реки молочные с кисельными берегами. Ась, Санечка?

Сашка переворачивается на другой бок. А дед тем временем уходит на покос. Теплый июльский полдень стоит звенящей жарой в воздухе. Лошади, телеги, бабы пестрят среди прокосов. Нафанаил Кузьмич трудится на износ. Староста, Матвей Гончаров, дюжий смуглый мужик с сухими руками, отставил косу и пошел под березы, где уже расположились косцы.

- Ну чаво, дедушка, как заполошанный? Айда к нам. Отдохни маненичка,— басит Матвей. И достает махотку, узорчатое полотенце с ломтями черного хлеба, аккуратно завернутыми женой.— Угощайси, батюшка наш.
- Ничаво, я угощусь. Спасибо тебе, Матюша,— хрипит дедушка.— Добрая ты душа.

Все трапезничают, отложив острые косы. Кто кашу с молоком, а кто хлеба с луком.

— «Славно потрудились! Ой да славно потрудились!» — слышатся голоса со всех сторон. Девушки затянули песню, положив руки на пестрые передники.

Мужики складывают на телеги тяжелые снопы сена вчерашнего покоса. Лошади лениво пожевывают упавшие травинки и, мерно посапывая, отъезжают по домам.

- Айда к нам, Матюша, чо те коня гонять на тот конец деревни. Да и твои Дема с Катюшей, небось, уже с моим Сашкой играют.
- Айда, Нафанечка,— улыбнулся широким ртом Григорьич, взяв коня под уздцы и ведя его на окраину деревни.
- Отдохнешь у нас, да и умоешься хорошенько, вон, весь как анчутка,— хихикнул дедушка.

Косцы вошли в сени, где висели поводья и лежали мешки с овсом. Убранство дома небогато, но здесь всегда было уютно и тепло. Пустые туески и канки стоят за печкой. Дубовый стол с букетом полевых цветов в банке и крынкой парного молока покрыт чистой скатертью. Посередине дома большая побеленная печка с черными котелками и ухватом. Дощатый пол устлан полосатыми дорожками. Саша и гончаровские ребята играют со щенками.

- Чавой ты сюда кутят принес, Санечка? улыбнулся Нафанаил и погладил внука по белокурой голове.
- Да мы давеча игралися с ними, с кутятами-то, дедушка,— пробормотал Саша, давая деду на руки щенка.

Катенька, дочь Григорьича, увидев дедушку, радостно завопила и кинулась к Нафане на руки:

- Дедуська, а шпой песенку,— прошепелявила Катя, дергая деда за пуговицы истертой рубахи.
- Дак ить, деда устал, чо даймываешь,— прогундел Дема, брат девочки, который тоже любил Нафаню и его песенки.
- Обождите маненичка, родненькие,— Нафанаил сбросил с себя лапти, кинув под лавку и вытянувшись.— Идите-ка сюда, касатики.

Дедушка усадил ребятишек рядом и затянул песенку. Матвей Григорьич уселся подле детей:

— Ой, ты, Порушка, Параня, ты за что любишь Ивана? Эх, и я за то люблю Ивана, что головушка кудрява.

Я за то люблю Ивана, что головушка кудрява...

Катенька подскакивает и смеется, а Демушка с Сашей ловят Катюшу и щекочут. Весь дом наполняется звонким смехом ребятишек.

Это был маленький мир, окутанный любовью. Это была словно большая семья. Старик пускал слезу от радости, его лучистые глаза светились счастьем.

- Ну, ребятушки, айда спать! А то домовой прискачет, касатики! дед засуетился над ребятками.— Матюша, завтра на покос. Айда на лавочку, отдыхай!
- И правда, батюшка,— пробасил Матвей и лег на деревянную лавку, Нафанаил улегся на полу, а ребятки на большом сундуке, покрытом рогожкой. Сашке не спалось. Представлялись ему по углам упыри и домовой, страшный, большой и бородатый.
 - Чаво вошкалупишься, Саша? прохрипел Нафанаил.— Испугался чаво?
 - Дюже страшно, дедушка. Домовые кажутся с упырями, чуть не плачет Сашка.
- Ложись и не боись, Санечка. Утро вечера мудренее. С Богом! перекрестил внука дед и уснул.

Тишина. Только мышь скребется в подполе.

Рассветает. Матвей Григорьич и Нафанаил собрались на покос, разбудив ребят и поручив наловить карасиков. Дедушка вручил им творожные тарочки, кувшин молока и удочки.

— Да смотрите, далеко не заплывайте, а то водяной утащит, касатики. Саша с Катей разломили ватрушечку и съели, а Демушка положил за пазуху. Выдвинулись ребятки в сторону негустой березовой забоки.

В жаркий летний день на реке не было ни души. Зеркальной глади касались стрекозы, деревья шумели от легкого ветерка, шурша зеленой листвой. Ребята подошли к

Енисею и расположились на бережке. Скинув лапти, побежали мочить ноги в воде. Демушка с Сашей стояли по колено в реке, распутывая удочки, а Катюша осталась сидеть на берегу и играла на свистульке, которую выстругал ей Нафаня. Однако она быстро отбросила свистульку в сторону и зашипела на брата и Сашу:

- Дема, Шаша, айда сюда, мне скушна, капризничала девочка, топая ногами.
- Ишь колежится! Ну, чего ты? буркнули Дема и Сашка.

Катя не ответила, только лишь топнула ножкой и опрокинула баночку с червяками.

- От малохольная, сказано тебе сидеть тише! гундел Дема, а Саша тем временем вышел из воды, пытаясь поймать червяков, но тщетно. Те бросились врассыпную по разным сторонам.
- Сашка, я за червями, а ты следи за Катькой и удочками. Не пускай ее в воду! Демка взъерошил темные волосы и вышел из воды, направляясь копать червей.

Санька наблюдал за Катей, а та зашла в воду и топала ножками.

- Вот пойду и ишкупаюсь! дразнила она Сашку.
- Не вздумай, Катенька, а то водяной тебя утащит,— уговаривал ребенка Саша со всей своей мягкостью, стоя на бережке. Не умел он злиться.
 - Ну и чаво! вредничала Катюша.

Саша не успел опомниться, как Катенька уже резвилась по колено в воде.

- Ну и чаво! Шовшем не штрашно! задирала она Сашку.
- Вот я тебе задам! Санька не успел сорвать прутик, как послышался вопль.
- Шаша, Демушка! Родненькие, я больше не буду прокажничать! Шпашите, миленькие! Меня водяной тащит к шебе за платьишко!

Сашка замер в оцепенении. Он боялся водяного, боялся воды. Но тут, увидев неподалеку рыбацкую мокченку, быстро оттолкнул ее от берега и поплыл за Катенькой. Девочка барахталась в воде, зацепившись за корягу шнурком нательного крестика.

— Шашка, родненький, шпаши меня! — кричала Катя.

Саша ухватил ее и потащил в лодку. Шнурок оборвался и крестик, блеснув на солнышке, упал на дно реки. «Лишь бы спасти, лишь бы спасти!» — думал про себя напуганный Санька. Перетянув ее к себе, он упал без сил на дно лодки. И вот спасенная уже сидела в лодке и дрожала, как осиновый лист. Мальчик, не помня себя, еле догреб до берега. А тем временем и Дема вернулся с червями, бросил банку, помогая Сашке и сестре вылезти из лодки.

- Ну, не послушалась, бестия? Ух, я вот тебе задам, тяте расскажу! ругался брат.
 - Я больше не будю! шмыгала носом Катенька.
 - Не ругайся, Демушка! Тише! лепетал Саша.
 - Айда домой, Санек, дружок! ласково сказал Демушка, протягивая руку другу.
- Пойдем, Демушка! вздохнул Сашка.— Катенька, не дуйся, пойдем к дедушке,— и протянул руку девочке.

Ребята скрутили удочки, забрали бидоны и направились домой, но без рыбы. По дороге через лес они набрали ароматной земляники. Добравшись до окраины деревни, Катя быстрее всех влетела в дом на руки к отцу. Нафанаил Кузьмич и Матвей Григорьич сидели и пили чай из маленьких блюдец, большой медный самовар тяжело раздувался и заполнял собой, казалось, весь дом.

- Ты чаво, Катюша? пробасил Матвей.
- Тама водяной меня утащить хотел к шебе, на речушке, но Шашка меня спас! Я не пошлушала Шашу и Дему и полезла в воду! плакала девочка в плечо отцу.
 - Ну, тише ты, чавой ты! Санька, ты как? Обыгался? спросил Матвей.
- Дюже страшно,— Саша прижался белокурой головушкой к дедушке. Дед пожалел внука, увидев, как он испугался.
 - Ну, касатики, садитесь с нами.

Ребята уселись подле дедушки пить чай с медом и шаньгами. Катюша ковыряла творог и отдавала дедушке.

Уже вечерело, Матвей собирал ребят домой:

- Ну, детоньки, айда, мама ждет. Дети суетились вокруг отца, как воробушки.
- Спасибо тебе, Сашенька Матвей погладил сухой рукой светлую голову мальчика.— Если бы не ты утонула бы Катька. А хош, в город с нами поедешь на ярмарку, куплю тебе рубаху красную в горох? Хош? А, Санечка? трепетал староста, пуская слезу и прижимая к себе Катьку.
 - Не, дядь Матвей, ничаво мне не нать, Сашка скромно спрятался за деда.
- Молиться буду за тебя! обнял он мальчика.— Ну, будет. Потопали мы, Нафанечка.
 - С Богом, Матюша. С Богом,— улыбался дедушка, крестя ребятишек и старосту. Нафаня проводил гостей и зачинил хату на задвижку.
 - Дедушка?
 - Ась, родненький? улыбнулся Нафанаил.
 - Дедушка, а чавой, басяво, что я Катьку спас?
- Басяво, родненький. И ладно, что не купился на цветную тряпичку. Басяво, внучок. Айда спать, Санечка.

Саша улегся на большой сундук, оставшийся от бабушки покойницы, а Нафаня зажег в лампаде копеечную церковную свечку под иконой Пресвятой Богородицы, молясь за здоровье внука и здоровье детишек Матвея. Просил, стоя на коленях, за упокой души сына, невестки и жены.

Мальчик согрелся под лоскутным одеялом и заснул под молитвы. Его душа тешилась тем, что он спас невинную душу, не потребовав ничего взамен. Он думал о дедушке. О том, какой он добрый и как же плохо им без мамы и бабушки. Думал о том, что жизнь деда была «беспредельна и вечна, как и сама человеческая доброта».

— Спишь, Санька? Ась? — дедушка шептал и гладил внука по голове.— Светлая головушка.

Нафаня улегся на лавку, улыбаясь и засыпая. Свеча догорала, капая с треском желтым воском в лампаду. Тишина. Только мышь скреблась в подполе...

Светлана Жмурова

(г. Зеленогорск, Красноярский край)

Выпускница Центра образования «Перспектива» и МБОУ «Гимназия № 164». Стипендиатка имени Виктора Петровича Астафьева за достижения в области сценических искусств и литературного творчества. svetzhmur@mail.ru

ТУМАН

Туман, словно вязкий мед, Стекает по крышам домов. Рассвет нас к себе зовет — Туда, за вершины холмов.

Наш путь — в огневую даль, Туда, где бушует пожар. Где братья крепки, как сталь, Отчизне своей служа.

Пройдем глухомань лесов, Речные пороги пройдем,

К созвездию Гончих Псов Уходим священным путем.

Туман, словно вязкий мед, Растаял в апрельском тепле. Однажды весь мир поймет — Мы здесь на своей земле.

MOHAX

Монах бредет в песках времен, Чтобы достичь пророка. Слепой монах бредет домой, До черного чертога.

Несет монах молитвы глас К каменному храму. Молчат ветра, и черный пес Грызет святое знамя.

Воронье око над землей Следит за черным делом. Пусть вьется черною змеей Бесенок в небе светлом.

Слепой монах бредет домой, До черного чертога. Монах бредет в песках времен... Он достиг пророка.

ПОЛЕ

Раскинулось поле далеко-далеко. Вверху облака пробегут одиноко, Бегут в свою даль, все бегут без оглядки, От солнца скрываются, словно мышатки.

Заря просыпается, ночь отгоняет, Денек новорожденный медленно тянет. Пшеница незрелая головы клонит От ветра, который прерывисто стонет.

Туман исчезает, и дымка ночная, Росу за собою в траве оставляя. Запел соловей свою раннюю песню, В лесу потревожил зверенышей местных.

Раскинулось поле в предутреннем свете. Небесная гладь в нежном облачном пледе Встречает рассветы с таинственным видом...

- А дальше-то что?
- Поживем и увидим...

CR EN CR EN

Игорь Карлов (г. Стамбул, Турция)

РУССКИЙ СТАМБУЛ. СТОЛЕТИЕ

очерк-реферат

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Век назад завершилась история русского Стамбула. Короткая история. Драматичная история. Полная удивительных приключений, пикантных анекдотов, благородных порывов, преступлений, творческих взлетов и отчаянных афер. История русского предпринимательства, русской культуры, русского самосознания, русской доли.

Век назад в Константинополе (а Стамбулом турецкая столица официально стала лишь в 1930 году) каждый десятый житель говорил по-русски. По некоторым оценкам, в городе тогда проживало около 35 тысяч русских. В нынешней Турции, поговаривают, 45 тысяч наших соотечественников, и ведь в современном многомиллионном мегаполисе россияне не потерялись — видны и слышны весьма отчетливо. А уж век назал...

Василий Витальевич Шульгин, сведения о биографии которого ограничу лишь датами рождения и смерти (1878—1976), ибо иначе придется писать целый роман, жанр которого тоже еще предстоит определить: приключенческий? шпионский? психологический? исторический? политический?... Итак, В. В. Шульгин в мемуарах пишет: «В летописях 1920 год будет отмечен как год мирного завоевания Константинополя русскими.

Твой щит на вратах Цареграда...

Щит этот во образе бесчисленных русских вывесок, плакатов, афиш, объявлений... Эти щиты — эмблема мирного завоевания — проникли во все переулки этого чудовищного хаоса, именуемого столицей Турции, и удивительно к нему подошли.

Недаром:

Земля наша велика и обильна...

Тут тоже никакого порядка. Наоборот, этот город производит впечатление узаконенного, хронического, векового беспорядка. Поэтому, вероятно, когда русские, голодные и нищие, обрушились огромной массой на эту абракадабру, вместо естественной ненависти, которую всегда во всех странах и веках вызывают такие нашествия, вдруг на удивление «всей Европе» к небу взмыл совершенно неожиданный возглас:

— Харош урус, харош...

Точно нашли друг друга... Русские и турки сейчас словно переживают медовый месяц... Случаев удивительно доброго, сердечного отношения — не перечесть... Одного почтенного деятеля остановил на улице старый турок и, спросив «Урус?» — дал ему лиру. Русскому офицеру сосед по трамваю представился как турецкий офицер, предложил быть друзьями, дотащил к себе и предложил ему половину комнаты за бесценок, лишь бы жить с «урусом». Третьего хозяин кофейни угощал как дорогого гостя и наотрез отказался взять плату. Все это часто очень наивно, но это есть... Рус-

ским уступают очереди, с русских меньше берут в магазинах и парикмахерских, выказывают всячески знаки внимания и сочувствия, и над всем этим, как песнь торжествующей любви, вместе с минаретами вьется к небу глас народа — глас Божий.

— Харош урус, харош...»

Стало быть, массово познакомившись с нашими, дотоле неизвестными им людьми, иностранцы пришли к выводу, что русские хороши... «Русские хорошие»,— возгласило народное мнение век назад. Сейчас мы чаще слышим о «хороших русских»... Разница принципиальная, согласитесь. «Русские хорошие» — характеристика нации; «хорошие русские» — вычленение из народа (который по умолчанию не слишком хорош) отдельных элементов, соответствующих чьим-то благосклонным суждениям. Уверен, что данные суждения выносятся единицами и навязываются зарубежному обществу. Уверен, что народы как дружественных, так и большинства «недружественных» стран к народу России относятся доброжелательно.

Но сейчас речь не о том. Сейчас, на мой взгляд, нам самим важно понять, что русские хорошие. Скорее, даже не понять, а вспомнить. Не ради чванливого самолюбования, а ради дальнейшего устойчивого развития. Очень важно понять, чем именно мы можем нравиться другим, что в нас хорошего.

В этом отношении история белой эмиграции особенно интересна. Она вполне может стать для нас зеркалом. Не слишком большим, с заметными искривлениями, но в целом подходящим. Константинопольское отражение мне показалось довольно симпатичным. Не идеальным, не претендующим даже на идеальность — кое-где чумазеньким, отчасти хитроватым, порой пьяненьким — однако симпатичным. В зеркале русского Стамбула отразились люди, с достоинством несущие свой крест. Трудолюбивые, не падающие духом, умеющие поддержать друг друга и совместно преодолеть выпавшие невзгоды. Люди, понимающие, что за неприглядной земной реальностью, на фоне которой протекает наша жизнь, может открыться реальность высшего порядка — и именно эту реальность следует учитывать каждому смертному, именно на нее ориентироваться во всем: начиная выбором своей стези и заканчивая общением с соседом в быту.

Итак, столетие русского Стамбула. Какие характеры сошлись тогда в Константинополе! Какие судьбы! Какие таланты! Насколько прихотливы оказались траектории жизненных путей генералов, актрис, депутатов Государственной Думы, шансонье, казачьих офицеров, писателей, буржуа и аристократов; насколько причудливо пересекались на берегах Босфора траектории их полетов! Словно золотые трассы звездопада южной ночью. Невозможно ими не любоваться, невозможно не восхититься великолепием этого русского космоса, этой галактики. Гибнущей галактики. Век назад завершилась история русского Стамбула...

Когда же она началась? Можно выделить три волны беженцев из России, ударивших в босфорские берега. Первая поднялась в 1918 году, когда Добровольческая армия генерала А. И. Деникина оставила Одессу. На следующий год после тяжелейшей эвакуации из Новороссийска и повторной сдачи Одессы Константинополь вновь принял беженцев, главным образом гражданских лиц.

В 1920-ом исход гражданской войны стал ясен. Проигравшие готовились навсегда оставить Родину. 29 октября 1920 года (по новому стилю 11 ноября) Главнокомандующий Русской армией барон Петр Николаевич Врангель отдал приказ начать эвакуацию из Крыма. Пароходы принимали на борт пассажиров в портах Севастополя, Керчи, Феодосии, Ялты, Евпатории. В отличие от предыдущих эвакуаций, крымская была спланирована и организованно проведена с 11 по 15 ноября. За пять дней на корабли по спискам грузились армейские части, дивизии донских, кубанских и терских казаков. На борт были взяты и все гражданские лица, пожелавшие покинуть Россию. Последние корабли ушли из портов Крыма 17 ноября.

В течение двух недель 126 пароходов совершили несколько рейсов, пересекая Чер-

ное море. Автору воспоминаний «Скиталец поневоле» Евгению Рогову 23 ноября 1920 года запомнилось таким: «На рейде Константинополя бросили якорь больше 120 русских судов всех размеров и всех назначений: военные и пассажирские и даже баржи, прицепленные к другим. Все перегруженные, с креном, но с русскими флагами. Более 130 тысяч героев и их родных покинули дорогую Родину, как мы узнали позже».

Количество бывших русских граждан, переправленных через Черное море, точно не определено. Различные источники называют и 100, и 150, и 200 тысяч человек. Удалось найти и такие цифры: на рейде Босфора стояли суда, на которых было вывезено 145 693 человека (корабельные команды в подсчет не входили), в том числе около 50 тысяч чинов армии, свыше 6 тысяч раненых; остальные — служащие различных учреждений и гражданские лица, и среди них около 7 тысяч женщин и детей. Следует также иметь в виду, что в тот же период в Стамбул прибывали и самостоятельные группы беженцев. Всего же, по отдельным подсчетам, после гражданской войны, учитывая эмиграцию 1918 и 1919 годов, к босфорским берегам шторм русской смуты прибил около 400 тысяч наших соотечественников.

Русские солдаты и офицеры были размещены во временных лагерях в Галлиполи, Чаталдже и на острове Лемнос. Для штатских же пристанищем оказался Константинополь, оккупированная войсками Антанты столица Османской империи, тоже проигравшей в войне — в Первой мировой войне.

На константинопольские пристани сходили уставшие, деморализованные и беззащитные люди. Беженцы. Теперь они были беженцами не только по самоощущению, но и официально, в соответствии с международной правовой классификацией Лиги Наций: изгнанники получили особый статус, права и документ — знаменитый «нансеновский паспорт». Беженцы сходили на берег по одному, семьями, случайными компаниями, оркестрами, театральными труппами...

Те, кто располагал финансовыми средствами и необходимыми документами, не задерживаясь, следовали дальше, в Европу. Большинству предстояло задержаться в Царьграде.

Беженцы на пристани Константинополя

А он шумел вокруг, этот поражающий экзотикой восточный город. Он изумлял петербуржцев и москвичей, екатеринославцев и воронежцев, калужан и томичей, подобно сказочному видению. В воспоминаниях эмигрантов Константинополь остался неким чудом.

«Рано утром мы вошли в Босфор. Нашим глазам предстала панорама из тысячи и одной ночи. Залитый огнями Золотой Рог. Сахарно-белые дворцы султанов со ступенями, сходящими прямо в воду. Море огней. Тонкие иглы минаретов. Башня, с которой сбрасывали в Босфор неверных жен... И флаги, флаги, флаги! Без конца. Как на параде!» — вспоминал Александр Вертинский начало своей эмиграции.

На Вертинского Стамбул произвел впечатление разгула карнавальной стихии: «Город шумел, орал и сверкал, как огромный базар. Тысячи голосов. Щелканье бичей «арабаджи», гордо восседавших на козлах своих фаэтонов, окрики полицейских, гудки машин, вой нищих, пение продавцов птиц и сластей, лай собак — все сливалось в общий гул. На улицах настоящий карнавал. Сотни офицеров и солдат в самых экзотических формах и нарядах. Шотландцы в юбочках с волынками в руках маршировали под какую-то детскую музыку. Негры в фресках и шароварах, итальянцы с петушиными перышками на шляпах, французы в голубых с золотом кепи, американцы в белых шапочках, англичане со стеками в руках, греки, чехи, сербы, румыны... Кого только здесь не было! И все это двигалось, маршировало, играло, пело».

А плодовитого, имевшего чрезвычайно легкое перо Дон-Аминадо Константинополь вдохновил на стихи:

Мне говорили: все промчится. И все течет. И все вода. Но город-сон, который снится, Приснился миру навсегда. Лаванда, амбра, запах пудры, Чадра, и феска, и чалма. Страна, где подданные мудры, Где сводят женщины с ума. Где от зари и до полночи Перед душистым наргиле*, На ткань ковра уставя очи, Сидят народы на земле И славят мудрого Аллаха, Иль, совершив святой намаз, О бранной славе падишаха Ведут медлительный рассказ. Где любят нежно и жестоко И непременно в нишах бань. Пока не будет глас Пророка: Селим, довольно. Перестань. О, бред проезжих беллетристов, Которым сам Токатлиан, Хозяин баров, друг артистов, Носил и кофий, и кальян! Он фимиам курил Фареру, Сулил бессмертие Лоти, И Клод Фарер, теряя меру, Сбивал читателей с пути.

234

^{*} Наргиле — курительный прибор у восточных народов, сходный с кальяном, но имеющий в отличие от него длинный рукав вместо трубки.

Менялы, гиды, шарлатаны, Парижских улиц мать и дочь, Французской службы капитаны, Британцы, мрачные, как ночь. Кроаты* в лентах, сербы в бантах, Какой-то сир, какой-то сэр, Поляки в адских аксельбантах И итальянский берсальер**, Малайцы, негры и ацтеки, Ковбой, идущий напролом, Темно-оливковые греки, Армяне с собственным послом! И кучка русских с бывшим флагом И незатейливым Освагом***... Таков был пестрый караван, Пришедший в лоно мусульман. В земле ворочалися предки, А над землей был стон и звон. И сорок две контрразведки Венчали новый Вавилон. Консервы, горы шоколада, Монбланы безопасных бритв, И крик ослов...— и вот награда За годы сумасшедших битв! А ночь придет, — поют девицы, Гудит тимпан****, дымит кальян. И в километре от столицы Хозары режут христиан. Дрожит в воде, в воде Босфора Резной и четкий минарет. И муэдзин поет, что скоро Придет, вернется Магомет. Но, сын растерзанной России, Не верю я, Аллах, прости, Ни Магомету, ни Мессии, Ни Клод Фареру, ни Лоти...

Дон-Аминадо (он же Аминад Петрович Шполянский, он же Аминодав Пейсахович Шполянский, 1888—1957) — известный поэт-сатирик, мемуарист, адвокат. В начале XX века активно печатался в аверченковском «Сатириконе». В Константинополь прибыл в январе 1920 года, но находился в русском Стамбуле недолго, почти проездом. Связи ли, знание ли законов, деньги ли, заработанные адвокатской деятельностью, тому причина, только этому литератору удалось очень быстро получить французскую визу и выехать в Париж.

В. В. Набоков (1899—1977) пробыл на босфорском берегу еще менее — дня два. И стихотворение у него гораздо короче:

Всплывает берег на заре,

 ^{*} Кроаты — хорваты.

^{**} Берсальеры — стрелки в итальянской армии, особый род войск, элитные высокомобильные пехотные части.

^{***} ОСВАГ (ОСВедомительное АГентство) — пропагандистский орган Добровольческой армии.

^{****} Тимпан — древний музыкальный инструмент, напоминающий современный бубен.

летает ветер благовонный. Как бы стоит корабль наш сонный в огромном, круглом янтаре. Кругами влагу бороздя, плеснется стая рыб дремотно, и этот трепет мимолетный, как рябь от легкого дождя. Стамбул из сумрака встает: два резко-черных минарета на смуглом золоте рассвета, над озаренным шелком вод.

Двадцатилетний Владимир Набоков проходил Босфором, когда его родители приняли решение оставить родину; их путешествие началось в 1919 году, еще до наплыва беженцев, хотя и этой семье пришлось голодать во время перехода через Черное море: на греческом пароходе, на который они взяли билет (взяли билет! это вам не эвакуация!), продуктов не оказалось, приходилось питаться собственными запасами. Набоковы были людьми состоятельными; они изначально направлялись в Европу, поэтому в Константинополе побывали транзитными пассажирами, лишь то недолгое время, пока их судно принимало на борт топливо и запасы воды. Но, как видим, даже такого мимолетного впечатления достаточно было юному стихотворцу для того, чтобы вдохновиться древним и загадочным полисом.

- Л. Е. Белозерская, прожившая здесь гораздо дольше, в своих мемуарах тоже восторгается Царьградом: «...красивейший город с неповторимой архитектурой. А закаты? Какие закаты! И это необыкновенное розово-лавандово-опаловое небо, пронзенное свечами минаретов».
 - В. В. Шульгин так описывает свое первое впечатление от Константинополя:
- «Красиво... Очень красива эта симфония огней... Толпа непрерывно струится через мост. Тепло... Как в теплый вечер в начале октября в Петрограде. Боже, где все это?.. Твой щит на вратах Цареграда... Увидев впервые в жизни этот неистовый, но такой красивый беспорядок, эту галиматью с минаретами, именуемую Константинополем, я сказал своему спутнику по вагону:
- Боже мой!.. Теперь я только понял, что я давным-давно страстный, убежденный... туркофил.
- Я думаю, что это несколько утрированное утверждение в значительной мере применимо ко всем русским, волею судьбы здесь очутившимся».
- Н. А. Тэффи Царьград с его «громыхающими трамваями и визгливыми автомобилями» подарил целую палитру цветовых оттенков и, возможно, несколько подавил своим движением, напором, многообразием, восточной роскошью, контрастами: «Трубят и гремят чужие пароходы, быстро вперевалку бегут моторные катера, пляшут юркие турецкие калки». «Красивый, ленивый, сонный» Босфор взирает на пришельцев, «прищурив золотые ресницы». «А вечером, когда четкие острия минаретов вонзятся в оранжевое небо и тихий Анатолийский берег завернется в аметистовую ткать сумерек, все эти снующие живые огоньки чувствуются совсем лишними».

Сказочный город! Но чужой! И в этом чужом городе русским предстояло начать новую жизнь. Но как ее начать? С чего? Куда направить стопы? Где преклонить голову? Для значительной части эмигрантов первым пристанищем стало Посольство Российской империи в Порте. Люди по привычке ждали помощи от отечественных дипломатов...

Но где оно, это Посольство? Как его отыскать на извилистых улицах незнакомого разноязыкого города? Вот какой эпизод находим в рассказе А. Т. Аверченко «Первый день в Константинополе»:

«Как во время настоящего приличного столпотворения — все говорили на всех языках. Однако больше всех ухо улавливало французский язык. Говорили на нем беженцы так, что даже издали слышался густой запах нафталина, как от шубы, которая долго лежала в сундуке без употребления и которую наконец-таки извлекли на свет Божий и стали перетряхивать.

Около ресторана Сарматова я слышал такой диалог.

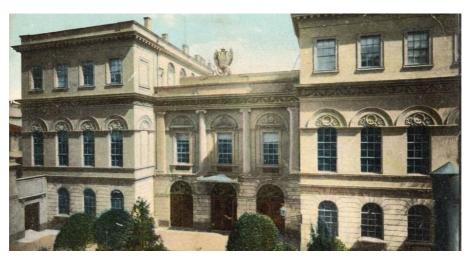
Господин сделал испуганное лицо и, подбирая французские слова с таким страхом, с каким неопытная барышня впервые заряжает револьвер, спросил прохожего:

— Комм же пуве алле дан л'амбассад рюсс?

Спрошенный ответил:

- Тут-де сюит. Вуз алле ту а гош, а гош, апре анкор гош, е еси будут... гм... черт его знает, забыл, как по-ихнему, железные ворота?
- Же компран,— кивнул головой первый.— Я понимаю, что такое железные ворота. Ла порт де фер.
 - Ну, вот и бьен. Идите все а гош прямо и наткнетесь».

Российской империи уже не существовало, Советское государство еще не выстроило свою дипломатию, но ведь Посольство сохранилось, и над ним все еще реял бело-сине-красный стяг. Сохранился русский дом в сердце Константинополя. Или, вернее сказать, сохранился русский дворец, построенный в 1845 году по проекту Гаспаре Фоссати и расписанный художником А. Форкари, встречавший посетителей теми самыми «порт де фер», роскошными чугунными воротами и решетками, отлитыми лучшими луганскими мастерами. Именно так — «русский дворец» — и по сей день называют стамбульцы здание нашей дипмиссии. Называют вполне справедливо, однако памятник этот заслуживает отдельного рассказа. Сейчас же мы попробуем представить себе этот шедевр парадной архитектуры превратившимся в общежитие, в перевалочный пункт для тысяч и тысяч соотечественников — растерянных, утомленных морским переходом, не имеющих возможности ни полноценно питаться, ни соблюдать элементарные правила гигиены. Мрамор колонн, наборный паркет, художественные росписи интерьеров, картины и статуи — все это оказалось ненужным и, может быть, даже раздражающим, бестактно и некстати напоминающим о безвозвратно потерянном... Беженцы размещались во всех залах, служебных кабинетах, в коридорах и на широких лестницах. Отгораживались друг от друга развешанными на веревках одеялами. А в Зеркальном зале, где до того проводились торжественные приемы, был устроен госпиталь.

Посольство Российской империи сто лет назад

Вот как передает свои первые впечатления от посольства А. Слободской: «Зал справа был уже занят несколькими семействами и одиночками, прибывшими сюда до и после одесской и ростовской эвакуации. Каждый расположился на полу, отгородив свое место чемоданами и корзинами. В левом голубом зале, отделенном от среднего стеной и дверьми, были тоже жильцы — «привилегированные», «лошадиная порода», как называли беженцы между собою всех «сиятельных» за их длинные, вытянутые физиономии. Они заранее, еще в России, знали о возможности остановиться в посольстве и с соответствующими письмами прямо с пристани прибывали сюда. Обстановка здесь была несколько иная. Правда, кроватей не было, но зато здесь были стулья и столы. Кроме того, этот зал отапливался и по утрам убирался посольской прислугой». «Между местами, занятыми семьями, отгороженными друг от друга вещами, появился еще целый ряд занавесок. Солдатские серые шинели, английские шерстяные одеяла, простыни, ковры и т. д., обозначали границы и стены комнат каждой семьи или беженца. Беженцы-мужчины тихо бродили по залам. Женщины более быстро освоились с положением и уже хлопотали около своего несложного хозяйства. Семейные мыли, кормили, одевали своих детей, другие приводили в порядок своих «измученных» кошек и собак, третьи перед куском разбитого зеркала завивали волосы и доставали костюмы и шляпки. На балконе, что примыкал к залу, вдали от всех, сидит на своем чемоданчике молодой полковник и неподвижнобезразличным взглядом смотрит перед собой. Ему 38 лет, но он весь седой. Поседел он в день эвакуации, когда какой-то пьяный офицер Корниловского полка ударом приклада винтовки сбросил в море его жену и пятилетнюю дочь. Дальше, мать, которая потеряла своих детей, и теперь полубезумная ходит и ищет их везде, проклиная добровольцев и Деникина».

А теперь передадим слово русскому репортеру в Константинополе, сто лет назад публиковавшему свои материалы в еженедельнике «Зарницы» за подписью Эльпе: «Большой посольский двор. Когда-то сюда подкатывали блестящие экипажи и автомобили, и старые умные дипломаты с привычными улыбками на бесстрастных лицах старались успокоить сильнее обычного бившееся сердце. И вот пришла рябая курносая кострома. С утра и до позднего вечера в оборванных, грязных английских шинелях, в стареньких потертых пальто толкутся во дворе люди с испитыми, исхудалыми лицами. Здесь создаются проекты самые фантастические, предприятия самые смелые, потому что судорожно, до боли остро хочется жить. Строят фабрики, совершают чудовищные коммерческие сделки, продают и покупают, организуют десятки предприятий, проявляют необыкновенную энергию, но по-прежнему голодны дни, угрюмы и страшны бессонные ночи. Длинные очереди выстроились в посольских канцеляриях. Какая пестрота надежд, требований, просьб! Вот отставной полковник с глубоко ввалившимися глазами, надорванным и хриплым голосом что-то невнятно говорит о бесплатном обеде, вот барышня, запинаясь и сильно нервничая, просит о пособии. Старушка с старинным ридикюлем хлопочет попасть в Сербию, где для многих земля обетованная. И те же разговоры о визах, о том, что жизнь безрадостна, тяжела и безрадостна, тяжела и голодна».

Действительно, эмигранты оказались в самом бедственном положении: ни денег, ни работы, ни пропитания. Некоторые голодали по нескольку дней, не видя порой куска хлеба. Помогали бывшие союзники по Антанте. Британская и французская военные миссии предоставляли небольшие пайки из военных запасов, консервы («рагу из обезьяны», как прозвали их во французской армии в Первую мировую), медикаменты, а также кое-какую одежду.

Щедрее оказался американский Красный Крест. Его константинопольское отделение располагалось неподалеку от Посольства, на улице Мершрутиет. Возглавлял структуру адмирал Марк Ламберт Бристоль — дипломатический представитель США в Турции. Благодаря его деятельности американское общество живо представ-

ляло себе бедственное положение русских беженцев, что вызывало постоянный поток пожертвований из США. Известно, что американский Красный Крест обеспечивал питанием 6 тысяч русских, выдавал муку, консервы, шоколад и другие продукты, снабдил одеждой более 70 тысяч человек, оказал медицинскую помощь многим беженцам. Отделение организовало курсы по обучению нужным в городе специальностям. В мастерских, созданных американским Красным Крестом, было трудоустроено около 400 русских.

Многое делал для соотечественников Земский союз, крупная общественная организация, созданная в 1914 году для помощи фронту. Союз занимался снабжением армии медикаментами, помощью беженцам и раненым. Но в 1918 все имущество Земского союза было национализировано, и официально организация прекратила свое существование в 1919 году. Однако под руководством казачьего генерала Михаила Георгиевича Хрипунова Земский союз старался помогать эмигрантам на Балканах и в Турции.

Впрочем, помощь, поступавшая беженцам от отечественных и зарубежных общественных организаций, могла быть лишь эпизодической, на первых порах. А устраивать жизнь надо было самим. Каким образом? Этот вопрос витал в воздухе над заполненным беженцами двором нашей дипмисии в Константинополе.

Среди тех, кто получил временный приют в русском Посольстве, была и упомянутая уже Любовь Белозерская-Булгакова, оставившая нам свои мемуары.

Любовь Евгеньевна Белозерская (1895—1987) родилась в дворянской семье. Старшая ветвь ее рода была княжеской, восходя к князьям Белозерским-Белосельским. Любовь Евгеньевна окончила с серебряной медалью Демидовскую гимназию в Санкт-Петербурге, занималась в частной балетной школе. С началом Первой мировой войны Любовь Евгеньевна как истинная патриотка не могла быть в стороне от происходившего. В 1914 году она окончила курсы сестер милосердия и приняла активное участие в организации благотворительных госпиталей. Барышня самозабвенно ухаживала за ранеными воинами все долгие годы войны. После октября 1917 года Л. Е. Белозерская уехала из Петрограда, в 1918 году оказалась в Киеве, где возобновила знакомство с известным журналистом Ильей Марковичем Василевским, писавшим под псевдонимом «Не-Буква». Белозерская стала женой Василевского. В феврале 1920 года супруги отправились из Одессы в Константинополь. Затем судьба эмигрантов вела их в Париж, в Берлин...

В 1923 году «Не-Буква» вместе с А. Н. Толстым возвращается в Россию, но если «красного графа» ждала завидная судьба на родине, то Василевский сгинул в подвалах Лубянки в 1938. Впрочем, брак с Белозерской фактически распался еще раньше, в последние месяцы жизни в Берлине.

А вскоре после возвращения на родину Любовь Белозерская встретила М. А. Булгакова. Женой Михаила Афанасьевича она оставалась с 1925 по 1932. Ее устные рассказы о скитаниях за границей послужили материалом для пьесы «Бег»: страшный Константинополь, жалкий быт бывших российских подданных, типажи Хлудова, Чарноты, тараканьи бега, превратившаяся в проститутку Люська и готовая выйти на панель Серафима... По настоянию мужа Белозерская подготовила рукопись о жизни русской эмиграции «У чужого порога», изданную лишь в конце XX века. Кроме того, Белозерская оставила посвященные Булгакову мемуары «О, мед воспоминаний» (1969). Любови Евгеньевне Белозерской Булгаковым были посвящены роман «Белая гвардия», повесть «Собачье сердце» и пьеса «Кабала святош».

А о первых днях эмиграции, о русском Посольстве в Константинополе Любовь Белозерская-Булгакова вспоминала так: «С незамысловатым своим багажом попали мы (муж мой Василевский — Не-Буква — и я) в барский особняк русского посольства на Пере. Для беженцев там освободили один зал. Спи на полу. Устраивайся, как знаешь. Ищи пристанища, где можешь. Под сверлящие презрительные взгляды «ка-

вассов» — посольских служителей в униформах, украшенных золотым шитьем,— сначала мы разложили чемоданы, потом быстро сложили их. Мужчины разошлись искать приюта — хоть какого-нибудь угла...»

Чем дольше находились эмигранты в столь сложном положении, тем хуже становилась моральная атмосфера в посольском дворце. Часто возникали драки, появилось воровство. Вечером посольское общежитие было неузнаваемо. Днем все были в разгоне, к вечеру все собирались и несли с собой спирт, который здесь же, на полу, распивался.

А. Слободской в записках «Среди эмиграции» вспоминает: «Нередко можно было видеть на улице Пера и других главных улицах, рано утром, возвращающихся из ресторана пьяных русских. Генералы, капитаны, корнеты, в блестящей форме, в одиночку и группами. Качаются из стороны в сторону, падают на прохожих и в грязь. Около них собирается дико хохочущая восточная толпа. Над ними издеваются и острят. «Рус хорошо», «Рус хорошо водка»... и т. д. В связи с этим был издан русскими властями соответствующий приказ, запрещающий носить военную форму во внеслужебное время. Смысл этого приказа был таков, что пить, конечно, можно, но не в военной форме».

В. В. Шульгин так описывает нашу дипмиссию столетней давности: «Если, пройдя Русское посольство (от Таксима к Тунеллю), взять влево, то это будет узенькая, ноголомная улица, которая круго спускается вниз. Это — улица Кумбараджи. Ее знают все русские, потому что с нее другой вход в посольство и именно тот вход, от которого все зависит, ибо здесь расположены все нужные для беженца учреждения. Эта улица особенно живописна, когда по ней подымается стадо баранов, грязнобелой движущейся гущей заполняющих ее от стенки до стенки. Впрочем, и ослы кричат здесь часто. Их грустный крик напоминает рожок автомобиля, которому «разбили сердце»... Но характернее всего для улицы Кумбараджи — это толпа русского беженства, вливающаяся и выливающаяся через открытые ворота посольства. Эта толпа здесь какая-то особенно несчастная, оборванная, грязная и бесприютная... Впрочем, во дворе, под стеночкой, стоит стол... Там мрачный полковник и молоденькая женщина дают стакан чаю за пять пиастров с хлебом, а за десять — и «пончик»...

Огромный посольский двор стал для эмигрантов чем-то вроде клуба. С раннего утра до поздней ночи он был заполнен разношерстной беженской массой. Одни здесь были просто из любопытства и переходили от одной группы к другой, прислушиваясь к тому, что говорится. Другие с тревожным видом ходили, останавливались и искали кого-либо из знакомых. Третьи приходили, садились просто на землю, закуривали и молча созерцали все, творившееся около них. Затем также спокойно подымались и уходили.

Среди двора и по бокам наиболее предприимчивые беженцы открыли на столиках собственные «магазины», «лавки», «столы справок» и «столовки»... Торговали и
просто с ручных лотков. Направо от ворот расположился «книжный магазин», уместившийся на маленьком переносном столе. На столе «осваговская» литература, открытки Врангеля, Кутепова, Николая II и т. д., газеты, начиная «Новым Временем» и
кончая «Рулем»,— прочие запрещены. Слева под деревом — «стол справок». За пять
пиастров выдаются справки и пишутся заявления, прошения и т. д. Предприниматели — два молодых офицера. Около них клиентура — исключительно солдаты и казаки. Среди беженцев, в толпе, ходят несколько фигур в рваных английских шинелях и
ботинках, с торчащими из-под узких брюк подвязками от кальсон, с бледными, изнуренными лицами. Они слабыми и непривычными голосами выкрикивают: «пончики,
пончики» или «настоящие русские папиросы,— одна штука — один пиастр» и т. д.
Первое время, пока у беженцев имелись пиастры и лиры, все это бойко продавалось и
покупалось.

Здесь можно было узнать о происходящем на родине, в Константинополе, в мире.

Здесь были вывешены различные приказы, объявления, воззвания, списки и т. д. Впрочем, и невероятные слухи распространялись отсюда же и с невероятной быстротой разлетались по городу и всему «беженскому миру».

Бывшее Посольство Российской империи в 1918—1920 годах, конечно, не было исключительно перевалочной базой для беженцев, и продолжало выполнять бюрократические, административные и консультационные функции. До прибытия сюда постпреда Советской России руководителей дипмиссии назначали военные власти — то Деникин, то Врангель.

А. Слободской вспоминает, что в Посольстве организовывались также благотворительные мероприятия. В апреле 1920 года в пользу Красного Креста здесь открылась «Exposition be Russe», выставка-продажа вещей, принадлежавших беженцам. Впрочем, задача была еще и в том, чтобы реализовать достояние эмиграции по выгодным ценам, без посредничества спекулянтов из числа местного населения. Очевидец свидетельствует: «Успех был колоссальный. Весь большой голубой зал посольства был битком набит вещами беженцев. Бриллианты, драгоценные камни, золото, серебро, картины знаменитых художников, ковры, — все это предстало перед глазами иностранцев и поражало их богатством и количеством. Все спрашивали, как могли беженцы привести все с собой и тем более в момент гражданской войны и столь поспешного бегства. В первые дни выставки посетителями исключительно была знать и верхи союзного командования, турки и греки: послы, секретари их, адмиралы, командующие, директора банков, знатные турки, греки и др. Каждый обязательно чтонибудь покупал. В первый же день выручка достигла до 8 тысяч турецких лир. За все время существования выставки-распродажи, месяц или полтора, было продано вещей на сумму свыше чем на двести тысяч турецких лир. Считая, что вещи продавались по самой минимальной расценке, в 5—10 раз дешевле их действительной стоимости, можно судить, какое огромнейшее богатство было вывезено из России».

Кроме того, русский дворец в Стамбуле использовался и для функций политических, представительских, и даже чуть ли не парламентских. Во всяком случае, 5 апреля 1920 года генерал Врангель созвал здесь Русский Совет. В.В. Шульгин побывал на том мероприятии: «Аmbassade de Russie. Там есть шикарный вестибюль с белыми колонами. Так вот там это было... Торжественный молебен. Архиерейское служение. Народом (и каким — elite!) залито все между колонами и даже величественная лестница в цветах... Голос диакона, журчащего священные слова, словно из глубины Китеж-Града; золототканая парча, говорящая о сказке, Боге и Родине; кадильный дым — как струящаяся молитва, и звуки молитвы, как кадильный фимиам... Стройные ряды молодых лиц, и высоко над ними и над всеми изящный профиль Главкома... И кругом все... все, кто верует в Бога и Россию... и даже некоторые неверующие...»

Главнокомандующий генерал Врангель первое время после оставления Крыма тоже жил в русском посольстве, здесь же были выделены помещения для канцелярии главнокомандующего войсками Юга России и контрразведки.

Однако вскоре Врангель перебрался на военную яхту «Лукулл». Это была небольшая яхта, единственная, на которой не спустили Андреевский флаг. Паровое судно Врангеля было пришвартовано на причале вблизи дворца Долмабахче пока... Опять судьба! Таинственная и трагичная судьба. «Кажется, в августе 1921 года,— вспоминает князь Долгорукий,— итальянский торговый пароход, шедший из большевистского Батума, среди бела дня круто повернул с фарватера широкого в этом месте Босфора и, направившись прямо на «Лукулл», стоявший близ берега на постоянной стоянке русского стационара, перерезал его пополам и, не остановившись, прошел к Константинополю. Немногочисленные люди, бывшие на борту, спаслись, кроме дежурного мичмана Сапунова. Так опустился в воду последний Андреевский флаг, развевавшийся на Босфоре. Баронесса Врангель потеряла последние свои драгоценности».

Нельзя не сказать о трагическом происшествии, случившемся в русском посоль-

стве. 23 марта (5 апреля) 1920 года здесь был застрелен генерал Иван Павлович Романовский (1877—1920) — один из организаторов Белого движения, «Барклай де Толли добровольческого движения», как его называли, начальник штаба Деникина.

В день своей гибели И.П. Романовский прибыл в Посольство из Крыма. После доклада главнокомандующему Врангелю генерал вышел во двор, чтобы отдать шоферу распоряжения относительно оставшейся на его катере папки с важными документами. Затем Романовский вновь направился в квартиру Посла, бывшую резиденцией Врангеля. Поднимаясь по парадной лестнице из вестибюля, генерал услышал позади шаги и обернулся. Перед ним стоял неизвестный в офицерском пальто с золотыми погонами. Офицер в упор произвел 3 выстрела из пистолета системы Кольта (другие свидетели утверждали, что преступник дважды выстрелил из парабеллума). Через две минуты Романовский, не приходя в сознание, скончался.

Убийцей оказался Мстислав Харузин, бывший сотрудник деникинской контрразведки. Отставной поручик стал членом ультрамонархической офицерской организации и во всех бедах России винил своих бывших начальников. Настаивая на убийстве Романовского, Харузин, якобы, заявлял, что Деникин несет ответственность за крах белой идеи, но на его совести нет темных пятен, а генерал Романовский запятнал себя связью с константинопольскими банкирскими конторами, снабжавшими деньгами и документами большевистских агентов, проникавших в Добровольческую армию. Доказательств Харузин не предъявлял, но утверждал, что в его распоряжении имеются документы, косвенно изобличающие Романовского в предательстве.

Примечательно, что Харузину после покушения на Романовского удалось скрыться с места преступления. Бытует версия, что около месяца убийца скрывался в Константинополе, а затем отправился в Анкару для установления контактов с турецким национальным движением. Во время этой поездки Харузин был убит. Кем? За что?..

Трагические инциденты, покушения, теракты... Конечно, многие видели за этим руку большевиков... Кто знает... Вполне могла проявляться таким образом вражда внутри самого белогвардейского движения. Надо полагать, секретные службы Великобритании, Франции, вероятно, Италии и США тоже вели здесь свою игру. Ведь недаром же Дон-Аминадо в своих виршах упоминает гнездившиеся в Константинополе «сорок две контрразведки». Впрочем, это лишь наши домыслы. Достоверные документы о крушении яхты Врангеля, ликвидации генерала Романовского и расправе над Харузиным в настоящий момент не опубликованы. Возможно, рассматриваемая нами страница истории когда-нибудь покажет себя в ином свете...

Так или иначе, но после политического убийства генерала И.П. Романовского в русском посольстве были предприняты строгие меры безопасности: все входы и выходы контролировались караулами гвардейского конного полка, личного конвоя генерала Врангеля, составленного из военнослужащих, известных и преданных самому главкому и его штабу.

Затем необходимость в караулах отпала. Беженцы, как высокопоставленные, так и не обличенные никакой властью, постепенно освободили Посольство. Более долговечный приют необходимо было искать самим. Немногим эмигрантам повезло — им дали кров монастырские подворья в Царьграде, история которых довольно примечательна. Еще в конце XIX века в Константинополе, рядом со старым портом, в районе улицы Мумхане, было построено три русских афонских подворья: Ильинское, Пантелеймоновское и Андреевское. В них останавливалась паломники, направлявшиеся на святую гору Афон. На верхних этажах зданий были устроены церкви Святого Пророка Илии, Святого Великомученика Пантелеймона, Святого Апостола Андрея Первозванного. В годы Первой мировой войны храмы были закрыты, некоторые монахи интернированы, часть церковного имущества расхищена, а помещения захвачены нечистыми на руку предпринимателями, которые поспешили открыть в них притоны самого сомнительного толка.

Вход в Андреевское подворье

В доме, где разместилось православное подворье, идет ремонт

Колокольня Андреевского подворья

Двери православного храма на 5 этаже

После капитуляции Османской империи русские подворья были возвращены православной церкви. Консул не существовавшей уже Российской империи сумел добиться выселения танцклассов и питейных заведений из Пантелеймоновского подворья. Там-то и устроились немногочисленные беженцы.

Менее удачливые (к тому же малоимущие) снимали жилье в трущобах.

На задворках русского Стамбула

Константинопольские трущобы! Наверное, каждый эмигрант с содроганием вспоминал их. Этот кочевой казарменно-общежитский быт! Сколько мы читали о нем у Булгакова, у Алексея Толстого, у Тэффи, у Аверченко!

А вот впечатление В. В. Шульгина о том доме, где пришлось снимать комнату: «Дом, каких много в Константинополе. Вход темный и грязный... Но это пустяки... Опасность для жизни начинается на лестнице. Почти темно.

Быт эмигрантов

Лестница — винтовая. Но вы чувствуете, что она деревянная до самого четвертого этажа... Еще бы не чувствовать... Она так скрипит и трясется, как будто бы вы последний человек, который решился по ней пройти. Инстинктивно вы ищете перил... Да, вот они... но... Лучше их не трогать... Лучше к стенке. Но нельзя сказать, чтобы удобно было и «по стенке»... Она так неистово кружится... Это, кажется, площадка?... Да... Как, однако, узко, и перила... чуть выше колен!.. Гм... Ну — дальше!.. Что за скрип, о Господи!.. Неужели она думает развалиться?.. Почему именно подо мной?.. Кажется, не хватает ступеньки?.. Ничего — прошли... первый, второй, третий... Гос-244

поди, как трясется!.. Да, но это пустяки... сейчас конец... Вот!.. Светлеет... Это через стеклышко на крыше. Вот четвертый этаж... Вот наша квартира. Спасены!

Эта квартира устроена, как всегда в Константинополе: прежде всего нечто вроде общей передней, в которую выходят... раз, две, три, четыре, пять-шесть дверей... Словно сцена для пьесы с переодеваниями... Грязь?.. Русско-восточная...

Здесь, кроме хозяйки, все — русские...»

В подобных продуваемых ветром трущобах с протекающими крышами ютилось большинство русских в Стамбуле. Обустраивались в крошечных комнатушках, на скудной жилплощади, выделенной прижимистыми квартирными хозяевами и не занятой клопами.

Тэффи воспроизводит реплику своей квартирной хозяйки: «Вы хотите повесить вашу картину на этот гвоздь? — спросила она. — Считаю своим долгом предупредить вас, что это не гвоздь, а клоп». И далее: «Маленький угловой диванчик — необходимый аксессуар константинопольской комнаты — так туго набит разнообразными насекомыми, что они с успехом заменяют пружины».

Л. Е. Белозерская-Булгакова вспоминает: «Многие эмигранты назвали Константинополь Клопополь. Я от себя добавлю — Крысополь... Все необыкновенно запущено и грязно. Царицы положения — крысы. Я видела, как крысы бегали по карнизу, и только молила Бога, чтобы ни одна из них не свалилась на нашу постель. Как-то ночью со страшным шумом одна другой подсовывали под дверь плитку шоколада. Они прогрызли мои ночные атласные туфли».

Но и это были не худшие условия для эмигрантов. Настоящим адом считалась ночлежка на площади Таксим. Она была открыта в бывших казармах Мак-Магон: в годы Крымской войны они принадлежали англичанам; потом стали оплотом турецкой армии — перед Первой мировой на плацу перед казармами проводились смотры и парады; затем, в период оккупации, здесь расположились французские войска и технические команды. Потом оккупационный контингент перевели, и казармы оказались заброшенными: стекла выбиты, штукатурка осыпалась, крыша прохудилась. Кого еще тут разместить, как ни русских?! А. Слободской в книге «Среди эмиграции» живописует это место: «В темноте, по колено в грязи, пробираются одинокие сгорбившиеся фигуры вдоль казармы Мак-Магон. Фонарь слабо освещает вход в калитку и огромную, зияющую чернотой, подворотню с колоннами. Это вход в ночлежку. Направо на возвышенности, при входе на лестницу, с фонарем на маленьком столике, сидит беженец-кассир. Все молча подходят к нему. Дрожащими, посинелыми, мокрыми от дождя пальцами достают из карманов пиастры и платят кассиру. Тот выдает билет с номером и записывает у себя номер билета и фамилию ночлежника. С площадки направо, по полутемному коридору, ход в... «спальный зал». Огромный зал освещен тремя пятисвечными электрическими лампочками. Грязное, десятки лет не ремонтировавшееся помещение. Кое-где с потолка льется вода; выбитые и заклеенные картоном окна, грязный и изъеденный крысами, с зияющими дырками пол, стоящая посредине железная печь. Несмотря на то, что она все время топится, тепла не дает. Наконец, посредине и вдоль стен сплошные деревянные нары с тучами клопов и вшей. Кое-где, одиночками и группами, сидят темными пятнами группы людей. Это ночлежники, русские беженцы, собирающиеся сюда на ночь. Бездомные, оборванные, голодные и больные, они загоняются с улиц в эту грязную берлогуночлежку. Одних больше всего и исключительно интересовал вопрос: «где бы завтра достать пошамать и выпить спиртяги». У других боевое настроение с вечера до утра. «Монархизм, царь, погромщик, приедешь, будем пороть» и т. д. склонялось во всех падежах. Большинство из них жили случайными подачками — субсидиями Белого Креста и драгоманата*. Этого вполне хватало на жизнь в ночлежке».

^{*} Драгоман — официальная должность переводчика и посредника между ближневосточными и азиатскими державами и европейскими дипломатическими и торговыми представительствами

Константинопольский дворик

Ночлежка

А вот как увидел это же место А. Аверченко в рассказе «Тоска по родине»: «Гнилая константинопольская погода. С неба падают редкие капли скудного дождя, будто кто-то сверху брызгает облысевшим кропилом. Над крышей что-то взвизгивает и ревет: очевидно, это черти украли христианскую душу и никак не могут ее поделить.

Но в ночлежке, где на нарах сгрудились несколько русских, тепло. Даже душно. Не спится. Идет тихий разговор.

- Почему теперь Рождество Христово и дождь. Как так возможно? Я, может быть, об эту пору не переношу дождя. Мне снег нужен...
 - Хороши снега у нас в Москве! Полозья скрипят, бубенцы звенят. Вот жилось!
- А в окно рябина в снегу, а на снеге голубые бриллиантики от солнышка горят. Тепло, в печке дрова гудят, а предо мной яички всмятку и котлетка, только что изжаренная.
- Да, мы, русские, больше к русскому привыкши. Какая тут в Константинополишке была Пасха? Греческая мизерия! А там,— как колокола зальются, забухают, залепечут век бы слушал! Трогательно!
 - Трогательно-то оно трогательно. Однако надо бы уже и спать...

Все кряхтя укладываются.

Редкие капли, скатывающиеся с невидимого облысевшего кропила, робко, с подлой трусостью, постукивают в окна.

— Разве это дождь? Нет, у нас в России — вот это дождь!.. Как маханет тебя — так либо ревматизм, либо насморк на три недели!.. Хорошо жить там, и нету другого такого подобного государства».

Но где бы ни проживали беженцы: на яхте ли, в роскошной гостинице, в посольском общежитии, на съемной квартире, в ночлежке ли — все они несмотря на разницу в статусе и имущественном положении старались держаться рядом, населяя тот самый русский Стамбул, о котором мы и говорим. Это, собственно, районы Пера и Галата.

Четких границ, понятное дело, они не имеют, однако определенной спецификой век назад отличались. Многократно описанная (или даже воспетая?) в эмигрантской журналистике и литературе Пера — европеизированные, если можно так выразиться, кварталы Константинополя, застроенные в основе своей в XVIII-XIX веках, парадные, банковские, коммерческие, посольские кварталы. «Пера — европейская часть Константинополя, самая шикарная, — свидетельствует Л. Е. Белозерская. — На ней расположены посольства, лучшие магазины, отели. Улица Пера шириной с наш старый Арбат — с трамваями, ослами, автомобилями, парными извозчиками, пешеходами. Звонки продавцов лимонада. Завывают шарманки, украшенные бумажными цветами».

Здесь, в районе, непосредственно прилегающем к нашей дипломатической миссии, старались осесть беженцы из России.

Константинополь, 20-ые годы прошлого века

Нынешний проспект Истикляль, до сих поря являющийся важнейшей туристической и торговой артерией Стамбула, век назад назывался Гран-рю-де-Пера. Тут русская речь слышалась чаще, чем турецкая. Вся «улица Пера», начиная от Тюннеля и кончая площадью Таксим, была занята торговыми предприятиями беженцев: мясными, колбасными, книжными и комиссионными магазинами, кооперативами, ресторанами... Это был главный нерв, это сердце русского Константинополя.

За этой постройкой располагалось некогда консульство Российской империи

Налево от Посольства, на противоположной стороне улицы, через четыре дома находилось русское консульство и управление русского Красного Креста. В консульстве беженцы могли зарегистрироваться и получить те самые «нансеновские» паспорта взамен временных документов.

К дверям учреждения тянулось несколько бесконечно длинных очередей: люди с заявлениями и прочими бумагами в руках. У входа толпятся бродячие фотографы, которые сотнями изготовляют фотокарточки для паспортов, впрочем, качество снимков таково, что владельца документа на них узнать довольно трудно. Двор консульства, так же, как и посольский двор, был заполнен торговыми агентами, комиссионерами, продавцами. Некоторые беженцы-офицеры, совместно с солдатами и казаками, организовали продажу горячего борща, который приготовляли у себя дома, а здесь подогревали на мангале.

Если пройти еще немного левее, до площади Тюннель, окажешься перед домом, в котором расположился константинопольский отдел ОСВАГ. Эта организация, название которой уже мелькнуло в нашем очерке, заслуживает нескольких слов пояснения.

Белогвардейский ОСВАГ (ОСВедомительное АГентство) — аналог «Окон РОСТА» у красных во время Гражданской войны. Данный информационный и пропагандистский орган Добровольческой армии, а в дальнейшем Вооруженных Сил Юга России (ВСЮР) обладал исключительным правом на распространение информации на территории, занятой белыми; информация эта считалась официальной, касалась она положения дел на фронтах и действий власти. Агентство основано летом 1918 года генералом Деникиным, ликвидировано генералом Врангелем в марте 1920 года. В витринах здания, занятого ОСВАГом в столице поверженной Порты, вывешивались военные карты, официальные сообщения штаба белой армии, агитационные материалы. Образчиком пропагандистской работы тех лет можно считать, например, текст плаката, демонстрировавшего незыблемую уверенность авторов в победе над большевиками: «Вниманию тех, кто выехал за границу. Спешите и дальше записываться в очередь к позорному столбу в день торжества победы».

В этом здании располагался ОСВАГ и редакция «Зарниц»

В том же доме располагались Бюро русской печати и редакция издававшегося им еженедельника «Зарницы». Руководителем Бюро (и сотрудником ОСВАГА) был писатель и общественный деятель Николай Чебышев (о нем и о еженедельнике 248

«Зарницы» см. ниже). Чебышев в своих мемуарах «Близкая даль» писал: «Бюро помещалось в конце Перы, в самом бойком ее месте, около туннеля, то есть у во-кзальчика подъемной железной дороги (фуникулер), облегчавшей сношения с «низом», с Галатским мостом. Бюро занимало две комнаты. Внизу помещалась канцелярия. Наверху, на антресолях,— я. Передняя комната внизу снималась книжным магазином Чернова».

Двигаясь по «улице Пера» в обратную сторону от Тюннель, т.е. к площади Таксим, мы вновь пройдем мимо нашего консульства, дойдем до Посольства, и прямо напротив него в одной из боковых улочек можем заметить вывеску редакции «Вечерней газеты» Максимова. Это издание также субсидировалось белогвардейской военной администрацией.

Далее, еще правее от Посольства, расположилось управление всероссийского земского союза и союза городов, о котором мы рассказали выше. Здесь же помещалась первое время и русская почта, бывшая посредником между главной турецкой почтой и беженцами. Следует отметить, что на территории Османской империи с 1866 года действовали почтовые конторы Российского общества пароходов и торговли (РОПиТ). Но в 1918-ом Общество прекратило свое существование. В 1920—1921 годах в его здании работало Главное справочное бюро (с мая 1921 — Главное регистрационное бюро), занимавшееся сбором информации и выдачей справок о местонахождении беженцев из России. Если кто желал что-нибудь узнать, навести справку, разыскать знакомого, найти или предложить работу, шли сюда со всех концов города.

Словом, Пера для эмигрантов была наиважнейшим местом. Наши беженцы главную свою улицу называли и «по-французски», с ударением на последний слог, и «по-гречески», с ударением в начале слова, и даже «по-нашенски», чтобы было привычнее и понятнее: «Перская». Вроде как «Питерская»... Гран-рю-де-Пера была для русских не просто улицей, а чем-то вроде клуба, этакой полуторакилометровой завалинкой.

Передадим слово В. В. Шульгину: «Если пройтись по этой улице, можно приблизительно узнать, что уже делают некоторые русские в Константинополе. Первое и, кажется, главное занятие — это ходить по улицам. Ведь русские вечно чего-нибудь или кого-нибудь ищут... Ищут пропавших жен и мужей, исчезнувших детей, сгинувших родных; ищут друзей или однополчан; ищут приятелей, которые могли бы занять денег; ищут занятий или должности; ищут, где можно подешевле или бесплатно пообедать; ищут пристанища, квартиры; ищут завести знакомства; ищут, где выдают пособия, костюм или вообще что-нибудь выдают; ищут, где «загнать» это что-нибудь выданное; ищут что-нибудь «вообще», сами не зная чего,— счастливого случая; ищут, чем бы обмануть голод, и, наконец, бесконечно ищут страну, которая согласилась бы дать визу...»

А теперь текст художественный, отрывок из повести А. Н. Толстого «Похождения Невзорова, или Ибикус» (1924), который поможет нам представить сердце русского Стамбула во всех красках: «На Перу блестят сотни витрин, развеваются над посольствами иноземные флаги, двенадцатиязычная толпа шумит, суетится, шатается из лавок в лавки, едят сладости, бросают апельсинные корки, чистят себе башмаки, забираясь на перекрестках на высокие кресла под балдахин.

На Перу, толкая локтями людишек в фесках, презрительно шагает посреди замусоренного тротуара английский офицер. Гуляет в малиновой с золотом кепи усатый француз, похлопывая стеком себя по коричневым крагам и с готовностью поворачивая великолепный профиль к мелькнувшему личику за полупрозрачной чадрой, к напудренному носику под соломенной шляпкой, к сизоволосой головке бледной гречанки.

На Перу кучками бродят русские офицеры с черепом и костями на погонах,

в измятых лихо картузиках, с облезлыми маузерами, торчащими из кармана. Странно и нище одетые русские женщины с тоской отворачиваются от витрин.

Русские интеллигенты, в пыльниках, испачканных дегтем и вагонным салом, поправляют разбитое пенсне перед вертящимся торчком на угольях многопудовым вертелом, с которого лоснящийся, щетинистый восточный человек срезает длинным ножом лакомые кусочки. В мистической тоске бродит меж запахами жареного и сладкого прокуренный журналист, мечтая о разрешении на русскую антибольшевистскую газету в Константинополе.

На Перу, на лотках и тележках у торговцев остатками немецкого товара и местной дряни, трещат, сводят прохожих с ума звонки, будильники, звоночки и колокольчики. Не переставая звонят трамваи, хрипят, взвывают автомобили, щелкают бичи парных извозчиков, из ресторанных дверей вырываются, вслед за пьяными, растленные звуки оркестриков. Вся эта суета — высоко над Морем, на Перу».

Впрочем, буквально в двух шагах от помпезной Гран-рю-де-Пера уже начинаются те самые эмигрантские трущобы. «За... воротами посольства — узкие, кривые, крутые переулки... Дома до самого неба, а ширина улицы равна длине двух ослов, ставших поперек... Здесь бегают, кажется, одни только кошки... Да вот мы, несчастные обитатели, бродим по апельсинным и лимонным коркам... Это улица без названия, почему мы ее назвали улицей «Кошка-Дерэ», что, если не очень красиво, то по крайности звучит «локально», — вспоминает бывший депутат Государственной Думы Шульгин.

Но не только на Пере, в Галате тоже осело немало наших. В течение короткого времени после прибытия первых эмигрантов набережные Галаты и Стамбула (т.е. противоположного берега Золотого Рога) были усеяны всевозможными торговыми конторами, агентствами, офисами комиссионеров.

В районе Галата располагались миссии не дипломатические, но православные, о которых мы уже рассказали. Правда, сам район благочестием не отличался. В. В. Шульгин с грустной иронией пишет: «В самом котле Галаты... среди совершенно одуревших от фокс-тротта кабаков вы найдете Андреевское Подворье...»

Вокруг Галатской башни в те годы селились довольно подозрительные личности, а потому жилье в этом районе было недорогим. Для большинства беженцев этот фактор оказывался решающим: не до престижа, коли есть нечего.

«Галата — деловая часть города: банки, пристани, притоны и знаменитая галатская башня, сохранившаяся еще с крестовых походов»,— пишет Л. Е. Белозерская и вспоминает такой эпизод: «Мы пошли по Галатской пристани и свернули наугад в первую улочку. Свернули и попали в галатские притоны, которые тянутся по обе стороны улицы. Это целый квартал проституток самого низшего разбора — для портовых грузчиков и матросов. Каменная ступенька ведет к дверному проему, закрытому занавеской. Завешенное окно — без рамы и стекол. Внутри берлоги с тюфяком — «ложе любви». На ступеньке сидит «товар». «Товар» в большинстве своем страшный: старые и грубо намалеванные женщины. Они что-то нам кричали, слава Богу, непонятное...»

А теперь дадим договорить Алексею Толстому: «У подножия Перу — этой международной части города между мостом через Золотой Рог и пароходными пристанями — начинается Галата — узкие, грязные портовые кварталы. Это — подол Перу, куда стекает вся грязь его, куда стремительно сбегает всякий, кому там, наверху, не повезло».

Сам А. Н. Толстой (1883—1945), как мы знаем, тоже прошел проторенным эмигрантами путем. Он покинул Россию в 1919 и первоначально осел в Константинополе. Семья Алексея Николаевича, состоявшая из 7 человек, отправилась в эмиграцию из Одессы на пароходе «Кавказ». Позже писатель с горькой иронией вспоминал о собственной глупости, об охватившей огромные массы беглецов наивной иллюзии, буд-

то бы «за морем житье не худо», иллюзии, порожденной распространенным заблуждением, мол, там хорошо, где нас нет. Об отъезде из Одессы Толстой писал: «Ах, эти дымы, заржавленные пароходы! В порту, плечо к плечу, стояли тысячи уезжавших,— узенькие мостки-сходни отделяли постылую Россию от райских стран, где нет ни революций, ни эвакуаций <...> Где на каждом перекрестке возвышается строгий и справедливый полисмен и день и ночь охраняет покой горожан и священную собственность».

Ведь как будто вчера написано! Но вот уже век прошел, а иные наши соотечественники питают все те же иллюзии. И грабят их, и обирают, и арестовывают, и притесняют, а они все не учатся на ошибках. Ладно бы еще на чужих, а то ведь на своих собственных!

А для Алексея Толстого иллюзии начали рассеиваться уже на судне, шедшем в Стамбул. В сыром трюме «Кавказа» Толстые оказались вместе с тифозными больными. Как чудовищное наваждение вспоминал потом писатель тот трюм, темноту, качку, дощатые нары, на которых он лежал в отчаянии и тоске, уставившись в пустоту. До Турции добирались два месяца, не подумав о том, что в бывшей Османской империи уже теснятся десятки тысяч беженцев. Вновь прибывших эмигрантов в Константинополь сразу не допускали, размещали в резервации на острове Халки. Лишь спустя месяц карантина Толстые оказались в столице Порты и перенесли все те тяготы, которые переносили и остальные. Правда, Толстым при помощи друга семьи С. А. Скирмунта удалось получить французскую визу и покинуть Турцию.

(продолжение следует)

യ്യാരുയ

Валентин Огнев

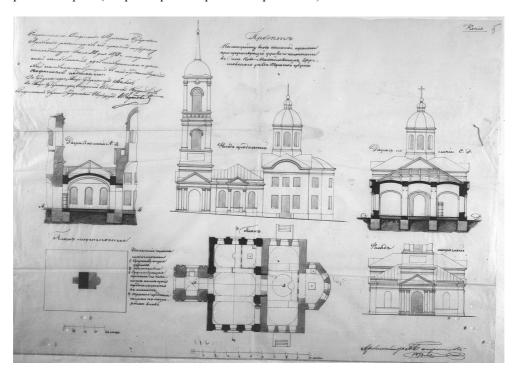
(г. Щекино, Тульская область)

ГДЕ ЖЕ ЗАХОРОНЕН Ю. П. ЛЕРМОНТОВ?

Наш постоянный автор. Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Среди лермонтоведов идут споры о месте захоронения Юрия Петровича Лермонтова: в помещении Успенской церкви с. Шипово Ефремовского уезда или в ограде? Да и среди сторонников захоронения внутри церкви много разногласий. Одни пишут, что захоронение у амвона, другие — с правой стороны, третьи — под полом. Одни указывают, что на месте захоронения не было памятника, другие говорят, что памятник присутствовал. Ни по одному факту не приводится подтверждающих документов. Все это наводит на мысль, что авторы умело комбинируют реальный исторический факт (смерть Юрия Петровича Лермонтова) с вымыслами.

Проект архитектора А. Бочарникова Успенской церкви с. Новомихайловского Шипово Ефремовского уезда Тульской губернии. ГУ ГАТО ф. 743 оп. 1 д. 400 л. 5.

Ранее я кратко останавливался на этом вопросе*. А сейчас мне хочется более подробно рассмотреть данную проблему. Хочется ответить тем лермонтоведам, которые указывают, что Юрий Петрович был захоронен внутри Успенской церкви села Новомихайловское Шипово. В этом вопросе они глубоко ошибаются.

Традиция погребения внутри храма зародилась вместе с распространением христианства на Руси. Но данной привилегией пользовались не все слои населения. К избранным относились священнослужители, князья, храмостроители. Меценатами являлись дворяне, купцы, которые могли вкладывать средства на сооружение церквей, а впоследствие на поддержание их и содержание притча. Хоронили внутри церкви и людей, послуживших на благо Отечества. Так, главнокомандующий русскими войсками в Отечественной войне 1812 года Михаил Кутузов был захоронен в крупнейшем храме Санкт-Петербурга — Казанском соборе.

А чем же был знаменит Юрий Петрович Лермонтов, если отдельные лермонтоведы говорят, что он был захоронен внутри Успенской церкви с. Новомихайловского?

До 90-х годов 18 века предки Михаила Юрьевича Лермонтова проживали в обширном родовом имении Измайлово в Костромской губернии. Семья постепенно беднела. Эти владения дедом поэта П. Ю. Лермонтовым были проданы. Взамен в Ефремовском уезде в сц. Кропотово в 1791 году было приобретено небольшое имение, тем самым дед рассчитывал поправить свое финансовое положение. Но семья Петра Юрьевича была большая: 5 дочерей и сын Юрий Петрович, отец поэта. Для содержания семьи, имения требовались значительные расходы. Доходы, получаемые с имения, не покрывали затраты. Приходилось брать деньги в долг. Некогда прославленный род Лермонтовых оказался обедневшим. Эти обстоятельства находят подтверждения в судебном процессе (1809—1810 гг.) по «объявлению» московского купца Н. А. Шмакова о взыскании долга с вдовы Петра Юрьевича, Анны Васильевны**.

Получив в наследство имение Кропотово, Юрий Петрович, отец поэта, также не смог поправить финансовое положение семьи. Имение не приносило доход. И оно в 1828 году было заложено в Опекунский совет. Об этом говорит в своем завещании Юрий Петрович***. В этом же документе указано, что он должен различные суммы Д. В. Скорлетовой, Демидовой, Л. А. Левшину, А. Е. Боборыкиной и др. Поэтому каких-либо вложений в строительство, содержание приходской церкви, притча Юрий Петрович не вносил. Храмостроителями Успенской церкви села Новомихайловского являлись Шиповы**** и князья Голицыны****. Это была одна из основных причин, по которой не имело место захоронение Юрия Петровича внутри храма.

Многие лермонтоведы ставят в заслугу Юрию Петровичу нахождение в Тульском ополчении. Но это не так. Да, исполнил свой патриотический долг Юрий Петрович, находясь в ополчении, его мать, как и другие помещики, выделяла в ополчение крепостных крестьян******. Но находясь в ополчении, Юрий Петрович продолжительное время пролечился в госпитале. Он не получил памятную медаль за участие в войне 1812 года*******. Таким образом, не было у него заслуг перед Отечеством, которые могли стать основанием для захоронения его внутри храма.

^{**} Вопросы биографии М. Ю. Лермонтова № 3. Д. А. Алексеев. Новые материалы о пребывании Ю. П. Лермонтова в Кадетском корпусе и Тульском ополчении 1812 г. стр. 175—176.

^{***} ГУ ГАТО ф. 1 оп. 1 д. 384 лл. 61—62.

^{****} ГУ ГАТО ф. 3 оп. 1 д. 1593.

^{*****} ГУ ГАТО ф. 3 оп. 4 д. 1071.

^{******} Тульское военное ополчение 1812—1814 гг. Документы и материалы / Сост. М. Р. Беделев, И. Г. Бурцев. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2013. 1058 с., 12 с. цв. вкл., 1 карта-вкладыш стр. 423.

^{*******} Вопросы биографии М. Ю. Лермонтова № 3. Д. А. Алексеев, Новые материалы о пребывании Ю. П. Лермонтова в Кадетском корпусе и Тульском ополчении 1812 г. стр. 201.

Отдельные исследователи-лермонтоведы связывают нахождение захоронения внутри церкви в связи с расширением трапезной в 1873 году. Но это не подтверждается материалами архивного дела*. В проекте и пояснительной к нему записке и др. материалах источника не говорится о каких-либо захоронениях внутри церкви и таким образом факт нахождения захоронения внутри церкви отпадает.

Обратимся вновь к архивным документам. Ежегодно составлялись ведомости о церкви (клировые ведомости). В них вносились многочисленные сведения: о годе постройки, о храмостроителях, о меценатах, о производимых постройках, ремонтах, обо всех изменениях с храмом, внутри помещений храма, с постройками, принадлежащих храму. В Тульском государственном архиве клировые ведомости Ефремовского уезда Тульской губернии сохранились с 1831 года по 1917 год. При просмотре ведомости Успенской церкви с. Новомихайловского Ефремовского уезда Тульской губернии за 1831 год** установлено, что внутри храма захоронений не было. Отсутствуют записи о местах упокоения внутри Успенской церкви и в других просмотренных источниках (клировых ведомостях)***.

Исходя из выше сказанного, можно утверждать, что тело Юрия Петровича Лермонтова не было захоронено внутри Успенской церкви села Новомихайловского Шипово Ефремовского уезда Тульской губернии. Это также подтверждается основным документом о регистрации факта смерти, существовавшим в России до 1917 года.

Обратимся к метрическим книгам Успенской церкви, в которых фиксировались сведения о рожденных, о бракосочетавшихся, об умерших и которые находятся в Тульском архивном учреждении. Исследуем записи метрической книги Успенской церкви за 1831 год в разделе «Часть третія о Умершихь», в год смерти Юрия Петровича Лермонтова. На листе 383об. выявляем 4 записи. За записью мужского пола № 14 за октябрь месяц значится запись о смерти Юрия Петровича. Исследуем эту запись более подробно. В графе «когда и кто имянно померли» записано: «Перваго числа Корпусъ Капитанъ Евтихій Петровъ неслужащій вдовый», в графе «Лета. Мужес. пол.» записано «42», в графе «Отъ чего приключилась смерть» — «отъ чахотки», в графе «Кемъ исповеданы и приобщены.» — «приходскимъ священникомъ Никитою Корниліевымъ Соболевым. Под этими записями указано: «Священникъ Никита Корниліевъ Соболев, діаконъ Димитрій Даниловъ Неароновъ, дьячекъ Егор Васильевъ Савельевъ». Далее рассмотрим последнюю графу «Где и кемъ погребены». По всему расположению графы сверху вниз имеется запись: «На отве ден ном клад бище». Это говорит о том, что тело Юрия Петровича Лермонтова было захоронено не внутри церкви, а на отведенном кладбище. При захоронении территория в ограде церкви относилось к кладбищу. Поэтому лиц, имеющих заслуги перед церковью, многих дворян, священников хоронили в ограде церкви. По записям о месте захоронения дам небольшое разъяснение.

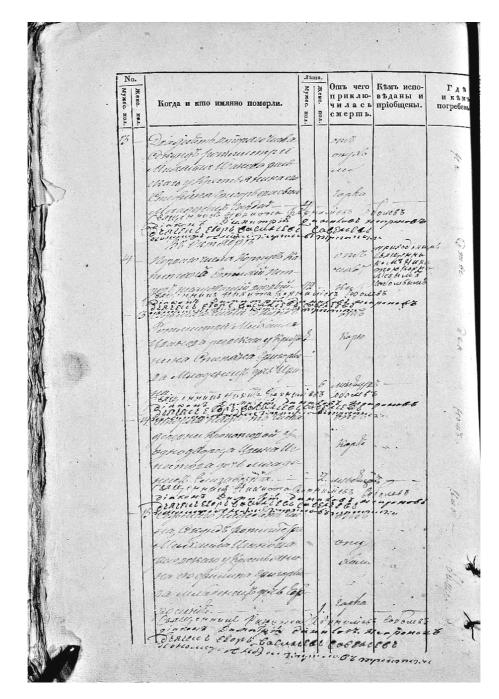
При генеалогическом поиске мною исследовано более 3-х тысяч метрических книг Тульской губернии. При этом установлено, что в графе «...где погребены» делались в основном следующие записи: на общем кладбище, на отведенном кладбище, на приходском кладбище, на кладбище. А в метрической книге Казанской церкви с. Ламское за 1831 год записи «при церкви», «при церкви на кладбище». 6 января 1909 года в ограде этой же церкви была захоронена княгиня А. И. Голицына. Местом погребения написано «на приходском кладбище». Это говорит о том, что захоронение в ограде церкви записывалось как погребение на кладбище (приходском, отведенном и т. д.).

Вышесказанное доказывает, что захоронений внутри Успенской церкви с. Новомихайловского Шипово Ефремовского уезда Тульской губернии не было.

^{*} ГУ ГАТО ф. 743 оп. 1 д. 400.

^{**} ГУ ГАТО ф. 3 оп. 17 д. 464 (T1).

^{***} ГУ ГАТО ф. 3 оп. 17 дд. 411, 466, 467, 477, 484, 487, 495, 500, 507, 509, 514, 516, 517, 522, 526, 533, 536, 540, 542, 543, 548.

ГУ ГАТО ф. 3 оп. 15 д. 669 л. 383 об.

О захоронении Юрия Петровича Лермонтова в ограде Успенской церкви с. Новомихайловского Шипово Ефремовского уезда Тульской губернии — это уже другая история.

68806880

ОДНАЖДЫ ВИДЕЛ Я ВО СНЕ...

(о романе А. А. Яшина «Жизнь как сон»)

«Однажды видел я во сне, что сплю и вижу сон...», есть у меня такая вот строка, пока ни в каком стихотворении не примененная, несколько, если позволено подобное определение, абракадабрская, а вообще-то, чистейший постмодерн, коим аз грешный никогда не увлекался, однако же «колом осиновым засевшая в скорбной голове». Тем не менее, в данном конкретном случае она вполне применима и не только потому, что в названии очередного романа А. А. Яшина тоже присутствует слово сон. Эта строчка вполне соотносится, на мой взгляд, с содержанием романа и как нельзя лучше подчеркивает всю иллюзорность нашего современного бытия, а также спорность многих достижений и вообще прогресса в области социо и культурогенеза, да и в цивилизационном плане вообще. В чем выражена сия спор-

ность? А во всем известной поговорке, мол, что имеем, не храним, потерявши, плачем. А ведь я считаю себя вправе объявить это крылатое выражение практически лейтмотивом произведения или по крайней мере во многом основой лейтмотива, присовокупив к нему избитое изречение о том, что новое — это хорошо забытое старое. И то сказать, известная особенность каждого нового поколения — считать все, с ним происходящее, явлениями из ряда вон, уникальными и все тут, а также любые, казалось бы, им вводимые новшества числить принципиально ранее не встречавшимися. Вместе с тем, «Жизнь как сон» отнюдь не является очередной копилкой вздохов старшего поколения насчет того, что раньше и «сахар был слаще, и деревья были выше, и прочая...»; нет, господа-товарищи, этот роман совсем о другом, как, впрочем, и предыдущие, из серии «воспоминаний Николая Андреяновича», он, скорее, о преемственности и обязательной связи времен и поколений, без инфантильных отрицаний и дурацких ниспровержений.

«Жизнь как сон» — произведение, созданное на общей канве, объединяющей всю «добрую дюжину» безусловно интересных, познавательных во многом, умных, книг, пронизанных авторскими иронией и самоиронией, но отнюдь не ради пустопорожнего ерничества и насмешки всезнающих и опытных мужей над сегодняшним днем. Автор не намерен огорошивать нас некими мудреными озарениями и вообще «мэтрствовать лукаво». А. А. Яшин и в этой книге выступает в качестве исследователя и аналитика, пристально всматривающегося в былое и настоящее, пытающегося определить сходства и различия времен и эпох, искренне надеющегося на все-таки разумное и доброе будущее.

И ведь все, о чем я сейчас упоминаю, подается автором не в лоб, а исподволь, множеством деталей и нюансов, порой едва заметных и не столь уж ярких. Откровений очередного «златоуста» в романе нет и быть не может. В связи с этим отчего-то вспоминается реплика выдающегося нашего актера Олега Борисова в одном из его последних интервью: «Жизнь пролетела, как один день... Ну, что вы на меня так смотрите? Желаете услышать что-нибудь мудрое?». И не зря ведь вспоминается. Я младше А. А. Яшина на семнадцать лет, немалая разница в возрасте, но если для моего поколения жизнь уже может казаться сном, то что сказать о старших товарищах?! И при всем при этом введенная волею автора в повествование «личная машина времени» в различных интерпретациях ничуть не способствует поиску вчерашнего дня, что, как известно, бесполезно и бессмысленно, да и тремя нашими старыми знакомыми, закадычными

друзьями, доцентом Николаем Андреяновичем, профессором Скородумовым и писателем Бурцевым, используется вовсе не для этого напрасного занятия. А зачем тогда? Да затем, чтобы самим еще раз убедиться в реальности происходившего когда-то уже давненько и корневой схожести с прошедшими нынешних событий, на первый взгляд мало что общего имеющими с «делами давно минувших дней».

Мало да немало... Оттого и «жизнь как сон», точнее, таковым время от времени кажется. Хорошо сие или плохо? Так ведь, опять-таки, вопрос не правомерен. В томто и дело, что все эти воспоминания-сравнения-аналогии-реминисценции убеждают лишь в отсутствии примитивной оценочной колористики, мол, это черное, а это, соответственно, белое, это вот верно, а это, наоборот, бяка. Воспользуемся одним из самых парадоксальных сочетаний русского языка и брякнем во всеуслышание, махнув рукой, дескать, да нет, конечно, разве подобными контрастами что-нибудь может быть исчерпывающе охарактеризовано и оценено? А ведь именно к этому и стремятся порой определенного пошиба «специалисты» всех мастей, от якобы историков до якобы социологов, и вот именно это не приемлет ни автор романа, ни, естественно, главные его герои. Отсюда и все их путешествия на личных машинах времени, не ради формальной, пошловатой псевдоностальгии, а дабы еще раз пристальнее рассмотреть и сравнить, убедившись в принципиальной событийной схожести жизненных коллизий, в том, что мы сегодняшние, несмотря на всю пресловутую глобализацию и навязываемое оной оцифрованное мышление, все-таки пытаемся оставаться похожими на людей, верных вечным истинам и ценностям, а также аналоговому мышлению, и так далее, и тому подобное.

Важно ли это? Очевидно, да. Хоть в реалиях все не столь идеально, и вообще, далеко не так, как хотелось бы. Я намеренно не стану превращать свой отзыв о романе в синопсис, ибо не читавшему его что-либо рассказывать бессмысленно, а уж читавшему и подавно. Некоторые записные остряки от истории, и не только, очень любят тиражировать в эфире фразу, мол, если есть страны с непредсказуемым будущим, то у нас страна с непредсказуемым прошлым. В целом бредятина, рожденная, однако, не на пустом месте. Так вот, считаю нужным заявить, что роман «Жизнь как сон» опровергает это утверждение напрочь и бесповоротно. Герои романа дорожат прошлым и берегут былое, да, свое, личное, но неразрывно связанное с нашим общим, они критично относятся к настоящему, порой критично, до глубокого скепсиса,— ну так ведь имеют право, ибо повидали немало на своем веку, но они верят в будущее, пусть не столь светлое, как нам трактовали известные документы известных съездов, но вполне человечное будущее, не столь меркантильное и не определяющееся одними лишь выгодами и резонами, будущее, где есть место душе и сердцу, со всеми, так сказать, вытекающими.

Можно не соглашаться с моими утверждениями и выводами, можно спорить с автором романа, можно вообще не принимать ни «Жизнь как сон», ни остальные книги из серии «рассказов Николая Андреяновича», но вот только никаких видимых оснований для подобного поведения, на мой взгляд, нет. Аз грешный ведь тоже далеко не во всем согласен с А. А. Яшиным и вполне могу о чем-либо поспорить, но стоит ли заниматься этим сейчас?! Очевидный плюс прозы А. А. Яшина — универсальность и очевидная информативность, что делает ее действительно интересной и, если угодно, весьма актуальной, особенно для тех, кто намного моложе нас. И никакого, дамы и господа, непредсказуемого прошлого.

Вадимир Трусов — член СПР (г. Санкт-Петербург)

От редакции: О творчестве Алексея Яшина написаны и изданы книги следующих авторов:

Леонид Ханбеков. Тульский энциклопедист. Штрихи к творческому портрету Алексея Яшина.— М.: Московский Парнас, 2007.— 90 с.

Наталья Квасникова. От сатирика слышу!.. Одна из ипостасей творчества Алексея Яшина: художественно-публицистическая повесть / Предисл. Леонида Ханбекова.— М.: Московский Парнас, 2013.— 71 с.

Вадимир Трусов. Иронический оптимизм сожаления: Тетралогия Алексея Яшина: художественно-публицистическая повесть: Академия российской литературы.— М.: Новые Витражи, 2020.— 85 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

Людмила Воробьева. Миг надежды, чуда, вдохновенья... (Литературная критика).— М.: Редакц.-издат. дом «Российский писатель», 2022.— 608 с. (О А. А. Яшине — С. 265—310).

(Первые три книги см. также на сайте www.pz.tula.ru).

യതയെ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЮБИЛЕИ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Редакция и редколлегия «Приокских зорь» поздравляет с юбилеем нашего бессменного зав. редакцией журнала Марину Григорьевну Баланюк! Марина Григорьевна, имея художественно-педагогическое образование, долгие годы трудилась в 20-й школе Тулы, совмещая учительскую работу с преподаванием в Тульском педагогическом институте (далее — университете) им. Л. Н. Толстого. Автор ряда публикаций в ведущих научно-педагогических журналах страны. В начале 1990-х годов организовала общественное объединение детского художественного творчества «Дети творцы мира», работы которого представлялись и занимали призовые места на международных выставках детского творчества в США, Японии, европейских странах. Мариной Баланюк издана книга-альбом «Рисуют дети» (Тула, ИПО «Лев Толстой»). Длительное время сотрудничала с областной газетой «Тульская правда» и литературной газетой «Тульский литератор». Имеет публикации в названных изданиях и в «Приокских зорях», других областных изданиях. Член Московской городской писательской организации Союза писателей России. Награждена Почетной грамотой Министерства культуры РФ, литературными медалями и почетными знаками, в том числе Золотой медалью В. М. Шукшина.

Дальнейших успехов Вам, дорогая Марина Григорьевна!

യ്യാരുയ

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

НАШИ БЛАГОДАРНОСТИ

Редакция «Приокских зорь» выражает искреннюю благодарность своим авторам и читателям, оказавшим в 2023 году помощь в издании журнала: Анатолию Агеенко (г. Омск), Наталье и Ольге Артемовым (пос. Медвенка Курской обл.), Елизавете Барановой-Весиной (г. Тула), Игорю Карлову (г. Стамбул, Турция), Николаю Макарову (г. Тула), Вячеславу Михайлову (г. Москва), Игорю Отчику (г. Лыткарино Московской обл.), Олегу Пантюхину (г. Щекино Тульской обл.), Аркадию Польшину (г. Лебедянь Липецкой обл.), Николаю Чернякову (г. Мурманск). Особую благодарность редакция журнала выражает нашему постоянному автору, поэту, лауреату Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, кавалеру всех трех почетных знаков «Шахтерской славы» Валерию Виноградову (г. Алексин Тульской обл.), благодаря помощи которого были изданы все четыре номера журнала за 2023 год. Честь и хвала ему!

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ

Журнал выходит в электронном (см. стр. 2) и в бумажном виде. Последний издает на коммерческой основе Издательство Тульского госуниверситета. Поэтому для заказа нужного числа экз. следует обращаться по e-mail: elisafine@yandex.ru. Редакция этими вопросами не занимается.

Достаточное число авторов согласились и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих самим отпечатать экз. журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть мини-типографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редакция журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «автор-260

ских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию** «**Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частномеценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные, преимущества:

- это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;
- поскольку журнал выходит под эгидой Союза писателей России и Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к ним;
- как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;
- наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литератур-

ной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в двух номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие издания:

- 1. *Бийский Вестиник*. Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2023.— № 4. (Опубликованы материалы Алексея Яшина).
- 2. Северо-Муйские огни: Авторский литературный журнал.— 2023.— №№ 3—5 (опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
- 3. Дым Отечества. В поисках утраченного: Литературно-краеведческий альманах: ТРОПО «Знание», 2023.— Вып. 8 (Тула: ТППО) (Опубликованы материалы Геннадия Маркина, Владимира Сапожникова и Алексея Яшина).— 284 с.; Вып. 9, 2023.— 284 с. (Опубликованы материалы многих авторов «Приокских зорь»).
- 4. *Тарские ворота*: литературно-художественный альманах (в тандеме с журналом «Иртыш-Омъ»). Вып.12.— Омск: ИД «Наука», 2023.— 515 с. (опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
- 5. *Александръ*: Литературно-исторический журнал (Москва).— 2023.— № 7 (Тульский выпуск) и № 8 (опубликованы материалы Алексея Яшина).
- 6. Сорокожердьев В. В. Две воды на коромысле: Сборник стихов.— Мурманск: РУСМА (ИП Глухов Д. Б.), 2023.— 208 с., ил.
- 7. Антология Z: Сб. стихотворений авторов Алексинского литобъединения «АЛЛО».— Вып. 19.— Тула: ТППО, 2023.— 128 с.
- 8. *Барсова А. А.* Песни мироздания: Стихотворения / Предисл. Лидии Довыденко.— Екатеринбург: Изд-во УГПУ, 2022.— 72 с., ил.
- 9. *Барсова А. А.* Уральская роза: Стихотворения.— Екатеринбург: Изд-во УГПУ, 2022.— 88 с., ил.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

- 1. *Ковчег*: Альманах журнала «Приокские зори»: поэзия, проза, произведения о детях и для детей. Вып. 13.— М.: «Новые Витражи», 2023.— 312 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
- 2. Алексей Яшин. Военная цивилизация: Повесть (очередная книга рассказов Николая Андреяновича): Академия российской литературы.— Санкт-Петербург: «Астерион», 2023.— 269 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
- 3. На крыльях Пегаса: Альманах журнала «Приокские зори». Вып. 21.— Тула: ИП И. Ю. Лихачева, 2023.— 250 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вво-

дит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся два автора наиболее значимых произведений по разделам:

- *проза*;
- поэзия.

Звания лауреата — по номинациям — удостаиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место и страна проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений читателей журнала. Читатели «Приокских зорь» приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания. Также имена лауреатов объявляются в литературных газетах. Лауреатам вручаются дипломы, лауреатские медали и удостоверения к ним, а также подарочное нумерованное издание «Левши» Н. С. Лескова. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявлен конкурс на 2024-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

НОВОСТИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

В РОССИЮ — ВЕРИТЬ!

В рамках 36-й Московской международной книжной ярмарки были объявлены лауреаты новой премии Союза писателей РФ — «Моя Россия».

Россия проходит один из самых сложных периодов в своей современной истории,

и это делает рождение новой литературной премии событием знаковым. Всероссийская литературно-историческая премия «Моя Россия» видит свою задачу в поддержке авторов, стремящихся к художественному осмыслению событий последних десятилетий, и в привлечении внимания читателей к новому пласту современной российской литературы.

Идея премии принадлежит известному российскому писателю, публицисту и общественному деятелю Александру Лапину. «Появление премии,— считает писатель,— представляется мне закономерным результатом изменений, происходящих в нашем обществе. Я вижу в этом возможность объединить творческий потенциал людей разных поколений, судьбы которых прочно переплетены с судьбой нашей Родины».

Учредителем премии выступил Союз писателей России. «Писатель, поэт, публицист — это человек, наделенный особой чуткостью к голосу времени, — уверен глава Союза Николай Иванов. — Людям свойственно видеть исторические события сквозь призму собственного бытия; среди повседневных забот им сложно постичь истинный смысл происходящего. Задача литературы — помочь им в этом. А задача премии — сделать актуальным диалог писателя и читателя».

Премия «Моя Россия» вызвала искренний интерес как у литературного, так и у издательского сообщества. Авторитетному жюри, в состав которого вошли известные писатели и журналисты, издатели и общественные деятели, предстояло определить победителей в четырех основных номинациях — современная проза, современная поэзия, публицистика, краеведение, специальной премии «Песня, в атаку!» и обладателя Гран-при.

Объявление лауреатов состоялось 31 августа в рамках 36-й Московской международной книжной ярмарки, одного из ключевых событий в сфере отечественного книгоиздания.

Гран-при «За вклад в отечественную литературу, возрождение и сохранение духовных и исторических ценностей России» удостоен писатель и публицист, яркий представитель «деревенской прозы», автор более 30 книг Владимир Крупин.

В номинации «Современная проза» лучшим признан роман известного прозаика и журналиста Дмитрия Лиханова «Звезда и крест» о судьбе Героя Советского Союза военного штурмана Валерия Буркова, воевавшего в Афганистане. В номинации «Публицистика» наградой отмечена книга очерков корреспондента «Комсомольской правды» Дмитрия Стешина «Священная военная операция. От Мариуполя до Соледара». В номинации «Современная поэзия» премии удостоен сборник стихотворений Дениса Ткачука «Самосуд». Наградой в номинации «Краеведения» отмечена главный редактор «Тульского краеведческого альманаха» Юлия Иванова. Победителем конкурса «Песня, в атаку!» стал поэт, писатель, дипломат, полковник Службы внешней разведки Анатолий Пшеничный.

Церемония награждения лауреатов состоится на Куликовом поле 21 сентября — в День воинской славы России, установленный в память о победе русских дружин под предводительством князя Дмитрия Донского над ордами Мамая.

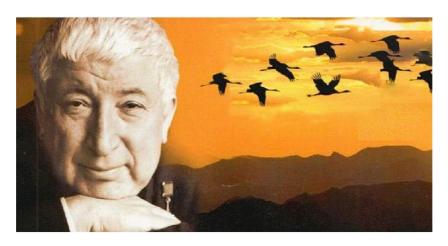
НАГРАЖДЕНИЕ ЛАУРЕАТОВ ПРЕМИИ «МОЯ РОССИЯ» НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ

21 сентября, в памятный день воинской славы — День победы русских полков во главе с великим князем Дмитрием Донским над монголо-татарскими войсками в Куликовской битве в 1380 году, состоялось награждение победителей Всероссийской литературно-исторической премии «Моя Россия».

На церемонии выступили: митрополит Тульский и Ефремовский Алексий; председатель Правления СПР Николай Иванов, сказавший очень важные слова: «Имя у России — Куликово поле, отчество — Бородино, многомиллионная фамилия — Великая Отечественная война!»; сопредседатель жюри премии Александр Лапин; председатель «Российского детского фонда» и «Фонда защиты детей» Дмитрий Лиханов. Лауреат гран-при премии — известный писатель Владимир Крупин подчеркнул великую необходимость сегодняшней общей молитвы за наших воинов.

* * *

8 сентября 1923 года в селе Цада Хунзанского района Дагестанской АССР родился **Расул Гамзатович ГАМЗАТОВ**. Сегодня великому поэту исполняется 100 лет.

...Отец Расула был первым его наставником в поэтическом мастерстве. Первое стихотворение мальчик написал в 11 лет. Его первая книга на аварском языке вышла в 1943 году. С 1945 по 1950 годы Расул учился в Литературном институте им. А. М. Горького в Москве.

Гамзатов переводил на аварский язык классическую и современную русскую литературу: А. Пушкина, М. Лермонтова, В. Маяковского, С. Есенина. Многие его стихи стали песнями, которые звучали в исполнении А. Герман, Г. Вишневской, М. Магомаева, И. Кобзона, В. Леонтьева, С Ротару. Поэтические вечера Расула Гамзатова с успехом проходили в махачкалинских и московских театрах и концертных залах. Изданы десятки его поэтических, прозаических и публицистических книг на аварском и русском языках, на многих языках Дагестана, Кавказа... — всего мира.

С 1951 года Расул Гамзатов возглавлял писательскую организацию Дагестана. Не стало поэта 3 ноября 2003 года.

2023 год объявлен Годом поэта Расула Гамзатова. В эти сентябрьские дни по всей стране проводятся праздничные мероприятия в честь 100-летия поэта. В Дагестане, на его Родине, участие в масштабных и значимых мероприятиях принимает большая делегация Союза писателей России.

* * *

Виктор Кирюшин

ПОЭЗИЯ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

В Центральном доме литераторов состоялся юбилейный творческий вечер поэта и переводчика из Минска Анатолия Аврутина, организованный Советом по поэзии Союза писателей России. И это не случайно. Ведущий вечера, поэт, заслуженный работник культуры РФ Виктор Кирюшин, отметил, что Анатолий Юрьевич известен и признан не только у себя в Республике, где его произведения изучают в старших классах школы, но и

в Российской Федерации. Он лауреат Национальной литературной премии Республики Беларусь и Большой литературной премии России, в минувшем году удостоен «Золотого витязя» славянского форума искусств. Недавно поэт отметил свой 75-летний юбилей и полвека творческой деятельности. В настоящее время он возглавляет журнал «Новая Немига литературная», в котором наряду с белорусскими публикуются и российские авторы*.

Аплодисментами встречали слушатели каждое стихотворение в авторском чтении. Композитор, певица Надежда Колесникова великолепно исполнила несколько написанных ею песен на слова Анатолия Аврутина. О творчестве замечательного поэта говорили первый секретарь Союза писателей России, поэт Геннадий Иванов, директор Международного славянского литературного форума «Золотой витязь», поэт Александр Орлов, друг детства, многолетний председатель Санкт-Петербургской писательской организации Иван Сабило, лауреат Государственной премии РФ,

^{*} Членом редколлегии «Новой Немиги литературной» является главред (литературный шеф-редактор) «Приокских зорь» Алексей Яшин.

поэт Владимир Силкин, главный редактор журнала «Молодая гвардия», поэт Валерий Хатюшин, редактор газеты «Московский литератор», поэт Иван Голубничий, земляки юбиляра Александр и Надежда Дробышевские, поэты Анатолий Пшеничный, Евгений Артюхов, Дмитрий Дарин, Эмма Меньшикова, Сергей Крюков. На вечере много говорилось о плодотворной переводческой деятельности Анатолия Аврутина. В его исполнении прозвучал отрывок из поэмы Расула Гамзатова «Патимат». Поэма эта была обнаружена совсем недавно и переведена по просьбе дочери Гамзатова Салихат.

По общему признания, юбилейный творческий вечер Анатолия Аврутина стал настоящим праздником подлинной, яркой, глубокой поэзии, опирающейся на традиции и в тоже время очень современной.

От редакции: Анатолий Аврутин является членом редколлегии журнала «Приокские зори» и активным его автором.

ОТЧИТЫВАЮТСЯ ТУЛЬСКИЕ ПИСАТЕЛИ

В Тульской областной научной библиотеке прошло общее собрание Тульского отделения Союза писателей России, на котором была принята резолюция в поддержку бойцов СВО. Вышедший по громкой телефонной связи председатель СП России Николай Иванов поблагодарил писателей-туляков за единство с армией, рассказал об основных проблемах творческого Союза и путях их решения.

В самой Резолюции отмечено, что отечественная литература, стоящая на патриотических позициях, всегда помогала стране переживать переломные моменты в ее истории. И сегодня, во время проведения СВО, голос писателя должен звучать внятно, остро, жизнеутверждающе. Тульские писатели будут делать все от них зависящее, чтобы победа над неонацизмом была безусловной.

Писатели почтили память ушедших коллег по писательскому цеху — Валерия Ходулина, Вячеслава Салихова и Марка Дубинского. Но жизнь продолжается, и поздравления принял Александр Хадарцев с присвоением ему высокого звания «Почетный гражданин города-героя Тулы». На собрании был заслушан и одобрен годовой отчет правления Союза, с которым выступил председатель Жуков Николай Алексеевич. Заслушали информацию о взносах и приняли социально ориентированное решение — инвалидов 1 и 2 группы освободить от уплаты членских взносов. Рассмотрен вопрос о приеме в члены Союза писателей России. Единогласным решением собрания в члены СПР были приняты Ольга Леонович и Александр Романов, который стал первым в истории тульской писательской организации писателем-священником. Были рассмотрены важные аспекты совершенствования работы сайта организации, продвижения ее социальной сети ВК, новым формам работы с читателями в цифровом формате.

В Тулу из Москвы на собрание с рабочим визитом прибыл член правления СПР, генеральный директор журнала «Александръ» Труба Анатолий Сергеевич с доброй творческой миссией — презентацией июльского 2023 года тульского!!! номера журнала. Верим, что это станет традицией в нашем сотрудничестве. А. С. Труба вручил

авторам экземпляры и заслуженные награды за созидательный литературный труд, в том числе главреду «Приокских зорь» Алексею Яшину.

Почетный гость собрания, генеральный директор Регионального библиотечноинформационного комплекса Тульской области Иванова Юлия Владимировна, ставшая на днях лауреатом первой литературно-исторической премии «Моя Россия» за редакторство Тульского краеведческого альманаха, с благодарностью приняла поздравления в свой адрес и высказала ряд пожеланий по укреплению и развитию дружеского творческого союза: писатель-библиотекарь.

Ю. В. Иванова, А. С. Труба и председатель Тульского отделения СПР Н. А. Жуков от имени Тульской областной думы, Министерства культуры Тульской области и Союза писателей России вручили грамоты и благодарственные письма коллегам по перу и творчеству. Журналу «Приокские зори» было обещано минимально-достаточное финансирование из гранта Минкульта Тульской области ТО СПР.

* * *

125 лет со дня рождения выдающегося немецкого писателя **Эриха Марии РЕМАРКА**.

О ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «СКАЗИТЕЛЬ РУСИ»

Премия, по мнению организаторов, призвана вдохновить профессиональное сообщество к сохранению, поиску и литературной обработке произведений устного народного творчества: сказов и легенд народов России, в том числе переработанные для детей, и поощрение таких произведений художественной прозы, поэзии и публицистики.

Учредители премии видят свою задачу в привлечении читательского и общественного внимания к легендам и сказам народов России, открывающим народной памятью новые страницы российской литературы. Нельзя идти в будущее, не зная прошлого.

Вручаться премия будет 15 декабря на Святом озере, г.о. Шатура Московской области.

В 2023 году премия будет вручаться в следующих номинациях:

- легенды и сказы для детей;
- легенды и сказы проза;
- легенды и сказы поэзия;

- легенды и сказы краеведение;
- легенды и сказы публицистика;
- легенды и сказы обучающие проекты;
- легенды и сказы иллюстраторы;
- гран-при: за вклад в отечественную литературу, возрождение и сохранение духовных и исторических ценностей России.

На конкурс принимаются произведения, изданные не ранее 2019 года, вышедшие отдельными изданиями или опубликованные в журналах.

Прием заявок в 2023 году будет открыт 1 октября.

Старт будет дан Н. Ф. Ивановым на съемке программы «Легенды и Сказы» на ДЕНЬ-ТВ.

Утверждены две медали Союза писателей России:

- «Сказитель Руси За заслуги»;
- «Сказитель Русь Национальная литературная премия».

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Зав. отделом поэзии журнала «Приокские зори» Николаю Николаевичу Тимохину 5 декабря 2023 г. исполнилось 60 лет и в этом же году — 40 лет творческой деятельности. Редакция и редколлегия журнала от всей души поздравляют с двойным юбилеем!

НОВОСТИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ НАШИХ ПОСТОЯННЫХ АВТОРОВ

В Екатеринбурге вышли в свет поэтические сборники Анны Барсовой (А. Барсегян), члена Академии Российской Литературы, Союза Российских писателей, Российской Академии Естествознания, — «Песни мироздания» (ISBN 978-5-7186-1961-4), «Уральская роза» (ISBN 978-5-7186-2006-1), издательство Уральского государственного педагогического университета.

Сердечно поздравляем Анну Барсову с изданием новых книг, желаем крепкого здоровья, счастья, творческих успехов!

СБОРНИК СТИХОВ ВАЛЕРИЯ АКИМОВА

В Кисловодске вышла в свет новая книга стихов Валерия Акимова «Круговерть». Поздравляем автора с очередным изданием!

ઉજ્ઞાભ્યજ્ઞ

4 сентября скончался поэт, прозаик, член Союза писателей России МАРК САМОЙЛОВИЧ ДУБИНСКИЙ

(1930-2023)

М. С. Дубинский — ветеран Великой Отечественной войны, Вооруженных сил Российской Федерации. Был председателем школы молодого и начинающего автора (литературное объединение «Пегас») при Тульском отделении Союза писателей России. Автор трехтомного романа «Наследники "Бога войны"», трехтомника стихов и рассказов «Нараспашку», сборника «Сполохи кадетской памяти». Долгое время был заместителем руководителя Тульской писательской организации. Память о Марке Самойловиче навсегда сохранится в наших сердцах.

Редакция и редколлегия «Приокских зорь», в которых Марк Дубинский публиковался, выражают соболезнование его родственникам.

Редакция и редколлегия журнала

22 августа после продолжительной болезни скончался доктор биологических наук

ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ ХРОМУШИН

(1946-2023)

В 1970—90-х гг. трудился на тульских предприятиях оборонной промышленности СССР, занимая руководящие посты в создании новых образцов военной техники.

С 2007 по 2022 год вся его профессиональная деятельность была связана с Тульским государственным университетом. Виктор Александрович занимал должность заместителя директора Медицинского института и был профессором кафедры «Поликлиническая медицина», где преподавал дисциплину «Медицинская информатика». Его исследовательская деятельность была связана с совершенствованием новых математических методов углубленного многофакторного анализа на базе алгебраической модели конструктивной логики, а также с оптимизацией методов обобщенной оценки показателей здравоохранения. Он автор более 300 публикаций, в том числе 26 учебно-методических пособий, 7 монографий, 60 изобретений, программ и баз данных. Лауреат премии Комсомола, Почетный радист России.

Коллеги отзывались о Викторе Александровиче как о добросовестном, компетентном и ответственном работнике. В коллективе он пользовался заслуженным уважением, его любили и ценили студенты.

Память об этом замечательном человеке навсегда останется в наших серд-

Редакция и редколлегия «Приокских зорь», в которых Виктор Александрович долгое время являлся WEB-мастером и публиковался, выражают глубокие соболезнования семье и близким покойного!

Редакция и редколлегия журнала

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ СТИХОТВОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

- 1) поля файла обычные;
- 2) фотографию автора размером 4×5 см поместить справа;
- 3) имя и фамилию автора (шрифт, размер 14,— полужирный, регистр начинать с прописных) слева от фотографии, ниже указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);
- 4) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже (левее фотографии, выравнивание по левому краю, регистром все прописные). Шрифт общего названия: размер 16 полужирный.
- 5) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста по ширине); междустрочный интервал одинарный;
- 6) текст стихотворений выравнивать по левому краю с отступом 3...4 см (в зависимости от длины строк), шрифт обычный. Заголовки (названия) стихотворений размещать по центру стихотворения, шрифт полужирный;
- 7) стихотворения не присылать «на выбор», общий объем представленного материала— не более 5—7 стихотворений (шрифт Times New Roman, размер 14, междустрочный интервал— единичный). Для поэм объем материала может быть увеличен.

Требования к фотографии:

- 1. Фотография должна быть портретной.
- 2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.
- 3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ ПРОЗАИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле с фотографией. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

- 1) фотографию автора поместить справа (размер фотографии 4×5 см);
- 2) имя и фамилию автора (шрифт: размер 14, полужирный, регистр начинать с прописных) слева от фотографии, ниже указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);
- 3) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его ещениже, левее фотографии, выравнивание по левому краю(шрифт: размер 16, полужирный, регистр все прописные);
- 4) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста по ширине); междустрочный интервал 1,5;
- 5) общий объем одного представленного материала— не более 10—12 стандартных страниц формата A4 (шрифт: размер 14, Times New Roman, междустрочный интервал—1,5). Если фактический объем превосходит 10—12 стр., то следует его сократить до необходимого объема с сохранением сущности или самой идеи повествования. При этом делается ссылка: «печатается с сокращениями». В противном случае авторскую правку придется выполнять редакции.

Требования к фотографии:

- 1. Фотография должна быть портретной.
- 2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.
- 3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: astashkin_55@mail.ru — зав. отделом прозы Евгению Ивановичу Асташкину; поэзию — по адресу: timohin63@yandex.kz — зав. отделом поэзии Николаю Николаевичу Тимохину. Заказ экз. журнала — по адресу: elisafine@yandex.ru

С уважением, редакция журнала «Приокские зори»

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

Всероссийский литературно-художественный и публицистический журнал

Редакторы: А. А. Яшин, Н. Н. Тимохин, Я. Н. Шафран, Е. И. Асташкин Корректоры: А. А. Яшин, В. Г. Демидов Компьютерная верстка и изготовление оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для читателей старше 16 лет.

Журнал выходит в заказном тираже с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Дата выхода в свет 31.12.2023 Формат $70\times108/16$. Печ. л. 21,00 Печать офсетная. Бумага офсетная. Тираж по заказам, не более 999 экз. Заказ N_2

Отпечатано с готового оригинал-макета в Издательстве Тульского государственного университета. Адрес издательства: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92, тел. (4872)35-36-20

ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:

Орден Гаврилы Романовича Державина — знак литературнообщественной премии «Живи и жить давай другим...» (Г. Р. Державин «На рождение царицы Гремиславы» Л. А. Нарышкину)

Медаль «300 лет
Михаилу Васильевичу Ломоносову»—
в честь 300-летия со дня рождения
великого русского ученогоэнциклопедиста и основоположника
современной русской поэзии

Медаль к 190-летию со дня рождения великого русского поэта Николая Алексеевича Некрасова — знак лауреата Некрасовской литературной премии